

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

SOCIOLOGY

Издается с сентября 1997 г.
(до 2017 г. – под названием «Социология»)

Выходит один раз в квартал

1

2018

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор ДАНИЛОВ А. Н. – доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: a.danilov@tut.by

**Заместители
главного редактора** ГРИЩЕНКО Ж. М. – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: zhanna0607@mail.ru

РОТМАН Д. Г. – доктор социологических наук, профессор; директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: dgrotman@ Rambler.ru

**Ответственный
секретарь** КОБЯК О. В. – доктор социологических наук, доцент; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: aleh.kabiak@mail.ru

- Бабосов Е. М.* Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Бакиров В. С. Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Харьков, Украина.
Безнюк Д. К. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Бурова С. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Вятр Е. Европейская высшая школа права и управления, Варшава, Польша.
Галлиев Г. Т. Институт непрерывного и дополнительного образования, Уфа, Россия.
Гигин В. Ф. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Головаха Е. И. Институт социологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Горшков М. К. Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Москва, Россия.
Инглхарт Р. Ф. Мичиганский университет, Анн-Арбор, США.
Кечина Е. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Кизима С. А. Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Клингеман Х.-Д. Берлинский центр социальных наук, Берлин, Германия.
Коростелева Е. А. Кентский университет, Кентербери, Великобритания.
Курилович Н. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Кучко Е. Е. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лапина С. В. Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Лихачёв Н. Е. Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Матулионис А. Институт социологии Литвы, Вильнюс, Литва.
Рубанов А. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Рудь В. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь (зав. редакцией).
Симхович В. А. Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь.
Соколова Г. Н. Центр политической и экономической социологии Института социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Стёпин В. С. Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия.
Титаренко Л. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т. Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Филинская Л. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Херпфер К. Венский университет, Вена, Австрия.
Черняк Ю. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Чурилов Н. Н. Институт социологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Шавель С. А. Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Щелкова Т. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

- Editor-in-chief** **DANILOV A. N.**, doctor of science (sociology), full professor, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus; head of the department of sociology of the faculty of philosophy and social science of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: a.danilov@tut.by
- Deputy editor-in-chief** **GRISHCHENKO Zh. M.**, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of sociology of the faculty of philosophy and social science of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: zhanna0607@mail.ru
- ROTMAN D. G.**, doctor of science (sociology), full professor; director of the Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: dgrotman@rambler.ru
- Executive secretary** **KABIAK A. V.**, doctor of science (sociology), docent; professor at the department of sociology of the faculty of philosophy and social science of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: aleh.kabiak@mail.ru
- Babosov Y. M.** Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Bakirov V. S. Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine.
Beznyuk D. K. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Burova S. N. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Vyatr J. European School of Law and Administration, Warsaw, Poland.
Galliyev G. T. Institute of Continuous and Additional Education, Ufa, Russia.
Hihin V. F. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Golovakha E. I. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Gorshkov M. K. Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Inglehart R. F. University of Michigan, Ann Arbor, USA.
Kechina E. A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kizima S. A. Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Klingemann H.-D. Berlin Social Science Center, Berlin, Germany.
Korosteleva E. A. University of Kent, Canterbury, United Kingdom.
Kurilovich N. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kuchko E. E. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Lapina S. V. Academy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Likhachyov N. E. Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Matulionis A. Institute of Sociology of Lithuania, Vilnius, Lithuania.
Rubanau A. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Rud V. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus (head of the editorial staff).
Simkhovich V. A. Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus.
Sokolova G. N. Centre for Political and Economic Sociology of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Stepin V. S. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Titarenko L. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Filinskaya L. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Herpfer K. University of Vienna, Vienna, Austria.
Chernyak Y. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Churilov N. N. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Shavel S. A. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Shchyolkova T. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.

УДК 316.62+316.244

СВОБОДА И СПРАВЕДЛИВОСТЬ В ПОВЕДЕНИИ ЛЮДЕЙ: СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

А. В. РУБАНОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрено значение ценностей свободы и справедливости в поведении людей и развитии социальных движений. Проанализированы эволюция содержательного наполнения понятий свободы и справедливости в разные исторические времена, роль ориентации на них широких масс населения в революционных событиях во Франции в XVIII в. и в России в начале XX в. Указаны основные зоны обостренного восприятия и переживания феноменов свободы и справедливости в современном обществе. Отмечается, что свобода воспринимается прежде всего в связи с реализацией прав человека, свободой личностного самовыражения и выражения разного рода групповой идентичности. Основные нарушения социальной справедливости видятся в появлении сверхбогатой части населения и противоречиях стран богатого Севера и бедного Юга.

Ключевые слова: свобода; справедливость; социальное поведение; социальные движения; историческая социология.

FREEDOM AND JUSTICE IN HUMAN BEHAVIOR: SOCIO-HISTORICAL ESSAY

A. V. RUBANAU^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Meaning and understanding of freedom and justice in human behavior and social movements are explicated. Evolution of content of concepts of freedom and justice in various periods and their role in orientation of masses in revolutions in France in the 18th century and in Russia in the 20th century are analyzed. Main zones of intensive feelings about the phenomena of

Образец цитирования:

Рубанов А. В. Свобода и справедливость в поведении людей: социально-исторический очерк // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 1. С. 4–11.

For citation:

Rubanau A. V. Freedom and justice in human behavior: socio-historical essay. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 1. P. 4–11 (in Russ.).

Автор:

Анатолий Владимирович Рубанов – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Anatoly V. Rubanau, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social science.
sociology@bsu.by

freedom and justice in contemporary society are stated. Author argues that freedom is understood as closely related to realization of human rights, expression of personal freedom and group identity. Main violations of social justice are presented as results of contradictions between rich North and poor South.

Key words: freedom; justice; social behavior; social movements; historical sociology.

Свобода и справедливость – это важнейшие, чаще всего взаимосвязанные, ценностные ориентации и мотивы жизнедеятельности людей. В решающей степени они производны от оценки человеком своего личного положения и характера общественного строя. Однако представления об их содержательном наполнении в разные исторические эпохи имели весьма специфические особенности.

В античности состояние свободы (от лат. *libertas*) осознавалось двояким образом. Во-первых, как свободы от судьбы, иными словами, от предопределенности жизненного пути, которую связывали с богинями судьбы: Мойрами у древних греков и Парками у древних римлян. Разъясняя, как воспринимался тогда смысл понятия судьбы, А. Ф. Лосев писал, что «судьба есть нечто такое, что движет всем и в то же время непознаваемое» [1, с. 28]. Но он же говорит о том, что у древних греков вера в судьбу удивительным образом совмещалась со свободным использованием своей сознательной воли для реального устройства жизни [2, с. 69].

Вера в судьбу, с одной стороны, и желание противостать ей, самому определять свой жизненный путь, с другой, нашли свое отчетливое отражение в древних высказываниях и афоризмах. В первом случае это, например, известное изречение из Авесты «Судьба – царь над всеми и всем, ветер, от которого никто и никуда не может убежать» [3]. Далее это античные афоризмы, в которых в предельно четкой, лаконичной и доходчивой для понимания форме запечатлевались максимы жизненной мудрости: «Судьбы прокладывают путь» (*Fata vim inveniunt*) [4, с. 172], «Фортуна (судьба) слепа» (*Fortuna caeca est*) [4, с. 173], «Покориться судьбе» (*Vela fati dare*) [4, с. 176].

Во втором случае, воплощающем свободную волю и выбор человека, это такие античные афоризмы, как «Свою судьбу каждый находит сам» (*Fortunam suam quisque parat*) [4, с. 173], «У каждого в руках своя судьба» (*Sua cuique fortuna in manu est*) [4, с. 175], «Каждый кузнец своей судьбы» (*Suae quisque fortunae fortuna faber*) [4, с. 175] и др.

Одновременно свобода была осознана как общественная ценность, противоположность социальной несвободе, что выразилось в дилемме «свободный – раб» («ελευθερος – δουλος»). Наиболее четко и убедительно эта мысль выражена латинским афоризмом «Жизнь без свободы – ничто» (*Vita sine libertate – nihil*) [4, с. 59]. Отмечалось также, что положительное эмоциональное пережи-

вание состояния свободы обостряется при ее потере. По словам Цицерона, «Воспоминание неволи делает свободу еще слаще» (*Jucundiorum facit libertatem servitutis recordatio*) [4, с. 167].

Постулатами Сократа и Демокрита были определены важнейшие личностные условия достижения свободы. Во-первых, разум: «Человек как мыслящий есть мера всех вещей. Если ты мыслишь – ты свободен!» [5]. Во-вторых, воля: «Свободным я считаю того, кто ни на что не надеется и ничего не боится» [6].

Еще в античные времена были установлены ограничения свободы (они же – условия ее осуществления), зафиксированные, например, в словах Цицерона «Мы – рабы законов, чтобы быть свободными» (*Legum servi sumus, ut liberi simus*) [4, с. 165].

Первым представлением о справедливости, возникшем в древнем обществе, стал принцип талиона (от лат. *talis, talis* – такой же), или закон равного возмездия (*Lex talionis*), который уравнивал наказание с нанесенным ущербом. Данный принцип имел позитивное содержание, поскольку был противопоставлен неограниченной кровной мести за причиненный вред, потери и убытки.

Одно из первых упоминаний этого принципа встречается в Ветхом Завете в Книге Исход (21:23-25), где сказано, что «если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб» [7, с. 81]. В Книге Левит (24:20) этот принцип был впервые выражен известной формулой «око за око, зуб за зуб» [7, с. 129].

Дальнейшее развитие принцип справедливости получил в «золотом правиле этики». Сначала в его отрицательной формулировке: «не поступай с другим так, как не хочешь, чтобы поступали с тобой». В Нагорной проповеди (Евангелие от Матвея (21:12)) в абзаце «будьте справедливы» он принял положительную формулу «во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» [7, с. 1047].

О справедливости рассуждали древнегреческие философы. Платон видел справедливое государство там, где три различных по своей природе условия выполняют свои социальные обязанности исходя из преобладания в душе человека одного из трех начал: «разумного», «яростного» или «вожде-люющего». «Разумное» начало (способность рассуждать) свойственно философам; «яростное» («мужественное»), когда соблюдаются указания рассудка, отличает стражей; «вожде-люющее» (влюбчивость,

голод, жажда, стремление к наслаждениям) присуще земледельцам и ремесленникам. В соответствии с таким подходом человек является справедливым тогда, когда занимается своим делом сообразно с преобладанием в его душе одного из трех начал [8, с. 212–221].

Аристотель определяет справедливость схожим образом: это следование государственному благу, т. е. тому, что служит общей пользе. Развивая свою мысль, он уточняет, что, «по общему представлению, справедливость есть некое равенство» [9, с. 467]. Конкретизируя понимание равенства, завершает цепь рассуждений положением о том, что равенство справедливо «не для всех, а для равных; и неравенство также представляется справедливостью... но опять-таки не для всех, а лишь для неравных» [9, с. 459]. С этим его высказыванием связано известное деление справедливости на уравнивающую и распределяющую. Уравнивающая справедливость основана на «арифметическом равенстве», а сфера ее применения охватывает гражданско-правовые, в частности товарно-денежные, сделки, как-то: честный обмен, возмещение ущерба и др. Распределяющая справедливость исходит из принципа «геометрического равенства» и означает распределение общих благ пропорционально достоинству и личному вкладу граждан.

В социальной практике так называемая цензитарная система, при которой права и обязанности граждан «рассчитывались» не «арифметически» (простое равенство), а пропорционально или «геометрически» (больше прав – больше обязанностей и наоборот), была характерна для Древней Греции и особенно для Древнего Рима.

Оценка статуса и восприятие содержания справедливости в сознании античных людей наиболее ярко воплощены в афоризмах. Так, первый из этих афоризмов определяет справедливость в качестве основы организации социальной жизни: «Справедливость – основа общества» (*Justitia civitatis fundamentum*) [4, с. 92]. Второй афоризм напрямую увязывает осуществление справедливости с законодательной системой: «Справедливость следует за законом» (*Aequitas sequitur legem*) [4, с. 91].

Конкретизацию представлений античности о справедливости содержат, в частности, три других афоризма: «Справедливость есть постоянная и неизменная воля каждому воздавать по заслугам» (*Justitia est constans et perpetua voluntas suum cuique tribuere*) [4, с. 92]; «Справедливость требует, чтобы никто не обогащался незаконно и в ущерб другому лицу» (*Aequum est neminem cum alterius detrimento et in jurgia fieri locupletatorem*) [4, с. 91]; «Существуют два первоначала справедливости: никому не вредить и приносить пользу обществу» [10].

Осознание справедливости принципа равного воздаяния за содеянное в массовом сознании и повседневной жизни людей запечатлено в таких по-

говорках, как: «Безделье в юности – нищета в старости» (*Ἀκαμάτης νέος, γέρος διακονιάρης*), «Что посеешь, то и пожнешь» (*Ἄλλος σπέρνει καὶ τρυγᾷ, καὶ ἄλλος πίνει καὶ μεθάει*), «Никто не любит того, кто сам никого не любит» (*A nullo diligitur, qui neminem diligit*), «Жди от другого того, что сам ты сделал другому» (*Ab altero expectes, alteri quod feceris*) и др.

В христианской традиции свобода означает дарованную богом человеку возможность самому выбирать между добром, т. е. соблюдением его заповедей, и злом (грехом). В Соборном послании Святого апостола Иакова сказано: «Так говорите и так поступайте, как имеющие быть судимы по закону свободы» [7, с. 1197]. И далее «...Кто вникнет в закон совершенный, закон свободы и пребудет в нем, тот, будучи не слушателем забывчивым, но исполнителем дела, блажен будет в своем действовании» [7, с. 1196]. В Первом послании к коринфянам Апостол Павел продолжает развивать свою мысль: «Берегитесь, однако же, чтобы эта свобода ваша не послужила соблазном для немощных» [7, с. 1232].

В оценке справедливости позиция христианской церкви носила двойственный характер: представление о равенстве всех перед богом сочеталось с признанием социального неравенства как следствия грехопадения человека. В соответствии с известными словами Блаженного Августина: «Для христианина земная жизнь с ее социальной несправедливостью не должна иметь абсолютной ценности. Временные страдания служат упражнением в терпимости и оправданы жизнью человеческой души в вечности» [11].

Подобное религиозное по своему происхождению представление о свободе и справедливости доминировало в христианском средневековье. Но кроме религиозных истоков у этого представления был еще свой социальный подтекст, обусловленный особенностями устройства средневекового общества.

В силу сословно-иерархического устройства средневековому обществу был присущ широкий диапазон градаций свободы и зависимости. Сочетание прав сеньора и обязанностей вассала было характерно для любого члена феодальной иерархии, вплоть до возглавлявшего ее монарха, который или принес присягу верности императору, папе, или считался вассалом господина бога. В результате один и тот же человек мог быть одновременно и свободным, и несвободным – зависимым от своего сеньора и свободным по отношению к другим людям. К тому же права человека в Средние века не были его индивидуальными правами. Пользоваться ими он мог лишь как член корпорации, сословной группы [12, с. 176–181].

У известного исследователя средневековья Ж. Л. Гоффа по поводу понимания средневековым человеком свободы есть два метких высказывания:

«Свобода – это гарантированный статус» и «Свободный человек – это тот, у кого есть могущественный покровитель» [13, с. 262].

Во средневековье знало также массовые социальные действия, мотивированные стремлением к свободе.

Во-первых, это коммунальное движение IX–XIII вв., т. е. борьба общин (коммун – от лат. *communis*: общий) западноевропейских городов против сеньоров за вольности и привилегии, в конечном итоге за городское самоуправление. Первыми в их числе были коммуны итальянских городов: Венеции, Генуи, Флоренции, Болоньи, Равенны и др. Частично городские права и привилегии выкупались, частично завоевывались в результате вооруженной борьбы. Права и привилегии закреплялись в хартиях вольности. Так, статья 13 Великой Хартии Вольностей 1215 г., утвержденной английским королем Иоанном Безземельным, гласит: «И город Лондон должен иметь все древние вольности и свободные свои обычаи как на суше, так и на воде. Кроме того, мы желаем и соизволяем, чтобы все другие города и бургы, и местечки, и порты имели все вольности и свободные свои обычаи» [14].

Во-вторых, это движения крестьян за освобождение от личной зависимости и других форм неравенства, которые охватили страны Западной Европы в XII–XIV вв. Первоначально их действия носили большей частью относительно мирный характер и выражались в одних случаях в бегстве от прежних сеньоров на новые места, где они могли жить и трудиться в более выгодных для себя условиях. В других случаях это было бегство в города, население которых свободу обретало раньше, чем жители сельской местности. Нормой тогда стало правило, согласно которому убежавший в город сеньориально зависимый крестьянин, прожив там «год и один день», становился свободным. Освобождение крестьян существенно ускорилось и фактически было завершено под воздействием многочисленных крестьянских восстаний XIV в., крупнейшими из которых были Жакерия во Франции (1358) и восстание Уота Тайлера в Англии (1381) [15].

Третьим массовым освободительным движением в Западной и Центральной Европе в XVI – начале XVII в. стала Реформация, основу которой составила борьба за свободу вероисповедания. Сущность нового вероисповедания, раскрытая М. Лютером, заключалась в том, что человек достигает спасения души не благодаря церкви, а при помощи веры, даруемой ему непосредственно Богом. Особенности Реформации как социального движения состояли, во-первых, в сочетании религиозных, экономических и политических интересов и планов ее участников; во-вторых, в том, что в этой борьбе были представлены группы населения со специфиче-

скими, часто противоречивыми, интересами, религиозными и социальными представлениями. Это выразилось в наличии у Реформации трех ветвей: бюргерской (лидеры – А. Карлштадт и Г. Цвиллинг), рыцарской (У. фон Гуттен и Ф. фон Зиккинген) и крестьянской (Т. Мюнцер).

Наряду с борьбой за свободу причиной, во многом обуславливавшей массовые действия людей, по-прежнему были их представления о справедливости происходящего и особенно о той ситуации в которой они оказались сами. Автор исследования, посвященного народным движениям XVIII–XIX вв., Дж. Рюде отмечает, что «разумеется, в разных ситуациях массы вели себя по-разному, но общими чертами их поведения всегда оставались “прямое действие” и стремление, так или иначе, восстановить “элементарную естественную справедливость”». Крестьяне, продолжает он, верили, что по справедливости они имеют право владеть землей, городская беднота верила в свое право покупать хлеб по «справедливой цене», определяющейся опытом и обычаями, а рабочие – в свое право на «справедливую» заработную плату, не зависящую от произвола предпринимателей. Основные формы «прямого действия» выражали попытки восстановить «естественную справедливость» там, где, по мнению масс, она нарушалась. Забастовщики чаще всего разрушали средства производства и дома предпринимателей. Участники голодных бунтов совершали налеты на рынки, хлебные лавки и устанавливали «снизу» контроль над ценами. Бунтовщики в сельской местности сносили изгороди, ломали молотилки, разрушали работные дома и т. п. [16, с. 224].

Особое место в развитии европейского общества, особенно его духовной сферы, занимает эпоха Возрождения, хронологически пришедшаяся в основном на XIV–XVI вв. В эпицентре культурной и жизненной практики Возрождения находились человек и его свободная деятельность.

Суть эпохи Возрождения составило стихийное самоутверждение человеческого субъекта. Самоутверждался, по выражению А. Ф. Лосева, крупный, сильный и независимый человек, который, «не будучи связан ни с чем другим, утверждал себя стихийно, а будучи единственным и окончательным создателем своего собственного продукта, утверждал себя еще и артистически» [17, с. 608]. Но у такого свободного, ничем неограниченного самоутверждения была и обратная сторона. Пороки и преступления существовали во все эпохи, но теперь в них не калялись. Основа этой обратной стороны та же – стихийно-индивидуалистическая ориентация человека, мечтавшего быть освобожденным от всего объективно значащего и признававшего только свои внутренние нужды и потребности [17, с. 136–137].

Новый этап борьбы за свободу и справедливость, связанный с деятельностью третьего сословия, был направлен против сословно-иерархического устройства феодального общества и привилегий господствующих классов – дворян и духовенства.

Наиболее авторитетный ответ на вопрос: «Что такое третье сословие?» – принадлежит, как представляется, автору одноименной брошюры, изданной в январе 1789 г., Э.-Ж. Сийесу. Прежде всего он пишет, что «третье сословие обнимает все, что относится к нации; и все, что не заключается в третьем сословии, не может считаться частью нации». Обуславливает он это тем, что с данным сословием связаны все виды трудовой деятельности («частного труда», в выражении Э.-Ж. Сийеса) и девятнадцать двадцатых общественной деятельности (военное дело, суд, церковь и администрация), «с той лишь особенностью, что на него возложено все, что есть в ней самого трудного и от чего отказывается привилегированное сословие». Второе главное отличие этой социальной группы состоит в том, что «к третьему сословию, в сущности, принадлежат только граждане, не запятнанные никакой привилегией» [18].

Классическое идейно-ценностное выражение, кратко сформулированное в лозунге «Свобода, Равенство, Братство», борьба третьего сословия нашла во времена Великой Французской революции.

Из составляющих этой знаменитой триады наибольшей популярностью тогда пользовался лозунг «Свобода». Это не было случайным явлением. С одной стороны, тогда было живо представление о сословно-корпоративных свободах, которые основывались на устоявшихся традициях и выражались в форме привилегий, существование которых было одним из проявлений юридического неравенства, царившего во французском обществе Старого порядка. С другой стороны, появилась мысль о свободе как естественном и неотъемлемом праве каждого человека, т. е. свободе, неотделимой от равенства. Деятели французской революции восприняли ее именно в этой трактовке и сделали своим знаменем [19].

Содержание понятий «Свобода» и «Равенство» первоначально было определено в Декларации прав человека и гражданина 1789 г. следующим образом. «Свобода состоит в возможности делать все, что не приносит вреда другому. Таким образом, осуществление естественных прав каждого человека встречает лишь те границы, которые обеспечивают прочим членам общества пользование теми же самыми правами. Границы эти могут быть определены законом» [20, ст. 4].

«Закон... должен быть равным для всех как в тех случаях, когда он оказывает свое покровительство, так и в тех, когда он карает. Всем гражданам ввиду их равенства перед законом открыт в равной мере

доступ ко всем общественным должностям, местам и службам сообразно их способностям и без каких-либо иных различий, кроме обуславливаемых их добродетелями и способностями» [20, ст. 6].

Идея равенства всех людей перед законом применительно к той общественной ситуации, во-первых, в наибольшей мере способствовала реализации идеалов свободы, во-вторых, в наиболее концентрированном виде воплощала в себе требование социальной справедливости.

Несколько позже в ст. 2 раздела «Обязанности» Декларации прав и обязанностей человека и гражданина 1795 г. содержание третьей части лозунга «Братство» было раскрыто в христианской традиции следующим образом: «Все обязанности человека и гражданина вытекают из следующих двух принципов, заключенных во всех сердцах от природы. Не делайте другому того, что вы не хотите, чтобы сделали вам. Постоянно делайте другим то доброе, что вы хотели бы получить сами» [21].

Своеобразный характер носили идейно-ценностные основания действий широких масс населения в период революционных событий в России в 1917 г. Во время Февральской буржуазно-демократической революции доминировали лозунги свободы: «Долой самодержавие!», «Долой царское правительство!», «Да здравствует республика!», «Да здравствует свобода!». Великая Октябрьская социалистическая революция совершалась под «лозунгами социальной справедливости»: «Земля – крестьянам!», «Фабрики – рабочим!», «Мир – народам!».

Говоря о лозунге «Свобода», уместно вспомнить тезис П. А. Сорокина о двух стадиях, характеризующих любую революцию: стадии свободы и стадии порядка. Отличающее первую стадию «требование безграничной свободы, – писал он в 1923 г. по следам российских революционных событий, – сменяется жаждой порядка; хвала «освободителям» от старого режима сменяется восхвалением «освободителей» от революции, иными словами, – организаторов порядка. «Порядок!» и «Да здравствуют творцы порядка!» – таков всеобщий порыв второй стадии революции. Таковыми были Рим во времена Цезаря и Августа, Богемия под конец революции (гуситских войн), Англия во времена протектората Кромвеля, Франция при восхождении Наполеона, такой является сейчас Россия» [22, с. 293].

Что касается восприятия и переживания людьми феномена свободы в наши дни, то проявляются они, как представляется, в трех основных измерениях:

- во-первых, как права человека, в традиции, идущей от Декларации прав человека и гражданина 1789 г., где сказано, что люди рождаются и остаются свободными и равными в правах, а цель каждого государственного союза составляет обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека,

каковыми являются свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению;

- во-вторых, как свобода самовыражения, творческой инициативы и активности, или самоактуализации, в терминологии создателей гуманистической психологии;

- в-третьих, как свобода выражения национальной, религиозной, культурной, региональной, групповой и другой идентичности в условиях нивелирующих глобализационных процессов.

Но истории, как известно, знаком и феномен «бегства от свободы», который рассматривал Э. Фромм при выяснении социально-психологических оснований распространения нацистской идеологии. Феномен «бегства от свободы» возникает в ситуации, когда человек должен самостоятельно, на свой страх и риск принимать решения по важнейшим вопросам своей жизни и нести ответственность за их последствия. Стремясь преодолеть возникающее в этой обстановке чувство неуверенности, а порой и бессилия, он, отмечает Фромм, находит выход в слиянии с кем-то или чем-то более сильным, способным возместить недостающую ему уверенность в себе, взять ответственность за результаты его поступков. Следствием этого является формирование так называемой авторитарной личности [23].

Начало другой линии объяснения ухода человека от свободы, теперь уже в условиях формирования потребительского общества, связано с именем Г. Маркузе и его концепцией «одномерного человека». «Одномерный человек» – это конформист, поглощенный настоящим временем и лишенный взгляда в будущее, легко поддающийся манипулированию, чьи естественные влечения и потребности извращены потребительской ориентацией. Одномерности человека Маркузе противопоставлял его двумерность, т. е. наличие внутреннего мира, критичность в отношении к условиям своего существования, свободный осознанный выбор жизненных ценностей [24].

Развивая свои идеи в духе данной традиции, Ж. Бодрийяр основополагающим признаком современного общества считает его символический характер, когда предметы потребления начинают восприниматься не в соответствии с их прямой полезностью, а через призму так называемого кода сигнификации (смысла). Это означает, что их потребительская стоимость заменяется символической стоимостью, и товары приобретаются людьми в первую очередь потому, что они являются знаками престижа, власти и благополучия [25].

Ф. Джеймсон ключ к пониманию современного капитализма видит в том, что он существенно расширил сферу коммодификации, т. е. процесса, в ходе которого все большее число различных видов деятельности обретают денежную стоимость

и фактически становятся товарами. Что касается поведения людей, то к нему больше всего подходит выражение: «Плывут по течению».

Дж. Ритцер разработал теорию макдональдизации современного общества, сравнивая его с рестораном быстрого питания, построенным на использовании четырех измерений формальной рациональности: эффективности, предсказуемости, акценте на количестве, а не на качестве и унификации операций [26].

Проблему свободы в современном обществе особым образом анализирует З. Бауман. Капитализм определяет свободу, отмечает он, как способность руководить своим поведением исключительно посредством схемы «средство – цель». Поэтому в свободе в ее современной версии, привязанной к капитализму, делает З. Бауман вывод, «есть принципиальная двойственность. Эффективность свободы требует, чтобы какие-то другие люди оставались несвободны. Таким образом, свобода в ее современной экономически определенной форме... как и прежде, селективна. Действительно достичь ее (а не просто философски постулировать) может лишь часть общества» [27, с. 64].

В оценке проблемы социальной справедливости, пожалуй, наиболее известными являются сегодня идеи Дж. Роулза. Согласно его подходу любое общество, чтобы в обстановке противоречивости интересов и взглядов избежать сбоя в своем функционировании и развитии, должно выработать и реализовать в повседневной жизненной практике принимаемую как минимум большей частью населения концепцию социальной справедливости. Ее наличие означает, что люди понимают необходимость набора принципов социального сотрудничества, определяющих основные права и обязанности, включая распределение благ и тягот общественной жизни [28].

Основная трудность на пути достижения согласия по поводу содержания «своей концепции справедливости» состоит в том, что каждый человек, зная о своем положении в обществе, собственных способностях, достоинствах и недостатках, отдает предпочтение тем принципам справедливости, которые смогут создать для него наиболее благоприятные условия доступа к социальным благам. Так, низы общества в противовес принципу «равенства возможностей» выдвинули идею «равенства результатов», а новая интеллектуальная элита – принцип меритократии, т. е. власти и привилегий группы, вносящей наибольший вклад в благосостояние общества. Тем не менее в современном обществе доминирующим в оценке справедливости является представление о необходимости обеспечения равных стартовых возможностей в начале жизненного пути.

Что касается наиболее обостренного восприятия и переживания людьми феномена социальной справедливости в наши дни, то оно проявляется в двух основных сферах:

- во-первых, в появлении сверхбогатой части населения, которая к тому же начинает занимать управляющие высоты в различных сферах организации современного миропорядка;
- во-вторых, в противоречиях стран богатого Севера и бедного Юга, порождающих многочисленные национальные и религиозные движения и конфликты.

В первом случае особый интерес представляют исследования новейших тенденций и перспектив социальной стратификации, связанные, в частности, с работами Т. Пикетти «Капитал в XXI веке» и др. В них Пикетти делает вывод о том, что неравенства в распределении материальных благ и богатств растут и до 2070-х гг. будут расти. Этот прогноз он обосновывает тем, что прибыль на капитал стремится превышать уровень экономического роста. Богатства 1 %, а еще в большей степе-

ни – 0,1 % преуспевающей части населения растут в 2–3 раза быстрее экономики в целом. Другими словами, капитал и власть, которые получены по наследству (по рождению), становятся важнее трудовых усилий и таланта человека. Совет Т. Пикетти тем, кто управляет государством: регулируйте накопление капитала политическими средствами [29].

Подводя итог сказанному, можно сделать следующие основные выводы:

- 1) ценности свободы и справедливости играют чрезвычайно важную роль в жизни и деятельности людей, развитии массовых социальных движений;
- 2) даже в европейской истории конкретное содержательное наполнение понятий свободы и справедливости в разные периоды общественного развития носило весьма своеобразный, отличный от других времен характер;
- 3) в современном обществе достаточно отчетливо обозначились специфические для него, отчасти новые зоны и проблемы обостренного восприятия людьми ценностей свободы и справедливости.

Библиографические ссылки

1. Лосев А. Ф. Признавая абсолютную истину // Студен. меридиан. 1991. № 10.
2. Лосев А. Ф. Античная философия и общественно-экономические формации. Два очерка // Античность как тип культуры. М., 1988.
3. Древний Иран. Из книги Авеста [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wisdoms.ru/drev/d7.html> (дата обращения: 17.07.2017).
4. Казаченок Т. Г., Громыко И. Н. Античные афоризмы. Минск : Вышэйш. шк., 1987.
5. Афоризмы о свободе, высказывания о свободе [Электронный ресурс]. URL: <http://moudrost.ru/tema/svoboda-2.html> (дата обращения: 27.02.2018).
6. Афоризмы о свободе, высказывания о свободе [Электронный ресурс]. URL: <http://moudrost.ru/tema/svoboda-1.html> (дата обращения: 27.02.2018).
7. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. М. : Рос. библ. о-во, 2002.
8. Платон. Государство // Собр. соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1994. Т. 3.
9. Аристотель. Политика // Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1983. Т. 4.
10. Цицерон. Цитаты. Высказывания [Электронный ресурс]. URL: http://citatu.com.ua/vyskazyvaniya/sushchestvuet_dva_pervonachala_spravedlivosti/ (дата обращения: 15.07.2017).
11. Идея справедливости Августина [Электронный ресурс]. URL: <https://lektsii.org/9-40357.html> (дата обращения: 10.09.2017).
12. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М. : Искусство, 1984.
13. Гофф Ж. Л. Цивилизация Средневекового Запада. М. : Прогресс, 1992.
14. Король Иоанн. Великая Хартия Вольностей [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/INOOLD/ENGLAND/hartia.txt_with-big-pictures.html# (дата обращения: 10.04.2017).
15. Сказкин С. Д. Очерки по истории западно-европейского крестьянства в средние века [Электронный ресурс]. URL: http://www.history-lib.org/historybooks/S-D--Skazkin_Ocherki-po-istorii-zapadno-evropeyskogo-krestyanstva-v-srednie-veka/ (дата обращения: 10.05.2017).
16. Рюде Дж. Народные низы в истории. 1730–1848. М. : Прогресс, 1984.
17. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М. : Мысль, 1982.
18. Сийес Э.-Ж. Что такое третье сословие? [Электронный ресурс]. URL: http://istmat.info/files/uploads/28691/sieyes_que-un-tel-troisie-me-etat.pdf (дата обращения: 12.05.2017).
19. Пименова Л. А. Идея свободы во Французской революции XVIII в. [Электронный ресурс] // Новая и новейшая история. 1992. № 1. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/ECCE/LIBERTE.HTM> (дата обращения: 10.05.2017).
20. Декларация прав человека и гражданина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.agitclub.ru/museum/revolution1/1789/declaration.htm> (дата обращения: 10.02.2018).
21. Конституция Франции 5 фрюктидора III г. (22 августа 1795 г.). 1997–2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1795.htm> (дата обращения: 10.05.2017).
22. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М. : Политиздат, 1992.
23. Фромм Э. Бегство от свободы. М. : Прогресс, 1990.
24. Маркузе Г. Одномерный человек. М. : АСТ, 2002.

25. Бодрийяр Ж. Система вещей. М. : Рудомино, 1995.
26. Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб. : Питер, 2002.
27. Бауман З. Свобода. М. : Новое изд-во, 2006.
28. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск : Изд-во Новосибир. гос. ун-та, 1995.
29. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015.

References

1. Losev A. F. [Recognizing the absolute truth]. *Stud. meridian*. 1991. No. 10. P. 28 (in Russ.).
2. Losev A. F. [Ancient philosophy and socio-economic formations. Two Essays]. *Antichnost' kak tip kul'tury* [Antiquity as a type of culture]. Moscow, 1988. P. 6–77 (in Russ.).
3. [Ancient Iran. From the book of Avesta]. URL: <http://www.wisdoms.ru/drev/d7.html> (date of access: 17.07.2017) (in Russ.).
4. Kazachenok T. G., Gromyko I. N. *Antichnye aforizmy* [Antique aphorisms]. Minsk : Vysheyshaya shkola, 1987 (in Russ.).
5. [Aphorisms about freedom, statements about freedom]. URL: <http://moudrost.ru/tema/svoboda-2.html> (date of access: 27.02.2018) (in Russ.).
6. [Aphorisms about freedom, statements about freedom]. URL: <http://moudrost.ru/tema/svoboda-1.html> (date of access: 27.02.2018) (in Russ.).
7. Bibliya. Knigi Svyashchennogo pisaniya Vetkhogo i Novogo zaveta [Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments]. Moscow : Russian Biblical Society, 2002 (in Russ.).
8. Platon. Gosudarstvo [State]. *Sobranie sochinenii* : in 4 vols. Moscow : Mysl', 1994. Vol. 3. P. 79–420 (in Russ.).
9. Aristotle. Politika. Sochineniya : in 4 vols. Moscow : Mysl', 1983. Vol. 4. P. 375–644 (in Russ.).
10. Cicero. [Quotes. Statements]. URL: http://citatu.com.ua/vyskazyvaniya/sushchestvuet_dva_pervonachala_spravedlivosti/ (date of access: 15.07.2017) (in Russ.).
11. [The idea of Augustine's justice]. URL: <https://lektiv.org/9-40357.html> (date of access: 10.09.2017) (in Russ.).
12. Gurevich A. Y. Kategorii srednevekovoi kul'tury [Categories of medieval culture]. Moscow : Iskusstvo, 1984 (in Russ.).
13. Le Goff J. Tsvivilizatsiya Srednevekovogo Zapada [Civilization of the Medieval West]. Moscow : Progress, 1992 (in Russ.).
14. King John. [Magna Carta]. 2001. URL: http://lib.ru/INOOLD/ENGLAND/hartia.txt_with-big-pictures.html# (date of access: 10.04.2017) (in Russ.).
15. Skazkin S. D. [Essays on the history of the Western European peasantry in the Middle Ages]. URL: http://www.historylib.org/historybooks/S-D--Skazkin_Ocherki-po-istorii-zapadno-evropeyskogo-krestyanstva-v-srednie-veka/ (date of access: 10.05.2017) (in Russ.).
16. Rude J. Narodnye nizy v istorii [The crowd in History. 1730–1848]. Moscow : Progress, 1984 (in Russ.).
17. Losev A. F. Estetika Vozrozhdeniya [Aesthetics of the Renaissance]. Moscow : Mysl', 1982 (in Russ.).
18. Sieyes E.-J. [What is the third estate?]. URL: http://istmat.info/files/uploads/28691/sieyes_que-un-tel-troisie-me-etat.pdf (date of access: 12.05.2017) (in Russ.).
19. Pimenova L. A. [The idea of freedom in the French Revolution of the XVIII century]. *Novaya i noveishaya istoriya* [New and recent history]. 1992. No. 1. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/ECCE/LIBERTE.HTM> (date of access: 10.05.2017) (in Russ.).
20. [Declaration of the rights of man and citizen]. URL: <http://www.agitclub.ru/museum/revolution1/1789/declaration.htm> (date of access: 10.08.2017) (in Russ.).
21. [Constitution of France 5 Fructidor III (August 22, 1795)]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1795.htm> (date of access: 10.05.2017) (in Russ.).
22. Sorokin P. A. Chelovek. Tsvivilizatsiya. Obshchestvo [Personality. Culture. Society]. Moscow : Politizdat, 1992 (in Russ.).
23. Fromm E. Begstvo ot svobody [The fear of freedom]. Moscow : Progress, 1990 (in Russ.).
24. Marquise H. [One-dimensional man]. Moscow : AST, 2002 (in Russ.).
25. Baudrillard J. Sistema veshchei [The System of Objects]. Moscow : Rudomino, 1995 (in Russ.).
26. Ritzer G. Sovremennye sotsiologicheskie teorii [Modern sociological theories]. Saint Petersburg : Piter, 2002 (in Russ.).
27. Bauman Z. Svoboda [Freedom]. Moscow : New Publ. house, 2006 (in Russ.).
28. Rawls J. Teoriya spravedlivosti [The theory of justice]. Novosibirsk : Publ. of Novosib. State Univ., 1995 (in Russ.).
29. Piketty T. Kapital v XXI veke [Capital in the XXI century]. Moscow : Ad Margin Press, 2015 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 20.12.2017.
Received by editorial board 20.12.2017.

Р. С. 17 февраля 2018 г. известный белорусский социолог доктор социологических наук, профессор, ученый, много сделавший для развития социологической науки и образования в нашей стране Анатолий Владимирович Рубанов отметил свое 60-летие. За плечами юбиляра большой жизненный путь, работа в Национальной академии наук, Минском научно-исследовательском институте социально-экономических и политических проблем при Мингорисполкоме, Белорусском государственном университете на должности декана факультета философии и социальных наук. Сегодня, работая профессором кафедры социологии, Анатолий Владимирович, как и прежде, инициативен, трудолюбив, эффективен, всегда готов прийти на помощь своим коллегам, подставить плечо в трудную минуту.

Коллектив кафедры социологии поздравляет Анатолия Владимировича с юбилеем, с награждением Знаком Министерства образования Республики Беларусь «Отличник образования», желает ему здоровья, счастья, благополучия и новых творческих свершений!

УДК 316.334.3

КРИЗИС ПАНАТЛАНТИЗМА И «УСКОЛЬЗАЮЩАЯ РЕАЛЬНОСТЬ»

И. И. АНТОНОВИЧ¹⁾

¹⁾Институт социальных исследований, Российская академия наук,
ул. Фотиевой, 6, корп. 1, 119333, г. Москва, Россия

На основе анализа глобальной и геополитической динамики сделан вывод о том, что господство Запада, опиравшееся на идеологию и стратегию панатлантизма и продолжавшееся более чем 500 лет, было прервано существованием альтернативной силы – мирового социалистического содружества во главе с Советским Союзом – и так и не восстановилось после распада СССР. Утверждается, что кризис панатлантизма, обострение противоречий между двумя его субъектами – США и ЕС – несет серьезную угрозу миропорядку, так как США и те страны ЕС, которые безоговорочно подчиняются американскому диктату, видят решение своих проблем в увеличении силового давления на мир, которое выражается в гибридных войнах в различных регионах мира и подготовке к новой мировой войне.

Ключевые слова: панатлантизм; глобализация; миропорядок.

CRISIS OF PANATLANTICISM AND «ELUSIVE REALITY»

I. I. ANTONOVICH^a

^aInstitute of Socio-Political Researches, Russian Academy of Sciences,
6 Fotievoi Street, 1 building, Moscow 119333, Russia

The article comes to the conclusion, using the analysis of global and geopolitical dynamics, that the dominance of the West, based on the ideology and strategy of panatlantism which covered the period of more than five hundred years of world history, though interrupted by the existence of the alternative world force – the alliance of the socialist states headed by the USSR, has not been restated after falling apart of the Soviet Union. The author comes to the conclusion that the crisis of panatlantism leading to the strengthening of contradictions between its two subjects – United States and European Union contains a serious threat to the world order as the USA and the countries of the EU that are obediently following American lead see the solutions of their problems in the different regions of the world and preparing for the new world war.

Key words: panatlantism; globalization; world order.

Фраза «ускользающая реальность» принадлежит А. Меркель, которая таким образом прокомментировала трудности формирования правящей коалиции и отказ нескольких небольших партий от сотрудничества с ее партией, победившей, но не набравшей необходимого большинства голосов. Эта фраза свидетельствует о падении авторитета самой А. Меркель. Еще недавно немцы с теплотой называли ее «мама Меркель» (*Mutti Merkel*), а сей-

час в прессе нередко используют определение «бабушка Меркель» (*Grossmutter Merkel*), которое отражает уже другое отношение: вместо симпатии и надежды в нем звучит намек на то, что ей пора уходить. Когда Социально-демократическая партия Германии (СДПГ) и Христианско-демократический союз (ХДСП), наконец, подписали соглашение о коалиции (его социал-демократы должны были утвердить на съезде), немецкая печать отреагиро-

Образец цитирования:

Антонович И. И. Кризис панатлантизма и «ускользающая реальность» // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 1. С. 12–20.

For citation:

Antonovich I. I. Crisis of panatlantism and «elusive reality». *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 1. P. 12–20 (in Russ.).

Автор:

Иван Иванович Антонович – доктор философских наук, профессор; главный научный сотрудник.

Author:

Ivan I. Antonovich, doctor of science (philosophy), full professor; principal researcher.
iantonovich@mail.ru

вала еще более жестко: отмечалось, что, если съезд не удовлетворит соглашение и председатель СДПГ М. Шульц подаст в отставку, на его место придут сразу несколько столь же достойных людей, но если в отставку «выдавят» канцлера, на это место не найдут никого. Писали также, что все силы А. Меркель были растрчены на то, чтобы избавиться от соперников, а делами Германии заниматься ей было некогда. Неслучайно в академическом сообществе Германии столь сильны прогнозы ее упадка [1, р. 61–135; 2, с. 25–35]. В столицах двух ведущих держав Атлантического сообщества – Вашингтоне и Берлине – царят напряженность и конфликт, в каждой по-своему.

В западной печати, как в публицистике, так и в теоретических исследованиях, устойчиво закрепились тема институционализации кризиса как фактора современной глобализации. Если раньше об этом говорилось в контексте других государств, то сейчас панатлантисты вынуждены писать это применительно к своим странам. Все реже этому пытаются найти оправдание, подчеркивая, что глобализация подразумевает не только единство стратегии и ценностей, но и признание различий, а всякий этап кризиса должен смениться этапом подъема, однако к лучшему настроение не меняется. Ведущей идеей, характеризующей современный этап глобализации, неизменно присутствовавшей в общественном мнении США и ЕС, была идея господства панатлантизма как идеологии, системы ценностей, экономической практики, социально-политического регулирования. Нынешняя волна пессимизма, буквально захватившая общественное сознание ведущих стран этого региона, утопила данную формулу в предсказании неизбежного кризиса, упадка и опасности новой войны.

Собственно, основания для пессимистических оценок есть. Не могут выйти из политического хаоса США, где одни обвинения политиков сменяют другие, публицистические и правовые атаки на Д. Трампа чередуются с контратаками, и страна живет в состоянии нервного возбуждения с момента инаугурации нынешнего президента. Раскол общества достиг невероятных пределов. Пути к примирению не просматриваются. Одна сторона, демократическая, по-прежнему выражает надежду на то, что удастся прекратить президентство Д. Трампа выдвижением обвинений, которые смогут привести к импичменту; другая сторона, республиканская, понимает, что с досрочным уходом президента партии будет нанесен непоправимый урон, поэтому сопротивляется, намереваясь обеспечить Д. Трампу хотя бы полный первый четырехлетний срок.

В этой атмосфере на поверхность политического процесса США на передний план выходят мощные консервативные силы так называемого глубинного государства (*deep state*), которые пытаются навязать

власти курс силового восстановления влияния США в мире. Это сводится к постоянной разработке предложений по стратегическому курсу «принуждения к повиновению» всего мира целям американской внешней политики, ориентации на будущее управление глобальными процессами и т. д. В обществе обнажаются такие застарелые проблемы, как социальное неравенство, нерешенность этнических проблем, неурегулированность миграционных процессов и, самое главное, анахронизм и устарелость технологий демократической смены власти, которая давно уже не подчиняется народному волеизъявлению, став жертвой политических, избирательных и прочих технологий.

Не лучше обстоит дело и во втором столь же мощном субъекте Атлантического сообщества – ЕС. Определенный оптимизм, распространявшийся в течение длительного времени через СМИ стран ЕС со ссылкой на европейскую систему ценностей – солидарность, взаимовыручку и взаимопомощь, – сменился раздраженностью и конфликтностью, взаимными обвинениями и тоскливой оценкой будущего. В 2017 г. как для Великобритании, так и для ЕС в целом стали очевидны трагические последствия брексита. Была нарушена благостная атмосфера единства, обнаружилось, что существовала она только на поверхности.

В реальности европейская солидарность оказалась намного слабее той во многом пропагандистской схемы, которую рисовали ее идеологи. Особенно мощным ударом стал политический кризис Германии, возникший в результате неспособности на протяжении длительного времени сформировать новое правительство, ввиду того что ни одна из ведущих партий не смогла набрать квалифицированного большинства голосов. Страна, которая в течение более 10 лет перетягивала на себя реальную власть и влияние в ЕС (излюбленным было повторение немцами фразы «Германия – мотор Евросоюза») оказалась подавленной массовой эмиграцией, с которой она явно не может справиться, и параличом политической власти, чего не наблюдалось ни разу после окончания Второй мировой войны.

Сегодня в Атлантическом сообществе никто не говорит о трансатлантическом единстве и мало кто может найти доброе слово для характеристики социально-политического здоровья отдельных стран. Небольшие страны Европы продемонстрировали определенный бунт, когда отказались принять мигрантские массы, опасаясь, что будет растворено этническое единство и идентичность их народов. Ведущие страны ЕС стали «лечить» мигрантскую проблему испытанными способами: Германия выдворила из своей страны 300 тыс. беженцев, лишённых, по ее мнению, оснований просить политического убежища. Они перекочевали в соседнюю Францию, организовали там палаточные городки

и вступили в противоборство с местными властями, напоминая акты гражданской войны.

Проблему референдума об отделении Каталонии от Испании до сих пор не удается решить в правовом поле. Это усиливает националистическую ориентацию ряда европейских стран, которая, как, скажем, в случае Венгрии и Польши, выливается во внутривосточную фронду. ЕС как международный субъект нового типа не свершился. Идеи общеевропейского дома, единой европейской солидарности, общих ценностей в некоторой степени звучат как лишённые реального содержания лозунги. Сегодня ясно, что США, скептически относящиеся к ЕС и его внутренним проблемам, рассматривали его во многом как форму «дружественного» расширения трансатлантического сообщества на восток. Когда экспансия остановилась и эта стратегия задохнулась в устойчивости украинского кризиса, все проблемы внутреннего порядка вышли на поверхность.

США и ЕС обвиняют друг друга в оказании друг другу недостаточной помощи. Рассчитывая на сочувствие избирателей (и это само по себе было индикатором отношения американцев к ЕС), Д. Трамп высказал много критических замечаний в адрес отдельных европейских стран, ЕС в целом, НАТО. Пока восстановить нити былой связи ЕС и США не удастся. Дело доходит до абсурда: на столе у Д. Трампа лежит приглашение посетить Великобританию. Повод для визита очень благоприятный – введение в строй нового помпезного здания посольства США в Великобритании стоимостью в миллиард долларов США. Однако американский президент не спешит с визитом, как бы ни уговаривали его британские власти.

Конечно, британскую сторону можно понять: выйдя из ЕС и потеряв там многие экономические преимущества, Великобритания стремится срочно компенсировать эти потери даже демонстративно близкими отношениями с США. Руководящие круги Великобритании буквально уговаривают США обратить на них внимание.

В редакционной статье одного из наиболее популярных журналов Великобритании «The Economist» в январе 2018 г. отмечалось: «Особые отношения (между США и Великобританией. – И. А.) гораздо более важны для нас, чем когда-либо со времени падения Берлинской стены. Очевидной причиной этому является брексит: другого способа ввести Великобританию в постевропейское будущее, кроме заключения новой торговой сделки с самой крупной экономикой мира, нет. Есть, конечно, и более тонкие причины. Великобритания и Америка являются чемпионами либерализма, которому нанесен большой удар со стороны популизма. Усиление их связей, которые окрепли в войнах между нациз-

мом, а потом коммунизмом, являются лучшим средством напомнить обоим странам об их общем либеральном наследии»¹ [3, р. 36].

У Великобритании есть основания для беспокойства. В ходе Второй мировой войны, в 1943 г., Рузвельт и Черчилль подписали тайное соглашение, в силу которого отныне и навеки Великобритания должна была согласовывать свои внешнеполитические и внешнеэкономические решения с США (а не наоборот!). Это вассальство в течение десятилетий доказывалось всеми руководителями Великобритании. Сейчас равнодушие США вызывает у англичан чувство недоумения и расценивается как свидетельство неблагодарности. Им трудно понять, что Д. Трамп боится приезжать в Великобританию, поскольку не желает мощного взрыва протестов: настроения рядовых англичан приняли довольно неприятное для США направление.

В журнале «The Economist» утверждалось, что надежда британского премьер-министра Т. Блэра, сервильно согласившегося принять участие вместе с США в нападении на Ирак в 2003 г., на то, что Великобритания станет своего рода Грецией для США, как Греция в свое время была опорой для Римской империи, рухнула. Почти в отчаянии автор восклицает: «Америка значит много больше для Великобритании, чем Британия для Америки» [3, р. 36].

Геополитическая ситуация в мире дает не так много причин для оптимизма как Великобритании, так и США. Есть основания полагать, что панатлантизм, как стратегия объединения западных государств в единое геополитическое целое, входит в затяжную полосу кризиса. И в этом смысле некоторые аналогии с прошлым столетием поучительны.

Вступив в Первую мировую войну исключительно в целях раздела сфер влияния, территорий и грабежа чужих богатств, западные страны впервые четко продемонстрировали миру, что экономический интерес, стремление к прибыли и наживе определяли их политику, став источником смертоносной войны, которую сейчас называют еще «великая война» (*la grande guerre*).

США вступили в войну, когда ее исход в пользу стран Антанты был предрешен. Доводя его до победного конца, США обеспечили себе роль главного арбитра, которому во многом должны были подчиниться ведущие европейские государства, изнуренные войной. В 1945 г. ситуация во многом повторилась, с той только разницей, что Америка выступала уже не как арбитр, а как главный распорядитель делами разрушенной Западной Европы. Англия однозначно ушла из мировой политики, а другие страны Европы лежали в руинах.

США, однако, тогда беспокоило другое. По итогам Второй мировой войны впервые за 500-летнюю историю геополитического и цивилизацион-

¹Здесь и далее перевод наш. – И. А.

ного рывка Запада его господство было серьезно поколеблено. Впервые в мировой истории Советский Союз объединил под своим лидерством весь славянский мир, от Польши до Югославии, и создал себе «кордон безопасности» в Европе.

События перестройки и 1991 г., казалось, восстановили господство Атлантического сообщества, однако триумф был недолгим. Проиграв несколько войн, не добившись победы в военных акциях в Ираке, Ливии, Сирии и Афганистане, ослабленные экономическим кризисом 2008 г., фактом неспособности демократических процедур обеспечить устойчивое политическое пространство внутри западных стран, которое дало бы возможность осуществить назревшие реформы, Атлантическое сообщество столкнулось с новым кризисом и его трудной преодолимостью без решительных действий революционно-трансформативного характера. Более того, из экономической сферы кризис переместился в политическую.

Очевидно, новые лидеры, которых выдвинули демократические системы западных государств, не обладают способностью к необходимым позитивным трансформациям в обществе. Французы говорят о том, что над Атлантикой «должен повеять новый ветер» [4, р. 7]. Вновь избранный президент Франции Э. Макрон обещает восстановить европейскую солидарность, однако с учетом геополитического веса Франции всерьез это утверждение не воспринимается. Неслучайно в той же Франции говорят, что наиболее вероятным поведением стран внутри ЕС будет поиск каждым государством своего места и своей выгоды [5, р. 8].

Подобного рода кризисы случались и прежде, но рано или поздно в дело вступали США, указывали направление выхода, принуждали упорствующих к подчинению, давали кредиты особо нуждающимся, и как-то ситуация нормализовалась. В настоящее время всего этого пока нет. Известный исследователь ситуации в восточноевропейских странах, автор нескольких книг Анна Аппельбаум пришла к неутешительному для Атлантического сообщества выводу: «Той Америки, в которой нуждается Европа, больше нет» [6].

Часть европейского политического руководства постепенно начинает концентрироваться на угрозе для единства альянса и демократии в целом, которую представляет российская «стратегия влияния». Но той Америки, которая в прошлом брала на себя роль лидера в борьбе против фашизма и коммунизма, уже нет. Сейчас у США не осталось не только последователей, но и тщательно продуманной стратегии относительно лечения кризиса: «Госдепартамент Рекса Тиллерсона по сей день отказывается относиться к этой проблеме серьезно, несмотря на все требования конгресса. Но даже символического стремления к солидарности союзников и отстаиванию демократических ценностей

нет» [7, р. 37]. Но невозможно к Р. Тиллерсону относиться с большей серьезностью: до сих пор госдепартамент США находится в состоянии «глубинной трансформации», штат сокращен на 30 %, многие ведущие подразделения, занимающиеся важными направлениями внешней политики, ликвидированы. Притока новых высококвалифицированных кадров фактически нет.

Понятно, что в этих условиях в Европе с предельной озабоченностью пытаются предугадать дальнейшее развитие стратегических инициатив США. Хватает и достаточно упрощенных подходов. Например, вместо того чтобы обсуждать общую стратегию в условиях изменяющегося мира, многие аналитики в Западной Европе озабочены больше состоянием умственного здоровья Д. Трампа. Высказываются даже надежды на то, что, если удастся найти изъяны в его умственном состоянии, его можно будет отстранить от власти.

В редакционной статье журнала «The Economist» отмечалось: «Спекуляции на тему ментального здоровья президента Трампа, появившиеся сразу после его избрания, увеличились, когда он в своем “Твиттере” написал, что его ядерная кнопка “намного больше, чем кнопка Ким Чен Ина”. Более того, эту оценку он сопроводил своим традиционным самоанализом, заявив, что он является “очень стабильным гением”» [7, р. 37]. В подтверждение этих сомнений, естественно, приводится много свидетельств опытных психиатров. Понятно, что все это становится известным президенту Д. Трампу, и он дает все больше поводов для подобных сомнений все более жесткими высказываниями в «Твиттере».

От оценки Д. Трампа аналитики переходят к гораздо более серьезному вопросу, указывая на процесс «эрозии американского величия». Правда, осуществляются и попытки более осторожного оптимистического взгляда на ситуацию. Известный аналитик Р. Коэн опубликовал в немецком журнале «Der Spiegel» статью под названием «Дональд Трамп и эрозия американского величия», в которой не отрицает сам факт «эрозии», но сводит его пока к незначительным признакам. Эксперт пытается успокоить европейцев, утверждая, что при всем радикальном тоне заявлений Д. Трампа ничего, что серьезным образом ухудшило бы положение США в мире, он не сделал: «При всех злых высказываниях американского президента пока стены на границе с Мексикой не появились, НАТО больше не считается “устаревшим” (по крайней мере, на пару дней в неделю), а политика “одного Китая” отнюдь не была отменена. Соглашение по ядерной иранской программе существует, несмотря на громкие заявления Трампа о том, что он отказывается его ратифицировать. А посольство Соединенных Штатов по-прежнему в Тель-Авиве, а Североамериканское торговое соглашение (НАФТА. – И. А.) так и не отменено. Пока даже заявление Трампа о выходе из

парижского соглашения по климату повисло в воздухе» [8, р. 94].

Вряд ли это успокоит панатлантическую общественность, что чувствуют многие и в Вашингтоне. Недавно Атлантический совет издал важнейший аналитический документ «Стратегический доклад Атлантического совета № 13», который назвали «Стратегией ремонта американской политической культуры» [9]. Конечно, слово «ремонт» звучит грубовато для такой почтенной организации, но в оригинале употреблено именно оно – *repairing*. Ремонта, по убеждению авторов доклада, требует политическая система.

В качестве причин американской болезни называются все более грязные избирательные кампании, рост коррупции, влияние «больших денег» в американской общественной жизни, дисфункции существующих управленческих структур, чрезвычайная «распушенность» масс-медиа, роль технологий в политическом упадке, культурная деградация. Главный вывод авторов доклада состоит в том, что США подвергаются серьезным угрозам как извне, так и изнутри.

Общая характеристика этих угроз такова: «Политическая система, которая когда-то создала сильную, процветающую и единую нацию, подвергается кризису, испытывает противоречия. Избирательные кампании превратились в прибыльную индустрию для богатых и лиц с хорошими связями. А сам избирательный процесс потерял свое былое значение выбора в пользу рекламной активности (в оригинале – *showmanship*. – И. А.). Политиков больше заботит их собственное переизбрание, чем забота об интересах своих избирателей. Масс-медиа оказались силами, формирующими плохие американские привычки превращения политики в реалити-шоу. Технологии создали многочисленные структуры влияния, которые мешают нашей необходимости достижения политического консенсуса. Без оздоровления, без глубинного оздоровления Америки сильно пострадают ее интересы в мире. Наши партнеры в мире видят, что Америка потеряла свою ориентацию в изменяющемся миропорядке» [9, р. 1].

Жесткая вступительная оценка подтверждается конкретным анализом по всем направлениям деятельности в политике, экономике и даже в культуре. Есть, конечно, и оптимистические выводы, но больше всего достается в этом анализе политической структуре США: механизмы развала американской политической машины сложны, но их определить достаточно легко. Питательным источником для них являются деньги, которые обеспечивают функционирование сложных комплексов частей, подобно тому как бензин движет цилиндрами механизма автомобиля. В основе всего этого лежит электоральная индустрия, гораздо большая, чем две политические партии, лица, за-

нимающие выборные должности, и кандидаты: «Существует своеобразный избирательный картель, который охватывает крупные формирования чиновничества, занимающегося избирательными кампаниями, кадры групп специальных интересов по обеим сторонам (Демократическая, Республиканская партии. – И. А.). Их благополучие столь тесно переплетено с этой моделью постоянного конфликта, сфокусировавшегося на деньгах и власти <...>. Постоянные избирательные кампании... вертикали власти дезориентируют общество, мешают общественным формированиям и организациям заняться внимательным анализом проблем и серьезно подумать над их устранением... Они приходят извне (как в большинстве политических документов последнего времени. – И. А.), от Китая и России: друзья и поклонники за рубежом начинают высказывать сомнения, заслуживает ли американская модель того, чтобы ее копировать? Многие глядят в сторону Китая и России, надеясь на то, что обновление придет оттуда. Противники свободы пользуются этим и активно используют внутренние конфликты США в целях обрушения их мировой роли и компрометации идеи демократии изнутри. Именно в силу этого внутривнутриполитические реформы стали серьезным национальным и интернациональным императивом безопасности» [9, р. 6–10].

В том же тоне выдержан весь доклад, в нескольких местах высказывается одна и та же пессимистическая оценка: «Подавляющее большинство американцев полагают, что Америка идет в неправильном направлении. Недавнее исследование общественного мнения показывает, что меньше, чем один из пяти опрошенных признает, что правительству можно доверять все время, а большинство американцев считают, что доверия не заслуживают и политические лидеры. Мир взирает на самоуничтожение США и неспособность решить проблемы со все увеличивающимся беспокойством» [9, р. 12].

Авторы скрупулезно разбирают ситуацию в сфере государственного управления и бизнеса, чтобы обосновать свои неутешительные выводы, и это приводит к весьма пессимистическим оценкам американского будущего. И что уж совсем невероятное для такого солидного исследования, в нем делаются неожиданные заключения о конце господствующего положения Запада в современном мире: «Совсем недавно лица, формирующие политику Соединенных Штатов, говорили о том, что Китай должен стать ответственным членом того, что они по-прежнему рассматривали главным образом западный мир. Сегодня понятие “Запад” находится под угрозой, а Китай образует свою собственную волну в мировом пространстве. Ситуация обстоит так, что не Китай и Россия подчиняются Западу, а Западу следует адаптироваться к миру, который движется уже не в западном направлении. Китай трансформирует геополитический расклад карт

своей инициативой как раз тогда, когда западное содружество переживает потрясение от брексита, а президент Соединенных Штатов подвергает сомнению нынешнее международное положение и поведение США» [9, p. 14].

Вывод авторов жесткий и недвусмысленный: «Воссоздание мира, управляемого Западом, все больше кажется невозможным. Более того, события в США и Европе в 2016–2017 гг. позволяют сомневаться в том, что западная общественность даже заинтересована в западной гегемонии» [9, p. 21].

Характерно, что этот доклад быстро исчез с сайта Атлантического совета. Однако он успел поразить многих, кто следит за развитием ситуации в США и Атлантическом сообществе, своей открытостью, категоричностью анализа и фактическим отсутствием конкретных программ ликвидации кризиса. Зато новый 2018 год начался поисками виновных. Понятно, что в этом случае акцент сдвигается с Китая на Россию.

Сделан общий вывод о том, что дезорганизованность стран Атлантического сообщества не только подрывает всю стратегию панатлантизма, но и открывает их для возможных военных ударов со стороны России. В начале 2018 г. Д. Трамп принял целый ряд акций по укреплению своей непрочной репутации, которые выделяют Россию не просто как главного соперника (об этом уже давно не идет речи), а в качестве врага. В стратегии национальной безопасности, принятой администрацией Д. Трампа и утвержденной Конгрессом США, Россия фигурирует в качестве врага США вместе с Ираном и Корейской Народной Демократической Республикой.

В принятой стратегии ядерной безопасности, предусматривающей постоянное наращивание вооружений и возможность нанесения ядерного удара, в случае если военное сообщество США сочтет это необходимым, также подразумевается Россия как страна, обладающая наиболее сильным ядерным потенциалом. Говоря о противодействии России и Китая миропорядку, якобы созданному США в последнее десятилетие, Америка фактически восстанавливает двухполюсное (возможно, трехполюсное) противостояние.

О двухполюсном противостоянии может идти речь в том случае, если бы Россия и Китай дополнили общую внешнеполитическую стратегию экономического, военного и политического взаимодействия. Поскольку это маловероятно, то, похоже, США рассчитывают на то, что будет создан трехполюсный мир, в котором Китай и Россия станут не соперниками, а стратегическими противниками. Это означает фактически восстановление ситуации холодной войны с вероятностью ядерного столкновения в том случае, когда американские военные определят, что им серьезно угрожают отдельно Россия или Китай.

Впрочем, если и следить за дискурсом американской печати и выводами различных аналитиков, то уже сегодня Китай и Россия якобы хотят придать миру очертания, противоположные американским ценностям и интересам. И хотя США говорят, что готовы сотрудничать в контексте своих стратегических задач отдельно с Россией и Китаем, руководство страны не считает, что противостояние благодаря этому изменится. Очевидно, США боятся, что Китай и Россия бросят серьезный вызов американским геополитическим целям и попытаются изменить миропорядок в свою пользу.

Понятно, что, когда такая позиция вырабатывается в качестве стратегической инициативы, заверения в том, что у США на самом деле нет «скрытого» интереса, не играют никакой роли. Логическим выводом из этого становится необходимость, неизбежность новой войны. Именно на это нацеливают сегодня общественность многочисленные социологические, политологические проекты. Упомянутый нами журнал «The Economist» посвятил этому специальный доклад в качестве своего редакционного материала. В нем достаточно категорично высказана одна ведущая идея: «Сегодня неизбежна, реальна возможность конфликта, по масштабам и интенсивности невиданного со времен Второй мировой войны, а мир к этому не подготовлен» [10].

Именно этим английские авторы объясняют и оправдывают намерения Пентагона разрабатывать стратегию нанесения упреждающего удара исходя не из реальной опасности, а из целесообразности. При этом они хорошо понимают, что даже небольшой конфликт может вызвать мировую схватку. И главная задача этой войны авторами видится в том, чтобы не дать Китаю и России играть даже региональную роль.

Из этого, конечно, не следует, что война неизбежно начнется в ближайшем будущем. Речь идет только о возможности. Однако формируется мощный призыв к гонке вооружений, так как за последние 20 лет войн без успеха, которые ведут США и Великобритания (привлекая к этому союзников по НАТО), в этих странах серьезным образом ухудшилось отношение к войнам в общественном мнении.

По утверждению редакции журнала «The Economist», местом возникновения региональных конфликтов, которые могут вызвать мировое противостояние и которые неизбежно приведут к ядерным конфликтам, являются так называемые серые зоны – государства, в которых существуют неурегулированные этнические отношения, социально-экономический кризис и другие проблемы. Первыми своего рода репетиционными сценариями возможной будущей тотальной войны предполагается ведение гибридной войны, которую авторы доклада определяют как синтез информационно-пропагандистского, политического и социально-эко-

номического воздействия на страну-изгоя в целях производства там смены власти или серьезных внутриэкономических, политических трансформаций, чтобы вернуть ее назад в сферу западного миропорядка.

Авторы не скрывают, что подобного рода гибридные войны осуществлялись в форме цветных революций в Югославии, Кыргызстане, Грузии, Молдове, а сейчас трансформировались в затяжной конфликт в Украине, который, скорее всего, может привести к прямому военному противостоянию между Россией и Украиной, которое рано или поздно выльется в общеевропейский и глобальный конфликт.

Редакция признает невысокую эффективность гибридных войн. Далеко не везде, где они начинались, их итогом была смена политического режима. И почти везде, где такая смена состоялась, серьезных улучшений в экономическом положении или торжества демократических свобод не произошло. Авторы, однако, это не смущает, они лишь добавляют, что гибридные войны для повышения результативности обязательно должны закончиться локальными военными конфликтами. С учетом того, что в современном мире большинство населения живет в городах, такие конфликты планируются именно для городской местности. С подлинной английской добросовестностью авторы обсуждают техническую оснащенность вооруженных сил – производство вертолетов с небольшим размахом крыльев, чтобы они были способны к оперативному военному действию на улицах, танков уменьшенных размеров, производство новых видов дронов, роботов, самоуправляемых орудий и т. д.

Безусловно, в качестве оправдания упоминается военно-политическое поведение Китая и России на мировой арене, а не собственные национальные и стратегические цели государств – членов Атлантического сообщества: «Главной причиной, по которой военное столкновение великих держав стало гораздо более вероятным, чем в любое время после холодной войны, является то, что Россия и Китай недовольны существующим положением и намерены изменить условия с западной моделью международного порядка, управляемого Америкой, который, по мнению этих двух держав, не отвечает их законным интересам. В прошлую декаду оба государства интенсивно инвестировали в модернизацию своих вооруженных сил, смело при этом используя уязвимые места в стратегии западной обороны, и мобилизуют свои усилия для того, чтобы помешать Америке осуществлять свою власть в тех регионах, которые они считают сферой своего влияния. Обе страны продемонстрировали способность применять силу к ближайшим соседям. Лидеры обеих стран выражают, формулируют стремление населения к возрождению национального могущества и международного уважения. И оба ли-

дера получают от этого позитивную домашнюю реакцию. Они, конечно, отличаются. Россия является уводящей страной демографически и экономически, во главе с лидером-оппортунистом; Китай является поднимающейся силой, которая временами видит себя равной Америке, а иногда даже превосходящей» [10].

Субъективность этих оценок очевидна, ибо ни в одном руководящем документе или стратегических концепциях Китая или России не сформулировано стремление противостоять американскому влиянию, ущемлять американские интересы или разрушать американское лидерство. В конце концов, способность к лидерству – это внутренние возможности и политика страны, и серьезным образом противостоять им не так уж просто.

С одной стороны, авторы доклада готовы понять, скажем, что расширение НАТО на Восток серьезным образом усложнило стратегическое положение России и создало довольно ощутимые угрозы. С другой стороны, право России отвечать на эти угрозы отрицают. Аналитики признают, что Китай равен США, а иногда и превосходит их по ряду общественно-политических измерений своей роли в глобальном экономическом и финансовом пространстве, но отрицают право Китая формулировать свои интересы в глобальном миропорядке.

Таким образом, складывается своеобразный международный тупик, из которого вытекает неизбежность мирового столкновения, так как панатлантизм отрицает право других ведущих держав развиваться в соответствии со своими национальными интересами, и всякое их движение в направлении изменения позиции в миропорядке рассматривается как непозволительное.

Однако в условиях, когда Д. Трамп объявил лозунг «Америка превыше всего», в военной стратегии США интересы союзников тоже отходят на второй план. Авторы доклада «Следующая война» утверждают: «Военные игры, проведенные корпорацией RAND в 2015 г., привели к выводу о том, что в случае нападения России НАТО, несмотря на предыдущие заявления, не сможет успешно защищать территорию своих наиболее уязвимых членов. НАТО увеличило свое присутствие в балтийских государствах и Польше, но, скорее всего, этого недостаточно, чтобы изменить вывод доклада RAND о том, что русским потребуется самое большое 60 часов, чтобы пройти через территорию, достичь столицы Латвии и Эстонии» [10].

Казалось бы, это серьезное предупреждение для балтийских стран и Польши о том, что те небольшие контингенты войск, которые находятся сегодня на их территории, не просто не способны защищать эти страны, но даже и не собираются делать это. Более того, несколько исследований «Фонда Пью» обнаружили, что в США только меньшинство населения считает, что в случае глобального во-

енного конфликта они должны действовать в соответствии со ст. 5 Устава НАТО, который предполагает, что нападение на одну из стран – членов НАТО рассматривается руководством организации как нападение на нее в целом. Это должна быть отрезвляющая новость для стран Балтии, которые в последнее время настоятельно запрашивают все новые и новые контингенты НАТО для размещения на своей территории, что колоссально увеличивает опасность военного столкновения именно на их территории ввиду ошибок или неправильных расчетов, но никак не обеспечивает большую защищенность этих стран.

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что стратегия панатлантизма, направленная на мировое доминирование в условиях потери странами – членами альянса важных глобальных ресурсов, способных это доминирование обеспечить, создает весьма серьезную, ранее неизвестную ситуацию «закупоренного пространства», где странам, успешно решающим задачи своего развития, не дается возможность занять подобающую им роль в глобальном миропорядке, а страны, настроенные на сохранение своего господства любой ценой, превращаются в реакционную силу мирового процесса.

Опасность возрастает ввиду увеличения факторов возможных ошибок, просчетов и даже параноидальных поступков отдельных лидеров с целью укрепить свое влияние в мире. Нагнетание атмосферы противостояния, ставшее отличительным признаком политики Белого дома в отношении к странам-соседям, партнерам и конкурентам, только по видимости играет пропагандистскую роль. Оно переформатирует мировое пространство в сложные структуры противостояния, где мировой конфликт может разгореться от одного неосторожного выстрела. Паника, охватившая Гавайские острова в канун Нового года ввиду ошибочного сигнала о ядерной опасности, говорит о том, какой на самом деле хрупкой и уязвимой является система электронно-цифрового регулирования вооруженных сил, накопленных миром.

В этих условиях необходимостью является новая серия переговоров по сближению интересов ведущих государств мира в целях ликвидации многочисленных мировых проблем, число которых не

уменьшается, а только возрастает. Вопиющее социально-экономическое неравенство во всех странах, коррупция политических систем, мешающая реализации национальных программ развития, возрастающая политическая роль военных, заинтересованных в увеличении своих бюджетов и тем самым создающих крайне напряженную ситуацию, когда военная динамика может обрести свою собственную логику, а движение конфликтов станет необратимым, это мощный конфликтный потенциал глобальных масштабов.

Серьезным ударом по международному переговорному процессу и функционированию структур миротворчества является потребительское отношение США к международным организациям – ООН, ВТО и ЮНЕСКО, когда за незначительные поступки и решения, которые почему-то могут вызвать неудовлетворение правящих кругов США, они подвергаются унижительным и разрушительным экономическим санкциям и политическому давлению, торможению в реализации их программ.

Десятилетия спустя после распада Советского Союза мир стал значительно менее безопасным, антагонизмы мировых сил обостряются, военный конфликт входит в глобальную повестку дня. Эти итоги глобализации неожиданны для всех. Позитивная настроенность на создание общемировых систем, производственно-экономического, финансового, информационно-коммуникационного сотрудничества дополнилась стремлением мировых держав к установлению господствующего влияния над ними в условиях, когда экономические, политические, логистические возможности этих держав ослаблены.

Ведущую роль в этой стратегии нового доминирования пытается играть Атлантическое сообщество. В условиях, когда большинство стран этого сообщества не хотят новой конфронтационной ситуации в мире, такая политика порождает крупные внутренние противоречия в региональных и глобальных союзах, организуемых им. Идеология панатлантизма, направленная на глобальное доминирование, вошла в зону затяжного кризиса. Это становится все более очевидным государствам мира, однако лидеры панатлантизма пока не в состоянии признать эти негативные для них процессы, что создает новые глобальные опасности для миропорядка будущего.

Библиографические ссылки

1. *Steingart G.* Deutschland. Das Abstieg eines Superstars. Muenchen : Piper Verl., 2004.
2. *Сарацин Т.* Германия самоликвидируется. М. : АСТ, 2013.
3. This is a bad time for Angelo // *The Economist*. 2018. Jan. 20th.
4. *Markarian Ch.* Vent nouveau sur Atlantique // *L'Express*. 2017. Jul.
5. *Levade A.* Chacun cherche sa place // *L'Express*. 2017. Jul.
6. *Appelbaum A.* The America Europe needs right now is missing // *The Washington Post*. 2018. Jan. 14th. P. 6.

7. What's on the President's mind // *The Economist*. 2018. Jan. 13th.
8. Cohen R. Donald Trump and the Erosion of American Greatness // *Der Spiegel*. 2017. Novemb. 6th.
9. A Strategy for Repairing America's Political Culture // *Atlantic Council Strategy Paper*. 2017. № 13 (Novemb.). P. 1–21.
10. The next war // *The Economist*. 2018. Jan. 27th.

References

1. Steingart G. Deutschland. Das Abstieg eines Superstars. Muenchen : Piper Verl., 2004 (in Ger.).
2. Saratsin T. Germaniya samolikvidiruetsya [Gernany self-destruction]. Moscow : AST, 2013 (in Russ.).
3. This is a bad time for Angelo. *Economist*. 2018. Jan. 20.
4. Markarian Ch. Vent nouveau sur Atlantique. *L'Express*. 2017. Jul.
5. Levade A. Chacun cherche sa place. *L'Express*. 2017. Jul.
6. Appelbaum A. The America Europe needs right now is missing. *The Washington Post*. 2018. Jan. 14th. P. 6.
7. What's on the President's mind. *Economist*. 2018. Jan. 13th.
8. Cohen R. Donald Trump and the Erosion of American Greatness. *Der Spiegel*. 2017. Novemb. 6th.
9. A Strategy for Repairing America's Political Culture. *Atlantic Council Strategy Paper*. 2017. № 13 (Novemb.). P. 1–21.
10. The next war. *Economist*. 2018. Jan. 27th. P. 24.

Статья поступила в редколлегию 16.02.2018.
Received by editorial board 16.02.2018.

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

УДК 130.123:316.454.4

ЗНАНИЕ КАК ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ И РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

А. И. ЛЕВКО¹⁾

¹⁾*Институт философии Национальной академии наук Беларуси,
ул. Сурганова, д. 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь*

Представлен анализ существующих теоретико-методологических парадигм, научных дисциплин и концепций исторического и современного исследования знания как важнейшего социально-культурного фактора консолидации и развития общества. Показана зависимость существующих форм обретения знаний, включая образование, от соотношения знаний с информацией, потребностями человека и культурой общества. Обосновывается необходимость социологического диагноза времени как эффективного способа разрешения существующих проблем и основного условия построения адекватных научных систем и моделей образования.

Ключевые слова: знания; информация; культура; сознание; рациональность; антропология знания; социология знания; праксиология знания; типология наук; я-концепция.

Образец цитирования:

Левко А. И. Знание как фактор консолидации и развития общества // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 1. С. 21–29.

For citation:

Levko A. I. Knowledge as a factor of consolidation and development of society. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 1. P. 21–29 (in Russ.).

Автор:

Анатолій Ігнат'євич Левко – доктор соціологічних наук, професор; головний науковий співробітник.

Author:

Anatolii I. Levko, doctor of science (sociology), full professor; principal researcher.
institute@philosophy.by

KNOWLEDGE AS A FACTOR OF CONSOLIDATION AND DEVELOPMENT OF SOCIETY

A. I. LEVKO^a

^a*Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surganova Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus*

The article presents the analysis of the existing theoretical-methodological paradigms, scientific disciplines and concepts of historical and modern research of knowledge as an important social-cultural factor of consolidation and development of society. It shows the dependence of the existing forms of gaining knowledge, including education, on the correlation of knowledge with information, human needs and culture of society. There is substantiated the need of the sociological diagnosis of time as an effective way to solve the existing problems and the main condition of building adequate scientific systems and models of education.

Key words: knowledge; information; culture; consciousness; rationality; anthropology of knowledge; sociology of knowledge; praxeology of knowledge; typology of sciences; I-concept.

Знания как информация, имеющая общественное значение и личностный смысл деятельности и поведения. Что представляют собой знания и чем они отличаются от информации и рациональных конструктивных способностей сознания? Исчерпываются ли эти конструктивные способности рациональным мышлением и эмоционально-чувственным восприятием мира или они есть некий результат жизневоззрения, существующего наряду с философским мировоззрением в виде неосознаваемых установок, социального менталитета и других жизненных ориентиров? Различных концепций, посвященных ответу на этот вопрос, так много и они столь неоднозначны и противоречивы, что с известной долей условности их можно классифицировать на ряд самостоятельных наук о знании, к числу которых следует отнести антропологию знания, социологию знания и праксиологию, или прагматику, знания. Предметом исследования *антропологии знания* выступают человек и его культура. Истоки такого понимания природы знания восходят к зарождению принципа познания «Человек – мера всех вещей» древнегреческого философа Протагора и проявляют себя в многочисленных теориях человекообразного развития. Предмет исследования *социологии знания* – общество (социальные общности и группы) и характерные для него культуры и образ жизни. Основным вопросом социологии знания является вопрос: «Как различные формы мышления и знания в том или ином социокультурном контексте детерминируются образом жизни людей, каковы социальные корни их познания и мышления? В этом сложном комплексе проблем можно выделить два основных направления: в одном из них предметом изучения оказывается специализированное (прежде всего научное), в другом – обыденное знание» [1, с. 4–5].

С одной стороны, предметом исследования *праксиологии*, или *прагматики*, знания выступают экономические и другие потребности и способы их удовлетворения в ходе различных видов деятель-

ности. Основоположником данной науки по праву считается профессор Колумбийского университета в Нью-Йорке Джон Дьюи, который природу знания связывал исключительно с активностью человека в процессе интеллектуального развития.

С другой стороны, сам человек, социальная общность и ее типология по видам производственной и другой деятельности являются предметом исследования *естествознания*, или наук о природе, *гуманитарных наук* о человеке и *технических наук*. Каждый из этих типов наук, в свою очередь, включает в себя отдельные научные дисциплины и дисциплинарное знание, дифференциация которого продолжается и сегодня, как и тенденция к росту междисциплинарных исследований. Предметная дифференциация знания служит основой существующей классно-урочной или аудиторно-лекционной и в целом институциональной (организационной) формы образования как способа передачи и производства нового знания.

Знание как продукт определенного типа общества и его культуры. Такая форма существования знания, по мнению бывшего президента Всемирной социологической ассоциации, американского социолога Иммануила Валлерстайна, есть результат развития рыночных отношений. Она вовсе не характеризует саму природу знания, которое является, по его мнению, лишь одной из важнейших характеристик культуры человечества, имеющей непрерывный и целостный миросистемный характер, поскольку ни один из видов знания не замыкается в национальных, региональных и других системах, хотя и имеет ту или иную их духовную специфику. И эта специфика выступает важнейшим признаком знания, отличающим его от информации. «Миросистемный анализ, – считает он, – начинается с вопроса, «что является подходящей единицей анализа социальной реальности? Даваемый ею ответ состоит в том, что такой единицей является историческая система, существование и границы которой в долгосрочном плане определяются

разделением труда в ней, и что такое разделение труда на больших пространствах имеет тенденцию наблюдаться в двух основных разновидностях: как миры-экономики и как миры-империи» [2, с. 13].

Вместе с преобразованиями в привычном «мире капитализма», по мнению социолога, должен измениться и «мир знаний» об обществе, и, в частности, существующая о нем рациональность. Она с неизбежностью должна конструктивно объединить знание, мораль и политику. «Дело, – считает И. Валлерстайн, – не только в том, что интеллектуалы превратили политику в рациональность, но и в том что, утверждая таким образом достоинства рациональности, они выражали свой оптимизм и подпитывали оптимизм в других. Согласно их кредо по мере приближения к правильному пониманию реального мира формируются условия для лучшего управления реальным обществом, а следовательно, для более полного раскрытия человеческого потенциала. Общественные науки как способ упорядочения знаний не только основывались на этой вере, но и полагали себя наилучшим методом осуществления рациональных исканий» [3, с. 187].

В ходе этих исканий утверждалось, что общество, каким бы несовершенным оно ни было, можно сделать лучше, причем лучше для каждого. Вера в возможность улучшения общества служила краеугольным камнем эпохи модернити. При этом, что следует подчеркнуть, не утверждалось, будто люди непременно станут более нравственными. Любые обещания должны выполняться здесь и сейчас или по меньшей мере в ближайшем будущем. Ориентиры этого мира были однозначно материалистичны, поскольку обещался экономический прогресс – в конечном счете опять-таки для каждого. Его перспективы в нематериальной сфере, воплощенные в понятии свободы, в итоге также могли быть сведены к материальным выгодам, а те из предполагаемых свобод, которые к ним не сводились, обычно отвергались как ложные. В конечном счете это привело к либерализации экономики, бюрократизации государственной системы управления и фактическому снижению самостоятельности личности, ее роли и значимости в общественной жизни. Самостоятельность и состоятельность джентльменов, основывавшаяся на цельности личности, на доверии, чести и чувстве гражданского долга, постепенно вытесняются инструментальными ценностями, а также инструментальными функциями ученых, которые уже не в состоянии руководствоваться своей собственной я-концепцией, создавая на ее основе научные школы, и сами по себе ничего не определяют. Они оказываются в полной зависимости от существующих социальных институтов и форм власти. По мнению И. Валлерстайна, философы и обществоведы этой эпохи столь убежденно рассуждают о центральной роли индивида в со-

временном мире, что мы теряем из виду, в какой степени этот мир сформировал первую в истории поистине коллективистскую геокультуру, первое в истории эгалитаристское мировосприятие.

И если мы хотим постичь сегодняшние дилеммы нашей исторической системы – капиталистического мирохозяйства – и разобраться, почему концепция рациональности уже не наполняет нас прежним энтузиазмом, нам следует начать с осознания той степени, в какой эпоха модернити основывалась на материалистических и коллективистских посылах. В силу ее глубокой внутренней противоречивости сделать это непросто. В современной миросистеме технологический прогресс приносил очевидные выгоды, определявшие отношение к нему не только предпринимателей, имевших вполне понятные причины поощрять изобретателей и новаторов, но и политических лидеров. «Из этого, – пишет Валлерстайн, – я делаю четкий вывод: именно капитализм стал основой технологического развития, а не наоборот. Это очень важно, поскольку именно здесь лежит ключ к пониманию властных отношений. Современная наука представляет собой порождение капитализма и зависима от него» [3, с. 191].

Знание имеет не только инструментальную, но и социальную функцию. Оно социально по самой своей природе и во многом определяется самостоятельностью самой личности, ее профессионализмом и компетенцией.

Диалектика информации и знания в современной интерпретации классической рациональности. Иное дело, что такое утверждение не является общепризнанным. Отдельные исследователи и сегодня между информацией и знанием ставят знак равенства, представляя их как результат отражения и побудительных мотивов целенаправленной деятельности и активности. При этом само представление о сути информации и знания существенно различается в философии, биологии, математике, кибернетике, физике и технических системах связи. И из всего многообразия этих представлений приоритет чаще всего отдается кибернетической трактовке информации как обозначению содержания, полученного нами из внешнего мира в процессе приспособления к нему нас и наших чувств. Считается, что между информацией и знанием существует неразрывная взаимосвязь и взаимообусловленность. Информация благодаря человеческой памяти, мышлению и воображению может быть преобразована в знание, а знание, перенесенное на материальный носитель в виде сообщения (текста, чертежей, рисунка и т. д.) для других, может стать информацией [4]. Различие между информацией и знанием усматривается в том, что информация представляет собой сведения, поступающие в мозг человека об исследуемом объекте

(явлении), которые в процессе мышления адаптируются к имеющимся в памяти знаниям, в то время как сами «знания – это система понятий в форме образов, методов, идей, теорий, гипотез, концепций и т. п., усвоенная человеком в процессе мышления и закреплённая в памяти в процессе его жизнедеятельности и обучения и реализуемая при решении теоретических проблем и практических задач» [4, с. 47].

Получение нового знания, по убеждению сторонников методологии классической рациональности, всегда связано с мышлением как психическим процессом отражения действительности, опосредованным языком, с вовлечением памяти как отраженного прошлого опыта, в результате чего поступающие сигналы декодируются и отражаемые объекты и явления представляются в форме символов, образов, моделей, связей и отношений. Процесс познания предстает здесь как целенаправленный процесс или целерациональное действие, мотивированное потребностями и интересами человека и управляемое его знаниями. Данный процесс абстрагируется от связанных с ним проблем культуры, поэтому сама по себе постановка вопроса о соотношении знания и конструктивных способностей мышления, мировоззрения (и т. п.) при такой методологической позиции представляется излишней, а ответ на этот вопрос очевидным или же являющимся компетенцией различных наук, имеющих свой предмет исследования и свой угол зрения.

Между тем любая информация, выраженная в битах, баллах или других количественных измерителях, становится для нас знанием, лишь обретая определенный смысл, доступный пониманию людей соответствующей культуры. Именно поэтому наскальные рисунки древних людей или орнаменты на гробницах египетских фараонов, расшифровать значение которых мы не в состоянии, *обогащают информацию о мире, но не наши знания о нем.*

Вопрос о социально-культурной природе знаний как требование ответа на вызов времени. Вопрос о социально-культурной природе знаний возникает с периодической регулярностью по мере изменения философского мировоззрения о существующей реальности. Он по-разному ставился в период перехода от иррационального искусства мифотворчества к логическому рационализму и от него к метафизике древнегреческой философии, в период средневековой схоластики и метафизики, в эпоху Возрождения и зарождения позитивного знания, основанного на методах индукции и дедукции. На рубеже XX–XXI вв. он предстает, как вопрос метафизики нашего времени и требует его постоянного социологического диагноза. Он возник лишь тогда, когда для мировой общественности уже было очевидным, что знания – это

не только информация, измеряемая в битах, но и культурный феномен, имеющий ценностно-нормативную основу развития и консолидации общества. Неочевидным, а порой и невероятным, является само возникновение современных знаний в разобленном социально-культурном пространстве предметного и междисциплинарного анализа. Иными словами, вопрос о социально-культурной природе знания связан с очередной переоценкой ценностей: естественно-научных, гуманитарных, религиозных, повседневных и т. д. До тех пор пока знание трактовалось лишь как проверенный общественно-исторической практикой и удостоверяемый логикой результат процесса познания действительности, адекватное ее отражение в сознании человека в виде представлений, суждений, понятий, теорий или как своеобразный алгоритм действия, такой вопрос и не возникал. Он стал неизбежным вследствие появления сомнения в том, что нам необходимо лишь алгоритмическое мышление, образование и основанные на нем знания в виде информации. Эту информацию достаточно было лишь загрузить в память в готовом виде, совершенно не обращая внимания на процесс индивидуальной мыслительной деятельности в ходе обучения и не беспокоясь о развитии способности к ее осуществлению. Их заменяли усредненные показатели, ориентированные на класс или студенческую аудиторию, достижение которых осуществлялось с помощью соответствующих педагогических технологий.

В таких условиях трудно рассчитывать на то, что способность к мыслительной деятельности будет формироваться в виде своеобразной жизненной позиции и профессиональной культуры выпускника учебного заведения, имеющего свою собственную исследовательскую я-концепцию и профессиональную компетентность, формируемую в процессе внутригрупповой коммуникации соответствующего профессионального сообщества. С помощью массовой педагогической технологии, напоминающей производственную, ни то, ни другое сформировать невозможно. Эту способность каждому индивиду надлежит вырабатывать самостоятельно в ходе игровой, трудовой, общественно-политической и других контролируемых и направляемых видов деятельности.

Эти сомнения и предположения появились в процессе постоянного противопоставления истинного философского и научного знания здравому смыслу, вырастающему из самой повседневной реальности, когда стало очевидным, что основной задачей современной философии и гуманитарной науки является не только отражение существующей социальной реальности, но и конструирование ее. А это, в свою очередь, позволило говорить об экономике знаний несколько в ином аспекте.

Ценностно-нормативное содержание современной трактовки знания. Согласно современной трактовке знания обладают не только различной степенью достоверности, отражая диалектику абсолютной и относительной истины, но и соответствующим ценностно-нормативным содержанием, проявляемым в виде некоей виртуальной, идеальной или потенциальной реальности или способности к инновационным изменениям и преобразованиям. По своему генезису и способу функционирования знания являются историческим социально-культурным феноменом мыслительности, проявляемым не только в логике суждений и умозаключений, но и в интеллектуальных способностях к рефлексивному мышлению, а также в своеобразном жизнотворчестве, вырастающем из игровой деятельности, общей и для людей, и для животных. Оно фиксируется как в форме знаков, естественных и искусственных языков, так и в форме определенной социальной энергии, энтузиазма, национального, поселенческого, половозрастного и иного менталитета. В силу этого знания выступают одновременно как в виде некоей абсолютной идеи или результатов процесса познания действительности на протяжении всей истории развития определенных профессиональных и социальных сообществ, так и в качестве формы самореализации индивидуальных потребностей и способностей и даже как продукт определенной социальной общности или социальной реальности. Эта реальность в данном случае измеряется соответствующим социальным временем и пространством жизнедеятельности индивида в социальной группе или группах, сообществах. «То, что “реально” для тибетского монаха, не может быть “реальным” для американского бизнесмена. “Знание” преступника отличается от “знания” криминалиста. Отсюда следует, что для особых социальных контекстов характерны специфические агломераты “реальности” и “знания”, а изучение их взаимосвязей – предмет соответствующего социологического анализа. Так что потребность в “социологии знания” возникает, как только становятся заметными различия между обществами в понимании того, какое знание считается в них само собой разумеющимся» [5, с. 12].

Реальность рассматривается социологией знания как качество, присущее феноменам иметь бытие, независимое от нашей воли и желания. Мы не можем «от них отделаться», а знание, как считают бывший директор Бостонского института изучения экономической культуры США П. Бергер и его немецкий коллега Т. Лукман, можно определить как уверенность в том, что феномены являются реальными и обладают специфическими характеристиками. «Социологическое понимание “реальности” и “знания” находится где-то посередине между пониманием их рядовым человеком и философом.

Рядовой человек обычно не затрудняет себя вопросами, что для него “реально” и что он “знает”, до тех пор, пока не сталкивается с проблемой того или иного рода. Он считает свою “реальность” и свое “знание” само собой разумеющимися. Социолог же не может сделать этого, хотя бы только вследствие понимания того факта, что рядовые люди в разных обществах считают само собой разумеющимися совершенно разные “реальности”. Благодаря самой логике своей дисциплины социолог вынужден спрашивать – если не что-то еще – нельзя ли объяснить разницу между двумя “реальностями” огромными различиями этих двух обществ» [5, с. 11].

Знание как содержание памяти, мышления и воображения построенное по типу технологической идеи. Однако социология знания на постсоветском пространстве не получила сколь-нибудь заметного развития, что не могло не сказаться и на самом понимании этого социально-культурного феномена. Знание и сегодня отдельные философы и социологи рассматривают как содержание памяти, мышления и воображения, построенное по типу технологической идеи: его, по их мнению, можно претворять в вещь, процесс, прибор, т. е. бесконечное число раз воспроизвести в форме объекта с помощью цифровых и иных технологий. Именно с таким типом знания первоначально и связывалась экономика знаний. В этом плане знание всегда рецептурно: указывает возможные способы действия с объектами, описывает эти действия, имеет вид рецепта поведения человека и его обращения с миром известных вещей. Такое знание не составляет труда стандартизировать и его необходимо планировать как на государственном и межгосударственном уровнях, так и на уровне отдельных вузов и школ. Неотъемлемым качеством таких знаний является их осознанность, осмысленность, насыщенность конкретным содержанием, четким представлением и пониманием изучаемых предметов явлений и закономерностей, умение не только назвать и описать, но, где надо, и объяснить изучаемые факты, указать их взаимосвязь и отношения, обосновать усваиваемые положения, сделать выводы из них.

В традиционном понимании знания предстают перед нами в виде чувственного или абстрактного теоретического образа, а не как некая интеллектуальная способность сама по себе или жизнотворчество. Иными словами, знание в данном случае рассматривается как выражение отражательных свойств мозга и всей нервной системы человека, лежащее в основе его сознания. Сознание же – высший уровень психической активности человека как социального существа. Своеобразие этой активности заключается в том, что отражение реальности в форме чувственных и умственных образований предвосхищает практические действия человека,

придавая им целенаправленный характер. В качестве таких чувственных и умственных образований предстают прежде всего исторически сформировавшиеся знания и мировоззрение.

Основными условиями обретения знания выступают наличие информации, имеющей определенное социальное значение для конкретного исторического общества, и личностный смысл для самого познающего, а также способы передачи информации в виде соответствующей социальной коммуникации, интернета и других технических средств. Социальная коммуникация при этом может осуществляться в виде вербального и другого взаимодействия, а также активности самих познающих в соответствии с законами логики и интеллектуального развития отдельных индивидов. Для обеспечения этих условий предполагается соответствующая организационная форма в качестве государственных стандартов образования и учебных планов и программ, классно-урочная или другая система обучения и воспитания. Это может быть монолог учителя или лектора как основной источник информации, которую надлежит записать и запомнить, диалог с классом или студенческой аудиторией в форме обмена информацией или некая системная мыследеятельность, ориентированная на выработку соответствующих умений и навыков логического мышления, интеллектуальной коммуникации друг с другом, игровой, трудовой и другой деятельности.

Традиционно знание разделяется на естественнонаучное и гуманитарное. Естествознание ориентировано на постижение объективных закономерностей или законов детерминации. Гуманитарное знание направлено на познание самого человека и создаваемой им культуры. При этом природа и культура чаще всего рассматриваются как совершенно различные и фактически не пересекающиеся друг с другом социальные сущности и социокультурные реальности, хотя в действительности человек одновременно принадлежит двум реальностям: природной и культурной, и эти реальности существенно отличаются друг от друга. Его знания о действительности носят многоуровневый и сложно опосредованный характер. Они развиваются как в истории человеческой культуры, так и в процессе индивидуального развития личности. Знания могут быть донаучными, житейскими, художественными (как специфический способ эстетического освоения действительности) и научными (эмпирические и теоретические). Житейские знания, основывающиеся на здравом смысле и обыденном сознании, – важная ориентировочная основа повседневного поведения человека. Эта форма знания развивается и обогащается по мере прогресса научного знания. Научное знание, будучи обобщением достоверных фактов, за случайным нахо-

дит необходимое и закономерное, за единичным и частным – общее. На этой основе осуществляется прогнозирование. Мышление человека постепенно движется от незнания к знанию, от поверхностного к все более глубокому, существенному и всестороннему. И это движение имеет как стихийный, спонтанный, так и целенаправленный или целерациональный характер, основанный на специально создаваемых системах обретения знаний.

Общество и его роль в конструировании систем обретения элитарного и массового знания. Центральным вопросом в конструировании систем обретения знаний является роль общества в виде государственных моделей образования, политики образования, социальных традиций и исторической преемственности в виде исторической памяти, соответствующих культурных кодов и т. п., а также роль свободы и самостоятельности самого индивида, его врожденных способностей, талантов и интеллектуальной активности. В зависимости от ответа на него выделяются по меньшей мере три основные парадигмы, позволяющие как-то классифицировать многочисленные разрозненные теории знания – антропоцентрические, социоцентрические и социально-культурные. *Антропоцентрическая парадигма знания* рассматривает его как выражение жизнотворчества и свободы самореализации индивида. *Социоцентрическая парадигма знания* ориентирована на формы социального взаимодействия извне, влияние социальной среды и социальной политики государства. *Социокультурная парадигма знания* в качестве своей сверхзадачи имеет стремление представить социально-историческую преемственность и свободу личностной самореализации как единый социально-культурный процесс. В качестве основной проблемы знания при таком подходе выступают сознательные и бессознательные его компоненты и, в частности, понимание роли коллективного бессознательного в выработке личностной ориентации и форм ее самостоятельности. Ведь культура проявляет себя не только на уровне осознания индивидом своего социального бытия, но и на уровне индивидуального самосознания и в силу этого не противостоит индивидуальной рациональной этике или жизневоззрению индивида, а жизневоззрение – его мировоззрению, как полагал в свое время лауреат нобелевской премии А. Швейцер [6]. Антропоцентрическая концепция жизнеутверждающей этики А. Швейцера и социокультурная концепция мирсистемного анализа И. Валлерстайна – лишь наиболее яркие, не совпадающие друг с другом и принципиально расходящиеся в самой своей методологической основе концептуальные представления о иррациональной природе знания. И таких концепций начиная от социальной логики Г. Тарда, социологии знания К. Манхейма, теории

коллективного бессознательного К. Юнга и психоанализа в целом насчитывается с десяток. Все они в лучшем случае служат источником информации, но не методологией образования и методикой организации учебно-воспитательного процесса, в которых до сих пор господствует психолого-педагогическая наука.

Означает ли это, что сознание формируется вне контекста материальной и духовной культуры, отражая лишь некие психологические образы и интересы социальных групп и классов? Безусловно, нет. При ответе на этот вопрос, в современной западной философии в трактовке сознания можно выделить ряд направлений: описывающих тождественность сознания жизненной реальности («философия жизни», концепция жизненного разума); выделяющих дорефлективный уровень сознания и описывающих последний в его сущностной «чистоте» (феноменология), фиксирующих жизнь сознания на феноменально-телесном уровне; выявляющих детерминации сознания через языковые и другие структуры бессознательного порядка (психоанализ).

Конфликт общества и личности как конфликт социальной рациональности и индивидуальной самостоятельности и предприимчивости. Наиболее отчетливо антропоцентрическая парадигма знания представлена в концепции соотношения культуры и этики А. Швейцера, который хорошо осознавал, что уже марксизм снимает противопоставление этики социальной и этики индивидуальной, но не считал достаточным основанием для принятия социальной культуры в качестве главного фактора формирования и развития знания. Социальная культура, по его мнению, противостоит индивидуальной этической культуре в виде индивидуальной ответственности, я-концепции, собственного выбора и свободы самореализации. Она проявляет себя лишь как рациональные проекты реформирования общества, политические стратегии, национальные идеи и т. д., превращающие индивидов в граждан, членов корпорации, нацию, народ или толпу. Этот процесс он, как и в свое время Ф. Ницше, связывает с инстинктом жизни, волей к жизни, проявляемой в виде свободы интеллектуальной самореализации, и оптимизмом действия или практикой жизнедеятельности, наиболее непосредственным и наиболее глубоким проявлением которых является благоговение перед жизнью. Именно поэтому этическое знание, по убеждению А. Швейцера, таит в себе высшую правду и высшую целесообразность. Эту целесообразность, по его мнению, современная философия не в состоянии даже обосновать, не то что познать, так как она занималась до сих пор всем, только не культурой. Она, невзирая ни на что, продолжала тратить усилия на выработку теоретического всеобъемлющего миро-

воззрения в уверенности, что оно поможет решить все проблемы. Все проблемы знания она традиционно сводила к просвещению и рационализму.

«Просвещение и рационализм, – по мнению А. Швейцера, – выдвинули основанные на разуме этические идеалы, касающиеся эволюции индивида к подлинному человечеству... Создалась даже некая видимость окончательного триумфа культуры и неуклонного ее процветания. Однако в середине XIX в. эти столкновения основанных на разуме этических идеалов с действительностью постепенно пошли на убыль. В последующие десятилетия они продолжали все более и более затухать. Без борьбы и без шума культура постепенно пришла в упадок» [6, с. 34].

Традиционная философия, утверждал А. Швейцера, не задумывалась над тем, что это мировоззрение, зиждущееся только на истории и естественных науках и, соответственно, лишенное таких качеств, как оптимизм и этичность, даже в законченном виде будет оставаться ненужным «мировоззрением», которое никогда не сможет породить энергию, необходимую для обоснования и поддержания идеалов культуры. При этом в духе Ж. Ж. Руссо и его концепции свободного воспитания, З. Фрейда и его психоанализа А. Швейцера представляет социальную культуру и общество как основное, искусственно созданное препятствие на пути к реализации природных задатков человека и его естественных прав на свободу творческой самореализации и реальную возможность высвобождения психической энергии.

В самых общих чертах развитие культуры, по мнению А. Швейцера, состоит в том, что разумные идеалы, призванные содействовать прогрессу человечества, воспринимаются индивидами и, полемизируя с действительностью, принимают при этом такую форму, которая способствует наиболее эффективному и целесообразному воздействию их на условия жизни людей. Следовательно, способность человека быть носителем культуры, т. е. понимать ее и действовать во имя нее, зависит от того, в какой мере он является одновременно мыслящим и свободным существом. Но быть таковым в условиях господства запретительных и регулятивных норм культуры и существующего права он не может, поскольку с рождения его жизненная энергия гасится многочисленными социальными институтами, якобы призванными стимулировать духовную жизнь. На самом же деле в таких условиях самостоятельно думать ему не приходится. За него это делают другие – родители, учителя, различные бюрократические структуры и отдельные их представители.

В сколь скрытой степени бездумье стало для человека второй натурой, по мнению А. Швейцера, видно хотя бы из характера его обычных общений с окружающими людьми. Ведя разговор с себе по-

добными, он следит за тем, чтобы придерживаться общих замечаний и не превращать беседу в действительный обмен мыслями. Он не имеет больше ничего своего и даже испытывает в некотором роде страх, что от него может потребоваться это свое. В других и самом себе мы ищем лишь применения труженика и согласны почти ничем быть сверх того.

С точки зрения несвободного существования и разобщенности, по мнению А. Швейцера, наиболее неблагоприятно сложились условия жизни населения больших городов. Соответственно, они более подвержены угрозе духовной деградации. Ныне, во всяком случае, считает он, положение вещей таково, что подлинную культуру, и в первую очередь экологическую, необходимо спасать от духа потребления, исходящего от больших городов и его жителей. Подлинность культуры, по его мнению, определяется некими глобальными, общими для всего человеческого рода духовными способностями благоговения перед жизнью и восприятия человека как ценности, несовместимой ни с национальной идеей, ни с замкнутым образом жизни и одиночеством городского жителя, благодаря чему нормальные отношения человека к человеку, характеризующиеся эмпатией, сочувствием и любовью друг к другу стали затруднительным делом. Сами обстоятельства нашего бытия, утверждал А. Швейцер, не позволяют нам относиться друг к другу, как к человеку. Исчезают присущие человеку уникальность и неповторимость, его творческие возможности преобразования мира. Навязанные нам ограничения в деятельности, несвойственные человеческой природе, носят, по его мнению, настолько универсальный и систематический характер, что мы привыкли к ним и уже больше не воспринимаем наше безликое поведение как нечто противоестественное. Мы уже не страдаем от того, что в таких-то и таких-то ситуациях не можем больше проявлять подлинное человеческое участие к своим близким и в конечном счете деградируем вплоть до отречения от истинно человеческих отношений, где они возможны и нужны.

«Мы живем, – утверждает А. Швейцер, – в атмосфере оптимизма, уверенности в том, что существующие в мире противоречия сами по себе разрешатся в духе целесообразного прогресса...» [6, с. 64]. Само наше существование определяется исключительно сферой государственного регулирования и волевыми решениями чиновников бюрократического аппарата, дозирующих свободу граждан различными правовыми актами. К началу XX в., считает он, сформировалось убеждение в том, что основным способом реализации интересов граждан является национальное государство как естественный и человечный организм, который лучше всего способен осуществлять идеалы куль-

турного государства. С этого времени, считает философ, *национальное чувство становится под опеку разума, нравственности и культуры*. Национальная идея поднимается до уровня командного культурного идеала. Она постепенно вытесняет все остальные культурные идеалы и из сферы теоретической переходит в сферу реальной действительности, определяя тем самым все особенности мышления нашей эпохи, концентрирующего весь энтузиазм на национальной идее в уверенности, что именно в ней заключены все духовные и моральные ценности. При этом давно наметился разрыв между этическим идеальным и реальным поведением, духовностью, выражаемой в виде религиозных и других священных чувств, и прагматизмом социально-экономической жизни. Происходит своеобразная замена культуры. Если раньше культивировалось священнодействие, то теперь повиновение верховной государственной власти, обретшей национальные формы. «Современные массы, – полагает А. Швейцер, – требуют оградить национальные воззрения от влияния разума и нравственности, считая это самым верным средством не допустить профанации священных чувств» [6, с. 60]. И теперь национальная идея являет собою духовную силу, действующую по собственному произволу. С заменой культуры, одновременно изменилась и сущность национальной идеи относительно других, основанных на разуме этических идеалов, которым она до сих пор подчинялась. Надобность в этом отпала, так как сами эти идеалы оказались прагматичными.

Раньше, – считает А. Швейцер, – была просто культура, и каждый культурный народ стремился усваивать ее. Теперь же только инстинкты действительности, а не этические идеалы двигают ею. «Претензия на самобытность национальной культуры в том виде, в каком о ней заявляется в наше время, представляет собой болезненное явление, предопределенное тем, что культурные нормы утратили свою здоровую природу и руководствуются уже не инстинктом, а теориями» [6, с. 62–63].

Столь пристальное внимание к инстинктам, коллективному бессознательному, менталитету и культурным кодам свидетельствует о глубоком кризисе буржуазной рациональности и основанных на них идеалов либерализма и бюрократизма как идеалов современного знания и современного общества и предполагает поиск иных путей и социальных гарантий свободы самореализации личности и социальных сообществ. Сегодня явно недостаточно лишь выработки стратегии и тактики общественного развития и создания на этой основе стандартов образования, учебных планов и т. п. Требуется социология знания, позволяющая совершенствовать общественную жизнь, начиная с анализа ее проблем и поиска путей их разрешения не в виде борьбы

с пьянством, преступностью и другими негативными явлениями общественной жизни в форме организационных мероприятий, спускаемых сверху вниз, а в виде социальной инициативы снизу вверх,

начиная с семьи, поселений и регионов. На постсоветском пространстве эти поиски усиливаются еще и исторической памятью на этот счет.

Библиографические ссылки

1. Руткевич Е. Д. Феноменологическая социология знания. М. : Наука, 1993.
2. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. П. М. Кудюкина ; под общ. ред. Б. Ю. Кагарлицкого. СПб. : Университет. кн., 2001.
3. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века / пер. с англ., под ред. В. И. Иноземцева. М. : Логос, 2004.
4. Палицин В. К вопросу о соотношении понятий «знания», «информация», «данные» // Наука и инновации. 2018. № 2 (180). С. 44–49.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М. : Медиум, 1995.
6. Швейцер А. Культура и этика. М. : Прогресс, 1973.

References

1. Rutkevich E. D. Fenomenologicheskaiia sotsiologiia znaniia [Phenomenological sociology of knowledge]. Moscow : Nauka, 1993 (in Russ.).
2. Vallerstain I. Analiz mirovykh sistem i situatsiia v sovremennom mire [Analysis of the world systems and situation in the modern world]. Saint Petersburg. : Univ. kn., 2001 (in Russ.).
3. Vallerstain I. Konets znakomogo mira. Sotsiologiya XXI veka [The end of the world as we know it. Social science for the XXI century]. Moscow : Logos, 2004 (in Russ.).
4. Palitsin V. The question of correlation of the concepts of knowledge, information, data. *Sci & innov.* 2018. No. 2 (180). P. 44–49 (in Russ.).
5. Berger P., Lukman T. Sotsialnoe konstruirovaniie real'nosti [Social construction of reality]. Moscow : Medium, 1995 (in Russ.).
6. Shveitser A. Kultura i etika [Culture and ethics]. Moscow : Progress, 1973 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 31.08.2017.
Received by editorial board 31.08.2017.

УДК 165

ОБЫДЕННОЕ ПОЗНАНИЕ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Р. Н. ДОЖДИКОВА¹⁾

¹⁾Белорусский национальный технический университет,
пр. Независимости, 65, 220013, г. Минск, Беларусь

Предпринята попытка применить методологические принципы классификации обыденного познания В. С. Стёпина к анализу современного состояния когнитивной социализации. Проанализировано программирующее воздействие обыденного познания на характер восприятия научного и псевдонаучного знания на основе использования статистического материала, полученного в результате письменного опроса студентов. Выявлены некоторые проблемы современного школьного образования, пропаганды науки и распространения псевдонауки. Сделан вывод о том, что обыденное познание является своеобразным индикатором когнитивной социализации, уровня освоения и фиксации научных достижений.

Ключевые слова: обыденное познание; программы общения, поведения и деятельности; социализация; житейские эталонные образцы; образование; наука; псевдонаука.

Благодарность. Выражаю благодарность профессору Л. М. Томильчику за плодотворное обсуждение проблем, затронутых в данной статье.

EVERYDAY COGNITION AND SOME PROBLEMS OF COGNITIVE SOCIALIZATION

R. N. DOZHDIKOVA^a

^aBelarusian State Technical University, 65 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220013, Belarus

The author has attempted to apply V. S. Stepin's methodological principles of classifying the notion of «everyday cognition» to the analysis of the contemporary state of cognitive socialization. The programming impact of everyday cognition on the character of perceiving scientific and pseudo-scientific knowledge on the basis of using statistical data obtained from the students' questionnaires is analyzed. Certain problems of contemporary school education, as well as propaganda of science and criticism of pseudo-science are explicated. The author comes to the conclusion that everyday cognition can serve as a specific indicator cognitive socialization, the level of assimilating and fixing scientific achievements.

Key words: everyday cognition; programmes of communication, behavior and activity; habitual standard patterns; socialization; education; science; pseudo-science.

Acknowledgements. I wish to express my gratitude to Professor L. M. Tomilchik for his sincere interest in my research and valuable advice that helped improve this article.

Образец цитирования:

Дождикова Р. Н. Обыденное познание и некоторые проблемы когнитивной социализации // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 1. С. 30–40.

For citation:

Dozhdikova R. N. Everyday cognition and some problems of cognitive socialization. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 1. P. 30–40 (in Russ.).

Автор:

Раиса Нуриевна Дождикова – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философских учений факультета технологий управления и гуманитаризации.

Author:

Raisa N. Dozhdikova, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophical studies, faculty of management technologies and humanization. dozhdikova@inbox.ru

Введение

Проблема обыденного (массового) познания актуализируется на современном этапе развития постиндустриального общества в связи с возрастанием активности масс в социокультурной и политической сферах (об этом писал еще Х. Ортега-и-Гассет в своей работе «Восстание масс») и появлением возможности манипулирования массами в политической борьбе («арабская весна») через интернет и мобильную связь. Кроме того, исследование процесса обыденного познания вскрывает алгоритмы когнитивной социализации, воспроизводства общественной жизни. В социальном познании происходит постоянная циркуляция смыслов и правил от житейской фи-

лософии, морали, религии, повседневной политики, права, искусства и преднаучных знаний к их специализированным формам, а затем протекает процесс адаптации идеалов и норм научного познания к существующим идеалам и нормам обыденного познания – с соответствующей их коррекцией [1, с. 34].

Данная работа написана в целях диагностики современного состояния когнитивной социализации, выявления уровня дезориентирующего воздействия на молодежь, прежде всего студенческую, псевдонауки и различных архаических форм познания (магия, астрология) и, как следствие, неадекватной интерпретации научных достижений.

Методологические предпосылки исследования

В фундаментальном исследовании «Анализ повседневности» И. Т. Касавин подчеркивает, что «повседневность как познание выражается в процессе когнитивной социализации, адаптации к условиям и вживания в архетипы» [2, с. 414]. Для нашего исследования методологически важным является рассмотрение обыденного познания как процесса когнитивной социализации, имеющего глубинные архетипические корни и основания, а также как «способа усвоения и фиксации творческих достижений» [2, с. 414].

Методологические установки, необходимые для определения специфики обыденного познания, мы находим также в работах В. С. Стёпина, который в своей знаменитой книге «Теоретическое знание» предлагает следующие принципы классификации научного и обыденного познания: по предмету, средствам, продукту, методам и субъекту деятельности. Действительно, обыденное познание отражает только те **объекты**, которые формируются в обыденной практике и могут быть преобразованы лишь «в наличных исторически сложившихся способах и видах практического действия» [3, с. 46]. Объект обыденного познания меняется под воздействием активного вторжения в жизненный мир человека виртуальной и технической реальности [4, с. 9], происходит его расширение и переформатирование.

Средством обыденного познания является обыденный язык, в котором понятия многозначны, а их точный смысл «обнаруживается лишь в контексте языкового общения, контролируемого повседневным опытом» [3, с. 46]. Данное средство обыденного познания служит лишь «для описания и предвидения объектов, вплетенных в наличную практику человека» [3, с. 46]. Существуют прямые и обратные связи между повседневным и научным языком. Так, язык науки может оказывать обратное воздействие на повседневный язык, в результате чего, например, термины, которые первоначально

были специфически научными (*электричество, холодильник, компьютер*), прочно вошли в современный обыденный язык. Кроме того, средства, применяемые на производстве и в быту, отличаются по своему характеру от специальной научной аппаратуры. Модификация средств обыденного познания происходит под влиянием внедрения в жизненный мир человека виртуальной и новой технической реальности, о чем говорил В. А. Лекторский на заседании круглого стола «“Реалистический поворот” в современной эпистемологии, философии сознания и философии науки?» [4, с. 9]. Поэтому привычно-обиходными становятся слова, имевшие ранее специализированное применение, например *алгоритм, интернет, перезагрузка, социальные сети*. Появляются и новые, в том числе сленговые, слова: *мобильник, смайлик, киборг, юзер, комп, мыло (e-mail)* и т. д. По нашему мнению, анализ модифицированных средств обыденного познания (повседневного языка) поможет диагностировать изменения в мышлении и образе жизни субъекта обыденного познания.

Продукт обыденного стихийно-эмпирического познания не является систематизированным, он включает в себя «конгломерат сведений, предписаний, рецептур деятельности и поведения, накопленных на протяжении исторического развития обыденного опыта» [3, с. 47], достоверность которых устанавливается ситуационно, благодаря непосредственному применению в наличных ситуациях производственной и повседневной практики. Приемы, т. е. **методы**, посредством которых объекты обыденного познания выделяются и фиксируются в качестве предмета познания, вплетены в обыденный опыт и, как правило, не осознаются субъектом в качестве метода познания. **Субъекту обыденного познания** не требуется особой специальной подготовки, вернее, «она осуществляется автоматически, в процессе социализации индивида, когда у него

формируется и развивается мышление в процессе общения с культурой, и включения индивида в различные сферы деятельности» [3, с. 49–50]. Под влиянием новой технической и виртуальной реальности продукт обыденного познания (рецепты деятельности и поведения), его приемы и методы рассматриваются современными исследователями (М. Минским, И. Гофманом) как фреймы, процедурные знания, аналог фреймов для искусственного интеллекта. «По образу и подобию машины» меняется и упрощается субъект обыденного познания, интеллектуальный багаж и кругозор которого сужаются вследствие постепенной утраты интереса к книжной культуре и формирования клипового мышления.

В своем анализе концепции жизненного мира Э. Гуссерля, ссылаясь на исследования Н. В. Мотрошиловой, В. С. Стёпин подчеркивает, что этот термин обозначает многообразие человеческого опыта, и прежде всего до-теоретический, повседневный опыт. Жизненный мир – это не окружающая нас природная и социальная среда, а их понимание, переживание и осмысление людьми [5, с. 104]. Исходя из данной методологической установки можно сказать, что обыденное познание – это до-теоретический, повседневный опыт, переживание, понимание и осмысление человеком окружающей природной и социальной среды, своего жизненного мира.

Культуру В. С. Стёпин рассматривает как систему «исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [5, с. 33]. Взаимосвязь мировоззренческих универсалий культуры образует обыденную картину человеческого мира, или «мировоззрение эпохи», по терминологии В. С. Стёпина. Такая «обобщенная картина человеческого мира» вводит «определенную шкалу ценностей, принятую в данном типе культуры, и поэтому определяет не только осмысление, но и эмоциональное переживание мира человеком» [5, с. 63]. Исходя из концепции культуры В. С. Стёпина и рассмотрения нами обыденного познания как ключевого фактора воспроизводства общественной жизни, можно сделать вывод о том, что не только научное, но и прежде всего обыденное познание – это освоение надбиологических программ общения, поведения и действия, характерных для культуры и той или иной субкультурной (например, национальной, конфессиональной) прослойки данного общества. Эти программы включают в себя предписания, нормы, навыки, идеалы, образцы деятельности и поведения, идеи, верования, цели и ценностные ориентации, которые в своей совокупности образуют постоянно развиваемый социальный опыт: «Этот

опыт рубрицируется соответственно смыслам универсалий культуры и стягивается в своеобразные кластеры. Благодаря такой “категориальной упаковке” он включается в процесс трансляции и передается от человека к человеку от одного поколения к другому» [5, с. 63].

Таким образом, благодаря категорической упаковке социального опыта в процессе обыденного познания происходит его усвоение и трансляция стереотипов мышления и деятельности, шаблонов поведения, социальных кодов общения, например «золотого правила» нравственности. Субъект обыденного познания постигает мировоззренческие категории, например добро и справедливость, как специфические стандарты поведения, деятельности и общения, типичные формы жизнедеятельности в сфере труда, быта и досуга, т. е. как определенный социальный образ жизни: «Смыслы универсалий выступают в качестве особого рода глубинных программ, которые предопределяют сцепление, воспроизводство и вариации всего многообразия конкретных форм и видов поведения и деятельности, характерных для определенного типа социальной организации» [5, с. 57]. Мировоззренческие универсалии через систему воспитания, образования, приобретения знаний и умений влияют на ценностно-целевые установки и смысложизненные ориентиры конкретного человека, определяют характер его социализации, картину мира, отношение к науке, а также образ жизни [6, с. 37]. В процессе освоения этих глубинных программ и культурных традиций через механизм обыденного познания и происходит воспроизводство общественной жизни. Таким образом, механизм обыденного познания вскрывает алгоритмы социализации, социального наследования.

Идеалы и нормы деятельности, поведения и общения как определенные «схемы метода» (В. С. Стёпин) можно рассматривать и в качестве своего рода процедурных знаний, «знаний как», или фреймов, своеобразных технологий обыденного познания [7, с. 63]. Создатель теории фреймов, М. Минский, подразделявший их на статические (или просто фреймы) и динамические (сценарии) определял, что «фрейм является структурой для представления стереотипной информации. С каждым фреймом ассоциирована информация разных видов. Одна ее часть указывает, каким образом следует использовать данный фрейм, другая – что предположительно может повлечь за собой его выполнение, третья – что следует предпринять, если эти ожидания не подтвердятся» [8, с. 7]. Обыденное познание помогает человеку ориентироваться и действовать в окружающем мире, который становится все более многофакторным, поэтому роль и значение обыденного познания в современном постиндустриальном обществе нельзя недооценивать.

Обыденное познание: *pro et contra*

У обыденного познания есть свои преимущества перед иными формами социального познания. Оно включает в себя тот опыт и то знание жизни, которого нет, например, в научном познании, но которое составляет важное условие и предпосылку для достижения жизненного успеха и счастья. Есть вещи, которые определенно находятся вне компетенции науки, но тем не менее касаются многих важных в житейском обиходе вопросов. Так, житейский опыт, обыденное знание «знает» то, о чем и не подозревает научное: например, как выбрать себе спутника жизни либо как разобраться в людях, чтобы не допускать ошибочного выбора решений в процессе социального общения.

Целый кластер житейской мудрости и здравого смысла заключен также в пословицах и поговорках, которые, как и богатый арсенал жизненного опыта, имплицитно включены в обыденное познание и являются основой повседневной интуиции. Народная мудрость в форме поговорок и пословиц (по определению В. И. Даля, «ходячего ума народа»), а также примет содержит в себе многократно проверенные выводы, советы, предупреждения, предположения, прогнозы, шаблоны поведения и стереотипы мышления применительно к конкретной наличной ситуации. Поведенческие и ментальные схематизмы, основанные на ценностях труда, жизни и учения (*век живи – век учись*), приоритета добра, диалектики «худа» и «добра» (*нет худа без добра*), опыте коммуникаций (*не имей сто рублей, а имей сто друзей*), ценностях ума, юмора и диалога (*ум – хорошо, а два – лучше*), уважительном отношении к природе-матушке и земле-кормилице, учат ответственности за любое свое действие, в том числе познавательное и коммуникативное (*как аукнется, так и откликнется*), содержат образцы решения практических и познавательных задач (*без труда не вытащишь и рыбки из пруда*), правила принятия обдуманных решений (*семь раз отмерь – один раз отрежь*), а также запреты (*не навреди; не плюй в колодец; не зная броду, не суйся в воду*) [1, с. 36].

Следует помнить, однако, об определенной двойственности, внутренней противоречивости обыденного познания. С одной стороны, ему присущи здравый смысл и житейская мудрость, а с другой – остаточные формы мифологического мировосприятия (суеверия, предрассудки и т. п.), внерациональные и иррациональные формы мировосприятия. Так, Е. В. Золотухина-Аболина в своей статье «Здравый смысл и иррациональное» подчеркивает полярность обыденного сознания, которое не сводится к своей рациональной составляющей, а в значительной степени является «пространством для расцвета многообразных внерациональных и иррациональных форм мировосприятия» [9, с. 188].

В свое время В. С. Стёпин обратил внимание на то, что обыденное познание «программирует поведение людей даже намного больше, чем наука» [10, с. 3]. Как нам представляется, глубокая продуктивность данного тезиса особенно заметно проявляется в ситуациях, когда информация о научном знании проецируется на житейское понимание. В высшей степени поучителен в этом плане пример реакции широкой общественности в 2012 г. на выдающееся научно-техническое достижение нашего столетия – запуск Большого адронного коллайдера (БАК), при котором было получено рекордно высокое для земных условий значение энергии сталкивающихся протонов. Естественно, такое сенсационное событие широко освещалось в мировых СМИ. В одном из многочисленных интервью специалистов представителям СМИ прозвучало утверждение о том, что в БАК воспроизведены условия, которые существовали во Вселенной спустя одну триллионную (т. е. одну миллионную одной миллионной) долю секунды после Большого взрыва. Сказано это было в пропагандистско-популяризаторской манере и с единственным желанием подчеркнуть огромную значимость достижения. При этом интервьюируемый специалист в своем высказывании ни на йоту не погрешил против научной истины. Однако, как писал еще Ф. Тютчев, *нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...*

Реакция общественности на подобное заявление легко предсказуема, если принять во внимание особенности восприятия этой информации типовым носителем обыденного сознания. Он наверняка слышал о том, что Вселенная возникла в результате Большого взрыва, но жизненно значимые для него промежутки времени – это год, месяц, день, час, минута, секунда, иногда – ее десятая. Поэтому триллионная доля секунды для обывателя фактически звучит – как «в тот же момент», или «непосредственно около». Естественное следствие подобного восприятия – шок в массовом сознании, вплоть до требований прекратить работу БАК, поскольку его существование связано с риском взорвать всю планету.

В действительности интервьюируемый специалист имел в виду не время как таковое, а энергию. В физике высоких энергий временные промежутки приходится определять способом, кардинально отличным от общежитейского. Фактически здесь речь идет о сопоставлении определенных энергетических масштабов. Достиженные в БАК энергии, хотя и рекордно высоки для «рукотворных» протонных пучков, все еще несоизмеримо малы по сравнению с характерной энергией Большого взрыва. Так что ни малейшей угрозы для Земли в целом работа БАК не представляет. Разумеется, все эти профессиональные детали были известны интервьюи-

руемому специалисту, однако для обывателя они представляются тайной за семью печатями. Так возникает характерный «эффект неверно понятой истины». Приведенный пример является хорошей

иллюстрацией к известному тонкому афоризму американского философа и психолога В. Джеймса: «Нет лжи худшей, чем истина, ложно истолковываемая» [11, с. 286].

Проблемы интерпретации научно-технической информации

При доведении до общественного сознания информации о научно-технических достижениях важно учитывать психологию восприятия обывателя – субъекта обыденного познания. Психология восприятия индивида определяется наличием «своих» эталонных образцов, в рамках которых происходит восприятие информации, а также оценка ее значимости и адекватности. Естественно, комплект таких эталонов, имеющихся в распоряжении учебного, резко отличается от используемого обычным человеком.

Особенности механизма восприятия информации в обыденном познании обусловлены недостаточной эксплицированностью житейских эталонных образцов, их неосознанностью. В физике, например, эталонные образцы, во-первых, строго заданы, во-вторых, приведены в систему. То и другое в обыденном познании, а значит и в общественном сознании, отсутствует. Тем не менее можно попытаться эксплицировать и структурировать то, что в обыденном познании существует в неявной либо метафорической форме:

- 1) количественные эталонные образцы (*много – мало, большое – малое*);
- 2) качественные эталонные образцы:
 - а) гносеологические (*правда – ложь, адекватно – неадекватно*);
 - б) праксеологические (*мастер на все руки – мастер-ломастер, золотые руки – дырявые руки*);
 - в) аксиологические (*хорошо – плохо, добро – зло*);
- 3) эталонные образцы меры (*золотая середина, ни много ни мало*).

В настоящей работе не ставится задача подробно обсуждать подобную систематизацию. Однако с образцами, относящимися к первому типу, ситуация достаточно очевидна. Разделение на понятия *большое – малое* фактически разрешается в рамках принципа «все познается в сравнении». Сравнительная оценка той или иной величины обязательно предполагает сопоставление (в обыденном познании, как правило, оно происходит подсознательно) с некоторым эталоном (единицей измерения). Например, секунда – это много или мало? Для бегуна на стометровку – очень много. По сравнению с продолжительностью рабочего дня – ничтожно мало. Перечень примеров подобного рода легко продолжить.

Отсутствие в настоящее время должной пропаганды науки и конфессиональной культуры обобщается суеверием и невежеством, происходит

подмена социокультурных ценностей, их дезинтеграция. Ситуация усугубляется агрессивной рекламой в СМИ не только псевдонаучных знаний (астрологии, уфологии и др.), но и деятельности так называемых экстрасенсов, колдунов и ведьм. Подобное программирование обыденного сознания порождает возможность опасного манипулирования индивидом. Проблема заключается в том, что зачастую в поисках интерпретации и применения полученного знания субъект обыденного познания опирается на мифологизированные представления и предрассудки, в том числе псевдонаучные.

Для диагностики «состояния здоровья» общества необходим регулярный мониторинг общественного сознания, оценка его особенностей, установок и возникающих проблем. Учет амбивалентности процесса обыденного познания и, соответственно, общественного сознания необходим не только в контексте существующих глобальных кризисов и рисков, но и в плане современных реалий в целом. Данная черта обыденного познания может служить своего рода индикатором проблем в сферах культуры, образования и воспитания, а также рисков, связанных с возрастающим влиянием СМИ на процесс социализации в современных условиях, что особенно актуально в настоящее время. Вот что говорит В. С. Стёпин об актуальности данной проблемы: «Сегодня под влиянием СМИ и интернета у массы людей формируется так называемое клиповое мышление, когда мелькает калейдоскоп образов, не связанных никакой логикой и не имеющих рационального обоснования. “Клиповое мышление” является распространенной формой обыденного сознания. В нем легко сопрягаются и рядоплагаются логически несовместимые утверждения. И его перенос в науку и философию создает дополнительные трудности для усвоения идеалов и норм, обеспечивающих рост знания в этих областях» [12, с. 64]. Как отмечал К. В. Ушинский, фантазировать легко, а мыслить тяжело [5, с. 188].

Отсутствие глубоких знаний, четкой доказательной базы, способности логически анализировать знания, факты и мнения ведет к опасной приверженности обывателей мистике, магии, порождает доверие к носителям иррационального начала, открывает широкие возможности манипулирования людьми, их зомбирования и программирования на действия, заведомо опасные как для их жизни и здоровья, так и для будущего всего общества.

В связи с тем, что «в жизненный мир человека активно вторгаются виртуальная и техническая

реальность» [4, с. 9], на смену письменной культуре постепенно приходит культура пиктограмм: уже неудивительно, что в письме вместо слов признательности или благодарности можно получить смайлик, а вместо слов любви – символическое изображение сердца. Привычка постоянно сокращать слова в отправляемых через интернет сообщениях автоматически ведет к тому, что такие сокращения появляются и в разговорной речи, деградирует «речевое мышление» (Л. С. Выготский), утрачивается «роскошь человеческого общения» (А. де Сент-Экзюпери), расширяются возможности «нового варварства» (Н. В. Мотрошилова).

Увлечение фэнтэзи, мистикой, а также погружением в виртуальную реальность еще не сформировавшейся личности фактически представляют собой уход от действительности (бегство от реальности, существующих проблем, рисков и угроз), приво-

дит к инфантильности, искаженному восприятию реальности и прямым психическим отклонениям: ««клиповое мышление» делает людей очень восприимчивыми ко всяким чудесам, тайнам и т. д. Люди верят во что угодно» [5, с. 188]. Так, в США вера в НЛО стало своего рода разновидностью религии.

Страдает и качество образования. Школьники и студенты, активно использующие технические новшества, популярные гаджеты, не имеют представления о том, какие научные факты и принципы лежат в основе создания технологий, что способствует в конечном счете формированию искаженного «образа науки» как в индивидуальном, так и в общественном сознании. В итоге уровни знания и осознания у субъекта обыденного познания, как правило, не совпадают, и обыватель фактически не имеет представления о том, что по его мнению, он «знает», например, что такое наука, закон, истина и т. д.

Когнитивная социализация и псевдонаука

Для оценки современного состояния обыденного познания и качества знаний нами был проведен частный, но оказавшийся очень показательным, письменный опрос группы студентов 2-го курса технического учреждения высшего образования (УВО). Всего в опросе участвовали 62 человека. Это немного для далеко идущих обобщений, но уже данная выборка выявила некоторые специфические особенности обыденного познания. Нас интересовал срез более «продвинутой» молодежи, ибо соотношение научных и псевдонаучных представлений у них и молодых людей, не являющихся студентами технического УВО, разумеется, различен. Понятно, что степень псевдонаучности представлений у людей средней и низкой грамотности выше, чем у студентов. На наш взгляд, важным и интересным является сравнение данных результатов с результатами опроса студентов гуманитарных специальностей для выявления общих и особых тенденций в образовании. Можно априори предположить, что студенты-гуманитарии покажут иные результаты по сравнению со студентами технических УВО.

В процессе проведенного «малого мониторинга знаний» студентам были заданы десять вопросов. Из них пять касались псевдонауки (астрологии, магии, паранормальных явлений), три вопроса были связаны с проблемой религии (отношение к религии, значение религии в обществе, свобода совести), два затрагивали собственно научные положения.

Приведем количественные результаты опроса. На вопрос: «Верите ли Вы гороскопам?» – 56 студентов (90 %) ответили отрицательно, 3 (5 %) – утвердительно, 3 студента (5 %) выбрали ответ «иногда». На вопрос: «Верите ли Вы в сглаз?» – 46 студентов (74 %) ответили «нет», 11 (18 %) – «да», 4 (6 %) –

«иногда». На вопрос: «Верите ли Вы в магию?» – 13 студентов (21 %) ответили утвердительно, 49 (79 %) – отрицательно. В колдунов верят 12 студентов (20 %), 50 (80 %) – не верят. Экстрасенсам не доверяют 52 студента (84 %), 10 опрошенных (16 %) верят им. Подобные результаты свидетельствуют не только о неожиданно высоком уровне инфантильности (детской вере в волшебников и магов) опрашиваемого контингента, но и о недостаточном наличии современных научных мировоззренческих установок. «Свято место пусто не бывает», и при отсутствии четкого научного мировоззрения его заменяют внерациональные формы мировосприятия, которые имеют порой глубинные архетипические корни и основания, а не просто являются проявлением невежества.

Полученные результаты свидетельствуют о явных пробелах в школьном образовании, а также в процессе когнитивной социализации ряда участников опроса. В этом плане показателен ответ на вопрос: «Знаете ли Вы, что такое свобода совести?» – на который 42 студента (68 %) ответили «нет» и лишь 20 (32 %) – «да». Верующими позиционировали себя 29 студентов (47 %). Нейтрально (толерантно) к религии относятся 19 участников опроса (30 %). Два студента (3 %) ответили: «и да, и нет»; «частично». Отрицательно относятся к религии 11 студентов (18 %), один студент (2 %) отметил, что ему «трудно ответить». Позитивное значение религии в обществе отмечают 28 студентов (45 %), негативное – 13 (21 %), в нынешнем виде негативно – 1 (2 %), двойное («50 на 50», «смотря где») – 5 (8 %). Такие «разбросы» в ответах во многом обусловлены отсутствием должной пропаганды конфессиональной культуры и межконфессиональных отношений, что, по нашему мнению, связано с явным дефицитом радио- и телепередач, в которых данные вопро-

сы обсуждались бы в доступной форме и на профессиональном уровне. Следствием такой ситуации является то, что средний современный студент выглядит дезориентированным.

Тем не менее 45 % студентов позитивно оценивают роль религии в обществе. Некоторые поясняют свои оценки ссылками на то, что «религия устанавливает правила в жизни», «это важная часть жизни общества», «влияние религии сдерживающее, положительное», «без религии общество было бы аморальным». Важную регулятивную роль религии в обществе подчеркивают и большая часть студентов-атеистов.

Из 13 студентов, негативно оценивших значение религии, один пояснил, что религия – «устаревший фактор управления массами». Двое студентов, вспомнив марксистскую оценку религии, назвали ее «опиумом для народа», упуская из виду, что опиум может применяться не только «для одурманивания масс», но и в качестве болеутоляющего средства.

Неожиданно оказалось, что 17 студентов-атеистов верят в слез, магию, астрологию и доверяют экстрасенсам. Среди опрашиваемых был один студент, который доверяет гороскопам, верит в слез, магию, колдунов, экстрасенсов, не верит в Бога и, негативно оценивая значение религии в обществе, не ответил вообще ничего на вопрос о научных идеях и теориях, лежащих в основе современных технических новинок. Это любопытный и, к счастью, единственный пример того, как атеизм может сочетаться с предрассудками, суевериями и невежеством. Подобные факты позволяют сделать вывод о необходимости диалога науки и религии в целях борьбы с их общим врагом – псевдонаукой, различными проявлениями язычества и суеверий.

Настороженность вызывают ответы на вопрос о том, какие научные идеи (теории) лежат в основе современных гаджетов (мобильных телефонов, компьютеров, плазменных телевизоров). Всего 14 студентов (23 %) попытались назвать какие-то законы физики, из них только трое (5 %) ответили приблизительно верно, а 48 студентов (77 %) не ответили ничего или признались, что не знают ответа (5 человек из 48). Три студента – это непросто мало, такие результаты говорят о наличии серьезных просчетов в физико-математической составляющей школьного образования. Важно подчеркнуть, что опрашивались студенты, еще в школе ориентированные на естественно-научные и технические дисциплины. Следовало бы ожидать, что студенты избранного ими профильного УВО проявят лучшее знание физики и более глубокое понимание теоретических основ техники.

Интересно, что большая часть студентов, пытавшихся правильно ответить на вопрос о научных идеях, положительно и толерантно относятся к религии (и ее роли в обществе). С другой стороны,

два студента (3 %), назвавших религию «опиумом для народа», не ответили на вопрос, касающийся научных идей, один из них даже утверждал, что Солнце движется вокруг Земли. Таким образом, можно констатировать, что атеизм иногда сопровождается отсутствием адекватных научных представлений.

Большинство участников опроса – 43 студента (69 %) – придерживаются гелиоцентрической модели мира, но все же немалая часть опрошенных – 19 студентов (31 %) – являются сторонниками геоцентрической системы. Некоторые из них ссылаются при этом на теорию относительности или дают следующие ответы: «все относительно»; «относительно»; «смотря откуда смотреть»; «смотря относительно чего брать точку отсчета»; «смотря какая точка отсчета»; «зависит от того, что взять за точку отсчета»; «если взять в подробности теорию относительности, то да»; «относительно Земли Солнце движется вокруг нас»; «да, если брать по физике относительно Земли» и т. д. Так, расхожее выражение «все относительно», представляющее собой вульгаризацию научного принципа относительности, де-факто воспринимается студентами в качестве формулировки этого фундаментального принципа физики. Здесь явно сказывается отсутствие минимально необходимого знакомства с основами специальной теории относительности, что, впрочем, выглядит вполне логичным следствием общего состояния естественно-научной составляющей современного школьного образования. Кроме того, подобные факты свидетельствуют о когнитивном релятивизме данных студентов.

Наконец, еще одна любопытная деталь. В незнании ответа на вопрос о том, какие научные идеи и теории лежат в основе современных мобильных телефонов, компьютеров, плазменных телевизоров, признались только 12 студентов (19 %). Можно предположить, что они осознают свое незнание, т. е. способны к рефлексии, оценке уровня своих знаний. Большинство же – 36 студентов (58 %) – вообще не ответили ничего, демонстрируя тем самым не только недостаточную грамотность, но и отсутствие самооценки, индифферентность к вопросам, касающимся проблем науки. Один студент написал, что в основе современных гаджетов лежит теорема Пифагора. Думаем, что это шутка, которая, однако, не может не настораживать, поскольку свидетельствует о явных просчетах в школьном образовании, общем развитии в целом. Важно также отметить, что практически все ответы являются не вполне определенными, а порой и противоречивыми как по форме, так и по содержанию.

В целом характер и качество ответов, несомненно, отражают «мозговую сумятицу», характерную для клипового мышления. Уклончивые ответы давались даже на вопросы, требующие четкого и однозначных «да» или «нет»: 1) «иногда», «частич-

но», «немного», «возможно», «сомневаюсь», «верю в гороскопы, если хорошие»; 2) «смотря когда», «смотря где», «смотря откуда смотреть», «все относительно»; 3) «средне», «и да, и нет», «50 на 50», «нейтрально»; 4) «сложно ответить», «трудно ответить», «не знаю». Подобная ситуация определенно свидетельствует об инфантильности, недостаточном развитии логической составляющей мышления, что является яркой иллюстрацией справедливости тезиса В. С. Стёпина о том, что клиповое мышление становится типичным.

Важно подчеркнуть, что большинство студентов не доверяют псевдонаучным концепциям, однако настораживает, что пятая часть опрошенных воспринимают их всерьез. И немудрено, ведь информационные передачи, посвященные экстрасенсам (например, «Битва экстрасенсов»), гороскопам и подобным темам, занимают заметную, а иногда и львиную долю всего телеэфира. Простой анализ содержания телепередач за любую неделю, а также большинства молодежных газет показывает, что идет активное и систематическое распространение подобной информации. Так происходит формирование неадекватного мировосприятия у рядового обывателя, его информационная дезориентация.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1) просчеты в когнитивной социализации ведут к инфантильности молодежи и распространению внерациональных форм мировосприятия, стойкость которых говорит об их архетипических корнях;

2) отсутствие четкого научного мировоззрения и когнитивный релятивизм ведут к неадекватной интерпретации научных достижений, возрождению интереса к архаическим формам знания (магии, астрологии);

3) гносеологическая дезориентация связана порой с отсутствием должной пропаганды науки, а также основ профессиональной культуры;

4) широкое распространение клипового мышления связано не только с аудиовизуальными средствами информации, но и с недостатками школьного образования, проблемами формирования системного мышления;

5) для адекватного усвоения и фиксации научных достижений необходимо «заземлить» школьное образование, сделать его более живым, понятным и интересным;

6) школьное образование должно демонстрировать связь науки с современными технологиями и техническими новинками;

7) необходимо развивать диалог науки и религии в целях борьбы со всеми проявлениями псевдонауки.

Культурная миссия науки и массовое сознание

Увеличивающийся разрыв между современными технологиями и обыденным знанием (познанием) становится особенно опасным на фоне наблюдаемой экспансии псевдонауки. На заседании круглого стола «Псевдонаучное знание в современной культуре» В. А. Лекторский эксплицировал ряд проблем, обусловленных данной ситуацией в культуре: размывание идентичности науки, торжество игрового отношения к жизни, взламывание самого фундамента культуры, утрата культурной миссии науки [13, с. 3–7]. Культурная миссия науки состоит в своевременной диагностике ситуации в обществе, а также в экспертной оценке состояния массового сознания (обыденного познания), необходимых профилактических рекомендациях, создании «рецептов» борьбы с псевдонаукой.

Размышляя над состоянием науки и массового сознания в современном постиндустриальном обществе, известный белорусский физик Л. М. Томильчик подчеркивал важное значение «ранней диагностики» псевдонауки, желательно еще на стадии постановки исследовательской задачи. Исследователь отмечал одну характерную особенность восприятия науки общественным сознанием: «Возникла парадоксальная ситуация. Современная цивилизация, обладающая всеми благами, открытыми ей наукой, акцентирует внимание на негативных последствиях ее “нецелевого” использова-

ния. Это, в частности, затрагивает общественный статус ученого, в том числе и материальный. <...> К сожалению, в глазах обывателя наука выглядит непомерно дорогой. Если не прилагать должных усилий к формированию адекватного образа науки в общественном сознании, особенно у тех, кто принимает решения, то падение ее престижа в общемировом масштабе грозит необратимыми последствиями [14, с. 59–60]. Вот что А. Эйнштейн говорил о важности контакта между массами и интеллектуалами: «Ни в коем случае нельзя терять контакт между массами и интеллектуалами. Он необходим для возвышения общества и ничуть не в меньшей мере – для восстановления сил работника умственного труда, ведь цветок науки в пустыне не вырастет» [15, с. 48].

Анализируя причины распространения псевдонаучных знаний, Л. М. Томильчик выделял проблемы современной системы образования: «К большому сожалению, появление новых лжетеорий в определенной мере подпитывает и сложившаяся система образования. <...> Казалось бы, горизонты познания физики давно раздвинули наше понимание мира. Мы в XXI веке, когда создаются мощные ускорители элементарных частиц, планируются так называемые ТОКАМАКи, работа и быт заполнены компьютерными системами различных уровней и габаритов. Но в школьной программе... квантовая физика и специ-

альная теория относительности – нечто необычное и с трудом согласующееся со здравым смыслом. <...> Рассмотреть “свет истины” сквозь шторы массового образования не просто» [16, с. 93].

На фоне общего изменения экономического статуса науки, ее места в общественном сознании наметилисьстораживающие тенденции в процессе высшего образования. По выражению профессора Л. М. Томильчика, усугубился «процесс посерения среднего студента»: «Мы рассчитываем на дальнейший прогресс науки и очередные открытия. Вообще говоря, открытие, как и изобретение чего-то совер-

шенно нового, – это превышение над фоном. Чем выше общий фон знаний, тем выше по абсолютной шкале будет стоять открытие. Поэтому понижение фона – очень опасная тенденция» [16, с. 94].

По нашему мнению, именно обыденное познание, как процесс постижения шаблонов поведения, стереотипов мышления и деятельности, является своеобразным индикатором состояния гносеологической социализации в обществе, уровня освоения и фиксации научных достижений. Пути формирования обыденного познания вскрывают алгоритмы социализации в целом [17, с. 40–43].

Школьное образование и проблемы пропаганды науки

В настоящее время разрыв между достигнутым уровнем науки, ее реализацией в технике, в том числе бытовой, и преподаванием в школе достиг недопустимых масштабов. В школьном образовании до сих пор в качестве нормообразующих моделей физического знания выступают ньютоновские представления, в то время как даже предметы повседневного обихода (телевизоры, компьютеры, мобильные телефоны и т. п.) работают на квантово-релятивистских принципах. Налицо беспрецедентно большой отрыв не только современной науки от ее преподавания в школах, но и обыденного познания от научного. Это обстоятельство говорит о недооценке роли и значения науки как одной из высших ценностей цивилизации, о непонимании многоплановой связи между достижениями науки и техническими комплексами, такими как, например, АЭС и БАК.

Перед школьным образованием возникает задача не просто «приземлить» современную науку, связать ее с обыденным познанием, жизнью и соответствующими разделами образования, но и продемонстрировать, что квантово-релятивистские представления по существу ближе к обыденному познанию и здравому смыслу, чем ньютоновские. Так, известный белорусский физик Е. А. Толкачев «парадоксальное» двойственное «поведение» электрона (корпускулярно-волновой дуализм) удачно сравнивает с хорошо знакомой каждому житейской ситуацией, когда один и тот же человек при одних обстоятельствах оказывается добрым, а при других – злым.

Безусловно, обыденному познанию, как и массовому сознанию в целом, присущ синкретизм, т. е. смешение разнородных знаний и мнений, отсутствие логики и системности. Поэтому одна из важнейших задач образования – структурирование имеющихся знаний, «отделение зерен от плевел», избавление от ошибочных представлений, заблуждений, предрассудков и суеверий и формирование у людей системного мышления, адекватного реальности мировоззрения, осмысленной научной картины мира. В этом смысле образование выступает

в качестве своеобразного проводника, «переводчика», интерпретатора, пропагандиста и популяризатора научного знания, определяет уровень ассимиляции научных знаний [18, с. 56]. Необходимы соответствующие «профилактические мероприятия» в сферах образования, обыденного познания и СМИ. В этом отношении особенно велика роль школьного образования и соответствующей подготовки учителей в целях выработки у учащихся необходимого иммунитета к восприятию псевдонаучного знания. Вообще хорошие ученики бывают только у хороших учителей, любящих и знающих свое дело. Поэтому встает вопрос о качестве профессиональной подготовки учителей средних школ и необходимости их переподготовки в соответствии с требованиями времени для формирования адекватного образа науки у современных школьников.

К сожалению, в настоящее время пропаганда науки в СМИ и интернете по объему и интенсивности значительно уступает пропаганде псевдонаучных взглядов. Конечно же, пропаганда науки – дело очень тонкое, это не столько умение, сколько искусство. Понятия «научность» и «популярность» фактически представляют собой пару взаимно дополнительных категорий: образно говоря, чем больше популярности, тем меньше научности, и наоборот – предельно строгая научность фактически исключает популярность.

Выдержать оптимум, отыскать золотую середину – трудная задача, которая относится к сфере особого искусства, которым владеют, к сожалению, очень немногие. Тем не менее проблема существует, и ее решение является исключительно важным условием для формирования адекватного образа науки в общественном сознании. Поиск путей ее решения – это актуальная задача, стоящая в первую очередь перед общеобразовательной школой и современными СМИ, в том числе перед руководителями газетных, научно-популярных изданий и телепередач, роль которых в процессе социализации личности, в условиях современного постиндустриального общества возрастает ускоряющимися темпами.

Подводя итоги, отметим, что на формирование образа науки в общественном и индивидуальном сознании влияют не только специфика обыденного познания, его двойственность и противоречивость, особенность житейских эталонных образцов субъекта обыденного познания, воздействие виртуальной и технической реальности на механизм восприятия мира вообще и мира культуры и технологий в частности, но и качество нынешнего, прежде всего общего, школьного образования, уровень пропаганды науки и своевременной диагностики

псевдонауки. Учет амбивалентности процесса обыденного познания, его программирующего воздействия на характер восприятия научного и псевдонаучного знания необходим не только в контексте существующих глобальных кризисов и рисков, но и в плане современных реалий в целом. Обыденное познание определяет процесс постижения шаблонов поведения, стереотипов мышления и деятельности, отражает состояние гносеологической социализации в обществе, уровень освоения и фиксации научных достижений.

Библиографические ссылки

1. Дождикова Р. Н. К вопросу об аксиологических основаниях обыденного познания // *Вопр. философии*. 2013. № 2. С. 33–41.
2. Касавин И. Т., Щавелев С. П. Анализ повседневности. М. : Канон+, 2004.
3. Стёпин В. С. Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2003.
4. Лекторский В. А., Пружинин Б. И., Дубровский Д. И. и др. «Реалистический поворот» в современной эпистемологии, философии сознания и философии науки? Материалы «круглого стола» // *Вопр. философии*. 2017. № 1. С. 5–38.
5. Стёпин В. С. Философская антропология и философия культуры. М. : Акад. проект : Альма Матер, 2015.
6. Дождикова Р. Н. Категория «образ жизни» и ее значение в социальном познании // *Вестн. БДУ. Сер. 3. Гісторыя. Філасофія. Навуковы камунізм. Эканоміка. Права*. 1987. № 2. С. 36–38.
7. Дождикова Р. Н. Обыденное познание и его особенности // *Вестн. БДУ. Сер. 3. Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права*. 2010. № 2. С. 30–34.
8. Минский М. Фреймы для представления знаний. М. : Энергия, 1979.
9. Золотухина-Аболина Е. В. Здравый смысл и иррациональное // *Эпистемология и философия науки*. 2016. Т. XLVIII, № 2. С. 176–192.
10. Стёпин В. С. О методологических подходах к анализу социального познания // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия*. 2014. № 3. С. 3–10.
11. Джеймс В. Многообразие религиозного опыта. СПб. : Андреев и сыновья, 1993.
12. Стёпин В. С. Философские беседы: десять лет спустя // *Наука и социальная картина мира. К 80-летию академика В. С. Стёпина*. М., 2014. С. 23–74.
13. Лекторский В. А., Пружинин Б. И., Зотов А. Ф. и др. Псевдонаучное знание в современной культуре. Материалы «круглого стола» // *Вопр. философии*. 2001. № 6. С. 3–31.
14. Томильчик Л. М. Наедине с собой // *Наука и инновации*. 2011. № 4 (98). С. 57–61.
15. Эйштейн А. Мир, каким я его вижу. М. : АСТ, 2016.
16. Михайловская С. У истоков гениальности // *Беларус. думка*. 2012. № 1. С. 90–96.
17. Дождикова Р. Н. Обыденное познание: структура и пути формирования // *Социология*. 2016. № 2. С. 34–44.
18. Дождикова Р. Н. Эволюция обыденного познания и некоторые проблемы постнеклассического образования // *Вопр. философии*. 2015. № 3. С. 55–62.

References

1. Dozhdikova R. N. On the axiological basis of everyday cognition. *Vopr. filos.* [The issues of the philos.]. 2015. No. 2. P. 33–41 (in Russ.).
2. Kasavin I. T., Schavelev S. P. Analiz povsednevnosti [The analysis of alltdglichkeit]. Moscow : Kanon+, 2004 (in Russ.).
3. Stepin V. S. Teoreticheskoe znanie [Theoretical knowledge]. Moscow : Progress-Traditsiya, 2003 (in Russ.).
4. Lektorsky V. A., Pruzhinin B. I., Dubrovsky D. I., et al. «Realistic turn» in contemporary epistemology, philosophy of mind and philosophy of sciece? Materials of «Round table». Participants. *Vopr. filos.* [The issues of the philos.]. 2017. No. 1. P. 5–38 (in Russ.).
5. Stepin V. S. Filososfskaya antropologiya i filosofiya kul'tury [Philosophical anthropology and philosophy of culture]. Moscow : Akad. proekt : Alma Mater, 2015 (in Russ.).
6. Dozhdikova R. N. [The category of «life style» and its significance in social cognition]. *Vesnik BDU. Ser. 3. Gistoryja. Filasofija. Navukovy Kamunizm. Jekanomika. Prava* [The j. of the Belarus. State Univ. Ser. 3, History. Philos. Sci. communism. Econ. Law]. 1987. No. 2. P. 36–38 (in Russ.).
7. Dozhdikova R. N. Special features of everyday cognition. *Vesnik BDU. Ser. 3. Gistoryja. Filasofija. Psihologija. Palitalogija. Sacyjalogija. Jekanomika. Prava* [The j. of the Belarus. State Univ. Ser. 3, History. Phylos. Psychol. Political Sci. Sociol. Econ. Law]. 2010. No. 2. P. 30–34 (in Russ.).
8. Minsky M. Freimy dlya predstavleniya znanii [A framework for representing knowledge]. Moscow : Energiya, 1979 (in Russ.).
9. Zolotukhina-Abolina E. V. [Common sense and irrational]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science]. 2016. Vol. XLVIII, No. 2. P. 176–192 (in Russ.).

10. Stepin V. S. [On the methodological approaches to the social cognition analysis]. *Vestnik Mosk. Univ. Ser. 7, Filos.* [The J. of Mosc. Univ. Ser., Philos.]. 2014. No. 3. P. 3–10 (in Russ.).
11. James W. *Mnogoobrazie religioznogo opyta* [The varieties of religious experience]. Saint Petersburg : Andreev i synov'ya, 1993 (in Russ.).
12. Stepin V. S. [Philosophical talks: ten years ago]. In: *Nauka i sotsial'naya kartina mira. K 80-letiyu akademika V. S. Stepina* [Science and social picture of the world. To 80-years of academic V. S. Stepin]. Moscow, 2014. P. 23–74 (in Russ.).
13. Lektorsky V. A., Pruzhinin B. I., Zotov A. F., et al. [Pseudo-scientific knowledge in modern culture. Materials of «Round table»]. *Vopr. filos.* [The issues of the philos.]. 2001. No. 6. P. 3–31 (in Russ.).
14. Tomilchik L. M. [Alone with myself]. *Nauka i innovatsii* [Sci. & innov.]. 2011. No. 4 (98). P. 57–61 (in Russ.).
15. Einstein A. *Mir, kakim ya ego vizhu* [The world as I see it]. Moscow : AST, 2016.
16. Mikhailovskaya S. [At the cradle of genius]. *Belarus. dumka* [Belarus. thought]. 2012. No. 1. P. 90–96 (in Russ.).
17. Dozhdikova R. N. [Everyday cognition: its structure and ways of formation]. *Sotsiologiya* [Sociology]. 2016. No. 2. P. 34–44 (in Russ.).
18. Dozhdikova R. N. [The evolution of everyday cognition and some problems of post-non-classical education]. *Vopr. filos.* [The issues of philos.]. 2015. No. 3. P. 55–63 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 21.12.2017.
Received by editorial board 21.12.2017.

КОНСТРУИРОВАНИЕ НОВЫХ ТИПОВ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОСТРАНСТВ И БЕЛОРУССКИЕ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ

В. К. ЩЕРБИН¹⁾

¹⁾Центр системного анализа и стратегических исследований Национальной академии наук Беларуси,
ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь

Анализируется понятийное содержание концепта «пространство», широкое использование которого в различных отраслях знаний является наиболее очевидным свидетельством «пространственного поворота», наметившегося в науке в конце 1980-х гг. Обосновывается необходимость конструирования новых типов интеграционных пространств, главным экономическим ресурсом которых являются новейшие научные знания. Указано, что создание интеграционных пространств новых типов может лечь в основу ряда белорусских стратегических инициатив.

Ключевые слова: концепт «пространство»; «пространственный поворот» в современной науке; интеграционные пространства новых типов; белорусские стратегические инициативы.

DESIGNING NEW TYPES OF INTEGRATION SPACES AND BELARUSIAN STRATEGIC INITIATIVES

V. K. SHCHERBIN^a

^aThe Center of System Analysis and Strategic Research, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Akademičnaja Street, Minsk 220072, Belarus

The article analyses the conceptual content of the concept «space», the widespread use of which in different fields of scientific knowledge is the most obvious indication of «spatial turn», which was outlined in science in the late 1980s. The necessity of designing the new types of integration spaces, the main economic resource of which is the latest scientific knowledge, is justified. Creation of the new types of integration spaces may be a basis of some Belarusian strategic initiatives.

Key words: concept of space; spatial turn in modern science; integration spaces of new types; Belarusian strategic initiatives.

Конструирование новых типов интеграционных пространств является в европейской социально-политической и научно-образовательной практике достаточно традиционным занятием. В частности, австрийский теоретик «информационного антиглобализма» Конрад Беккер писал о подобных практиках европейских интеллектуалов следующее: «Создание культурной памяти и учреждение символического порядка посредством установления ментальных и идеологических пространств – тради-

ционная практика культурного конструирования; символические сценарии порождают реальность через опосредование имплицитного политического нарратива и логики. <...> Уже в Средневековье можно обнаружить обильные свидетельства фиктивных культурных реконструкций. <...> Ретроспективно целые империи могут оказаться плодом культурного конструирования. Более того, такие писатели, как Мартин Берналь, автор «Сфабрикованной Древней Греции», наглядно показали, насколько глубоко-

Образец цитирования:

Щербин В. К. Конструирование новых типов интеграционных пространств и белорусские стратегические инициативы // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 1. С. 41–46.

For citation:

Shcherbin V. K. Designing new types of integration spaces and Belarusian strategic initiatives. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 1. P. 41–46 (in Russ.).

Автор:

Вячеслав Константинович Щербин – кандидат филологических наук; заведующий сектором исследований макроэкономических рисков.

Author:

Vyacheslav K. Shcherbin, PhD (philology); head of the sector of macroeconomic risks research.
slavalex@mail.ru

ко культурная пропаганда и историческая дезинформация внедрены в работу европейских ученых. Для поддержания идеологической гегемонии определенных европейских элит на основе расистских идей и скрытых политических интересов фабриковались целые исторические сценарии и разрывались культурные связи» [1, с. 15–18].

Однако если ранее стимулом к культурному конструированию новых типов пространств (ментальных, идеологических и прочих) служили политические амбиции правящих элит отдельных европейских государств, то в конце XX в. основными причинами этого стали экономические и политические императивы мировой глобализации: «“Пространства” появляются в политической практике, когда территории поделены, а государства вынуждены переходить от экстенсивного их освоения к интенсивным путям и формам использования. Еще одна немаловажная причина появления “пространств” – выход все больших объемов и видов деятельности, форм собственности за пределы национальных границ. Главная проблема не в том, что государство что-то теряет (налоги, возможности контроля и т. п.), хотя отчасти такие потери имеют место. Важнее, что снижаются степень предсказуемости внутристрановой экономической ситуации (особенно на средне- и долгосрочную перспективу), способность государства осуществлять продолжительные программы социально-экономического развития; внутренняя сфера страны оказывается уязвима перед внешними воздействиями (стихийными, а нередко и целенаправленными); а вид деятельности – отрасль, сфера и т. п. – уже не поддаются целостному контролю и направляющим воздействиям» [2, с. 25].

В частности, по наблюдениям отечественных науковедов, широкая интеграция ведущих научных организаций России в мировое рыночное пространство показывает, что главным обладателем полученного ими исследовательского продукта становится совсем не российское государство: «Включение российских научных организаций в финансовый “метаболизм” западного капитала (государственного или частного) несет в себе вполне реальную перспективу превращения отечественной науки в филиал зарубежных компаний. Парадоксальным образом заветная мечта многих наших ученых и руководителей науки закрепить за Россией в международном разделении труда статус некоей лаборатории по производству и продаже фундаментальных знаний становится сегодня отчетливо осязаемой. Вот только государство наше при этом теряет даже остатки возможностей проводить самостоятельную научно-техническую политику. Научное сообщество России производит во все большей степени не те знания, которые необходимы стране, а те, что заказывают зарубежные компании для создания своих, вполне конкретных технологий и продукции» [3, с. 86].

Более того, подсчеты российских экономистов показывают, что благодаря выходу отечественных научных организаций и отдельных ученых со своими интеллектуальными услугами в мировое рыночное пространство Россия ежегодно теряет 600–700 млн долл. США, поскольку заказы зарубежных инвесторов отечественные ученые выполняют на своем оборудовании, вследствие чего себестоимость выполняемых работ оказывается выше той суммы, которую им выплачивают иностранные заказчики [4, с. 34].

В Беларуси зарубежные инвесторы отдают предпочтение финансированию тех наукоемких отраслей (например, оффшорного программирования), которые требуют наименьших расходов на оборудование и гарантируют минимальный риск для инвесторов: «Определенные успехи белорусских программистов объясняются довольно просто. С одной стороны, “мозги” у нас довольно хорошие и дешевые, с другой – большое количество оборудования завозить в этом случае не нужно. Основные активы – интеллектуальную собственность и прибыль – оставляют за границей. А в Беларуси расположены только помещения, в которых сидят дешевые по западным меркам программисты. Соответственно, и риск для инвестора минимален. Производители микросхем оказываются в намного худших условиях. Им необходимо расположить в месте производства здания и дорогостоящее оборудование. А вкладывать большие деньги в дорогое оборудование без достаточных гарантий инвесторы не будут» [5, с. 21].

Именно многочисленные финансовые выгоды, получаемые западноевропейскими инвесторами от использования внутренних научных, образовательных, интеллектуальных и прочих пространств стран СНГ, послужат, по мнению академика Национальной академии наук Украины Валерия Гееца, главной причиной коренных изменений в экспансионистской политике Европейского союза, который в ближайшее время перейдет от прямого территориального расширения на восток к практике массового конструирования новых типов интеграционных пространств с участием ученых и наукоемкого бизнеса стран СНГ [6, с. 148].

Российские исследователи называют и иные причины конструирования Западом новых типов пространств вместо традиционно практикуемого им военно-силового захвата чужих территорий и ресурсов: «Новый военно-силовой территориальный передел мира в принципе не исключен. Однако современная война – занятие дорогостоящее, разрушительное по отношению к социальной и природной экологии и к тому же официально, в соответствии с Уставом ООН, осуждаемое морально и политически. В условиях глобализации все чаще более важной становится возможность практического использования территории и/или ее ресурсов, а не владение тем и другим, поскольку такое обла-

дание по разным причинам (издержки расстояний, налоги, социальная ответственность перед местным населением и т. п.) может оказаться обременительным. Пространство как явление предлагает ответ на все перечисленное. Оно допускает выход из, казалось бы, непреодолимой дихотомии “формальное – неформальное”, открывая принципиальную возможность сочетать официально признаваемую (и потому формальную) допустимость социально востребованного разнообразия фактических (и потому неформальных) отношений» [2, с. 24].

Установлению в массовом порядке таких неформальных отношений между западными заказчиками и отечественными учеными весьма способствовало быстрое развитие информационных технологий (виртуальных сетей, интернета и т. д.). По свидетельству Ольги Красиной, «особое развитие виртуальные транснациональные сети получают в области экономики и научно-технического сотрудничества – например, проект ЕС *Cordis.eu*, в рамках которого возможно развитие контактов не только на уровне отдельных исследователей или предпринимателей, но и на уровне организаций (вузов, предпринимательских стартапов, бизнес-корпораций и др.). Это направление свидетельствует о расширении измерения транснационального пространства, поскольку для включения в транснациональную активность индивиду уже не нужно пересекать границу в физическом плане, и, оставаясь фактически в своей исходной социокультурной среде, индивид становится своего рода “гражданином мира”, где единственным сдерживающим фактором его участия в транснациональных взаимодействиях становится наличие досугового времени (в ситуации, когда такого рода активность не является его работой, источником получения дохода) и языковые и культурные барьеры, ограничивающие возможность его коммуникации определенными социокультурными контекстами» [7, с. 71].

При этом вопросы создания организационных и финансовых условий для использования творческого потенциала исследователей стран СНГ в целях западных корпораций решаются, например в ЕС, на самом высоком уровне. В частности, руководитель Генерального директората по вопросам науки Европейской комиссии Ахиллеас Митсос говорит об этом следующее: «Мы в ЕС несколько лет назад начали новую инициативу и надеемся, что в недалеком будущем она трансформируется в более четкую цель на уровне государств. Она касается полного открытия государственных границ для науки и укрепления международного сотрудничества между ЕС и его восточными и южными соседями, не являющимися членами ЕС, а также развивающимися странами. <...> Как нам дать лучшим исследователям во всех уголках Европы, а не только в ЕС возможности для полного использования их потенциала? Это можно

сделать лишь при помощи сотрудничества, находя таких ученых и создавая им соответствующую инфраструктурную среду» [8, с. 53–54].

Насколько успешно создается ЕС такая инфраструктура для нужд исследователей постсоветских стран, показывают исследования науковедов: «По результатам научного проекта, выполненного специалистами ЦИПИН НАН Украины, более половины институтов указали на наличие контрактов с иностранными заказчиками. В среднем на институт приходится семь контрактов, по которым ученые работают за границей, и пять зарубежных, – по которым ученые работают в Украине» [9, с. 4]. Более того, «наиболее важные публикации авторы направляют за рубеж (такая тенденция уже наблюдается по целому ряду направлений исследований)» [10, с. 163]. Последнему в немалой степени способствует то обстоятельство, что все расходы по оперативному изданию научных книг и статей постсоветских ученых западноевропейские издательства, как правило, берут на себя, в то время как у себя на родине эти же ученые годами ждут своей очереди на публикацию полученных ими научных результатов, притом нередко платят за издание самостоятельно.

Все это привело к тому, что в постсоветской науке отчетливо обозначилась тенденция не только к «утечке умов» в западные страны, но и к «утечке знаний», наработанных в рамках финансируемых странами СНГ научных программ и отдельных проектов. Как свидетельствуют украинские науковеды Валентин и Михаил Оноприенко, «среди отечественных ученых немало таких, которые, оставаясь на родине в своих институтах, работают по заказам зарубежных научных центров и фирм, включившись в международную интернет-коммуникацию. Этот процесс все более замещает пресловутую “утечку умов”, по поводу которой высказано немало алармистских сентенций, но гораздо масштабнее ее. Работая на отечественном устаревшем научном оборудовании, эти ученые тем не менее получают удовлетворяющие западного производителя результаты, передавая их непосредственным заказчикам. Как правило, эта продукция с невысокой долей добавленной стоимости. Следовательно, тенденция превращения наших стран в сырьевые придатки развитых государств осуществляется не только через рынок, но и через научные системы с помощью сетевых средств» [11, с. 168].

На наш взгляд, чтобы остановить указанные негативные процессы и тенденции, наметившиеся в постсоветской науке, государствам СНГ необходимо самим активнее конструировать новые типы исследовательских пространств, а также чаще реализовывать соответствующие инфраструктурные проекты в интересах отечественной науки. В частности, по инициативе Президента Республики Беларусь Александра Лукашенко в рамках реализа-

ции одного из таких инфраструктурных проектов в Минске был создан Парк высоких технологий (ПВТ). Стратегической целью данного проекта было формирование в Беларуси «уникальной, благоприятной среды для развития высоких технологий, своеобразного собственного аналога американской Силиконовой долины, в которой совокупность экономических, социальных и правовых условий будет превосходить уровень, достигнутый на сегодняшний день в мировом сообществе» [12]. Сегодня ПВТ уже является одним из лидеров белорусской инновационной сферы: «К концу прошлого года прибыль Парка достигла миллиарда долларов. 6 компаний ПВТ в 2012 г. вошли в список лучших поставщиков ИТ-услуг в мире. За год здесь было создано 2,5 тыс. новых рабочих мест, всего в Парке насчитывается около 14,5 тыс. специалистов в области информационных технологий. Среди компаний – резидентов Парка примерно половина является иностранными и совместными предприятиями. Более половины резидентов занимаются производством собственных программных продуктов. Все это позволило Беларуси войти в тридцатку стран с наиболее развитой сферой офшорного программирования, по версии аналитиков компании *Gartner*, а Парку высоких технологий – занять место среди крупнейших ИТ-кластеров в странах Центральной и Восточной Европы» [13, с. 53].

В отличие от указанного выше инновационно-инфраструктурного проекта, выполнявшиеся в течение 2000-х гг. белорусско-российские программы СКИФ и СКИФ-ГРИД способствовали, по сути, формированию нового типа интеграционного пространства, поскольку в их рамках были созданы оптимальные условия для многолетней совместной работы белорусских и российских специалистов в области конструирования суперкомпьютеров. По свидетельству Леонида Вардомского и Алексея Шурубовича, реализация указанных и ряда иных научных программ Союзного государства России и Беларуси «внесла заметный вклад в развитие соответствующих отраслей экономики, науки и техники РФ и РБ. Так, в рамках программ СКИФ и СКИФ-ГРИД по созданию и внедрению суперкомпьютеров к настоящему времени выпущено 19 опытных образцов новейших суперкомпьютеров семейства СКИФ рядов 1.2.3. Пять суперкомпьютеров семейства СКИФ вошли в мировой рейтинг *Тор-500* – пятисот самых мощных ЭВМ мира. За период с 2002 по 2009 г. производительность суперкомпьютеров семейства СКИФ возросла с 0,423 до 60 триллионов операций в секунду» [14, с. 31].

Еще одно новое интеграционное пространство было сформировано усилиями российских и белорусских ученых и производителей в области дизельного автомобилестроения. В рамках программ по развитию последнего «участвовали около

20 ведущих предприятий автомобильной промышленности России и Беларуси, был налажен массовый выпуск автомобильной техники, соответствующей международным современным и перспективным требованиям по экологии, экономичности, безопасности и надежности ЕВРО-2, ЕВРО-3 и ЕВРО-4. По итогам 2008 г. на предприятиях – участниках программы было выпущено 34 296 штук грузовых автомобилей и 44 773 штуки дизельных двигателей класса ЕВРО-3; в последующие годы намечен переход на промышленное производство техники класса ЕВРО-4» [15, с. 31].

Приведенные выше примеры реализации крупных инфраструктурных проектов и конструирования новых типов исследовательских пространств в рамках Союзного государства России и Беларуси представляют только небольшую часть существующих пространств и проектов: «По инициативе Научного Совета при Исполнительном комитете Союза Беларуси и России и при участии Министерства науки России, ГКНТ РБ, РАН, НАН Беларуси, широкого круга научной общественности разрабатывается и реализуется Программа формирования единого научно-технологического пространства Беларуси и России, определены общие приоритетные направления развития науки и техники. Подготовлен, согласован и выполняется ряд совместных проектов и программ (в рамках Союза более 30, по направлениям космической техники, суперкомпьютеров, лазерной техники, биотехнологий, сельского хозяйства, лекарственных препаратов, ресурсосберегающих технологий и др.)» [15, с. 89].

На наш взгляд, ученым России и Беларуси не следует останавливаться на достигнутых результатах. Необходимо формировать новые интеграционные пространства во всех ключевых направлениях естественных, технических и гуманитарных наук, развиваемых учеными двух стран. Массовое создание таких исследовательских пространств является вполне разрешимой задачей, поскольку, как показывает международный опыт, «довольно легко сконструировать морфологическое пространство для любого четко выраженного научно-технического направления» [16, с. 113]. Для решения поставленной задачи могут использоваться как научно-организационные, так и чисто политические средства и методы. При этом, однако, не следует забывать о том, что внутри таких исследовательских пространств действуют исключительно научные правила и требования: «Все утверждения науки без исключения основаны на целом ряде исходных допущений и в силу этого релевантны только в пространстве, ограниченном этими допущениями, иногда многочисленными и трудно обозримыми» [17, с. 6]. Иными словами, «поле науки может быть определено как относительно автономное пространство, обладающее собственными специфиче-

скими целями и ставками, главными среди которых являются накопление рациональных эмпирически обоснованных знаний» [18, с. 37].

Отмеченная выше специфичность и автономность научных пространств совсем не означает, что ученые индифферентны к тем широким интеграционным процессам, которые протекают на постсоветском пространстве. Анализируя роль интеллигенции в объединении российского пространства, Владимир Каганский вполне справедливо, на наш взгляд, отмечает следующее обстоятельство: «Федеральная власть призвана обеспечивать единство норм и шире – единство пространства страны, но далеко не всем социальным группам населения – безотносительно их современной успешности – нужно единое связанное пронизываемое пространство с едиными нормами. Такое пространство очень нужно именно тем, кого пренебрежительно зовут “бюджетниками”. Это чуть ли не единственная группа, реально нуждающаяся в единой стране с общими нормами. <...> “Федеральная интеллигенция” гораздо эффективнее властных вертикалей может как интегрировать территорию государства, так и контролировать региональные элиты “снизу”» [19, с. 102].

Руководство Союзного государства России и Беларуси должно рассматривать отечественную научную интеллигенцию в качестве своего главного союзника в деле объединения территорий, экономик, политик и культур двух стран. Во всяком случае, именно так поступает руководство ЕС, активно под-

держивая процесс конструирования Европейского научного пространства: «Для политической элиты и бюрократии ЕС формирование Европейского научного пространства является важнейшим шагом в политической и государственной интеграции Европы. Не в последнюю очередь это означает получение контроля над серьезными (в десятки миллиардов евро) финансовыми потоками, то есть еще один шаг превращения бюрократии ЕС в орган реальной исполнительной власти. Ни политики, ни чиновники ЕС толком не представляют себе, что такое мировое научное лидерство Европы, но готовы поддерживать реализацию этой идеи ресурсами, чтобы привлечь научную элиту на свою сторону в противостоянии национальным бюрократиям» [20].

Завершая анализ новых типов интеграционных пространств, основанных на знаниях, которые могут лечь в основу многих белорусских стратегических инициатив, считаем целесообразным сделать следующий вывод: только создавая многочисленные исследовательские пространства и всячески поддерживая ученых – основных производителей ключевого экономического ресурса современности (научного знания), – можно создать принципиально новую человеческую цивилизацию, о которой мечтал знаменитый канадский ученый Ганс Селье, основатель теории стресса. Эта новая цивилизация будет, по его мнению, ориентирована не на бесконечную борьбу за передел чужих богатств, а на творчество и создание новых богатств, которые аккумулированы в знаниях [21, с. 150].

Библиографические ссылки

1. Беккер К. Словарь тактической реальности. Культурная интеллигенция и социальный контроль : пер. с англ. М. : Ультра Культура, 2004.
2. Транснациональные политические пространства: явление и практика / отв. ред. М. С. Стрженева. М. : Весь мир, 2011.
3. Ваганов А. Г. Западные инвестиции и структура российской науки // Науковедение. 2001. № 3. С. 84–91.
4. Ушкалов И. Г., Малаха И. А. Межгосударственная миграция научных кадров и проблемы развития научно-технического потенциала России // Науковедение. 1999. № 1. С. 20–35.
5. Балыкин С. Интеграл готовят к продаже // Директор. 2008. № 1. С. 21.
6. Геєц В. М. Посткризисная архитектура европейского экономического пространства // Мир перемен. 2011. № 1. С. 137–151.
7. Красина О. Конструирование транснационального пространства как теоретико-методологическая проблема в современной теории мировой политики // Власть. 2010. № 11. С. 69–74.
8. Митсос А. Европейская стратегия движения к экономике и обществу, основанных на знаниях // Общество, основанное на знаниях: новые вызовы науке и ученым : материалы Междунар. конф. (Киев, 23–27 нояб. 2005 г.). Киев, 2006. С. 51–56.
9. Исакова Н. Б. Вебизация инновационного пространства и передача технологий // Проблемы науки. 2009. № 10. С. 2–6.
10. Малицький Б. А. Як оцінити доробок і авторитет вченого // Наука та наукознавство. 2012. № 3. С. 162–163.
11. Оноприенко В. И., Оноприенко М. В. Интернет-галактика и наука в глобализируемом мире // Наука та наукознавство. 2008. № 1. С. 166–168.
12. Послание Президента Республики Беларусь Александра Лукашенко Парламенту [Электронный ресурс]. URL: www.president.gov.by/press/29160.html (дата обращения: 10.02.2018).
13. Цепкало В., Старжинский В., Павлова О. Ведущий кластер ИТ-индустрии // Наука и инновации. 2013. № 4. С. 52–56.
14. Вардомский Л. Б., Шурубович А. В. Постсоветские интеграционные проекты как фактор модернизации экономик стран СНГ // Интеграция науки как фактор строительства Союзного государства : науч. материалы Межакад. совета по проблемам развития Союз. гос-ва / под ред. С. М. Дедкова, В. К. Егорова. Минск, 2011. Вып. 3. С. 21–39.
15. П. А. Витязь – путь в науке / ред. О. В. Роман [и др.]. Минск : Беларус. навука, 2006.

16. Эйрес Р. Научно-техническое прогнозирование и долгосрочное планирование : пер. с англ. М. : Мир, 1971.
17. Кустарев А. Наука и политика // Неприкоснов. запас. 2008. № 6. С. 3–9.
18. Шматко Н. А. Горизонты социоанализа // Социоанализ Пьера Бурдьё. М. ; СПб., 2001. С. 13–46.
19. Каганский В. Л. Россия – СССР сегодня? Сравнительный портрет пространств. Статья 3. Государство РФ и российское пространство // Обществ. науки и современность. 2005. № 4. С. 100–112.
20. Мирский Э. М., Барботько Л. М., Борисов В. В. Научная политика XXI века: тенденции, ориентиры и механизмы [Электронный ресурс]. URL: www.courier.com.ru/top/cras.htm (дата обращения: 10.02.2018).
21. Селье Г. От мечты к открытию: как стать ученым : пер. с англ. М. : Прогресс, 1987.

References

1. Bekker K. Slovar' takticheskoi real'nosti. Kul'turnaya intelligentsiya i sotsial'nyi kontrol' [Dictionary of tactical reality. cultural intelligentsia and social control]. Moscow : Ul'tra Kul'tura, 2004 (in Russ.).
2. Strezhneva M. S. (ed.) Transnatsional'nye politicheskie prostranstva: yavlenie i praktika [Transnational political spaces: phenomenon and practice]. Moscow : Ves' mir, 2011 (in Russ.).
3. Vaganov A. G. [Western investments and the structure of Russian science]. *Naukovedenie* [Sci. of sci.]. 2001. No. 3. P. 84–91 (in Russ.).
4. Ushkalov I. G., Malakha I. A. [Interstate migration of scientific personnel and problems of the development of scientific-technical potential of Russia]. *Naukovedenie* [Sci. of sci.]. 1999. No. 1. P. 20–35 (in Russ.).
5. Balykin S. [Integral is being prepared for sale]. *Direktor* [Director]. 2008. No. 1. P. 21 (in Russ.).
6. Geyetz V.M. [Postcrisis architectonics of European economic space]. *Mir peremen* [World of changes]. 2011. No. 1. P. 137–151 (in Russ.).
7. Krasina O. [Designing of transnational space as a theoretic-methodological problem in the modern theory of the world policy]. *Vlast'* [Power]. 2010. No. 11. P. 69–74 (in Russ.).
8. Mitsos A. [European strategy towards knowledge-based economy and society]. In: *Obshchestvo, osnovannoe na znaniyakh: novye vyzovy nauke i uchenym* [Knowledge-based society: new challenges for science and scientists] : mater. of Int. conf. (Kyiv, 23–25 Novemb., 2005). Kyiv, 2006. P. 51–56 (in Russ.).
9. Isakova N. B. [Webization of the innovative space and the transfer of technologies]. *Probl. nauki* [Probl. of sci.]. 2009. No. 10. P. 2–6 (in Russ.).
10. Malitsky B. A. [How to assess the contribution and authority of a scientist?]. *Naukovedenie* [Sci. of sci.]. 2012. No. 3. P. 162–163 (in Ukrainian).
11. Onopriyenko V. I., Onopriyenko M. V. [Internet-galaxy and science in a globalized world]. *Naukovedenie* [Sci. of sci.]. 2008. No. 1. P. 166–168 (in Russ.).
12. [The Address of the President of the Republic of Belarus Alexander Lukashenko to the Parliament]. URL: www.president.gov.by/press29160.html (date of access: 10.02.2018) (in Russ.).
13. Tsepka V., Starzhynski V., Pavlova O. [The leading cluster of the IT-industry]. *Nauka i innovatsii* [Sci. & innov.]. 2013. No. 4. P. 52–56 (in Russ.).
14. Vardomski L. B., Shurubovich A. V. [Post-Soviet integration projects as a factor of modernization of economies of the CIS' states]. In: *Integratsiya nauki kak faktor stroitel'stva Soyuznogo gosudarstva* [Integration of science as a factor of building the union state] : a sci. mater. of Inter-acad. council on the probl. of develop. of the Union State. Minsk, 2011. Issue 3. P. 21–39 (in Russ.).
15. Roman O. V., Ilyushchenko A. F., Vityaz' S. P. (eds). P. A. Vityaz' – put' v nauke [P. A. Vityaz' – a path in science]. Minsk : Belarus. navuka, 2006 (in Russ.).
16. Ayres R. Nauchno-tekhnicheskoe prognozirovanie i dolgosrochnoe planirovanie [Technological forecasting and long-range planning]. Moscow : Mir, 1971 (in Russ.).
17. Kustarev A. [Science and Politics]. *Neprikosnovennyi zapas* [The inviolable reserve]. 2008. No. 6. P. 3–9 (in Russ.).
18. Shmatko N. A. [The Horizons of Socioanalysis]. In: *Sotsioanaliz P'era Burd'e* [Socioanalysis of Pierre Bourdieu]. Moscow ; Saint Petersburg, 2001. P. 13–46 (in Russ.).
19. Kaganski V. L. [Russia – USSR Today? Comparative portrait of spaces. Article 3. The State of Russian Federation and Russian space]. *Obshchestv. nauki i sovremennost'* [Humanities and modernity]. 2005. No. 4. P. 100–112 (in Russ.).
20. Mirski E. M., Barbot'ko L. M., Borisov V. V. [A scientific policy of the XXI century: trends, reference points and mechanisms]. URL: www.courier.com.ru/top/cras.htm (date of access: 10.02.2018) (in Russ.).
21. Selieu G. Ot mechty k otkrytiyu: kak stat' uchenym [From dream to discovery. How to become a scientist]. Moscow : Progress, 1987 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 17.12.2017.
Received by editorial board 17.12.2017.

К 200-ЛЕТИЮ К. МАРКСА

TO THE 200th ANNIVERSARY OF K. MARX

УДК 316.26

ЭВРИСТИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА МАРКСИСТСКОЙ СОЦИОЛОГИИ: К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КАРЛА МАРКСА

С. А. ШАВЕЛЬ¹⁾

¹⁾*Институт социологии Национальной академии наук Беларуси,
ул. Сурганова, д. 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь*

Проведен анализ эвристических перспектив марксистской социологии. Раскрывается суть бинарной оппозиции оценок данной области знаний. Показана роль аналитического марксизма в современных социологических исследованиях и формировании мировоззренческих установок разных социальных групп. Приведены отзывы известных социологов – Э. Дюркгейма, М. Вебера, Н. Смелзера, Т. Парсонса и других ученых – о вкладе К. Маркса в социологическое знание. Обоснована целесообразность переосмысления марксовских интуиций и переформулирования понятийного аппарата с учетом современных тенденций развития общества.

Ключевые слова: марксистская социология; постэкономическое общество; социальная справедливость; аналитический марксизм; отчуждение; эксплуатация; бинарная оппозиция; солидарность; идентификация; коллектив.

Образец цитирования:

Шавель С. А. Эвристическая перспектива марксистской социологии: к 200-летию со дня рождения Карла Маркса // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 1. С. 47–62.

For citation:

Shavel S. A. Heuristic perspective of marxist sociology: to the 200th anniversary of Karl Marx birthday. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 1. P. 47–62 (in Russ.).

Автор:

Сергей Александрович Шавель – доктор социологических наук, профессор; главный научный сотрудник.

Author:

Sergei A. Shavel, doctor of science (sociology), full professor; principal researcher.
d-v-nazarova@yandex.by

HEURISTIC PERSPECTIVE OF MARXIST SOCIOLOGY: TO THE 200th ANNIVERSARY OF KARL MARX BIRTHDAY

S. A. SHAVEL^a

^a*Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus*

The heuristic perspectives of Marxist sociology are analyzed. The essence of the binary opposition of assessments of attitudes toward Marxist sociology is revealed. The role of «analytical Marxism» in modern sociological research and the formation of worldview attitudes of different social groups is shown. There are reviews of well-known world sociologists such as E. Durkheim, M. Weber, N. Smelzer, T. Parsons and others. They are about the contribution of Marx to sociological knowledge. The expediency of Marx's intuitions rethinking and the reformulation of the conceptual apparatus taking into account the current trends in the development of society is substantiated.

Key words: Marxist sociology; post-economic society; social justice; analytical marxism; alienation; exploitation; binary opposition; solidarity; identification; collective.

Легко сослаться на опыт,
гораздо труднее его использовать,
еще труднее его забыть.

P. Арон

Отношение к марксизму

Незадолго до распада Советского Союза, в 1990 г., теоретический клуб «Свободное слово» при Союзе кинематографистов СССР провел дискуссию со странным названием «Жив ли марксизм?». Выбор такой темы сам по себе акцентировал два момента: во-первых, объективный – указание на кардинальное изменение общественной ситуации за время перестройки, провозглашенной М. С. Горбачёвым, ибо до нее, начиная с 1917 г., такой вопрос в публичном издании был бы немислимым ни по формально-правовым нормам, ни по теоретико-логическим основаниям; во-вторых, субъективный – ориентацию на протекающие изменения ценностного сознания в оптимистическом (от лат. *optans* – желательный) наклонении.

Социологический подход для выяснения вопроса о том, как население относится к важным явлениям духовной или социально-экономической жизни общества, требует учитывать, что в тех исследованиях, в которых предметом является не просто оценка фактов, а герменевтика (понимание, толкование) проблемы, респондент оказывается в двойственном положении: с одной стороны, он является случайным членом выборки, с другой – одновременно и экспертом по данной проблеме. В первом случае ему достаточно дать рецептивный ответ о факте, содержащемся в вопросе, высказать собственное мнение о нем, свое сиюминутное восприятие; во втором – экспектации (ожидания) направлены на получение рефлексивных оценок. Можно привести следующие примеры исследований, в которых респондент выступает и в роли эксперта: выявление отношений к разным формам собственности, видам предпринимательства, реформам налогообложения, образования, пенсионной систе-

мы, к тем или иным актуальным международным проблемам и т. д. Главное в таких опросах – личный опыт респондента, его готовность к добровольному участию. Для этого формируются специальные, целенаправленные выборки, а также вводится альтернатива «Затрудняюсь ответить».

Если бы сегодня проблема отношения к марксизму была реактуализирована, то при ее изучении социологическими методами следовало бы учитывать, что респонденты должны иметь достаточно ясное представление о его зарождении и последующей эволюции в борьбе со многими течениями (в XIX в. и позже); уметь правильно истолковывать известные слова К. Маркса относительно некоторых прозелитов (в частности, итальянских): «Если они марксисты, то, значит, я не марксист»; задумываться о том, хотел ли К. Маркс превратить свое учение в государственную идеологию, если они с Ф. Энгельсом первыми назвали идеологию «ложным сознанием», навязываемым сверху, или о том, можно ли возлагать на марксизм ответственность за реальную историю XX в. – не равносильно ли это перекалыванию вины за инквизицию на Иисуса Христа, за мусульманские погромы христиан – на автора Корана Мухаммеда, за средневековую схоластику – на Аристотеля и т. д.

Однако нельзя не признать, что на рубеже 1980–90-х гг. к Монблану антимарксистских публикаций ангажированных, как правило западных, авторов были добавлены и выступления многих советских публицистов, некоторых писателей, ряда гуманистических, многие из которых имели ученые степени (кстати, нередко присвоенные за работы по марксизму) и научные звания – от доцента до академика, – занимали высокие должности в сфере об-

разования, как, например, Ю. Н. Афанасьев, доктор исторических наук, профессор, в те годы ректор архивного института, и ряд других деятелей. Их критика марксизма отличалась особой рьяностью, часто была обусловлена личностной заинтересованностью и направлялась против государственного устройства, руководящих органов и лиц. Так, один из самых активных обличителей марксизма, доктор философских наук А. С. Ципко, на упомянутой дискуссии утверждал: «Ни в коем случае нельзя связывать наше будущее с Марксом. Этот ученый был противником всего, чего нам сейчас не хватает. Он был противником общечеловеческой морали, религиозного чувства, принципа разделения властей, конкуренции, прав и свободы личности, частной собственности... основного принципа христианской культуры, демократии, он был противником принципа полного духовного суверенитета каждой личности» [1, с. 347]. Однако далеко не все из этого перечня отрицал К. Маркс, о чем мы скажем ниже. Главное же, что удивляет: А. С. Ципко не назвал самые значимые явления, с которыми К. Маркс всю жизнь вел непримиримую борьбу: эксплуатация человека человеком; незаслуженное и неоправданное расслоение по имущественным, образовательным, расовым, гендерным и иным критериям; социальная несправедливость во всех ее формах – от простого обмана, обвеса, жульничества в повседневных интеракциях до спекулятивных поборов, проводимых богатыми странами, их транснациональными компаниями в отношении стран и регионов, отстающих в промышленном развитии; колониализм XIX в. и современный неоколониализм, национализм, шовинизм, ксенофобия; трансгрессивные, гомосексуальные и другие перверсии, ведущие к девальвации и подрыву семейных устоев; социал-дарвинизм, евгенизм, расизм, геноцид и т. д.

Полезно вспомнить, что незадолго до упомянутой дискуссии А. С. Ципко опубликовал в журнале «Новый мир» большую статью «Хороши ли наши принципы?». Формально (по названию) эта статья была ответом на известное письмо Н. Андреевой¹, но автор неожиданно расширил контекст (от лат. *contextus* – тесная связь, т. е. отрывок текста, по которому можно определить смысл целого и целенаправленность отдельных суждений). Так, А. С. Ципко подчеркивал: «В марксизме, в его чистых, глубоких принципах ищут панацею от нынешних бед представители довольно-таки различных политических направлений и убеждений. И сталинисты типа Нины Андреевой, и антисталинисты, как, скажем, О. Лацис, Г. Лисичкин, А. Бутенко, и демократы, считающие себя подлинными европейцами, интернационалистами, и государственники, называющие себя патриотами России. И члены межре-

гиональной группы, и их ярые противники. Люди борются, хватают друг друга за грудки. Но при этом одновременно торопятся присягнуть на верность марксизму, а заодно и за столбить за собой право выступать в качестве его единственно верного толкователя» [2, с. 175]. Себя автор в их число уже не включает, он не хочет быть единственно верным толкователем марксизма, каким выглядел в одной из своих первых книг «Идея социализма», в которой показывал, как правильно понимать эту идею с марксистских позиций и эффективно претворять ее в жизнь. В статье А. С. Ципко демонстрирует свою убежденность в том, что во всех социалистических странах Восточной Европы «всем с самого начала был виден корень зла, были видны марксистские доктринальные причины застоя в экономике и насилия в политической жизни. Тут всем было ясно, что не может быть какого-либо разговора о духовной свободе, пока не будет покончено с марксистской монополией на социальную истину, с мифом, согласно которому только марксизм является научной и верной социальной теорией» [2, с. 174]. Из контекста приведенных высказываний видно, что смысл публикации А. С. Ципко состоит в том, чтобы оказать как можно большее суггестивное воздействие на общественное сознание, а цель автора – устранить марксизм как из организации системы хозяйствования и политики, так и из социальной сферы и духовной жизни.

Что касается влияния на общественное сознание, то можно констатировать, что еще в 1990-х гг. на всем постсоветском пространстве марксизм был вытеснен из общественной мысли и социогуманитарного знания: из библиотек, книжных магазинов, системы образования, СМИ, интернета, издательств... В начале этого процесса Сергей Чернышёв писал: «Покуда Маркс лишь выходит из моды. Говорить о нем, ссылаться на него становится дурным тоном. Он окружен стеной молчания. Общественное мнение исподволь готовится санкционировать расправу над своим былым кумиром. Естественно – и это тоже “по-нашему”, – аргументы по существу дела никого не интересуют» [3, с. 156].

Не менее активно шла борьба за замену прежних социалистических принципов на прокапиталистические (частная собственность, рынок, конкуренция, приватизация, денационализация и др.). В этом направлении широко пропагандировались в переводе на русский язык работы М. Фридмана, Ф. А. фон Хайека, Дж. Сороса и других зарубежных авторов. Эти публикации, как правило, практически не анализировались. В нашей статье об одной из книг Ф. А. фон Хайека отмечалось: «Представления автора о том, что при капитализме все дееспособные заняты предпринимательством,

¹См.: Андреева Н. Не могу поступаться принципами // Совет. Россия. 1988. 13 марта.

не меньшая иллюзия, чем та, что при социализме все охвачены трудовым энтузиазмом» [4, с. 54].

В целом публикация А. С. Ципко задумана, судя по всему, как глубокий фундаментальный анализ марксистского доктринального комплекса, породившего многие причины неудач, ошибок и просчетов в экономической и других сферах общественной жизни страны. Трудно признать эту работу вполне верифицированной (доказательной) в отношении как отдельных стран, так и социализма как формации. Слишком много возникает вопросов и противоречий при условии принятия исходного тезиса о том, что во всех наших бедах, ошибках, просчетах виноват марксизм.

1. Если это так, то чем объяснить заметную дифференциацию предприятий материального производства, хозяйств агропромышленного комплекса, учреждений духовной сферы? Почему наряду с убыточными существовали и существуют в настоящее время многие высокоэффективные трудовые коллективы? Только в сельском хозяйстве Беларуси насчитывались десятки колхозов, которые и в советское время были передовыми, образцовыми, рентабельными, высокопроизводительными (председатели – Орловский, Бедуля, Старовойтов и др.). Могли ли марксистские принципы, как бы к ним не относились, помешать остальным (хотя бы большинству) идти по их пути, брать и воплощать в жизнь их пример?

2. Социал-демократы во многом разошлись с коммунистами, тем не менее своих марксистских корней они никогда не отрицали, не случайно было выбрано и название Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), первый съезд которой прошел в Минске (память об этом хранится и сегодня: в центре города находится одноименный музей). Тем не менее советские коммунисты невольно помогли прийти к власти в Германии лидеру социал-национализма Гитлеру, поскольку всячески дискредитировали социал-демократов в глазах немецкого электората, «раскрывая» их политические ошибки и ревизионистскую направленность. Сегодня же все признают, что в социал-демократических странах – Швеции, Швейцарии, Австрии, Финляндии – успешно строится реальный социализм. И что главное – не требуя уничтожения марксизма, эти государства спокойно исправили то, что, по их оценкам, не подходило местным условиям, ментальности и ожиданиям (ожиданиям) населения.

3. Китай – одна из немногих стран, опыт которых крайне важен для понимания перспектив марксизма. Последнее Всекитайское собрание народных представителей (март 2018 г.) отменило прежнее ограничение пребывания в должности председателя и вице-председателя КНР двумя пятилетними

сроками. Одновременно в Конституцию КНР внесены идеи Си Цзиньпина о трех эрах Китая. Первая эра – времена Мао Цзедунa, который объединил опустошенную гражданской войной страну и удержал ее от распада; вторая – развитие и рост благосостояния при Дэн Сяопине; третья, современная, – развитие социализма с китайской спецификой. В новой эре китайцы будут жить еще богаче и сплоченнее, а страна станет лидером мирового сообщества и примером для подражания. Китай, конечно, не отрекается от марксизма, лишь обогащает его с учетом национальной специфики. В экономике Китай демонстрирует самые высокие темпы роста, уже сегодня в знаменитом рейтинге *Fortune Global*, включающем 500 крупнейших мировых компаний, представлены 115 организаций из КНР (23 %). Объявлено о планах сделать юань мировой валютой, что позволит миру, в том числе Евросоюзу, избавиться от удавки доллара.

Перечисление подобных примеров, достойных обсуждения в контексте отношения к марксизму, можно продолжать. Нет сомнения, что информацией о них владел во время работы над своей статьей и А. С. Ципко. Неясно только, почему хотя бы мимоходом автор не затронул такие темы в довольно обширной аналитике своего труда. Неужели он действительно так убежден, что марксизм полностью исчерпал себя, что никакого эвристического потенциала для анализа сегодняшней ситуации и хотя бы ближайшего будущего у него не осталось? Казалось бы, такому выводу противоречат отдельные высказывания А. С. Ципко. Так, во время дискуссии он говорит: «Любому цивилизованному человеку ясно, что Маркс есть Маркс, один из многих мыслителей в истории нового времени, который внес существенный вклад в развитие социологической мысли. Всегда будет сохранять культурную ценность его попытка создать целостное видение исторического процесса, система социологических категорий и понятий, какие он ввел в оборот. Не зная работ Карла Маркса, нельзя стать профессионально подготовленным социологом. Это несомненно» [1, с. 345–347].

Эти мысли, особенно относительно подготовки профессиональных социологов, можно только приветствовать и бесконечно цитировать, несмотря на компилятивный оттенок. Но, опять-таки, почему бы здесь не вспомнить известных мыслителей из Московской марксистской школы, которые внесли огромный вклад в популяризацию марксизма и его облагораживание не только среди западных читателей, но и среди советского студенчества, пытаясь преодолеть навязываемые ему ортодоксальные толкования в духе «земшарного» революционаризма, перманентного бабувизма² и развить в конструк-

²Тракх Бабеф (1760–1797) – французский мелкобуржуазный утопист, проповедовавший идеи эгалитаризма (уравнительности) и делавший ставку на заговорческие, экстремистские методы борьбы.

тивном русле научные прозрения К. Маркса? В работах Э. В. Ильенкова, А. А. Зиновьева, П. Г. Щедровицкого, М. К. Мамардашвили, социолога Б. А. Грушина и их последователей выявилась ипостась К. Маркса как ученого, а не просто революционного идеолога или социального утописта. К сожалению, эта линия не была востребована у нас, но она не исчезла: ее подхватили и развили в Китае и других странах.

Конечно, А. С. Ципко знал названных исследователей, но он не присоединился к ним. Для цитируемой статьи он выбрал лейтмотивом «опровержение марксизма», камуфлируя его несколькими комплиментарными фразами. Это учение можно замалчивать, отказаться от его использования, однако опровергнуть марксизм невозможно в принципе. Думается, автор понял это и в своей критике обратился к социально-психологической схеме каузальной атрибуции, суть которой в приписывании рассматриваемому объекту – в данном случае советскому социализму – тех качеств и причинно-следственных связей, которые кажутся очевидными на обывательском уровне. Скажем, А. С. Ципко рассказывает, что в марте 1919 г., в разгар голода, Ленин с присущей ему страстью защищал закон, согласно которому «никто из рабочих и служащих не имеет права заводить в хозяйствах собственных животных, птиц и огороды, мол, если это сделать, то, пожалуй, все вернется к мелкому хозяйству, как было до сих пор» [2, с. 184]. Однако автор мог привести примеры и того, как во время Великой Отечественной войны предприятия распахивали землю вокруг городов и выделяли участки для всех работающих. В другом месте А. С. Ципко пишет о заградительных отрядах против спекулянтов-мешочников, доставлявших в голодающие города продовольствие. Вряд ли подобные примеры позволяют без конкретного анализа что-нибудь опровергнуть.

Иная логика прослеживается в работах известного канадского философа Уилла Кимлика, который отмечал: «В связи с дискредитацией и в конечном счете падением коммунистических режимов в Восточной Европе часто говорят, что марксизм ныне “мертв”, выброшен на свалку истории, как до этого теории теократии, феодализма или абсолютной монархии. Но удивительным образом гибель коммунистических режимов на Востоке шла параллельно с возрождением марксистского теоретизирования на Западе. Маркс и марксисты почти или полностью игнорировались англо-американскими философами на протяжении большей части XX века. Однако в последние 20 лет пошла лавина работ о марксизме и попытки переформулировать Марксовы теории. Это движение известно как “аналитический марксизм”, так как его сторонники стремятся переосмыслить интуиции Маркса, используя приемы и методы англо-американской философии и обществознания. Процесс “переос-

мысления” Маркса, конечно, имеет избирательный характер» [5, с. 220].

Идея переосмысления интуиций К. Маркса была необходима СССР раньше. Казалось, что такая возможность появилась во время так называемой оттепели, о чем свидетельствовали разработки участников Московской марксистской школы, являвшихся, как правило, участниками Великой Отечественной войны. Но вскоре на первый план вышли факторы торможения, и в период застоя развитие марксизма в социологическом измерении – как обществоведения и человекознания – было вновь остановлено. Избирательный подход в этом процессе осуществлялся только усилиями зарубежных марксистов. Как отмечает У. Кимлика, большинство аналитических марксистов не хотят защищать исторический материализм, теорию классовой борьбы, неизбежность пролетарской революции и окончательного ниспровержения капитализма. Вместе с тем они активно разрабатывают нормативные основания своей приверженности данному учению. Это объясняется существенным изменением интеллектуальной ситуации. Пока марксисты верили, что социализм неизбежен, не было необходимости объяснять, почему он желателен, – он был просто конечным пунктом predetermined последовательности исторических событий. Сегодня же стало ясно, что для воплощения идеалов социализма следует убедить людей в том, что эти идеалы морально оправданы и стоят того, чтобы к ним стремиться, ведь многие рабочие, служащие сферы услуг часто голосуют за партии прокапиталистической направленности. В США такими являются демократы, и республиканцы, а рабочей партии фактически нет. Особое внимание аналитический марксизм уделяет проблематике социальной справедливости. Как заметил Дж. Ролз, справедливость – не одна из множества политических ценностей, таких как свобода, солидарность и эффективность, а стандарт, в соответствии с которым измеряется важность других ценностей [6, с. 19].

Амбивалентное отношение к марксизму, в том числе и у некоторых его сторонников, возникало не в последнюю очередь из-за того, что аутентичные тексты классиков состояли из двух разноприродных компонентов, которые не всегда поддавались строго логическому синтезу, к которому они стремились. Первый из них – труды, касавшиеся концептуализации и пропаганды революционного движения. Помимо монографических работ, в которых раскрывались истоки и причины классовой борьбы, эксплуатации, отчуждения, несправедливости, в этом блоке было много манифестаций, прокламаций, призывов, инструкций и пр. В силу определенной адресности – обращенности преимущественно к бедным слоям населения – такие тексты требовали максимальной упрощенности

и лаконичности (уничтожение денег, отмена разделения труда, частной собственности, государства и т. п.). Позже эти идеи выразились в таких привлекательных лозунгах, как «Земля крестьянам, фабрики рабочим, мир народам», или в инфернальном высказывании «Поражение своего Отечества» и др.

Второй блок трудов К. Маркса и Ф. Энгельса составили глубокие теоретические разработки общечеловеческих проблем и общенаучных методов познания: антропологии – изучения человека и его «родовой сущности»; природы сознания и его соотношения с бытием, идеального, зеркального Я (через 40 лет скомпилированного Ч. Кули без ссылок на К. Маркса), коллективизма, корпоративного духа, науки как производительной силы, восхождения от абстрактного к конкретному, единства исторического и логического, интерполяции (анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны), социального сравнения, социального наследования, семейных отношений, сферного подхода к анализу общества и многое другое. Характерно также, что К. Маркс при самой острой для его времени критике капитализма объективно оценил позитивную цивилизационную роль данной формации. По Марксу, это выразилось в том, что капитализм, *во-первых*, ликвидировал остатки феодализма – теократию, абсолютную монархию, вытеснил из экономической жизни и просвещения физиократов с их учением

о том, что главный фактор экономического роста и общественного богатства – земля и труд на ней; *во-вторых*, открыл широкий простор (в сравнении с предшествующими укладами) развитию промышленности, торговли и образованию, придав последнему светскую форму и назначение; *в-третьих*, освободил человека от личной зависимости (рабства и крепостничества, вассала от сюзерена), заменив ее зависимостью вещной; *в-четвертых*, ускорил развитие производительных сил, освоение ранее не используемых или заброшенных, непригодных для строительства или земледелия территорий планеты; *в-пятых*, сделал фактором экономического роста научно-технический прогресс (НТП), стимулировал инновационный курс, придал науке, образованию, культуре и искусству высокий престиж в системе профессии и разделения труда. Маркс не возлагал вину за угнетение рабочих на конкретных работодателей. Он специально отмечал: «Фигуры капиталиста и земельного собственника я рисую далеко не в розовом свете. Но здесь дело идет о лицах лишь постольку, поскольку они являются олицетворением экономических отношений и интересов. С моей точки зрения, меньше чем с какой бы то ни было другой, отдельное лицо можно считать ответственным за те условия, продуктом которых в социальном смысле оно остается, как бы ни возвышалось над ними субъективно» [7, с. 8].

Социология в составе марксистского учения

В ряде работ о К. Марксе, в том числе в публикациях отечественных авторов, акцентируется внимание на его резкой критике О. Конта (1798–1857) – основоположника позитивизма, который создал термин «социология». При этом подчеркивается, что К. Маркс крайне редко использовал данный термин в своих текстах, из чего якобы можно сделать вывод о его равнодушии к социологии. Такая логика вряд ли может быть оправданной. Во-первых, термин «социология» вошел в научный оборот в годы учебы К. Маркса в гимназии и, естественно, не мог быть им ассимилирован. Во-вторых, критикуя О. Конта, К. Маркс имел в виду не то, что он придумал название новой науки, а главным образом его позитивистские изыскания и оправдание капитализма: «Капиталист не потому является капиталистом, что он управляет промышленным предприятием, – наоборот, он становится руководителем промышленности потому, что он капиталист... Огюст Конт и его школа могли бы поэтому так же хорошо доказывать вечную необходимость феодальных господ, как они доказывали необходимость господ капиталистов» [7, с. 339]. В-третьих, К. Маркс сам объяснил те обстоятельства, в силу которых он вовлекся в поле социологии: «Моей специальностью была юриспруденция, которую, однако, я

изучал, наряду с философией и историей, лишь как дополнительную дисциплину» [8, с. 6]. Но, закончив университет, защитив докторскую диссертацию, он стал редактором издания «Рейнская газета» и столкнулся с реальными жизненными проблемами людей, их материальными интересами. Это были вопросы кражи леса и дробления земельной собственности, положения мозельских крестьян и покровительственных пошлин, новой прусской инструкции о цензуре и др. Все это потребовало эмпирического изучения и позволило собрать материал для выдвижения и обоснования таких фундаментальных интуиций, как сферное строение общества, соотношение бытия и сознания. Из этого следовал вывод о том, что «не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [8, с. 7].

Нетрудно заметить, что первый том труда «Капитал» буквально переполнен социологическими данными: сведениями о режиме и условиях труда, заработной плате и стоимости рабочей силы, жилищной проблеме рабочих и т. п. Известно, что К. Маркс раньше практикующих социологов Чикагского и других университетов разработал оригинальную «анкету для рабочих», включающую около 100 вопросов, многие из которых вполне приемле-

мы вплоть до наших дней. С учетом этого можно признать правомерными утверждения некоторых зарубежных социологов о том, что К. Маркс был экономистом и философом, стремившимся стать социологом.

Марксистская социология с момента своего рождения оказалась в центре полемики между-народной общественной мысли. В силу такого напряженного, а нередко и воинствующего противоборства не стоит удивляться тому, что достаточно часто неопиты марксизма по разным причинам покидали его. При этом, не желая обнародовать действительные причины, они использовали упомянутый выше метод каузальной атрибуции. Характерный пример из своей биографии приводит известный русский философ и социолог С. Булгаков: «...проблема хозяйства – о человеке в природе и о природе в человеке – в сущности никогда не сходила с моего духовного горизонта, поворачиваясь лишь разными сторонами. Первоначальной попыткой философски осмыслить этот факт и была для меня теория экономического материализма (марксизма – С. Ш.), хотя эта теория очень скоро перестала удовлетворять сознание, однако те вопросы, на которые она по-своему отвечает, сохранили всю свою силу. И нельзя просто отвертываться от проблемы экономического материализма во имя отвлеченного идеализма, ибо такой “идеализм” не заключает в себе ровно никакого ответа на эту проблему» [9, с. 21–22]. Действительная причина отхода С. Булгакова от марксизма заключалась в мировоззренческом расхождении философов, а именно категорической ориентации учения К. Маркса на атеизм. Как сын священника в г. Ливны Орловской губернии, С. Булгаков воспитывался в строгой религиозной атмосфере, учился в духовном училище, и, конечно, атеизм вызывал у него душевный диссонанс. Неслучайно он принял сан священника, а духовную гармонию обрел, обратившись к исследованию Софии как премудрости Божьей. Однако Московская патриархия осуждала софиологию как ересь, на что мыслитель написал о себе такие слова: «...свой среди чужих, чужой среди своих, а в сущности нигде не свой» [9, с. 351]. Для нас этот пример показателен тем, что С. Булгаков не занял позицию абсолютного отрицания марксизма, как многие бывшие и современные антимарксисты. Он признал, что поставленные марксизмом вопросы «сохраняют всю свою силу», как и те ответы, которые им предлагались. Характерно также то, что аналогично мыслили и многие известные социологи – от современников К. Маркса до ученых наших дней: не компилируя друг друга, они отмечали то, с чем не согласны, и указывали, в чем видят исторический вклад учения марксистов, а также свою готовность к переосмыслению и развитию тех или иных идей.

Так, Э. Дюркгейм признавал плодотворной идею К. Маркса о том, что социальную жизнь следу-

ет объяснять не столько представлениями ее участников, сколько теми способами, которыми люди объединяются в определенные группы, ассоциации и т. п. Вместе с тем он сомневался в том, что классовая борьба является движущей силой истории, отмечая «грустное зрелище конфликта между классами» [10, с. 314].

Макс Вебер называл концепцию Маркса «наиболее важным для нас примером идеально-типической конструкции», ставя задачу «постоянно давать критический анализ всей литературы об этом великом мыслителе и всех работ, продолжающих его учение» (выделено нами. – С. Ш.) [11, с. 404], не отрицая его тезиса о доминирующей роли материальных интересов в историческом процессе. На примере протестантской этики М. Вебер утверждал значение идей: «Наше исследование могло бы послужить скромным вкладом для пояснения того, в какой форме “идеи” вообще оказывают воздействие на ход исторического развития» [11, с. 105]. Сегодня вряд ли кто-нибудь выдвинет по данному вопросу бинарное противопоставление, как, например, это сделал А. Тойнби, назвав религиозные идеи основанием цивилизации, полностью отбросив материальные жизнеобеспечивающие интересы. Теоретическая социология признает, что правы оказались оба: и К. Маркс, и М. Вебер обращали внимание на замечание последнего о том, в какой форме утилизируются как идеи, так и интересы.

Американский социолог Н. Смелзер оценивал роль К. Маркса следующим образом: «Хотя его предсказание мировой пролетарской революции оказалось неверным, его вклад в социологическое знание – особенно в области социальных классов и социальных изменений – по-прежнему остается значительным» [12, с. 7]. Аналогичный подход демонстрировал и Т. Парсонс, которого еще при жизни называли «живым классиком» социологии. Рассказывая в «Интеллектуальной автобиографии» [13] о начале своего пути в науке, он писал: «Проблему эмпирической интерпретации или *диагноза* нельзя адекватно разработать, если не попытаться создать более широкую, чем обычно, сверхэкономическую теоретическую рамку, внутри которой должна работать экономическая теория. При правильном подходе можно увидеть, что это было главной темой работ Макса Вебера, Дюркгейма и особенно Парето. Выявив эту тему в работах указанных авторов, не упуская из вида и Маркса, я попытался нащупать ее и в работах Альфреда Маршалла» [14, с. 21]. Именно поэтому Т. Парсонс называет К. Маркса «одним из дедов теории социального действия», но главное, что в пору маккартизма он широко использовал в своих работах многие марксистские термины – коллектив, социальный контроль, идеология, социальная справедливость, равенство, порядок, равновесие и др.

В современном социологическом словаре понятийный аппарат марксистского происхождения занимает значительное и семантически центральное место. Именно это не дает покоя непримиримым борцам с теми, кто выбирает социалистический путь и готов ему следовать. Одним из наиболее страстных противников социологии – не только марксистской, но и любой другой – многие годы оставался лауреат Нобелевской премии по экономике (1974) Ф. А. фон Хайек. По оценке ученого, «сама по себе социология, пожалуй, может называться наукой социалистической, поскольку ее открыто преподносили как способную создать новый социалистический порядок, а во времена не столь отдаленные – как способную предсказывать дальнейший ход развития и придавать очертания будущему или же творить будущее человечества» [15, с. 91]. Автор поставил перед собой задачу решительно очистить социогуманитарный словарь

от всех терминов, которые восходят к марксизму, т. е. образованы с добавлением прилагательных «социальный» или «общественный». В этот список он включил более 160 терминов. На самом деле их намного больше, к тому же следует учесть, что аналогичным способом образуются сложные понятия с прилагательными «экономический», «культурный», «биологический», «физический» и др. Понятно, что наука не может отказаться от данного алгоритма. Неслучайно предложение автора вызвало у ученых не столько удивление, сколько бурю насмешек над его «лингвистическими эскерцисами». Понятийный аппарат марксистской социологии будет, безусловно, совершенствоваться и развиваться по мере переосмысления ее содержания – концепции, принципов и методов исследования. Рассмотрим несколько вариантов реконструкции и переосмысления марксистской методологии и понятийного аппарата современной социологией.

Переосмысление прогноза Маркса: социологический анализ постэкономического общества

Идея постэкономического общества получает все большее распространение не только в научной литературе, но и в политических декларациях, материалах СМИ, массовом сознании и общественном мнении. Это объясняется тем, что в ней имплицитно присутствует прогностический вектор будущего. Известно, что знаменитое вопрошание *Quo vadis* (лат.), или *Камо грядеши?* (ст.-слав.), всегда живущее в глубинах народного духа, резко актуализируется в периоды нестабильности, реальных или надвигающихся перемен. Сегодня это все еще связано с банковско-ипотечным кризисом в США, иррадиация от которого распространилась на все страны мира и на все сферы общественной жизни – от экономики до повседневного быта. «Мир должен стать другим», обрести «новое равновесие» (В. Путин) – такие призывы звучат с разных сторон, в том числе и от многих политических лидеров. Это значит, что очередное восстановление статуса-кво, т. е. преодоление рецессии и возврат к докризисной ситуации, восстановление мира в Украине, Сирии и других горячих точках, признается и нежелательным, и невозможным. Необходимы модельные изменения мироустройства, а для этого крайне важно учитывать объективные тенденции самого исторического процесса. Приведенное выше вопрошание означает проблемную ситуацию судьбоносного выбора конкретных стран, народов, человечества в целом.

Социальная наука со времени своего зарождения и до наших дней разработала много теорий исторического развития общества. Одни из них, выполнив свою миссию в рамках определенного хронотопа (конкретного промежутка времени и локализованного пространства), сошли со сце-

ны: теории «золотого века» (Гесиод), «круговорота» (Дж. Вико), «осевого времени» (К. Ясперс), «трех стадий» (О. Конт), «прогресса разума» (И. Г. Фихте), «этического совершенства» (И. Кант) и другие концепции. Сегодня они архивизированы, но тем не менее выполняют важную функцию, предостерегая человечество от контрпродуктивных поисков в неадекватных направлениях применительно к сегодняшнему дню.

Другие теории сохраняют свое методологическое значение (понятийный аппарат, концептуальные предпосылки, критерии и принципы периодизации) для анализа современного общества и перспектив его развития. К их числу относятся формационная и цивилизационная теории. Не вдаваясь в детальный анализ, отметим следующие моменты. Формационная теория марксизма представляет собой первое системное понимание исторического процесса как самодвижения общества под воздействием внутренних источников. Такими источниками признаются диалектические противоречия между уровнем развития производительных сил и характером обусловленных ими производственных отношений, что находит свое социокультурное и экономическое выражение в борьбе интересов больших общественных групп – классов, слоев, страт, когорт и т. д.

Как подчеркивал В. Иноземцев, проведший всесторонний анализ литературы и разработавший собственную теорию постэкономического общества, «в той или иной форме оно (соответствие. – С. Ш.) признается сегодня представителями большинства социологических школ... <...> Характеризуя созданную основоположниками марксизма теорию в целом, следует отметить ее всеобъем-

лющий характер и жесткую последовательность, особенно заметную в фундаментальных методологических и теоретических вопросах» [16, с. 6, 68]. Разумеется, необходимо отличать теорию и практику ее реализации, учитывать и неоправданную нагруженность теории революционными лозунгами, и вульгаризацию отдельных положений, и наличие элементов догматизма, затормозивших дальнейшую ее разработку в соответствии с изменяющимися условиями. Однако вопреки утверждениям о гибели марксизма сегодня наблюдается неожиданный всплеск интереса к труду К. Маркса «Капитал», особенно в Германии. Так, за короткий срок здесь оказался раскупленным весь первый тираж, поэтому и пришлось несколько раз повторить издание.

Кроме того, единой целостной цивилизационной теории исторического развития нет. Под общим названием объединены весьма разнородные работы различных авторов – от Л. Моргана и О. Шпенглера до А. Тойнби и И. Валлерстайна и др. Сюда же относятся и разработки в области технотронного общества (З. Бжезинский), информационного общества (З. Тоффлер, М. Кастельс), глобализации (И. Валлерстайн, Ф. Фукуяма), постмодернизма (Ж. Бодрийар, З. Бауман, М. Фуко), и наиболее распространенное направление, известное как теория постиндустриального общества (Т. Веблен, Д. Белл, П. Дракер). Большинство авторов этих концепций, за исключением И. Валлерстайна, выступающего с неомарксистских позиций, отрицают и не принимают во внимание формационную теорию, сводя ее к учению о классовой борьбе или пророчествам относительно неизбежной гибели капитализма (К. Поппер). Характерно, что если А. Тойнби, Н. Я. Данилевский и другие мыслители выделяли локальные цивилизации и учитывали возможность их параллельного сосуществования в разных частях планеты, то постиндустриализм использует схему перехода, как и формационная теория. В нем выделяются семь сменяющих друг друга цивилизаций: неолитическая, восточно-рабовладельческая, античная, раннефеодальная, прединдустриальная, индустриальная и постиндустриальная.

На основе этих двух подходов, которые можно считать и парадигмами исторического развития общества, правомерен вопрос о том, как соотносится с ними новая теория постэкономического общества. Но прежде необходимо выяснить, что оно собой представляет, каковы его эмпирические признаки, чем оно отличается от других типов общества, например от постиндустриального; какие объективные тенденции определяют его развитие.

Первое, на что приходится обратить внимание, – это проблема терминологии. Очевидно, что префиксы «пост-» и «пре-» – не самая удачная форма образования сложных мыслительных конструк-

ций, выражающих те или иные состояния социума. В них нет семантической определенности, а лишь обозначения некоторого положения на оси времени относительно точки отсчета. Поскольку эти префиксы апеллируют к настоящему, то точка отсчета *per se* является условной, подвижной в том смысле что у каждой исторической эпохи свое настоящее.

Термин «постэкономическое общество» впервые стали употреблять американские социологи Г. Кан и А. Винер, позже – Д. Белл, Дж. Гэлбрейт и другие исследователи, обратившие внимание на то, что, во-первых, экономические институты современного общества вынуждены все более социологизироваться; во-вторых, возникают серьезные затруднения при экономической оценке знаний, информации. Традиционный стоимостный подход не может учесть неисчерпаемость знаний, неисчислимость затрат на их производство, эффекты саморазвития и множество полезных результатов, кроме прибыли.

Еще одно терминологическое затруднение связано с многозначностью понятия «экономика». Под экономикой в субстанциональном смысле понимается одна из сфер общества наряду с политикой, социальной сферой, идеологией, культурой. Сегодня выделяют «реальный сектор экономики», отличая тем самым собственно производство от иных инфраструктурных – сопутствующих, обслуживающих и т. д. – видов экономической деятельности. Но вместе с тем экономика – это и наука, и учебная дисциплина (экономическая теория, экономика отдельных отраслей и видов деятельности). Отмечая, что «рыночная экономика, строго говоря, не является “экономикой”, то есть “хозяйством” [15, с. 193], Ф. Хайек предложил ввести «термин “каталлаксия” для обозначения предмета науки, которую мы обычно именуем экономикой, а сама наука могла бы называться “каталлакстикой”» [15, с. 194]. Эти мудреные термины научным сообществом не приняты, но стремления выяснить соотношение экономики и хозяйства не прекращаются.

Сама идея постэкономического общества становится возможной только при различении содержания этих понятий, ибо если они тождественны, то невозможно опровергнуть точку зрения здравого смысла, согласно которой общество «без экономики», «за пределами экономики» – не более чем оксюморон. На наш взгляд, экономика и хозяйство являются не взаимодополнительными, как считает В. Иноземцев, а взаимоперекрещивающимися понятиями. Под хозяйством понимается все разнообразие форм жизнеобеспечения социума, его подсистем, ячеек и индивидов. Хозяйство может быть единоличным и коллективным, натуральным и рыночным, а также подразделяться по отраслям и видам деятельности. Совокупность всех региональных, отраслевых, специализированных форм

жизнеобеспечения общества образует народное хозяйство конкретной страны. Первостепенное место в этой системе принадлежит семье. В нашем языке утвердилось понятие «семейное хозяйство», в отличие, например, от англоязычного термина *household economy* – домашняя экономика. Правда, в последнее время и у нас зарождается собственно экономическое явление, называемое «семейный бизнес». На примере семьи хорошо видно, что в круг хозяйствования входят многие неэкономические занятия и функции – от воспитания детей, поддержания культуры быта и локальной экологии до организации церемониальных действий, например свадеб, юбилеев и т. д.

Экономика – это подсистема общества, обеспечивающая материальные условия жизни за счет производства и размещения ресурсов, обмена продукцией, а также создания материальной базы для всех остальных сфер общественной жизни. Нет сомнения, что имеется много видов работ, процессов, которые являются одновременно и хозяйственными, и экономическими, скажем, уборка урожая в сельском хозяйстве. Однако выращивание овощей для личного потребления – это занятие хозяйственное, но не экономическое. Вместе с тем далеко не все в экономике может быть названо хозяйственным, иначе потерял бы смысл термин «бесхозяйственность», характеризующий «производство ради производства», «работу на склад» и подобные явления.

На этом основании теория постэкономического общества подразделяет исторический процесс по известной схеме триады на доэкономический, экономический и постэкономический периоды. При этом критерии периодизации перестраиваются, как по сравнению с формационной теорией, так и в сопоставлении с постиндустриализмом и обществом «третьей волны» (Э. Тоффлер). В постиндустриализме деление общества на доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное проводится по следующим основаниям: уровень техники и технологии, методы производственной деятельности, основные используемые ресурсы, характер отношений человека к природе. У Э. Тоффлера критериями волн цивилизации выступают ведущие источники энергии, наиболее распространенные ресурсы, характер и содержание труда, информация как фактор производства.

В теории постэкономического общества выделяются следующие критерии: доминирующие интересы субъектов хозяйственной деятельности, их уровни и соотношения; характер деятельности и ее мотивация; социальные связи и отношения между людьми (индивидами) и общественными группами. С этой точки зрения в архаическом обществе хозяйство существует в примитивных формах (сбирательство, охота, бортничество, рыбная ловля).

Экономики, как товарного производства и обмена, еще нет, поэтому данный период и назван доэкономическим обществом. В марксистской теории ему соответствует первая в истории человечества общественно-экономическая формация – первобытное общество. В западной литературе этот период уже давно переименован в архаическое (древнее) общество, хотя данный термин вряд ли является более содержательным, чем термин «первобытное общество». Другое дело, что это позволило вынести за скобки научного дискурса и социологического словаря такие явления, как первобытный коллективизм, общая собственность, равнообеспечивающее распределение.

Постэкономисты утверждают, что из-за грубых ошибок в переводе трудов классиков марксизма возникло иррациональное понимание общественно-экономической формации. По словам В. Иноземцева, использование этого термина «вычеркнуло из марксизма одну из основных идей К. Маркса – мысль о двух кругах развития общества: первом – последовательной смене трех общественных (но не общественно-экономических – С. Ш.) формаций – и втором – смене способов производства внутри экономической эпохи» [16, с. 93]. Из этого следует, что в аутентичной марксистской теории три, а не пять общественных формаций, при этом первичная формация понимается как еще неэкономическая, а третичная (коммунизм) – как уже неэкономическая.

Не оценивая внесенные предложения, требующие отдельного текстуального анализа, вернемся к рассмотрению первобытного общества. Одной из его черт является отсутствие избыточного продукта, более того, очевидна незаинтересованность первобытных коллективов накапливать что-либо про запас даже в тех случаях, когда это было возможно. Иначе говоря, хозяйственная активность не выходила за рамки необходимого и достаточного уровня обеспечения средств жизни. Это можно расценивать как крайнюю непредусмотрительность или некое мистическое чувство меры, но главное, что такой подход определял отношение первобытных людей к природе и друг другу. Мотивами выступали внутренние побуждения – инстинкты и традиции, а человеческая деятельность носила неосознанный характер, т. е. являлась не трудом в собственном смысле слова, а инстинктивной активностью. Как отмечал К. Маркс, «труд еще не освободился от своей примитивной, инстинктивной формы» [16, с. 189].

Переход к экономическому обществу можно понимать как отрицание предыдущего состояния. Он произошел в результате трансформации человеческой деятельности и становления труда, доминирующим мотивом которого выступали материальные интересы. Труд, в отличие от инстинктивной ак-

тивности, носит осознанный характер, предусматривающий целеполагание и абстрактное мышление. Важнейшими чертами экономической эпохи являются рыночный обмен, частная собственность и эксплуатация. В данную эпоху исследователи включают все классовые формации, основываясь в том числе на следующем положении К. Маркса: «В общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» [18, с. 8]. Названные способы производства сходны в том, что в них господствующее положение принадлежит экономическим факторам и отношениям, а не религиозным или политическим, как, например, в теории локальных цивилизаций А. Тойнби.

Постэкономический строй, идущий на смену экономической эпохе, должен, как предполагается, постепенно преодолевать ее атрибутивные признаки – рынок, частную собственность и эксплуатацию – путем нового преобразования деятельности и превращения труда в творческую активность с неутилитарной мотивацией. Соответственно, формируется новая система ценностей и общественных отношений. Обобщая зарубежную литературу по данной теме, В. Иноземцев отказался от попыток дать строго научное определение понятию «постэкономическое общество»: «На наш взгляд, попытка определения социума будущего в “позитивном” аспекте, через обнаружение его фундаментальных отношений и закономерностей, сегодня не может быть в полной мере плодотворной; возможности современного обществоведения ограничены лишь изучением предпосылок возникновения этого социального устройства и указанием на ряд тенденций, наиболее важных для его становления» [16, с. 9]. Рассмотрим кратко эти предпосылки и тенденции становления постэкономического социума.

Как отмечалось, главным фактором данного процесса и его движущей силой выступает изменение самой природы человеческой активности. Суть фундаментальной трансформации деятельности состоит в преодолении труда и его замене творчеством. Отметим, что тема преобразования труда – облегчения, избавления от вредных условий и непосильных физических нагрузок, монотонности и т. д. – центральная как для всех футурологических построений, так и для обыденного сознания. С ней, в частности, связаны древние мечты о «золотом веке», когда люди находились в полной гармонии с природой и могли получать средства к жизни «без труда и усилий». В народных сказках многие герои решают эту проблему с помощью чудодейственных средств – золотой рыбки, щучьего веленья и т. п. Такие наивные восприятия, как отмечала И. И. Чангли, «не лишены великого пророческого смысла» [19, с. 131].

В марксистской теории возможности изменения характера производственной деятельности рассматриваются в двух аспектах с учетом развития материально-технической базы производства и создания социально-психологических условий самореализации человека. Маркс и Энгельс не приняли популярный в либеральной и теологической литературе тезис об «освобождении труда», утверждая, что «труд уже стал свободным во всех цивилизованных странах; дело теперь не в том, чтобы освободить труд, а в том, чтобы этот свободный труд уничтожить» [20, с. 192]. Под уничтожением труда понималось несколько комплементарных направлений: во-первых, «превращение труда в самодеятельность» [20, с. 95], т. е. добровольное, без внешнего принуждения, самостоятельное проявление человеческой активности, обусловленное внутренней мотивацией; во-вторых, формирование потребности в труде как способе самоактуализации. С психологической точки зрения это означает развитую способность получать удовлетворение, радость от самого процесса деятельности. Именно это имел в виду известный фантаст Р. Бредбери, когда писал, что на вопрос студентов: «Как прожить без труда?» – он отвечал: «Полюбите свою работу». В-третьих, уничтожение труда – это изменение соотношения овеществленного и живого труда, и, как следствие, новое качество рабочей силы, новый тип работника. Овеществленный труд – орудия производства, техника и др. – должны уступить господствующее положение живому труду в форме изобретательности, инновационности, «творческой жилки». Исследователь Ф. Т. Михайлов назвал этот процесс «первой промышленной революцией наоборот» [1, с. 66]. Действительно, это революционные изменения глубинного уровня и синтетического плана, которые начались только во второй половине XX в.

Вместе с тем такие преобразования труда не следует понимать как исчезновение или устранение продуктивной активности человека в хозяйственной сфере, а тем более как оправдание безделья, демонстративного отказа от труда. Подобное, как известно, прокламируют некоторые представители отдельных молодежных субкультур (хиппи, панки и т. п.), а также добровольные маргиналы (обездоленные бродяги, отшельники и пр.). Как бы предвидя подобный вариант толкования идеи уничтожения труда, К. Маркс отмечал: «Действительно свободный труд, например, труд композитора, представляет собой дьявольски серьезное дело, интенсивнейшее напряжение» [21, с. 110].

Постэкономическая теория рассматривает в качестве центрального положения превращение труда в творчество. При этом творчество понимается как внутренняя, рациональная активность, имеющая неутилитарные мотивы. Так, В. Иноземцев писал: «Мы утверждаем, что *определить деятельность*

как труд или творчество может только сам субъект» [16, с. 220]. Следовательно, речь идет не просто об обогащении содержания труда и придании ему творческих элементов в связи с технико-технологическими усовершенствованиями, а о кардинальных изменениях личностного смысла деятельности для его субъекта. Такой подход, безусловно, правомерен и отражает современные тенденции развития материального производства, которые наиболее рельефно проявляются в развитых странах.

К числу таких тенденций можно отнести прежде всего рост третичного сектора, т. е. сферы услуг, по сравнению с первичным (сельское хозяйство) и вторичным (промышленность) секторами. Этот процесс становится все более характерным и для развивающихся стран, в том числе для Беларуси, хотя количественные его параметры здесь скромнее. Кроме того, заметна демассовизация производства в связи с повышением роли престижного потребления и стремлением учесть индивидуальные запросы потребителя. Важны и тенденции в развитии индивидуальных форм занятости, семейных предприятий на дому, электронных коттеджей (по Тоффлеру), соединения в одном субъекте производителя и потребителя, названного Э. Тоффлером «просьюмер», что особенно характерно для тех видов деятельности, в которых предметом является информация – сбор, анализ, программирование и т. д.

Все это показывает, что современное производство нуждается в элементах креативности, и они пробуждаются в людях в массовом масштабе. Прежние представления о творчестве как о созидании новых духовных ценностей в искусстве, культуре, т. е. вне материального производства, или о религиозно-философских исканиях (Н. А. Бердяев), проектно-конструкторской разработке производственных процессов существенно расширяются. Творчество благодаря высоким технологиям, организационным инновациям и информации проникает во все детали и операции производственного процесса. Тем самым новые производственные структуры выступают залогом становления творческой деятельности как основной характерной черты постэкономического строя. Одновременно этот строй формируется путем отрицания атрибутивных черт экономического общества – рынка, частной собственности и эксплуатации. Рассмотрим, как логика этого процесса представлена в теории постэкономического общества.

Рыночный обмен устраняется путем двойной деструкции его ядра, каковым является стоимость и со стороны производства, и со стороны потребления. Напомним, что, согласно марксистской теории, рыночная анархия может быть заменена плановой организацией только в результате политической революции. Постэкономисты считают, что революция действительно происходит, но не

политическая, а социальная, «молчаливая», «тихая», подобная той, которая наблюдалась в неолите, когда совершился переход от собирательства и охоты к оседлому земледелию. Со стороны производства стоимость разрушается в силу того, что творчество нельзя редуцировать к простому труду, а значит, невозможно квантифицировать издержки по созданию благ и услуг. Знания и информация выступают главным ресурсом производства, а человек становится субъектом творческих процессов, значимость которых не может быть оценена в экономических категориях [16, с. 323]. Попытки определить цену информации через цену товаров, в производстве которых она использована, оказываются безрезультатными, так как информация не исчезает в товаре, как материалы или энергия, и может быть применена другим производителем в совершенно ином направлении.

С точки зрения потребителя стоимостные оценки не имеют значения, если его предпочтения не утилитарны и выбор совершается на основании иных мотивов и ценностей. Таким образом, рыночный обмен теряет свое критериальное основание – стоимостную оценку эквивалентности, а вместе с тем и свою структурирующую функцию – и должен уступить место иным формам взаимодействия, в том числе товарному обмену.

Частная собственность, как известно, является краеугольным камнем рыночной экономики. О возможности замены частной собственности на общественную первыми заговорили утописты. Классики марксизма определили этот процесс как обобществление производства. Постэкономисты такой путь считают бесперспективным, поскольку он ведет к таким непредвиденным последствиям, как отчуждение собственности от производителей и дезорганизация системы стимулов эффективного хозяйствования. На их взгляд, современные тенденции трансформации собственности содействуют доминированию личной собственности, характеризующейся соединенностью работника и условий его деятельности. Основаниями для этого являются возрастающая роль знаний как непосредственного производственного ресурса, доступность информации, изменение мотивации и статуса работника интеллектуальной деятельности. Человеческий капитал, как усвоенное полезное знание, по самой своей природе индивидуализирован и в этом смысле является личной собственностью. Интеллектуалы продают не свою рабочую силу, а готовый продукт (информационные программы, технологии и др.) или свою деятельность при оказании тех или иных услуг. Огромные массивы знаний не являются чьей-либо собственностью, точнее, они могут быть присвоены каждым, кто способен их ассимилировать, преобразовать и направить. Именно поэтому проблема преодоления частной собственности становится на конструктивную основу.

Постэкономическое общество устраняет один из главных пороков предшествующего периода – эксплуатацию, т. е. неэквивалентный обмен, безвозмездное присвоение результатов чужого труда. Ее преодоление традиционно связывают с устранением имущественного неравенства, классового расслоения. Постэкономисты переносят этот процесс в субъективную сферу, делая ставку на социопсихологические изменения самого человека. Как подчеркивал В. Иноземцев, «устранение эксплуатации возможно прежде всего в форме преодоления специфического феномена сознания» [16, с. 8]. В это достаточно спорное положение, видимо, заложена идея о том, что творческий человек не подвержен эксплуатации, поскольку свое богатство – человеческий капитал – он использует как личную собственность. Вместе с тем он и не заинтересован в эксплуатации других, ведь его мотивы выходят за пределы материальных целей, он сосредоточен на личностном развитии и самоактуализации. Для того чтобы расширять свой кругозор, приобретать знания, вести инновационный поиск, эксплуатация не нужна.

Подводя итог краткому анализу теории постэкономического общества, отметим некоторые позиции.

1. Безусловно, постэкономическое общество – это не новая формация в классическом смысле слова. Авторы называют его эпохой, строем, состоянием социума, что, наверно, оправданно. Но это и не очередное название современного капитализма или посткапитализма. В любом случае при устранении рынка, частной собственности и эксплуатации формируется иное общество. Возможно, полезно было бы обратиться к социалистической терминологии, но авторы избегали ее, сводя социализм к советскому строю, не упоминая даже о китайском пути, опыте социал-демократов и др.

2. Авторы действительно заметили многие тенденции, характерные прежде всего для развитых стран. О том, что их анализ имеет и прогностическое значение, говорит следующий вывод: «Преодоление стоимостных регуляторов общественного производства неизбежно вызовет, причем в обозримом будущем, серьезные пертурбации на фондовых и финансовых рынках, показатели которых уже сегодня безумно далеки от реального состояния экономики» [16, с. 464]. На это предупреждение, высказанное более десяти лет назад, не обратили внимания ни международные финансовые институты, ни правительство, а кризис все-таки разразился и именно по указанной причине.

3. Обсуждение проблемы неравенства, на наш взгляд, проведено недостаточно глубоко и конструктивно. Допускается, что в постэкономическом обществе неравенство не только не преодолевается, но и имеет возможность возрастая. Правда, оговаривается, что это уже будет не классовое (возникаю-

щее в силу аскрипции или имущественных преимуществ), а интеллектуальное неравенство. Думается, что при таком подходе неравенство невольно отождествляется с различиями. Различий демографических, расовых, национальных, конфессиональных и прочих действительно много. Некоторые из них могут превращаться в неравенство при их субстанциализации, т. е. утверждении в качестве основы оценки личности, ее черт, способностей и т. д. Но это происходит лишь там, где сознательно используются специальные инструменты демаркации (кастовый строй, рабство, крепостничество, гугеноты во Франции и т. д.). В естественном процессе многообразия индивидуальных различий, определяющих уникальность каждого человека, выполняет также компенсаторную функцию, поскольку отставание в одной области, как правило, восполняется успехами в других сферах. Такого рода различия способностей в масштабах социума дополняют друг друга, украшают жизнь, не создавая неразрешимых противоречий. Именно это имел в виду Платон, предлагая формулу «каждому свое» в качестве принципа идеального общества. В то же время излишнее и неоправданное расслоение, чем бы оно ни вызывалось, ослабляет общество. Обратим внимание на следующие слова К. Маркса: «Жизнеспособность первобытных общин была неизмеримо выше жизнеспособности семитских, греческих, римских и прочих обществ, тем более жизнеспособности современных капиталистических обществ» [21, с. 402]. Одним словом, общество будущего должно преодолевать неравенство или, по крайней мере, не оправдывать его сохранение и рост, иначе жизнеспособность этого общества окажется ниже, чем в предшествующем строе.

4. Смушает также отсутствие анализа коллективной формы собственности, в том числе интеллектуальной; наблюдается сугубо субъективный подход к пониманию творчества и преодоления эксплуатации. Бегло отмечается, что движение к постэкономическому социуму становится возможным после того, как удовлетворены материальные потребности и понята действительная роль знаний. На наш взгляд, и то, и другое следует оценивать на основе эмпирических данных, привлекая не только статистику, но и социологические исследования.

5. Для стран СНГ рассматриваемые проблемы кажутся весьма далекими, но важно уже сегодня обращать на них внимание, поскольку они имеют не только теоретическое, но и практическое значение, которое будет только возрастать. Мы видим в современной Беларуси достаточно бурные процессы информатизации, развитие высоких технологий и другие тенденции, которые способствуют превращению труда в творческую активность все большего числа людей. Интересно и то, что на постсоветском пространстве дифирамбы курсу «рынок-

визации» подавили голоса скептиков, что затрудняет трезвый аналитический подход. То же можно сказать и относительно частной собственности как

вечной категории. Пожалуй, обращение к теории постэкономического общества позволит выработать более конструктивный подход.

Коллективизм vs индивидуализм

Термин «коллектив» («коллективизм») оказался в эпицентре идейной борьбы еще со времен выхода на арену общественной мысли первых утопистов, а с середины XX в. он стал одним из символов холодной войны. Либерально-индивидуалистическое общество стремилось не допустить этот термин ни в теорию, ни в повседневные практики общения, в то время как солидарно-коллективистическое делало ставку именно на укрепление и развитие коллективистского начала (по крайней мере, это декларировалось). В силу этого западные исследователи, особенно социальные психологи, пытались раскрыть механизмы взаимодействия людей, обращались исключительно к малым группам, изучали групповую динамику со стороны коммуникативных процессов эмоционального характера – симпатии, конформизма и т. д. Отдельные социологи использовали понятие коллектива, но не в категоризованной форме, а слишком обобщенно и схематично. Так, Т. Парсонс под коллективом понимает такую систему действий в которой «участники определяют некоторые действия – как необходимые в интересах интеграции данной системы, а другие действия, как несовместимые с этой интеграцией, потому и санкции организуются с учетом этого определения» [14, с. 181]. К «эмпирическим коллективам» он относит «семьи, церкви, фирмы, правительственные организации, университеты» [14, с. 275]. Верховным социальным коллективом является общество как страна-государство. Пытаясь построить некоторую типологию, Т. Парсонс выделяет три типа коллективов:

1) община – преобладание экспрессивных интересов, т. е. символично-выразительных, нематериальных;

2) организация – преобладание инструментальных интересов;

3) ассоциация, имеющая «эксплицитные и формализованные правила, а также дифференцированные органы для осуществления действия (включая интерпретацию правил и принуждение к их исполнению)» [14, с. 184].

В период маккартизма Т. Парсонс решил ввести этот «просоциалистический» термин, однако в понимании природы коллектива и его возможностей исследователь не вышел за рамки абстрактных представлений. Психологическую теорию коллектива разработала группа советских ученых под руководством А. В. Петровского [23]. К сожалению, в силу ряда причин воплотить ее в жизнь не успели, а сегодня и в постсоветских странах она вытеснена на периферию и научного интереса, и учебных программ. На практике сохраняется некоторое ме-

тафорическое аддитивное представление о коллективе как «штатной численности персонала» предприятий, организаций, учреждений. Это значит, что исследования социального капитала коллектива необходимо начинать с четкой экспликации исходного понятия. Коллектив – это группа, в которой «межличностные отношения опосредованы общественно ценным и личностно-значимым содержанием совместной деятельности» [23, с. 227]. Из этого следует, что, во-первых, коллективом не могут быть, например, мафия и подобные криминальные структуры, поскольку в их деятельности нет общественно ценного содержания; во-вторых, размер коллектива ограничен возможностью личных контактов: персонал крупного предприятия, тем более общество в целом, не является коллективом, но может и должен в идеале представлять собой сеть первичных коллективов, скоординированных на основе солидарности (и в этом смысле термин адекватен); в-третьих, коллектив отличается от диффузной группы, случайного сообщества, толпы, компании тем, что объединяющим началом в нем выступают цели, нормы и ценности совместной деятельности, а не просто личностные эмоциональные реакции друг на друга или на окружающее. Группа, возникающая по воле обстоятельств из незнакомых индивидов (учебная группа первокурсников, отделение новобранцев, новая спортивная команда, бригада и др.) имеет потенциал роста в сторону подлинного коллектива, но существует также и опасность деградации – распада на группки, изоляции, борьбы, вплоть до неприемлемых внутренних конфликтов. В этом плане формирование коллектива приобретает важнейшее практическое значение в качестве источника социального капитала.

Основными параметрами коллектива являются следующие:

1) коллективистическое самоопределение – форма взаимодействия индивида и группы на основе интернализированных коллективных целей, норм и ценностей, позволяющая индивиду свободно и избирательно относиться к коллективным инновациям и групповому давлению, не становясь на позиции конформизма или нонконформизма (негативизма);

2) действенная групповая эмоциональная идентификация – межличностное отождествление, при котором переживания одного из членов становятся мотивами поведения других, направляя их деятельность на достижение общей цели и одновременное блокирование источника (фрустратора) пережива-

ний коллеги. Это не сумма эмпатий, альтруизма, а новый тип отношений на основе нравственных ценностей сотрудничества ради общей цели;

3) возложение и принятие ответственности – адекватная самооценка вклада и персонализация ответственности за успехи и(или) неудачи коллектива (победу или поражение в спорте);

4) мотивация выбора в межличностных отношениях – устойчивая структура мотивов индивиду-

альной предпочтительности, определяющая ранги акторов с точки зрения их потенциала в решении коллективных задач;

5) ценностно-ориентационное единство – показатель сплоченности как интегральная характеристика внутриколлективных связей, отражающая степень согласованности оценок и позиций по наиболее значимым факторам совместной деятельности (ресурсам, распределению и т. д.).

Библиографические ссылки

1. Освобождение духа / под ред. С. А. Гусейнова, В. И. Толстых. М. : Политиздат, 1991.
2. Ципко А. С. Хороши ли наши принципы? // Новый мир. 1990. № 4. С. 173–204.
3. Чернышёв С. Новые вехи // Знамя. 1990. № 1. С. 151–166.
4. Шавель С. А. Расширенный порядок как манифест рыночного фундаментализма // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 1. С. 52–63.
5. Кимлика У. Современная политическая философия. Введение / пер с англ. С. Моисеева. М. : Изд. дом Гос. ун-та, Высш. шк. экономики, 2010.
6. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1995.
7. Маркс К. Капитал : в 3 т. Т. 1. М. : Госполитиздат, 1954.
8. Маркс К. К критике политической экономии. М. : Госполитиздат, 1953.
9. Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М. : Terra, 2008.
10. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М. : Канон, 1995.
11. Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990.
12. Смелзер Н. Социология / науч. ред. В. А. Ядов. М. : Феникс, 1994.
13. Парсонс Т. Интеллектуальная автобиография // Социол. журн. 1995. № 2. С. 73–95.
14. Парсонс Т. О социальных системах / под ред. В. Ф. Чесноковой, С. А. Белянского. М. : Акад. проект, 2002.
15. Хайек фон Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М. : Новости, 1992.
16. Иноземцев В. За пределами экономического общества. М. : Academia : Наука, 1998.
17. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. Т. 23. М. : Политиздат, 1960.
18. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. Т. 13. М. : Политиздат, 1959.
19. Чангли И. И. Труд. Социологические аспекты теории и методологии исследования. М. : Мысль, 1973.
20. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. Т. 3. М. : Политиздат, 1955.
21. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. Т. 6. М. : Политиздат, 1957.
22. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. Т. 19. М. : Политиздат, 1961.
23. Психологическая теория коллектива / под ред. А. В. Петровского. М. : Педагогика, 1979.

References

1. Guseinova S. A., Tolstykh V. I. (eds). *Osvobozhdenie dukha* [Liberation of the spirit]. Moscow : Politizdat, 1991 (in Russ.).
2. Tsipko A. S. [Are our principles good?]. *Novyi mir* [The new world]. 1990. No. 4. P. 173–204 (in Russ.).
3. Chernyshov S. [New milestones]. *Znamya* [The banner]. 1990. № 1. P. 151–166 (in Russ.).
4. Shavel S. A. Advanced Order as a Manifesto of Market Fundamentalism. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. № 1. P. 52–63 (in Russ.).
5. Kimlika U. *Sovremennaya politicheskaya filosofiya. Vvedenie* [Modern political philosophy. Introduction]. Moscow : Publ. house of State Univ., Higher School of Economics, 2010 (in Russ.).
6. Rawls J. *Teoriya spravedlivosti* [The theory of justice]. Novosibirsk : NSU publ. house, 1995 (in Russ.).
7. Marx K. *Kapital* [The Capital] : in 3 vols. Vol. 1. Moscow : Gospolitizdat, 1954 (in Russ.).
8. Marx K. *K kritike politicheskoi ekonomii* [To the criticism of political economy]. Moscow : Gospolitizdat, 1953 (in Russ.).
9. Bulgakov S. N. *Filosofiya khozyaistva* [Philosophy of the economy]. Moscow : Terra, 2008 (in Russ.).
10. Durkheim E. *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its subject, method, purpose]. Moscow : Kanon, 1995 (in Russ.).
11. Weber M. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected research works]. Moscow : Progress, 1990 (in Russ.).
12. Smelser N. *Sotsiologiya* [Sociology]. Moscow : Feniks, 1994 (in Russ.).
13. Parsons T. [Intellectual autobiography]. *Sotsiol. zhurn.* [Sociol. j.]. 1995. No. 2. P. 73–95 (in Russ.).
14. Parsons T. *O sotsial'nykh sistemakh* [About social systems]. Moscow : Akad. proekt, 2002 (in Russ.).
15. Hayek von F. A. *Pagubnaya samonadeyannost'. Oshibki sotsializma* [The pernicious presumption. Errors of socialism]. Moscow : Novosti, 1992 (in Russ.).
16. Inozemtsev V. *Za predelami ekonomicheskogo obshchestva* [Outside the economic society]. Moscow : Academia : Nauka, 1998 (in Russ.).
17. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works] : in 5 vols. Vol. 23. Moscow: Politizdat, 1960 (in Russ.).
18. Marx K., Engels F. [Works] : in 50 vols. Vol. 13. Moscow: Politizdat, 1960 (in Russ.).

19. Changli I. I. Trud. Sotsiologicheskie aspekty teorii i metodologii issledovaniya [Work. Sociological aspects of the theory and methodology of the study]. Moscow : Mysl', 1973 (in Russ.).
20. Marx K., Engels F. Sochineniya [Works] : in 50 vols. Vol. 3. Moscow: Politizdat, 1955 (in Russ.).
21. Marx K., Engels F. Sochineniya [Works] : in 50 vols. Vol. 6. Moscow: Politizdat, 1957 (in Russ.).
22. Marx K., Engels F. Sochineniya [Works] : in 50 vols. Vol. 19. Moscow: Politizdat, 1961 (in Russ.).
23. Petrovsky A. V. (ed.) Psikhologicheskaya teoriya kollektiva [Psychological theory of the collective]. Moscow : Pedagogika, 1979 (in Russ.).

*Статья поступила в редколлегию 25.01.2018.
Received by editorial board 25.01.2018.*

УДК 316.42

МАРКС О СОЦИАЛЬНОМ ПРОГРЕССЕ И СТРАХИ ИСПУГАННОГО ОБЩЕСТВА: МАРКСИСТСКИЙ ВЗГЛЯД

В. Э. СМІРНОВ¹⁾

¹⁾Институт экономики Национальной академии наук Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Утверждается, что главный вклад Карла Маркса – теоретическое обоснование теории общественного прогресса – в настоящее время, как никогда, актуален. Данное суждение обусловлено как объективно происходящими социальными процессами, так и отсутствием новой теории, способной адекватно объяснить суть общественного развития. Критикуются современные теории бесклассового общества, устойчивого развития и конца истории как способы идеологического обоснования сложившегося социального порядка, удовлетворяющего правящий класс. Объясняются причины социальных страхов перед радикальными изменениями в обществе, возникших у большинства граждан постсоветских стран за последние три десятилетия. На основе анализа исторических событий последних десятилетий предлагается современная марксистская интерпретация теории общественного прогресса.

Ключевые слова: теория общественного развития; социальные изменения; марксизм; классы; классовая борьба; социальная революция; свобода; социальные страхи; социальный порядок.

MARX ABOUT THE SOCIAL PROGRESS AND FEARS OF A FRIGHTENED SOCIETY: MARX'S OPINION

V. E. SMIRNOV^a

^aInstitute of Economics, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

It is argued that the main contribution of Marx is the theoretical basis of the theory of social progress is relevant today more than ever. This statement is substantiated by objectively occurring social processes and by the absence of a new theory, that can adequately explain the essence of social development. Modern theories of classless society, sustainable development and the end of history as ways of ideological justification of the current social order satisfying the ruling class are criticized. The reasons of social fears to radical changes in society, which have arisen in the majority of the population of post-soviet countries over the past three decades are explained. The modern Marx's interpretation of the theory of social progress is offered on the basis of the analysis of historical events of the last decades.

Key words: theory of social development; social change; marxism; classes; class struggle; social revolution; freedom; social fears; social order.

Если бы еще десять лет назад пришлось говорить об актуальности марксизма, мы бы попали в сложное положение. И речь идет не о том, что марксизм тогда был неактуален, но продемонстрировать эту актуальность было бы непросто. Пришлось бы утверждать и объяснять то, что обывателю, да и существенной части интеллектуального сообщества,

было вовсе не очевидно. Сегодня, как оказалось, говорить об актуальности марксизма куда проще, поскольку никакого иного системного дискурса, никакого иного языка, на котором можно было бы рассуждать об общественном развитии, не существует. При этом стало понятно, что история тронулась с места и на глазах ускоряет свой ход.

Образец цитирования:

Смирнов В. Э. Маркс о социальном прогрессе и страхи испуганного общества: марксистский взгляд // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 1. С. 63–72.

For citation:

Smirnov V. E. Marx about the social progress and fears of a frightened society: Marx's opinion. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 1. P. 63–72 (in Russ.).

Автор:

Виктор Эдуардович Смирнов – кандидат социологических наук; ведущий научный сотрудник.

Author:

Victor E. Smirnov, PhD (sociology); leading researcher. smirnoffv67@gmail.com

Несмотря на то что марксизм являлся господствующей идеологией еще совсем недавно, странным образом его положения, понятия и категории в значительной степени преданы забвению, что демонстрирует, с какой энергией они практически «вытаскивались» из общественного сознания. Катастрофическая делегитимация марксизма, осуществленная в отношении как самой теории основоположников марксизма К. Маркса и Ф. Энгельса, так и ее интерпретаций последователями, приобрела разные оттенки и в конкретных случаях специфические особенности. Если на Западе речь, скорее, может идти о встраивании марксизма в неолиберальный дискурс (причем встраивании до такой степени, что появился вполне резонный вопрос: а марксизм ли это?), то в Восточной Европе и особенно на постсоветском пространстве, марксизм подвергся гласной и негласной обструкции со стороны всей системы официальных институтов [1].

Кроме того, учитывая, что и сам марксизм в интерпретации советской идеологической машины имел немало искажений, потребность в реконструкции существенной части положений теории К. Маркса приобрела актуальность и реальную практическую значимость. Впрочем, было бы неверно рассматривать советскую эпоху существования и развития марксизма лишь как некое искажение его идей и принципов. Напротив, советскими философами и социологами сделано немало в плане развития идей К. Маркса. Советские мыслители, многие из которых были незаслуженно забыты в «эпоху перемен», предложили целый спектр подходов и интерпретаций, которые еще ждут своего «открытия» и переосмысления. Однако направления, которые развивали эти ученые, как правило, в минимальной степени касались наиболее болезненной для идеологии части марксизма – исторического материализма. Именно это ядро марксистской теории (не зря К. Маркс и Ф. Энгельс полагали себя в первую очередь историками) больше всего подверглось догматизации и мифологизации. Но в данный момент, когда речь идет о проекте общественного развития, необходимость реконструкции именно этого ядра приобрела особую значимость. Еще более важным, во всяком случае для постсоветских обществ, стало то, что в результате реформ, воспринимаемых массами как катастрофа, изменения начали пугать людей, в связи с чем воцарилась консервативная повестка. А поскольку мир не может стоять на месте, страхи необходимо развеивать.

Очень часто можно встретить суждение о том, что К. Маркс видел в основании развития общества экономическую обусловленность всех социальных процессов и явлений. На этом, как правило, встраивают свою аргументацию и западные, и оте-

чественные критики марксизма. Это, конечно, грубая неточность. На самом деле экономическая обусловленность социальных процессов присуща только одной – экономической – формации, причем наиболее полное выражение такая обусловленность получает только на этапе совершенного развития экономической формации – при капитализме. Карл Маркс в предисловии «К критике политической экономии» пишет: «В общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи общественной экономической формации» [2, с. 7]. Раньше, т. е. в докапиталистические эпохи общественно-экономической формации, экономическая обусловленность процессов социальной жизни выступала крайне опосредованно и вещные, экономические отношения почти полностью скрывались под системой личных связей. Только в капиталистическую эпоху личные связи уступают место тотальной экономической обусловленности. Более того, не кто иной, как К. Маркс, считал такое положение вещей, а именно экономическую обусловленность всех сторон жизни, несправедливым и невыносимым, с которым можно покончить и должно быть покончено. Занятно, что К. Маркса критикуют именно за то, что утверждает не он, а сами буржуазные социологи и экономисты – апологеты рыночной экономики и распространения рыночных отношений на все стороны общественной жизни, например представители австрийской экономической школы. Рыночный фундаментализм последних как раз и базируется на представлениях о тотальной обусловленности общественной жизни экономическими (т. е. рыночными) отношениями. Отличие между ними и К. Марксом заключается в том, что мыслитель полагал такое положение вещей не идеалом на все времена и концом истории, а тем, что обуславливает несвободу человека и потому невыносимо. При этом такое положение вещей имеет конкретно-исторический характер, т. е. оно когда-то появилось и, соответственно, когда-нибудь завершится. Существенная часть теории К. Маркса и объясняет, почему и как это произойдет.

Однако именно поэтому главные претензии ставятся в упрек таким важным элементам марксизма, как теория общественного развития, классовая борьба и социальная революция, объявленным едва ли не формой экстремизма. Поскольку же идея классовой борьбы основана на представлении о классовом делении общества и социальном неравенстве, то и представление о классах как ключевом элементе социальной структуры общества попало под запрет. При этом в основе антимарксистского мировоззрения лежит полный отказ от идеи качественных социальных изменений, так как она превратилась в пугало как для мировых элит, глобаль-

ного неолиберального интеллектуального класса, так и для местных идейных подражателей. Поэтому столь легко утвердилась концепция устойчивого развития, отрицающая не только диалектический характер развития, которому имманентно присущи и эволюционные, и революционные фазы, но и, по сути, развитие как таковое, качественные изменения социального порядка. И хотя одним из базовых принципов неолиберальной догмы был принцип, озвученный М. Тэтчер: «Общества не существует» (есть отдельные мужчины, отдельные женщины и есть семьи), что является иносказанием попперовской критики, так называемого историзма, общество «вернулось», как бы это ни неприятно звучало для апологетов экспертного, технократического управления обществом [3]. Общество «вернулось» и вместо политкорректных штампованных отговорок потребовало ответов. Общество «вернулось» – и история потекла вперед.

То есть вопреки надеждам апологетов неолиберального дискурса история не остановилась, и как гром среди ясного неба прогремел кризис 2008 г., а вся социально-экономическая история последних лет прошла под хор политиков и системных интеллектуалов, убеждающих себя в том, что кризис закончился. Однако если в экономической сфере удалось не то чтобы устранить, но отложить острые проявления кризиса, заливая его деньгами, которые вместо стимулирования покупательского спроса прямо отправлялись на биржевые торги, то в социальной и политической сферах кризис продолжает углубляться. Вряд ли стоит подробно перечислять все события, сотрясающие неолиберальную систему мировой глобализации – от греческого референдума до конфликта на Украине, «Брексита» или победы Дональда Трампа на американских выборах. Трудно объяснить эти события, если продолжать уверять себя в том, что кризис либерального мироустройства в социальной и экономической сферах закончился. Иными словами, стало совершенно очевидно, что история продолжается, общество развивается, а проблема общественного прогресса вновь актуальна.

Однако если мы собираемся говорить не о хаотическом непредсказуемом развитии, если полагаем, что существуют не только индивиды, но и общество, если говорим об общественном прогрессе, то имманентно принимаем телеологический принцип. То есть соглашаемся с тем, что история движется откуда-то и куда-то. Надо заметить, что в этом вопросе марксизм непросто и уж точно куда сложнее существующих в настоящее время наивно-негативных представлений о нем. Та же идея телеологии прогресса, которую столь энергично и при этом внутренне противоречиво пытался критиковать К. Поппер, решалась К. Марксом исторически и в диалектическом ключе. Карл Маркс пишет: «Так

называемое историческое развитие покоится вообще на том, что новейшая форма рассматривает предыдущие как ступени к самой себе и всегда понимает их односторонне, ибо лишь весьма редко и только при совершенно определенных условиях она бывает способна к самокритике» [4, с. 732]. То есть, с одной стороны, представления о прогрессе общества имеют конкретно-исторический характер. Поэтому, например, тот факт, что в эпоху русской революции делался акцент на равенстве как цели прогресса, нельзя оценивать как некое ложное искажение марксистских взглядов. «Интерес эпохи», причем конкретный интерес в конкретном обществе, был именно таков. Именно идеал равенства, которого добивались и в существенной степени добились, стал той самой «новейшей формой», о которой писал К. Маркс. С другой стороны, в рамках материалистической концепции, в которой стержнем прогресса является развитие производительных сил и производственных отношений, говорить о каком-то релятивизме принципов невозможно, так как история носит наряду с этим объективный характер.

Поскольку эта тема требует отдельного анализа, попытаемся ответить на следующие вопросы: что лежало в основе телеологичности прогресса для самого К. Маркса и что явилось объективным основанием развития эпохи, его породившей? Пафос марксизма заключается в разрешении того, что сам К. Маркс назвал загадкой истории, а именно: почему, если «история» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения своих целей» и «история – не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека», человек не свободен [5, с. 102]? То есть почему плоды его деятельности, общественные институты и социальные структуры отчуждены от человека и господствуют над ним? И в чем заключается разрешение этого противоречия? Только тогда, когда человек обретет господство над порождением собственных рук, разума и духа, он станет свободным. Свободным в первую очередь от вражды между людьми, и тогда начнется, по словам К. Маркса, истинная история человечества. Заметим, что под враждой здесь понимаются не личные ссоры и конфликты – как раз это было бы нелепым и наивным утопизмом. Речь идет об институциональной вражде, о ситуации, когда конкретные общественные отношения ставят разные группы людей в объективно враждебное положение, в обстоятельства, когда их объективные интересы становятся противоположными. В этом случае индивиды вынуждены постоянно бороться друг с другом и поэтому становятся несвободными.

Свобода – вот что является основой телеологического принципа в понимании общественного прогресса в марксизме. Однако свобода в марк-

систском понимании существенно отличается от свободы в современном либеральном дискурсе. Это не определенная система принципов и норм, регулирующая отношения частного индивида с другими индивидами в их перманентной борьбе (с марксистской точки зрения вопрос о возможности свободы частного индивида весьма проблематичен в принципе). В марксизме речь идет о свободе человека для самого себя и общества в целом, для свободной реализации собственной личности, что невозможно, по мнению К. Маркса, в условиях, когда человеческое существование всесторонне экономически детерминировано, а именно этим и отличается капитализм с его тотальным проникновением рыночных отношений во все сферы. Ведь «...общественная история людей есть всегда лишь история их индивидуального развития, сознают они это или нет» [6, с. 402–403]. Господствующее ныне представление о свободе человека в рамках частнособственнических, рыночных отношений как минимум с точки зрения марксистского дискурса поистине странно. Это свобода животного в дикой природе, где «шаг вправо, шаг влево» от биологической программы означает неминуемую гибель, где хищник не может пощадить жертву, а жертва не может не убежать от хищника. В рамках рынка все его участники поставлены в конкурентные, враждебные отношения друг к другу вне зависимости от личных желаний людей. Рыночная среда ни в чем в этом смысле не отличается от природной, кроме одного: социальная среда, в которой «обитает» человек, создана человеком и никем другим. Жизнь человека в социуме полна многочисленных запретов и настояний. Например, в буржуазном социуме человек вынужден конкурировать с другими людьми за рабочие места, долю в общественном продукте. Если он буржуа, то вынужден эксплуатировать рабочих – иного способа осуществлять производство в рамках капиталистических отношений не существует. В периоды кризиса он вынужден увольнять рабочих, оставляя их без средств к существованию. И в основе этого лежит не его злая воля, а внешняя по отношению к его воле необходимость. Если он, к примеру, не уволит рабочих в вышеописанной ситуации, то разорится. Таким образом, не только рабочий, но и буржуа – представитель господствующего класса – также не свободен, поскольку его деятельность определяется не его волей, а внешним по отношению к ней принуждением. Причем принуждает его не природная среда, а социальная, которая сама по себе есть продукт деятельности людей.

Для того чтобы решить проблему с освобождением человека, К. Маркс ставит вопрос о том, как же человек создал эту самую социальную среду, в которой и потерял свою свободу? Ответ на него мыслитель находит в представлении о человеке

практическом, т. е. человеке, сущностной чертой которого является способность к духовно-практической деятельности. Изменяя, производя общественные отношения, в которые он вступает в процессе общественного производства, человек изменяет и самого себя. Но до сих пор этот процесс был стихийным в том смысле, что люди не осознавали себя субъектами, строителями истории. Более того, как уже было сказано, продукты их деятельности, все социальные структуры представлялись человеку созданными кем-то: то ли богами, то ли вождями и героями, то ли политиками и экспертами. Отчужденные от человека, эти системы получали некую псевдожизнь, причем зачастую враждебную ему.

Как же разрешить эту проблему, эту загадку истории, когда плоды человеческой деятельности угнетают человека, лишают его свободы? Тысячелетиями этот вопрос ставился в той или иной форме перед людьми. Ответ в основном заключался в том, что необходимо изменить сознание людей (менталитет, культурную матрицу и т. п.) с помощью убеждения, т. е. той или иной теории. Как изменить, в каком направлении – все это зависело от конкретной доктрины. Однако история показала, что, как бы подобные рецепты ни работали на уровне отдельных личностей, в масштабах общества таким образом изменить сознание людей невозможно, во всяком случае в желаемом направлении. Как, например, в рамках христианства, начинавшего с «бессребренических» общин, вскоре выросла богатейшая организация церкви, вполне одобряющая существующие практики эксплуатации.

Карл Маркс дал совершенно другой ответ. Сознание людей, по Марксу, изменяется вследствие изменения их общественного бытия. Наверное, это главное открытие К. Маркса. Собственно, вся теория общественного развития в марксизме, взгляды на процесс социальных изменений и прогресс имеют в качестве ядра данное представление. Согласно ему человек не может существовать иначе, кроме как преобразуя окружающий мир для своих нужд. У этой способности человека – способности к практической (духовно-практической) деятельности – есть определенные особенности, которые заключаются в том, что, во-первых, человек, в отличие от животных, может осознанно трудиться для других, создавать вещи не только для личного (плюс потомство или стая) потребления, но и для других, даже незнакомых людей. И, во-вторых, сама практическая деятельность имеет общественный характер: в процессе своей деятельности человек пользуется плодами труда прошлых поколений и современников, работая совместно, т. е. вступая в отношения с другими людьми в процессе производства, по поводу производства и обмена продуктов труда. Вследствие общественного

характера своего труда человек не только изменяет предметы окружающего мира, приспособлявая их для своих нужд. Изменяя мир, человек изменяет и общественные отношения, в которые он вступает в процессе своей трудовой деятельности. Изменяя, производя общественные отношения, он изменяет и самого себя. Вслед за Г. В. Ф. Гегелем К. Маркс обращает внимание на коренное отличие природного бытия от общественного бытия человека. Природа выступает как нечто изменяющееся, но в полном смысле не развивающееся, существующее как данное, в то время как общественное бытие есть постоянный процесс производства людьми своей жизни.

Впрочем, вышесказанное еще не объясняет, как же все-таки происходят социальные изменения. Почему они происходят не разумно, а стихийно, почему случаются социальные конфликты и катастрофы? Почему, несмотря на то что уровень производительных сил растет, люди не могут спокойно договориться и изменить общественные отношения? Почему невозможно сознательное «самостроительство» человека? Кто и как осуществляет социальные изменения?

Большинство немарксистских теорий обходят стороной вопросы о том, как именно происходят социальные изменения, кто и как именно их осуществляет. Казалось бы, на второй вопрос ответ очевиден: социальные изменения осуществляют люди, но почему? Дело в том, что и социологическая наука, и повседневная жизнь, и просто логика демонстрируют нам: люди в целом не желают крупных изменений в жизни общества. Это связано с тем, что в процессе социализации (а дальнейшее бытие в обществе только подкрепляет приобретенные навыки) люди усваивают определенную систему убеждений, взглядов и ценностей. В результате они, конечно, желают улучшения своей жизни, но нужно учитывать, что их желания приходят не из заоблачных вышей, а предопределены существующей системой ценностей и идеалов. Другую систему ценностей, а соответственно и целей, к которым должно стремиться в жизни, человек, если он специально не изучает другие общества, даже представить не может.

А ведь социальные изменения имеют качественный характер, т. е. меняются. В том числе меняются и ценности, и цели, к которым должно стремиться. Итак, получается, что социальные изменения осуществляют люди, действуя в соответствии со своими интересами, если, конечно, не предполагать, что есть некие божественные (надчеловеческие) сущности, которые принуждают людей действовать определенным способом. И при этом люди вовсе не стремятся к совершению этих самых социальных изменений, к качественному преобразованию социума, а, удовлетворяя свои потребности в достижении статусной позиции, в социальном одобре-

нии, делают это и желают этого в традиционных, усвоенных в процессе социализации формах. Так все же каким образом их деятельность приводит к социальным изменениям, т. е. к изменениям качественного характера?

Разрешение этого парадокса в марксизме лежит в сфере представлений о классах и объективных классовых интересах, т. е. интересах, которые существуют независимо от того, осознаются они их представителями или нет. Карл Маркс утверждал, что не он открывал классы и классовое деление общества, он просто доказал, что любая система общественных отношений в социуме с общественным разделением труда является классовой. Причем господствующий класс, который властвует именно в рамках этой конкретной системы, получает основания для господства и блага и, как следствие этого господства, именно в ней заинтересован, т. е. заинтересован в сохранении данной системы общественных отношений. На социологическом языке речь идет о системе социальных институтов, в рамках которых люди, занимающие высокостатусные позиции, как правило, заинтересованы в сохранении своего статуса и, соответственно, института, в рамках которого они его приобрели. Отсюда – теория устойчивого развития, конца истории и т. п. Согласно современному концепту устойчивого развития, впервые озвученному еще Альбертом Гором, как раз такое спокойное, разумное развитие возможно, а его инструментом является демократия. В рамках демократических процедур разные социальные группы – те же классы (хотя неолиберальный дискурс избегает такого понятия) – могут договориться и изменить общество. Однако современная история продемонстрировала, что эти представления весьма далеки от реальной ситуации и там, где присутствуют интересы крупных капиталов, разумный диалог невозможен, а волеизъявление масс игнорируется. Примерами являются референдумы по принятию Маастрихтского соглашения о Европейском союзе, сравнительно недавний греческий референдум по проблеме задолженности Греции, каталонский референдум. Эти события нанесли сильнейший удар по идеологии неолиберализма и стали важным элементом идейного кризиса современного миропорядка, дополняющего кризис экономический.

Марксистская трактовка классов и классовой борьбы является ключом к пониманию того, как соотносятся представления об объективной необходимости общественного прогресса и свободе человека, в чем заключается его историческая субъектность. Проблема в том, что классовая борьба рассматривается, как правило, крайне вульгарно. К большому сожалению, и в рамках советской марксистской идеологии она рассматривалась так же. А в последнее время понятия классов и клас-

совой борьбы и вовсе употребляются в контексте крайнего экстремизма. Однако игнорировать столь значимый фактор социальной истории человечества, конечно, уже невозможно.

Согласно взглядам К. Маркса, каждый исторически определенный уровень разделения труда или, иными словами, каждая исторически конкретная форма частной собственности соответствует определенному способу производства (например, феодалному или буржуазному) и обуславливает его главное классовое противоречие. С точки зрения социальных отношений они оформляются в виде конкретной системы социальных институтов. Эти институты организуют и закрепляют взаимоотношения основных классов, а поскольку в системе классового разделения главные преференции, духовная деятельность, достижения культуры, наслаждение и потребление выпадают на долю представителей господствующего класса, то, как уже отмечалось, этот класс заинтересован в сохранении существующих социальных отношений в неизменном состоянии. Инструментами для сохранения общества в неизменном состоянии становятся система власти, карательный аппарат, направленный против «бунтовщиков», и, что самое важное, разрабатываются и принимаются определенные идеологические представления о мире, которые объясняют массам, что все они живут в самом лучшем из миров, а история, т. е. дальнейшее качественное развитие общества, остановилась.

Однако с развитием производительных сил общества, новых способов и форм трудовой деятельности в самом обществе возникают новые социальные отношения, отражающие и институционально обеспечивающие эти формы деятельности. Конфликт, с одной стороны, старых, устоявшихся систем социальных отношений, существующих в виде (формальных) социальных институтов и при этом получивших свое выражение и закрепление в формальных организациях, и с другой – новых, только формирующихся институционализирующихся отношений выражается в конфликтах ценностей и идеалов, поведенческих стереотипов и социальных практик. В марксизме этот конфликт описывается в терминах классовой борьбы. Конфликт связан с тем, что старые, формализованные институты ограничивают развитие новых способов деятельности и производительных сил в целом и мешают им. Разрешение этого конфликта в пользу институционализации и формализации новых способов деятельности и человеческих взаимоотношений, утверждения новой системы ценностей, идеалов, основанных на них мировоззренческих представлений связывается в марксизме с социальной революцией по той причине, что процесс преобразования общественных отношений, как правило, проходит через крах, разрушение старых и станов-

ление новых социальных форм. Это болезненный процесс. Впрочем, понятие классовой борьбы при кажущейся простоте на самом деле весьма неоднозначно и вызывает ряд вопросов. К сожалению, оно употребляется в современном неолиберальном дискурсе в контексте, с одной стороны, конкретных политических целей и негативных коннотаций, страха, связанных с понятием революции, навязываемых массам господствующим классом, с другой – теоретической интерпретации теории классовой борьбы исключительно с точки зрения ее экстремальных форм, силового противостояния.

Вопросы снимаются, если понимать термин «борьба», применяемый в отношении противостояния классов, не в политологическом или обыденном смысле, а социологически и при этом диалектически. Борьба в данном случае есть не только и даже не столько осознанное сопротивление в форме восстаний, поджогов или побегов, а в большей степени повседневная деятельность людей, действующих в своих интересах, желающих, например, уменьшить податной гнет, уровень эксплуатации, улучшить условия своей жизни. При этом их интересы противоположны интересам господствующих классов.

Нежелание выполнять те или иные повинности, стремление их избежать, замена другими, более удобными способами сопротивления эксплуатации – это также формы классовой борьбы, и, как мы видим, в исторической перспективе куда более значимые. Таким образом, понятие классовой борьбы включает в себя более широкий спектр социальных действий, нежели прямая борьба, – восстания и бунты. Классовой борьбой можно считать любые действия людей, направленные против существующих социальных институтов, закрепляющих устаревшие и потому неудобные формы деятельности в сфере общественного производства, так как это всегда есть борьба против установленного порядка, в котором заинтересованы господствующие классы. Конечно, это не та классовая борьба, которая прямо приводит к захвату власти, однако поскольку она «ведется в конечном счете из-за освобождения экономического», то и действия классов экономического характера, имеющие своим следствием серьезные социальные изменения, есть форма классовой борьбы, и, вероятно, основная [7, с. 309–310]. Например, в истории классовая борьба крестьянства на базе развития производительных сил общества вкупе с этим развитием способствует появлению новых способов и форм деятельности и взаимоотношений, в первую очередь в сфере общественного производства. Люди, осваивающие и реализующие эти новые способы взаимодействия, и образуют новые классы, а их интерес – сначала через институционализацию, а затем и через формализацию (в виде норм, законов

и иных подобных организационных актов) этих взаимоотношений и деятельности – становится классовым [8].

Вернемся к проблеме свободы и необходимости в отношении исторической деятельности человека, т. е. к проблеме объективного и при этом сознательного характера социальных изменений. Ответ коренится в природе существования объективных классовых интересов. С одной стороны, объективные классовые интересы существуют. Например, интерес крестьянина в феодальную эпоху заключался в том, чтобы его повинности были как можно легче. Это был общий интерес всей крестьянской массы. Поэтому крестьяне, действуя вполне осознанно в своих интересах, в конечном счете разлагали феодализм и формировали условия для утверждения новых общественных отношений и новых классов. Именно в данном контексте марксисты могут говорить о неизбежном крахе капиталистических отношений и утверждении принципиально новой формации. К этому людей принудит не некий «гений» истории, а объективные интересы основных социальных групп общества в конкретных исторических условиях. Впрочем, иногда люди могут поступать и вопреки своим интересам. Мы все помним, что в конце 1990-х гг. наиболее многочисленным электоратом российской партии СПС, позиционирующей себя как партия крупного капитала, являлась нищая интеллигенция, чьи объективные интересы были прямо противоположны декларируемыми партией. Именно потому, что человек обладает свободой воли, такие флуктуации в истории также возможны. Но это именно флуктуации и не более.

В связи с предложенной выше трактовкой понятия классовой борьбы имеет смысл рассмотреть ситуацию с классовой борьбой в современную эпоху, тем более что это как раз тот момент, который вызывает вопросы у представителей неомарксизма и является узловым элементом антимарксистской критики. Речь идет о том, что сегодня забастовки и иные протестные действия рабочих получили законодательно и процедурно оформленный характер и потеряли черты жесткого и бескомпромиссного классового противостояния. Заговорили о классовом мире как качестве, имманентном обществу благоденствия. Например, Р. Дарендорф исходит из того, что, во-первых, разлагаются, теряют четко очерченный характер сами противостоящие друг другу классы за счет различных промежуточных групп населения, значение которых существенно выросло по сравнению с временами К. Маркса. Господствующий класс состоит не только и даже не столько из собственников, сколько из менеджеров, а рядом с рабочими трудится огромное количество служащих всякого рода. Во-вторых, сравнительно свободная вертикальная и горизон-

тальная миграции оказывают негативное воздействие на сплоченность классов, в первую очередь рабочего. Рабочие профессии, по мнению Р. Дарендорфа, решительным образом потеряли наследственный характер, да и сами рабочие легко бросают и свою работу на конкретном предприятии, и рабочую специальность вообще, чтобы сменить вид деятельности. В результате вместо борьбы в конфликтной ситуации рабочий скорее просто оставит свое рабочее место. И в-третьих, политическое и юридическое равенство граждан привело к тому, что классовые конфликты с площадей и улиц переместились в парламенты, трудовые комиссии и залы судебных заседаний [9].

Иные подходы, порой в чем-то совпадающие со взглядами Р. Дарендорфа, а порой и не очень, достаточно распространены в западной социологии, однако вряд ли есть смысл перечислять их все, поскольку, в сущности, они так или иначе касаются лишь одного вопроса: по какой причине классовая борьба в западных обществах ослабела и потеряла свой накал, притом что К. Маркс предсказывал ужесточение, а не ослабление классовой борьбы? Конечно, можно апеллировать к ситуации, связанной с выносом промышленного производства в страны так называемого третьего мира, и именно там искать примеры классовой борьбы. Их достаточно – протесты рабочих и их столкновения с полицией в Бангладеш, Южной Корее, Малайзии и даже Китае, несмотря на присутствие правящей Коммунистической партии. Однако отсутствие классовой борьбы (в традиционном понимании) в наиболее экономически развитых странах мира продолжает смущать умы марксистов. Если же взглянуть на современную классовую борьбу под другим углом, а именно как на социальную деятельность людей, направленную против существующих социальных институтов, закрепляющих устаревающие и потому неудобные формы деятельности в сфере общественного производства, поскольку это всегда есть действия против существующего порядка, в котором заинтересованы господствующие классы, перед нами откроется совсем другая картина, которую западная социология характеризует как «конец трудового общества» [8; 10].

Вернемся к процессам социальных изменений. Кто же ответствен за эти процессы, кто осуществляет социальные изменения? Очевидный ответ – люди. Как заметил К. Маркс, история «не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения своих целей. История – не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» [5, с. 102]. Но, конечно, не просто люди, а люди, объединенные в определенные социальные коллективы. В первую очередь такими коллективами являются классы. При этом нужно иметь в виду следующее: несмотря

на то что классы существуют объективно, а значит, объективно существует единство глубинных интересов групп людей в зависимости от их места в системе общественного производства, разделения труда и отношения к собственности, они (эти классы), как правило, не субъектны, т. е. не действуют в рамках исторического процесса как субъекты социальных действий. Те же крестьяне эпохи феодализма объективно имели достаточно общие интересы: например, сопротивление крестьян барщине мы встречаем везде – от России до Англии. Однако на непосредственно субъектном уровне видим, что крестьяне куда сильнее связаны и идентифицируют себя со своим феодалом, чем с крестьянами даже соседнего графства. В этом контексте, как показано выше, классовая борьба в основном есть борьба молекулярная, постоянная, как вода, которая «точит камень». Такие социальные изменения происходят постоянно, но незаметно для людей. Хотя для конкретного сообщества направленность таких изменений может быть любой, в общем они прогрессивны, поскольку изменение способов деятельности отражает неуклонное совершенствование средств и навыков человеческого труда.

Куда более осознанный характер деятельности людей по реализации социальных изменений приобретает тогда, когда в процессе социальной практики человеческие коллективы проявляют себя как социальные силы, т. е., по Марксу, становятся классами «для себя». Социальные силы, по нашему мнению, это субъекты реальных политических взаимодействий, в той или иной степени выражающие интересы классов и более мелких социальных групп и осознающие себя, свою деятельность и свои цели в рамках той или иной концептуальной схемы (религиозной, идеологической или научно-теоретической). В этом контексте более адекватен такой подход, где под социальными силами понимаются самоорганизующиеся группы, проявляющие себя как единство воли и средств реализации интересов (идей) социальных субъектов. Единство (комплекс) идей, социальной организации и ресурсного обеспечения реализации интересов и выражается в социальных силах [11].

Этот подход акцентирует внимание на организационной динамике социальных сил в обществе. В каком же отношении социальные силы состоят с классами? В теории К. Маркса классы по стадиям своего развития различаются на классы «в себе» и «для себя». Класс «в себе» имеет реальную общность интересов, но не осознает их. Класс же «для себя» приходит к осознанию своих интересов и своего классового единства. Карл Маркс пишет: «Экономические условия превратили сначала массу народонаселения в рабочих. Господство капитала создало для этой массы одинаковое положение и общие интересы. Таким образом, эта масса

является уже классом по отношению к капиталу, но еще не для себя самой. В борьбе <...> эта масса спланивается, она конституируется как класс для себя» [12, с. 183]. Очевидно, что вплоть до капиталистической эпохи классы так и оставались классами «в себе», не переходя на стадию классов «для себя», поскольку возможность к конституированию себя как класса «для себя» появляется лишь с развитием науки и идеологий, а именно философской, научной, экономической, социальной и политической рефлексии общества, направленной на себя и, соответственно, открытие классов как таковых.

Итак, к чему же ведет подобная классовая борьба в рамках конкретного способа производства? Она и порождает новые производственные отношения, которые пока существуют «под спудом» господствующих общественных отношений. Порождая новые производственные отношения, она создает, соответственно, и новые социальные группы – будущие классы, но пока с приставкой «прото». Главное, они разрушают существующие общественные отношения, приводят к тому, что действующие социальные институты уже не могут исполнять свою функцию и, вместо того чтобы выражать и закреплять систему общественных отношений, начинают ее разрушать. Форма начинает пожирать содержание.

В заключение еще раз подчеркнем, что теория исторического прогресса К. Маркса не потеряла актуальности, а, напротив, представляет как теоретическую, так и практическую значимость, поскольку, во-первых, современный кризис есть кризис экономических, управленческих социальных практик, а не только кризис идей. Во-вторых, она определяет главный ориентир общественного развития – путь к свободе как состоянию освобождения от экономического, социального и культурного отчуждения. В-третьих, классовая борьба как перманентное социальное явление, с одной стороны, ведет к ужесточению кризиса, но с другой стороны свидетельствует о рождении социальных практик и социальных слоев – носителей этих практик, с помощью которых можно преодолеть кризис. В-четвертых, современная классовая борьба, особенно на постсоветском пространстве, в основном имеет молекулярный, пока не осознанный, стихийный характер, выражающийся в изменении отношения к труду, описываемом теориями «конца труда». В-пятых, смена социально-экономического уклада не есть воля властной элиты или злой умысел группы заговорщиков, а есть естественный процесс разрешения противоречий интересов различных социальных групп в обществе. В-шестых, настороженное отношение общественности к понятию классовой борьбы во многом обусловлено нагнетанием страхов перед любыми социальными трансформаци-

ями, опытом переосмысления тех социальных пертурбаций, которые происходили и происходят в постсоветский период. Проблема в том, что все реформы (начиная с позднеперестроечных) каждый раз вели к ухудшению положения масс. Ситуация 1990-х, породившая тотальное унижение и ощущение катастрофы, оставила в коллективной памяти людей неизгладимый след. Можно сказать, что это была эпоха исторического минимума для большинства населения бывшего СССР. И эти события надолго отвратили людей от перемен. Если перемены ведут только к худшему, если любая новая власть служит лишь обогащению тех или иных лиц, то делается простой вывод: изменения – это зло. Такое отношение общества частично объясняет популярность президента Беларуси на всем постсоветском пространстве, поскольку А. Г. Лукашенко воспринимался как крайне консервативный лидер, а потому общенародный. Оно же породило новый консерватизм в России, лицом которого стал В. В. Путин. Подобные явления можно наблюдать и в Казахстане. Тем более что государства, в которых происходили так на-

зываемые цветные революции, стали пугалом для масс в других постсоветских странах. Они остаются сегодня самыми бедными и неустроенными государствами на постсоветском пространстве. В том числе и Грузия, которую по непонятным причинам представляют успешной в результате осуществленных реформ страной. Еще большим пугалом стал Ближний Восток, где светские режимы, положение которых казалось более или менее стабильным, были уничтожены цветными революциями, а регион погрузился в кровавый хаос.

Однако там, где меньше всего можно было ожидать, т. е. на Западе, «лед тронулся». Массы все чаще требуют ответа на неудобные вопросы. К сожалению, как правильно заметил Б. Ю. Кагарлицкий в своей книге, пока протест масс возглавляется правыми популистами [13]. Но, несмотря на это, в современном мире нельзя отгородиться от этих процессов, как бы кто ни надеялся и ни обосновывал свои надежды новыми теориями конца истории и устойчивого развития. Современная история говорит о том, что слухи о смерти марксизма несколько преувеличены и преждевременны.

Библиографические ссылки

1. Готфрид П. Странная смерть марксизма. М. : ИРИСЭН : Мысль, 2009.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1959. Т. 13.
3. Маргарет Тэтчер: жизнь в цитатах [Электронный ресурс] // Русская служба BBC. URL: http://www.bbc.com/russian/uk/2013/04/130408_thatcher_quotes (дата обращения: 06.02.2018).
4. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1958. Т. 12.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений 2-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955. Т. 2.
6. Маркс К. Письмо П. В. Анненкову 28 декабря 1844 года // Собр. соч. 2-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1962. Т. 27. С. 402–405.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1961. Т. 21.
8. Смирнов В. Э. Социальные механизмы общественного развития: социологическая и историко-культурная реконструкция. Минск : Белорус. наука, 2016.
9. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М. : Рос. полит. энцикл., 2002.
10. Полякова Н. Л. От трудового общества к информационному: западная социология об изменении социальной роли труда. М. : Наука, 1990.
11. Тульчинский Г. Л. Социальные силы и гражданское общество (от статико-классификационного к динамико-синергетическому пониманию общественной жизни) // Роль фундаментальных социологических исследований в преподавании гуманитарных дисциплин и становлении в России гражданского общества. СПб., 1999. С. 119–122.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955. Т. 4.
13. Кагарлицкий Б. Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма. М. : Высш. шк. экономики, 2017.

References

1. Gottfried P. Strannaya smert' marksizma [The Strange Death of Marxism]. Moscow : IRISEN : Mysl', 2009 (in Russ.).
2. Marx K., Engels F. Sbranie sochinenii [Collected of works]. 2nd ed. Moscow : State Publ. House of Polit. Lit., 1959. Vol. 13 (in Russ.).
3. Margaret Thatcher: life in quotations. *BBC Russian service*. URL: http://www.bbc.com/russian/uk/2013/04/130408_thatcher_quotes (date of access: 06.02.2018) (in Russ.).
4. Marx K., Engels F. Sbranie sochinenii [Collected of works]. 2nd ed. Moscow : State Publ. House of Polit. Lit., 1958. Vol. 12 (in Russ.).
5. Marx K., Engels F. Sbranie sochinenii [Collected of works]. 2nd ed. Moscow : State Publ. House of Polit. Lit., 1955. Vol. 2 (in Russ.).
6. Marx K., Engels F. [Letter to P.V. Annenkov 28 Decemder 1844]. In: *Sbranie sochinenii* [Collected of works]. 2nd ed. Moscow : State Publ. House of Polit. Lit., 1961. Vol. 27 (in Russ.).
7. Marx K., Engels F. Sbranie sochinenii [Collected of works.] 2nd ed. Moscow : State Publ. House of Polit. Lit., 1961. Vol. 21 (in Russ.).

8. Smirnov V. E. Sotsial'nye mekhanizmy obshchestvennogo razvitiya: sotsiologicheskaya i istoriko-kul'turnaya rekonstruktsiya [Social mechanisms of social development : sociological, historic and cultural reconstruction]. Minsk : Belaruss. nauka, 2016 (in Russ.).

9. Dahrendorf R. Sovremenniy sotsial'nyi konflikt. Ocherk politiki svobody [The Modern social conflict. Essay on politics of liberty]. Moscow : Russ. Polit. Encycl., 2002 (in Russ.).

10. Polyakova N. L. Ot trudovogo obshchestva k informatsionnomu: zapadnaya sotsiologiya ob izmenenii sotsial'noi roli truda [From labor society to information society: Western sociology on changing the social role of labor]. Moscow : Nauka, 1990 (in Russ.).

11. Tul'chinskii G. L. [Social forces and civil society. (From static classification to dynamic and synergetic understanding of social life)]. In: *Rol' fundamental'nykh sotsiologicheskikh issledovaniy v prepodavanii gumanitarnykh distsiplin i stanovlenii v Rossii grazhdanskogo obshchestva* [The role of fundamental sociological research in the teaching of humanities and the formation of civil society in Russia]. Saint Petersburg, 1999. P. 119–122 (in Russ.).

12. Marx K., Engels F. Sobranie sochinenii [Collected of works]. 2nd ed. Moscow : State Publ. House of Polit. Lit., 1955. Vol. 4 (in Russ.).

13. Kagarlitskii B. Y. Mezhd klassom i diskursom. Levye intellektualy na strazhe kapitalizma [Between the class and the discourse. Left-wing intellectuals to capitalism]. Moscow : Higher School of Econom., 2017 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 07.02.2018.
Received by editorial board 07.02.2018.

УДК 32.01+141.82

МАРКС И ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ЭВОЛЮЦИЯ ПРОСТРАНСТВА АНТИКАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

В. С. МИХАЙЛОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Прослеживаются генезис, эволюция и тенденция развития ценностных оснований марксистской мысли (классический марксизм, ленинизм и неомарксизм). Отмечено, что в аксиологическом измерении марксизм представляет собой последовательный процесс развития ценности вовлеченности и ценности практики. Показано, что в целях реализации ценности вовлеченности в рамках марксизма-ленинизма разработан концепт активной социальной практики как политической революции, а в неомарксизме – концепт пассивной социальной практики как культурной революции и коммуникативной самоорганизации масс. Обосновано утверждение о том, что новой темой марксистской мысли XXI в. станет потенциал созидания свободной жизни в виртуальном пространстве. Выявлена угроза для современного марксизма со стороны капитала: объявление виртуальной реальности пространством потребительской компенсации. Сделан прогноз, согласно которому новым авангардом антикапиталистической борьбы станет IT-сообщество.

Ключевые слова: антикапиталистическая борьба; виртуальная реальность; культурная революция; марксизм; множество; неомарксизм; отчуждение; потребление.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (договор № Г16КАО/А-006).

MARX AND VIRTUAL REALITY: THE EVOLUTION OF THE AREA OF ANTI-CAPITALIST STRUGGLE

V. S. MIKHAILOUSKI^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The genesis, evolution and development trend of the Marxist values (classical Marxism, Leninism and neo-Marxism) were revealed. In axiological dimension, Marxism is a coherent process of developing the value of practice. Within the framework of the Marxist-Leninist tradition, an analytical attention was paid to the active violent action. Neo-Marxists suggested another interpretation of the value of practice which are the concepts of Cultural Revolution and self-organization and self-reproduction of masses. We suggest the potential of virtual reality as an area free from capitalism to become a new branch of Marxist thought. The threat is that capital can resolve class contradictions by declaring virtuality as the area of «consumer compensation». It is the IT elite, which being at the forefront of modern Marxism, can implement the concept of virtual overcoming of global alienation.

Key words: anti-capitalist struggle; virtual reality; cultural revolution; marxism; multitude; neo-Marxism; alienation; consumption.

Acknowledgements. The article was supported by the Belarusian Republican Foundation for fundamental research (договор № Г16КАО/А-006).

Образец цитирования:

Михайловский В. С. Маркс и виртуальная реальность: эволюция пространства антикапиталистической борьбы // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 1. С. 73–81.

For citation:

Mikhailouski V. S. Marx and virtual reality: the evolution of the area of anti-capitalist struggle. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 1. P. 73–81 (in Russ.).

Автор:

Вадим Сергеевич Михайловский – кандидат политических наук; доцент кафедры политологии юридического факультета.

Author:

Vadim S. Mikhailouski, PhD (political science); associate professor at the department of political science, faculty of law.
vadim2015minsk@tut.by

Призрак Маркса бродит по миру... Эта аллюзия образно отражает приближающуюся череду конференций, посвященных 200-летию со дня рождения немецкого философа, которые пройдут по всему миру¹.

«Марафон» профессиональных марксистов стартовал еще в начале 1920-х гг. в «Летней академии» в Тюрингии, организованной венгерским философом, основателем неомарксизма Д. Лукачем. Приобретая определенные региональные особенности (западный, восточноевропейский, советский, латиноамериканский, китайский марксизм), глобальный марксистский академический дискурс не прекращал своего развития и пропитал собой все социальные науки. Даже на закате перестройки советские интеллектуалы призывали не отворачиваться от марксизма. Интересна мысль философа П. Г. Щедровицкого о том, что отказ от марксистского понятийного аппарата означает для исследователя выпадение из «культуры мысли». Ученый писал: «Если я отбрасываю марксизм, то... я отбрасываю весь европейский строй понятий и оказываюсь голеньким» [1, с. 334]. Несмотря на споры о роли марксизма, его значении как научной теории и идеологии, он остается неотъемлемой частью наших интеллектуальных поисков и дебатов.

Однако марксизм – это не только «кабинетные» исследования и журнальные публикации, но и реальная политическая борьба. Исследуя процесс институционализации марксизма, российский социолог Б. Ю. Кагарлицкий образно писал об уходе марксизма «в академическое гетто» [2, с. 65]. И действительно, практика адептов марксистской идеологии сводится в настоящее время к привычному для академических кругов формату конференции, форума или круглого стола. Все это вновь актуализирует уже классическую неомарксистскую проблему поиска агентов (субъектов) антикапиталистической борьбы. Однако именно недостаточные успехи неомарксизма на этом интеллектуальном поприще требуют от нас иной аналитической акцентуации: проблема субъекта борьбы должна быть дополнена проблемой пространства борьбы. Это связано с тем, что любая альтернативная практика агентов антикапиталистического сопротивления осуществляется в рамках структурированного капитализмом социального пространства, определяющего условия жизни этих агентов и, следовательно, детерминанты их критического сознания. Подобная сложная взаимная детерминация идеального и материального в воспроизводстве капи-

талистического порядка усложняется развитием информационных технологий и появлением виртуального пространства общественного дискурса и человеческого труда.

Цель данной статьи – проследить эволюцию марксистской ценности социальной практики и выявить современных агентов марксизма, а также пространство их антикапиталистической борьбы.

Марксизм родился как философия реального гуманизма и был детерминирован противопоставлением гуманизма капитализму. Сущность гуманизма раннего периода творчества К. Маркса (работа «Экономическо-философские рукописи 1844 года») заключалась в признании ценности человека, свободного от абстрактных формул, приобретающих «значение законов» [3, с. 322]. Несвобода в марксистском понимании есть «выключение» человека из жизни, подчинение его внешним обстоятельствам, которые воспроизводятся как социальные универсалии. Свобода – возможность осознанной счастливой жизнедеятельности, в которой человек утверждает себя в противоположность животному.

В марксистском понимании человек свободен не только в осознании жизни, но и в ее практическом созидании – в этом единстве проявляется его *вовлеченность во внешний мир* и преодоление отчуждения. Человек становится человеком не тогда, когда удовлетворяет свои физические потребности, а когда вопреки удовлетворенным физическим потребностям вовлекается в дальнейшее созидание жизни. Свободный труд – это деятельность, результат которой не имеет значения для физического воспроизводства человека. Предмет свободного труда, как писал К. Маркс, – это «самодеятельность», «произведение» человека; в труде «человек удваивает себя уже не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно, и созерцает самого себя в созданном им мире» [3, с. 332].

Капитализм оборачивает труд против вовлеченности человека во внешний мир: «изнурение» в труде и отчуждение от результата труда не утверждает, а отрицает человека. Рабочий «вкладывает жизнь» в продукт своего труда, однако созданный предмет ему не принадлежит. Он вместе с жизнью рабочего (временем, силами, чувствами) принадлежит другому и противостоит человеку как враждебная сила. Противоречие капитализма заключается в том, что человек может быть свободным только вне капиталистических трудовых отношений, ибо принудительный труд – это самоистязание и жерт-

¹В этом году марксистский академический дискурс будет актуализирован на научных форумах во всех уголках Земли: в Австралии («Радикальные идеи для мира. Марксизм-2018»), Германии («Маркс-200: политика, теория, социализм»), Индии («Карл Маркс: жизнь, идеи, влияние»), Ирландии («Возрождение марксизма: призраки будущего»), Китае (Второй мировой конгресс по марксизму), России («Маркс: ученый, революционер, человек»), Словении («От Гегеля к Мао и далее: долгий путь китаизации марксизма»), США («Маркс и политические проблемы»), Швеции (Марксистско-феминистская конференция) и др.

венность отчужденной жизни. В результате человек не может обрести самого себя: он зажат между природой и капитализмом, что обрекает его на судьбу животного. Как утверждал К. Маркс, человек в своих человеческих функциях (труде) становится животным, а в животных (еда, питье, половой акт и т. д.) – человеком [3, с. 328]. Существование человека лишается осознанного и вольного начала, а его способность трудиться (как способность выйти из мира животных) оборачивается включением в мир принуждения и эксплуатации.

Цель созидания свободного общества поставила перед К. Марксом вопрос о средствах его достижения. Согласно марксистской мысли противоречие отчужденного труда должно разрешиться активной *практикой* нового субъекта истории – пролетариата.

Несмотря на наделение пролетариата исторической миссией, тексты основоположников марксизма не лишены и критических замечаний. Так, исследуя опыт Парижской коммуны, К. Маркс и Ф. Энгельс пришли к выводу о недостаточной организованности пролетариата в его борьбе [4, с. 625]. Однако политическая теория марксизма, соизмеримая с экономической теорией, так и не была разработана. Этим делом занялся В. И. Ленин. В своем учении о партии нового типа лидер русских революционеров ставил задачу «повести по верному пути, по пути трудовой дисциплины, по пути согласования задач» весь остальной пролетариат [5, с. 201].

Марксистско-ленинская традиция определила в качестве места антикапиталистической борьбы экономическое пространство государства. Задача пролетариата сводилась к захвату средств производства путем уничтожения государственной «машины принуждения»². Такая локализация революции имеет негативное последствие – ускорение политического времени. С одной стороны, революция видится актерам как коллективное целедостижение «здесь и сейчас», но, с другой стороны, не учитывается сложный субъективный фактор политической борьбы. Марксистское исследование сферы сознания требовало рассмотрения идеологем, оставшихся после насильственных революционных изменений как «пережитков», «родимых пятен» старого строя и не уделяло им существенного внимания как факторам, во многом определяющим новые общественные отношения.

Первым на значение субъективного фактора в рамках марксистских исследований обратил внимание Д. Лукач. Он подчеркивал, что «обществен-

ная борьба проявляется в идеологической борьбе за сознание» [6, с. 157]. Важным этапом, определившим новые подходы неомарксистов к познанию субъективного фактора в истории, была публикация работы К. Маркса «Экономическо-философские рукописи» (1932). По словам Д. Лукача, работа над текстами, вошедшими в это издание, привела к тому, что он стал иначе трактовать марксизм [7, с. 56–57]. Если первоначально вопрос о сознании рассматривался марксистами как проблема субъекта в истории, то ознакомление с марксистской идеей отчуждения определило иную направленность анализа – изучение ложной «объективации» капиталистического порядка в сознании актора. Так, К. Маркс писал о ложных представлениях людей о самих себе, но детально не рассматривал механизмы функционирования ложного сознания. В свою очередь Д. Лукач, а затем и теоретики франкфуртской школы отталкивались от идеи К. Маркса о наличии отчужденного труда как «самостоятельной силы», однако сконцентрировали внимание на проблеме самостоятельности именно ложного сознания, которое противостоит субъекту, но является порожденным им. Неомарксисты (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе, Э. Фромм, Ж. Бодрийяр, С. Жижек и др.) расширили марксистскую теорию овеществления, применив ее не только к труду, но и к сфере сознания и обществу в целом, и выстроили свой дискурс вокруг категории «отчужденная жизнь».

Широкая трактовка отчуждения определила и новое обобщенное понимание эксплуатации. Неомарксисты исходили из того, что в современном капитализме при определенной минимизации эксплуатации в экономической сфере происходит углубление репрессивности и нарастание классовых деформаций в культуре.

Перенос дискурса эксплуатации из экономической сферы в культурную и определил понимание того, что насильственным революционным актом и захватом средств производства не удастся преодолеть отчуждение образа жизни людей. Марксистско-ленинскую идею революции неомарксисты заменили концептом культурной революции и стали писать не о бунте, а о «великом отказе». В частности, Г. Маркузе отмечал: «Индивиды воспроизводят репрессивное общество в своих потребностях, которые сохраняются даже в ходе революции, и именно эта преемственность до сих пор препятствовала скачку от количества к качеству свободного общества» [8, с. 20]. Неомарксисты обратились к анализу значения ценностей в воспро-

²Идея насильственного захвата власти является классической для политической истории. При этом во все времена она сводилась к захвату важного сооружения (храм, замок, резиденция). Образ захвата транслируется в литературе и кинематографе, нивелируя значение других ресурсов власти. В качестве яркого примера можно привести вымышленный фрагмент штурма рабочими и солдатами Зимнего дворца в фильме С. М. Эйзенштейна «Октябрь», где камера крупным планом фиксирует солдатский сапог на копии короны Российской империи, вмонтированной во входные ворота дворца.

изводстве капитализма, а революцию стали трактовать как переоценку ценностей и потребностей.

Новое понимание революции означало утверждение марксистской ценности *пассивной социальной практики*. «Местом» реализации антикапиталистического сопротивления было объявлено культурное пространство, или (более точно) пространство человеческой субъективности. На смену марксистской локализации политической борьбы пришла идея повсеместности политики, или, говоря неомарксистской терминологией, «а-локальности» политики. Таким образом, в теоретических размышлениях неомарксистов о сущности антикапиталистического сопротивления происходит переосмысление антагонизма субъекта и системы социального порядка. Был сделан вывод о том, что если система и существует, то она является ложной и повседневной практикой актора, воспроизводящейся как универсальность. В результате неомарксисты уменьшили значение политического действия как автономной практики. Локальное сопротивление капиталистическому порядку, согласно их подходу, неэффективно в силу того, что уменьшает потенциал повсеместного сопротивления капитализму как «единственно верному» варианту общества. Преодоление локальных сопротивлений встроено в капиталистическую систему, а пространство субъективного сопротивления не вписывается в логику репрессивного аппарата государства.

Неомарксистский вариант ценности практики стал результатом прочтения работ К. Маркса исходя из современных исторических условий. Неомарксистский дискурс стал особенно актуальным в 1960-х гг. – в период, который формировал завышенные ожидания в реальности государства всеобщего благосостояния. Революционное сознание рабочего класса в обществе потребления оказалось уязвимым к демонстрации потребительской эффективности капитализма. В таких условиях неомарксистская мысль столкнулась с исторической неактуальностью марксистской категории пролетариата, но сама ценность практики продолжала доминировать и требовала поиска подходящих субъектов культурной революции.

В фокус аналитического внимания попали радикальные интеллигенты, а также иммигранты. Общие черты этих двух групп, указывающие на их новый революционный потенциал, отмечал Г. Маркузе. К числу таких общих характеристик относятся: отрицание любых видов и форм эксплуатации, настойчивое требование не только новых институтов, но и самоопределения, недоверие ко всем идеологиям, включая социализм; непринятие псевдо-

демократического процесса [9, р. 31]. Немецким философом была сделана ставка на «маргинальные» силы, поскольку именно в радикальных практиках этих субъектов он видел их невключенность в капиталистический порядок, выпадение из него, следовательно, и способность к радикальным преобразованиям.

Идея культурной революции нашла отклик у новых сил антикапиталистического сопротивления – европейской и американской молодежи середины XX в., однако была ими искажена. Это наглядно проявилось по отношению к творчеству Г. Маркузе. Теоретик неомарксизма сам опровергал свою связь со студенческими выступлениями 1968 г. [10, р. 64]. Дело в том, что, несмотря на применение новой тактики антикапиталистической борьбы, так называемые новые левые в 1968 г. действовали насильственными методами, свойственными «старым левым». Это критическое замечание относится и к современным последователям тех событий – антиглобалистскому движению, которое также не признается неомарксистами как потенциальная сила антикапиталистического сопротивления [11, с. 21].

Несмотря на дихотомию марксистского и неомарксистского понимания пространства антикапиталистической практики и ее субъектов, в аксиологическом измерении можно говорить о преемственности марксизма и неомарксизма. Весь марксистский дискурс философии фундирован ценностью вовлеченности, а расхождение в содержательном наполнении ценности практики является результатом приверженности к общим марксистским методологическим основаниям. И это относится не только к неомарксизму, но и к классическому марксизму. В XIX в. отказ от ценностей капитализма, воспроизводства капиталистической жизни сводился бы к отказу от принудительного труда. Преобразовывая производственные отношения, пролетариат изменял свою жизнь в целом. Экономический детерминизм К. Маркса – это не пренебрежение другими сферами жизни человека, а историческая обусловленность, показывающая первоочередное (тотальное) значение трудовых отношений в жизни пролетариата XIX в. Таким образом, в теории марксистов и учении неомарксистов цель в итоге одна и та же – изменение жизни целиком.

Ценность вовлеченности продолжала доминировать в неомарксистском дискурсе XXI в. С нашей точки зрения, ее квинтэссенцию выразили лидеры современного неомарксизма – американский философ М. Хардт и итальянский мыслитель А. Негри³, которые применительно к современному обществу

³Подробнее о значении творчества М. Хардта и А. Негри для неомарксизма см.: Михайловский В. С. Концепция «Империя» М. Хардта и А. Негри в контексте неомарксистской интерпретации глобального порядка // Весн. Грод. дзярж. ун-та. Сер. 1, Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. 2016. № 3. С. 123–128.

отметили: «В действительности мы – хозяева мира, потому что наше желание и труд непрерывно его обновляют и возрождают» [12, с. 358]. Однако так же, как перед неомарксистами XX в. стояла задача адаптации ценности вовлеченности к условиям общества потребления, для современных неомарксистов актуальна проблема адаптации ранних работ К. Маркса к условиям развитого информационного общества. Так, М. Хардт и А. Негри концептуализировали ценность практики как «бегство» от капитализма, «антропологический исход», формирование «новых варваров» [12, с. 201, 203, 204]. В обоснование своей идеи философы проанализировали пространство коммуникации как единственно, по их мнению, еще свободную от капиталистической эксплуатации часть социального пространства.

Новые средства коммуникации, порожденные современными информационными технологиями, привлекли внимание неомарксистов потенциальной возможностью формирования нового жизненного пространства. Управление информационными потоками является эффективным средством господства над сознанием масс, но сама по себе коммуникация «не переходит в абстрактную форму под контролем государства» [12, с. 372]. Коммуникация выступает средой, в которой может возникнуть «общий интерес» как новая форма свободы. Как отмечали М. Хардт и А. Негри, «контроль над смыслами и значениями языка, а также над сетями коммуникации становится основным предметом политической борьбы» [12, с. 372].

Многие исследователи указывали (и мы с ними можем согласиться), что критика современного общества в неомарксизме намного сильнее, чем в классическом марксизме, в котором определялись поступательные действия по ликвидации социальной репрессивности и достижения общества подлинного гуманизма. Теория М. Хардта и А. Негри не исключение. Авторы сами отмечали, что не «предлагают конкретный план действий», а стараются «разработать теоретические основания, на которые мог бы опереться новый демократический проект», который они обозначили как «демократия множества» [13, с. 395].

Множество – это политическая субъектность современной массы, которая объективно формируется в результате глобализации как своеобразная сеть «жизни сообща». Для множества характерными признаками являются сохранение личностного различия субъектов, его составляющих, открытость и широкий социальный охват (в этом состоит отличие данного феномена от класса пролетариата в марксистском понимании) [13, с. 1–5]. Предложенный М. Хардтом и А. Негри проект обосновывал возможность истинной демократии вне рамок государственного суверенитета. Этот проект задает модель общества, в котором социальная практика

не должна быть опосредована властным предписанием, юридическим обоснованием и политическим делегированием. По сути, М. Хардт и А. Негри приходят к модели полного тождества общественной практики и ее властного верховенства. Практика множества суверенна в силу того, что просто воспроизводится в рамках нового общества. Однако необходимо все время иметь в виду, что множество – это та часть населения человечества, которая недовольна существующем порядком, осознает его причины и свои желания по организации новой жизни. Этим и определяется убежденность неомарксистов в том, что практики множества в новом порядке не могут носить деструктивный характер. Результат нового антикапиталистического сопротивления в современном мире, по мнению М. Хардта и А. Негри, будет заключаться в постепенном «изгнании суверенитета из политики», но это будет возможно только в том случае, если «множество станет способным владеть собой» [13, с. 133].

Ценность практики коммуникативной самоорганизации и самовоспроизводства массы – это итог развития марксистской мысли на современном этапе. Марксизм во всем многообразии своих проявлений – метод аналитической критики капитализма. Более того, марксизм конституируется путем отрицания капитализма. Российский исследователь Г. А. Антипов писал, что пролетариат – это «маргинал», который «не может интегрироваться в жестко статусное общество» и которому остается только «адаптировать общество под себя» [14, с. 134]. Марксистская мысль на протяжении своей истории исходила из того, что после революции (пролетарской или культурной) капиталистический порядок исчезнет, т. е. мир отчуждения трансформируется в мир гармонии. Революция понималась как *отношения* с капитализмом. В своих разработках М. Хардт и А. Негри отказывают современным силам сопротивления в каком-либо взаимодействии с капитализмом и тем самым окончательно преодолевают традицию марксистского дискурса как постоянной реакции на капитализм. Теоретики утверждают: «Акт отказа от отношений с сувереном есть своего рода исход, уход от сил подавления, порабощения и угнетения в поисках свободы» [13, с. 410]. В ситуации сопротивления множества марксистский дискурс остается наедине с собой, так же как и марксистский субъект эмансипации. Коммуникативная самоорганизация масс означает отказ адептов марксизма от претензий на повсеместное признание.

Концепция демократии множества, как и вся марксистская традиция, недостаточно аргументирована в вопросе пространства сопротивления. Идея коммуникации как своеобразного параллельного социального пространства не выдерживает критики в рамках самого неомарксизма. Дело

в том, что неомарксистским парадигмальным основанием является убежденность в тотальности капиталистического порядка. Наиболее четкое выражение эта идея получила в концепции идеологических аппаратов государства французского философа Л. Альтюссера⁴. Идеологические аппараты государства (религиозный, школьный, семейный, юридический, политический, профсоюзный, информационный, культурный) – это социальное пространство капиталистического порядка. Нет социального пространства вне идеологических аппаратов государства. Альтернативная практика и любое политическое действие разворачиваются в рамках структурированного капитализмом пространства, ритуалы которого определяют субъективность акторов. Данная ситуация была определена другим французским философом Э. Багбаром как «двойной зажим» (*double bind*), т. е. порядок, в котором «государственная социализация» ограничивает «индивидуальные или групповые практики», но не «исключает ни противостояния масс, ни революций, какова бы ни была их политическая форма», в силу того что оформляет их в «цикл», в котором «сопротивление эксплуатации позволяет распространять ее» [15, с. 205]. В ситуации «двойного зажима» борьба масс приобретает специфический характер и представляет собой противостояние системе внутри системы по ее правилам. С нашей точки зрения, «двойной зажим» может быть определен как состояние формации, в котором сопротивление капитализму структурно вписано в способ существования капитализма как фактор его существования.

Наиболее показательным «двойной зажим» проявился в отношении движения хиппи. Некоторая часть его приверженцев действительно восприняла идею «великого отказа» как пассивную социальную практику, но смогла ее реализовать только вне капиталистического социального пространства путем создания своих автономных поселений. Однако капиталистическая система обыграла эту ситуацию в свою пользу: представила практику хиппи в глазах широкой общественности как противоречащую здравому смыслу.

Стоит отметить, что демократия множества описывалась М. Хардтом и А. Негри не только как свободная коммуникация, но и как постфордистская экономическая реальность с уникальным единичным характером труда современного пролетариата и его способностью творить. Идея эмансипирующего значения имматериализации труда поднималась и итальянским философом П. Вирно в книге «Грамматика множества». В российской философской литературе эта тема рассмотрена в работах

представителей научной школы Пермского классического университета (В. В. Орлов, Т. С. Васильева, В. С. Гриценко и др.). Ученые утверждают, что современный имматериальный труд – это «новая форма социальной реальности» [16, с. 27]. В частности, В. В. Орлов предлагает рамочную философскую концепцию экономики постиндустриального общества, связанную с новой нетоварной формой трудовой стоимости. Основой этой концепции является представление о «компьютерном труде... как о современной форме предсказанного Марксом “всеобщего” труда» [17, с. 59].

Мы согласны с тем, что пространство коммуникации и имматериального труда может стать пространством свободного дискурса и творческой реализации. Однако жизнь при капитализме – это не только дискурс и творчество, но и обыденные социальные практики во всем многообразии своих проявлений. В противном случае множество будет представлять собой современных хиппи и может повторить их судьбу. Во избежание этого обозначенный неомарксистами «антропологический исход» должен быть осуществлен в полном объеме. С нашей точки зрения, следует говорить о *сосуществовании с капитализмом в параллельном социальном пространстве виртуальной реальности*. Это даст возможность адептам марксизма реализовать ценность вовлеченности в жизнь в условиях тотальности капиталистического порядка и повсеместного кризиса критического сознания.

Практическая возможность виртуального сосуществования с капитализмом гипотетична и является предметом футурологии, хотя такие явления, как компьютерные игры, онлайн-покупки, криптовалюты, уже гарантируют частичную реализацию идеи М. Хардта и А. Негри об отсутствии государственного санкционирования социальных практик. Однако в рамках современных марксистских теоретических изысканий для нас важно ответить на другие вопросы.

Является ли уход в виртуальное пространство капитуляцией марксизма? На наш взгляд, нет. Как писал французский философ К. Касториадис, сам К. Маркс был первым, кто доказал, что значение теории «невозможно понять вне связи с исторической и социальной практикой, с которой она соотносится, в которой она продолжает себя и обоснованием которой она служит» [18, с. 9]. В работе «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин высказывал мнение о появлении в будущем новых «диковинных» форм материи, которые будут влиять на диалектический материализм [19, с. 298]. Виртуальное пространство является реалией XXI в., следовательно, и реалией современного марксиз-

⁴Подробнее см.: Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкоснов. запас. 2011. № 3. С. 14–58.

ма. В настоящее время имеет место информационный капитализм, и марксизм, как антипод капиталистического мироустройства, не может не реагировать на эти изменения. Российский ученый С. В. Орлова в своих исследованиях уделяет особое внимание этому вопросу и утверждает, что марксизм «содержит наиболее развитый инструментарий, позволяющий разработать новую концепцию – философию информационного общества» [16, с. 28].

Внедрение проблематики виртуальной реальности в марксистский дискурс находится в общих рамках неомарксистской парадигмы. Еще в начале 1920-х гг. Д. Лукач и К. Корш вышли на формирование неомарксизма как аналитического обращения к гегельянским основам марксизма в целях изыскания значения субъективного фактора для привнесения его в марксистскую онтологию общественного бытия. У основателей неомарксизма не было цели «вывернуть» марксизм в рамках идеализма. Речь шла о придании системе принципов К. Маркса «новой целостности» [20, с. 147]. Внимание к теме виртуальной материи – обращение к материалистическим основам марксизма в условиях усложнившейся объективной реальности. Марксизм в своем развитии движется по спирали и возвращается к истокам через гегелевское «снятие» (*Aufhebung*), т. е. через сохранение сути понятия и его повторное подтверждение на новом уровне исторического развития.

Что является главным препятствием для марксистского пространства виртуальной свободы? Потребление и потребитель. Противоречие виртуальной свободы отражается во фроммовском вопросе: «Иметь или быть?». Уход в виртуальное пространство в условиях господства массовой культуры потребления может означать бегство от социальной активности в пространство виртуальной безответственности. Марксистский критицизм вступает в конкуренцию с возможностью прожить жизнь по западному потребительскому образцу, но в более доступных виртуальных формах. Виртуальное пространство может быть колонизировано капиталом ранее, чем его займет множество. Нам видится, что в условиях ограниченных ресурсов и продолжающегося экономического расслоения мирового населения капитал разрешит глобальное противоречие тем, что объявит виртуальность пространством потребительской компенсации: начиная от вирту-

ального потребления товаров и услуг и заканчивая виртуальным наделением социальным статусом.

Наиболее уязвимой группой капиталистического мироустройства являются безработные. В целом проблематика работы и значение ее переосмысления для нового общества интересовала неомарксистов. Этому вопросу в рамках социально-политических исследований наибольшее внимание уделял французский экономист и политолог А. Горц⁵. Также Ж. Бодрийяр, рассуждая о конкретных способах выпадения из капиталистической системы, описывал значение массового отказа от «труда, заработной платы и потребления» [21, с. 106]. С нашей точки зрения, потенциал критического сознания современных безработных (прекариата⁶), а также (что более актуально в настоящее время) иммигрантов ничтожно мал. Среди всех социальных слоев западного общества именно иммигранты наиболее терпимы к эксплуатации. Современная трудовая эксплуатация в развитых странах менее тягостна по сравнению со сверхэксплуатацией в странах глобальной периферии. Более того, вознаграждение за эту эксплуатацию позволяет иммигранту приблизиться к потреблению по западному образцу, тем самым уменьшая чувство социального и экономического отчуждения. «Великий отказ» от капитализма в понимании иммигранта – это отказ от той жизни, ради которой он покинул родину и, возможно, свою семью. Безработный иммигрант будет бороться не против капиталистического порядка, а за его «инклюзивность».

Что силы сопротивления могут сделать на сегодняшнем этапе развития виртуального пространства? Вести идеологическую борьбу за «IT-технократию». Эта стратегия видится более реальной, чем попытка реванша культурной революции масс. Облик и возможности виртуального пространства зависят от его разработчиков – специалистов в области информационных технологий. В 1968 г. первые студенты, изучающие информационные технологии, не поддержали студенческие бунты, парируя толпе тем, что, разрабатывая компьютерные программы, именно они делают «настоящую» революцию⁷. Спустя 50 лет наступает время предложить объединить усилия в революционном преобразовании действительности. Именно IT-элита, находясь в авангарде современного марксизма, способна реализовать концепт виртуального преодоления глобального отчуждения.

⁵Подробнее о неомарксистской критике работы у А. Горца см.: Gorz A. Farewell to the working class: an essay on post-industrial socialism. London, 1997.

⁶Подробнее о понятии «прекариат» см.: Тоценко Ж. Т. От пролетариата к прекариату (о возникновении нового класса) // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 3. С. 95–101.

⁷Подробнее см.: Бурмистров П., Жутаев Д., Великовский Д. [и др.] 1968: год великого перелома [Электронный ресурс] // Рус. репортер. 2008. № 16 (46). URL: http://expert.ru/russian_reporter/2008/16/god_velikogo_pereloma/ (дата обращения: 16.01.2018).

В аксиологическом измерении марксизм представляет собой последовательный процесс развития ценности вовлеченности в жизнь и ценности практики. Ценность вовлеченности была генерирована К. Марксом в работе «Экономическо-философские рукописи 1844 года» и заключалась в созидании жизни, свободном от физических потребностей труде. Эта ценность сохранила свое доминирование и в рамках неомарксизма. Исходя из широкой трактовки отчуждения и эксплуатации, на основе следования марксистскому принципу необходимой исторической обусловленности теории ценность вовлеченности была интерпретирована неомарксистами как созидание жизни в свободном от ложных ценностей социальном пространстве.

Ценность вовлеченности потребовала от марксистской мысли выработки способа ее реализации. В рамках марксистско-ленинской традиции ставка была сделана на ценность практики как активного насильственного действия. Однако кризис революционного стремления масс эпохи государства всеобщего благоденствия и первоочередное аналитическое внимание проблеме свободы сознания определили иную неомарксистскую интерпретацию ценности практики. Она свелась к практике социальной пассивности как культурной революции, сознательному отказу от ценностей капитализма. Этот подход сохранился в неомарксизме XXI в. и был адаптирован философами М. Хардтом и А. Негри к условиям развитого информационного общества: ценность практики коммуникативной самоорганизации и самовоспроизводства массы.

Исходя из проведенного анализа можно обозначить тенденцию, в соответствии с которой ценность вовлеченности будет воспроизводиться в марксизме как собственная ценностная самоидентификация, а ценность практики – совершенствоваться путем адаптации к реальным историческим условиям.

Главное для марксистской мысли – это поиск пространства для реализации альтернативной социальной практики. В марксизме-ленинизме, несмотря на экономический детерминизм, таким пространством была государственная власть, в неомарксизме – образ жизни людей, в современном неомарксизме – пространство коммуникации. Горизонты марксистской борьбы расширяются вместе с расширением границ человеческой реальности. Наш прогноз состоит в том, что новой темой марксистской мысли станет потенциал виртуального созидания. В условиях тотальности капиталистического порядка и повсеместного кризиса критического сознания масс это станет возможностью для адептов марксизма реализовать ценность вовлеченности в жизнь в полном объеме. Угроза кроется в том, что в ситуации ограниченных ресурсов и продолжающегося социально-экономического расслоения мирового населения капитал может опередить силы сопротивления путем объявления виртуальности пространством потребительской компенсации. Исход новой борьбы будет зависеть от того, кто первым заручится поддержкой «армии айтишников».

Библиографические ссылки

1. Щедровицкий П. Г. Марксизм – это не только Маркс // Освобождение духа : [сборник] / под ред. А. А. Гусейнова, В. И. Толстых. М., 1991. С. 332–335.
2. Кагарлицкий Б. Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. М. : Алгоритм : Эксмо, 2005.
3. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы : [сборник] / сост. И. А. Гобозов. М., 2010. С. 303–358.
4. Энгельс Ф. Запись речи Ф. Энгельса о Парижской Коммуне // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. Т. 17. 2-е изд. М., 1960. С. 625.
5. Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти // Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 36. 5-е изд. М., 1974. С. 165–208.
6. Лукач Г. История и классовое сознание. Исследование по марксистской диалектике. М. : Логос-Альтера, 2003.
7. Lukacs G. Lukacs on his life and work // New Left Rev. 1971. № 68. P. 49–58.
8. Маркузе Г. Конец утопии // Логос. 2004. № 6. С. 18–23.
9. Marcuse H. Re-examination of the concept of revolution // New Left Rev. № 56. P. 30–38.
10. Marcuse H. The problem of violence and the radical opposition // Collected of papers : in 4 vols. / ed. D. Kellner. New York, 2005. Vol. 3. P. 56–75.
11. Жижек С. 13 опытов о Ленине. М. : Ад Маргинен, 2003.
12. Хардт М., Негри А. Империя. М. : Праксис, 2004.
13. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М. : Культур. революция, 2006.
14. Антипов Г. А. Расставание с марксизмом // Идеи и идеалы. 2017. № 2 (32). Т. 1. С. 132–146.
15. Балибар Э. От классовой борьбы к бесклассовой борьбе? // Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М., 2003. С. 177–210.
16. Орлов С. В. Марксизм и становление философии информационного общества // Новые идеи в философии. 2015. № 2 (23). С. 25–30.
17. Орлов В. В. Марксизм и постиндустриальное общество // Вестн. Вят. гос. ун-та. 2010. Т. 4, № 4. С. 55–60.
18. Кастириадис К. Воображаемое установление общества. М. : Гнозис : Логос, 2003.
19. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 18. 5-е изд. М., 1968.
20. Дмитриев А. Н. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа (1920–1930-е гг.). СПб. : Европ. ун-т в Санкт-Петербурге ; М. : Лет. сад, 2004.
21. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М. : Добросвет, 2009.

References

1. Shchedrovitskii P. G. [Marxism is not only Marx]. In: *Osvobozhdenie dukkha*. [Liberation of spirit]. Moscow, 1991. P. 332–335 (in Russ.).
2. Kagarlitskii B. Y. *Marksizm: ne rekomendovano dlya obucheniya* [Marxism: not recommended for training]. Moscow : Algoritm : Eksmo, 2005 (in Russ.).
3. Marx K. [Economic and philosophical manuscripts of 1844]. In: *Ekonomicheskio-filosofskie rukopisi 1844 goda i drugie rannie filosofskie raboty* [Economic and philosophical manuscripts of 1844 and other early philosophical works]. Moscow, 2010. P. 303–358 (in Russ.).
4. Engels F. [Recording the speech of F. Engels about the Paris Commune]. In: Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Collected works]. 2nd ed. Moscow, 1960. P. 625 (in Russ.).
5. Lenin V. I. [The next tasks of the soviet government]. In: *Poln. sobr. soch.* [Collected works] : in 55 vols. Vol. 36. 5th ed. Moscow, 1974. P. 165–208 (in Russ.).
6. Lukach G. *Istoriya i klassovoe soznanie. Issledovanie po marksistskoi dialektike* [History and class consciousness. Studies in Marxist dialectics]. Moscow : Logos-Altera, 2003 (in Russ.).
7. Lukacs G. Lukacs on his life and work. *New Left Rev.* 1971. No. 68. P. 49–58.
8. Marcuse G. [The end of utopia]. *Logos.* 2004. No. 6. P. 18–23 (in Russ.).
9. Marcuse H. Re-examination of the concept of revolution. *New Left Rev.* 1969. No. 56. P. 30–38.
10. Marcuse H. The problem of violence and the radical opposition. In: D. Kellner (ed.). *Collected of papers* : in 4 vols. New York, 2005. Vol. 3. P. 56–75.
11. Zizek S. *13 opytov o Lenine* [13 experiments on Lenin]. Moscow : AdMarginen, 2003 (in Russ.).
12. Hardt M., Negri A. *Imperiya* [Empire]. Moscow : Praxis, 2004 (in Russ.).
13. Hardt M., Negri A. *Mnozhestvo: voina i demokratiya v epokhu imperii* [Multitude: war and democracy in the age of Empire]. Moscow : Kul'turnaya revolyutsiya, 2006 (in Russ.).
14. Antipov G. A. [Parting with Marxism]. *Idei i idealy* [Ideas and ideals]. 2017. Vol. 1, No. 2 (32). P. 132–146 (in Russ.).
15. Balibar E. [From the class struggle to the classless struggle?]. In: Balibar E., Wallerstein I. *Rasa, natsiya, klass. Dvumyslennye identichnosti* [Race, nation, class. Ambiguous identities]. Moscow, 2003. P. 177–210 (in Russ.).
16. Orlov S. V. [Marxism and formation of information society philosophy]. *Novye idei v filosofii* [New ideas in philosophy]. 2015. No. 2 (23). P. 25–30 (in Russ.).
17. Orlov V. V. [Marxism and post-industrial society]. *Vestnik Vyatskogo gos. univ.* [J. Viatskii State Univ.]. 2010. Vol. 4, No. 4. P. 55–60 (in Russ.).
18. Castoriadis C. *Voobrazhaemoe ustanovlenie obshchestva* [The imaginary institution of societ]. Moscow : Logos, 2003 (in Russ.).
19. Lenin V. I. Materialism and empirio-criticism. In: *Polnoe sobranie sochinenii* [Collected of works] : in 55 vols. Vol. 18. 5th ed. Moscow, 1968. Vol. 18 (in Russ.).
20. Dmitriev A. N. *Marksizm bez proletariata: Georg Lukach i ranniyaya Frankfurtskaya shkola (1920–1930-e gg.)* [Marxism without the proletariat: Georg Lukacs and the early Frankfurt School (1920–1930)]. Moscow : Europ. Univ. at Saint Petersburg : Letnii sad, 2004 (in Russ.).
21. Baudrillard J. *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic exchange and death]. Moscow : Dobrosvet, 2009 (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 26.01.2018.
Received by editorial board 26.01.2018.

ДИСКУССИЯ

DISCUSSION

УДК 316.34

СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРЕДПОСЫЛКИ, ЗАКОНОМЕРНОСТИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Л. Г. ТИТАРЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается развитие интеграционных процессов в сфере высшего образования Республики Беларусь как ответ на потребности модернизации экономики страны и внешние вызовы глобализации. Анализируются три основных направления, по которым осуществляется интеграция: восточноазиатское, евразийское (в рамках Евразийского экономического союза) и европейское (Болонский процесс). Определяются предпосылки развития каждого направления образовательной интеграции, выводятся закономерности их развертывания и перспективы на будущее с учетом государственных интересов Беларуси. Раскрывается современное состояние интеграции по каждому направлению. Предлагается сконцентрировать первостепенные усилия системы высшего образования на развитии интеграции со странами Евразийского экономического союза. Целями евразийской интеграции являются повышение конкурентоспособности университетов данного региона на мировом уровне и рост качества образования, что полностью соответствует задачам модернизации белорусской системы высшего образования. Обсуждаются конкретные шаги и способы, которые могут использоваться для развертывания интеграции в сфере высшего образования. Подчеркивается необходимость выделения лучших образцов для распространения их опыта.

Ключевые слова: интеграционные процессы; модернизация; конкурентоспособность; система высшего образования; Евразийский экономический союз; Беларусь.

Благодарность. Работа подготовлена при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (грант № Г17АРМ-017).

Образец цитирования:

Титаренко Л. Г. Современные интеграционные процессы в сфере высшего образования: предпосылки, закономерности, перспективы // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 1. С. 82–90.

For citation:

Titarenko L. G. Modern integration processes in the sphere of higher education: prerequisites, regularities, perspectives. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 1. P. 82–90 (in Russ.).

Автор:

Лариса Григорьевна Титаренко – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Larisa G. Titarenko, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social science.
larissa@bsu.by

MODERN INTEGRATION PROCESSES IN THE SPHERE OF HIGHER EDUCATION: PREREQUISITES, REGULARITIES, PERSPECTIVES

L. G. TITARENKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The paper is focused on the development of integration processes in the sphere of higher education of the Republic of Belarus as a response to the needs of modernizing the country's economy and external challenges of globalization. Three main directions of deployment of this integration are analyzed: East Asian, Eurasian (within the framework of the Eurasian economic union) and the European (Bologna process). The prerequisites for the development of each direction of educational integration are determined, and the patterns of their deployment and prospects for the future are deduced, taking into account the state interests of Belarus. The modern state of integration in each direction is revealed. It is proposed to concentrate the primary efforts of the higher education system on the integration with the countries of the Eurasian economic union. The goal of Eurasian integration is to increase the competitiveness of universities in the region at the global level and to increase the quality of education, which fully corresponds to the goals of modernization of Belarusian higher education. Specific steps and ways that can be used to deploy higher education integration are discussed. Particular emphasis is placed on the need to identify best samples for the dissemination of their experience.

Key words: integration processes; modernization; competitiveness; system of higher education; Eurasian economic union; Belarus.

Acknowledgements. The article was prepared with the support of the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research project (grant No. Г17АРМ-017).

Высшее образование – одна из ключевых сфер, от которой зависит эффективность проводимых в стране процессов модернизации, подготовки квалифицированных кадров для инновационных отраслей экономики, а также воспитание сознательных граждан. Важность этой сферы еще больше возрастает в связи с необходимостью отвечать на современные вызовы, с которыми в XXI в. сталкиваются все государства. В этом контексте проблема выбора путей и перспектив развития высшего образования приобретает политический смысл.

Закономерное следствие развития образования в той или иной стране – включение в интеграционные процессы, происходящие в современном мире. Успешное продвижение на этом пути позволяет рационально решить внутренние задачи и повысить международную конкурентоспособность национальной системы образования. Интеграционные процессы в сфере высшего образования – неотъемлемая составляющая интеграционных процессов, развертывающихся в мире и регионе. С учетом модернизационного развития экономики требуется быстрое обновление научных знаний, одним из важнейших условий которого является модернизация высшего образования (считается, что по ряду специальностей знания должны обновляться каждые пять лет). Успешная модернизация сферы высшего образования – это и ответ на вызовы глобализации, и фактор устойчивого развития страны, и необходимое условие комплексного обновления всех сфер жизнедеятельности общества.

В настоящее время на постсоветском пространстве сложилась ситуация, характеризующаяся непониманием того, каким путем следует проводить дальнейшее реформирование сферы высшего об-

разования. «В странах постсоветского пространства создалась весьма хаотическая ситуация с точки зрения логики принятия управленческих решений в сфере высшего образования. С одной стороны, реформирование направлено на взаимную в рамках постсоветского пространства интеграцию, с другой стороны, реорганизация систем высшего образования направлена на европеизацию и интеграцию местных университетов в европейскую систему высшего образования в соответствии с Болонскими принципами, и, наконец, модернизация образовательных систем евразийских стран должна быть направлена на сохранение национальной специфики и местных традиций» [1, с. 44]. Трудно не согласиться с этими рассуждениями. Попробуем проанализировать возможные перспективы развития образовательных интеграционных процессов в Беларуси, выявить предпосылки для того или иного пути и некоторые общие закономерности.

Образовательная интеграция предполагает развитие академических обменов, взаимообмен лучшим педагогическим и управленческим опытом в целях оптимизации сотрудничества в данной сфере. Цель академических обменов – развитие человеческого капитала его участников (получение ими новых знаний, обмен опытом, поиск новых образовательных возможностей, которые недоступны в своем учебном заведении или стране). Государство с высоким качеством человеческого капитала эффективнее развивает национальную экономику и общество в целом. Сразу отметим: до настоящего времени обмен студентами осуществляется не в пользу Беларуси: если в 2014/15 учебном году за рубежом обучалось около 36 тысяч белорусов, или десятая часть контингента студентов,

то число иностранных студентов среди них составляло менее 15 тысяч человек, т. е. в 2,5 раза меньше.

Образовательная интеграция развивается в Республике Беларусь в трех направлениях: 1) азиатском, или восточном (со странами Азии); 2) в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС); 3) европейском (со странами – участницами Болонского процесса). Первое направление включает в себя Туркмению (на ее долю в 2016/17 учебном году приходится 52 % всех иностранных студентов), Китай (10 %), Азербайджан (около 3 %), Таджикистан (2,8 %) и других восточных соседей Республики Беларусь. В партнерство с восточными соседями вовлечены многие учреждения высшего образования (УВО) Беларуси, в том числе Белорусский государственный университет (БГУ), Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники (БГУИР), Белорусский национальный технический университет (БНТУ), Белорусский государственный экономический университет (БГЭУ), Белорусский государственный медицинский университет (БГМУ), Академия управления при Президенте Республики Беларусь и др. [2].

Второе направление (в рамках ЕАЭС) представлено прежде всего Россией – на ее долю приходится 10,5 % въездной студенческой мобильности. Однако небольшая часть студентов приезжает из других стран этого региона: 2 % – из Казахстана; 1,9 % – из Армении. История связей в данной сфере с этими двумя государствами прослеживается с прошлого века.

Третье направление появилось с официальным вступлением Республики Беларусь в Болонский процесс (2015) и развивается пока медленно. Так, число магистрантов в Беларуси в десять раз меньше по сравнению со странами – участницами Болонского процесса из Западной Европы, количество аспирантов также невелико. Это направление не следует переоценивать в плане его перспектив позитивного воздействия на систему высшего образования Беларуси, поскольку оно развивалось

прежде всего в интересах стран Европейского союза (ЕС). Исторически интеграция проходила в Западной Европе с учетом противостояния двух политических систем во времена холодной войны, а позднее – с ориентацией на подготовку конкретных стран к их вступлению в ЕС и выходу на общий рынок труда и услуг. Как утверждают известные специалисты в области международного образования Ф. Альтбах и Х. де Вит, «без сомнения, многочисленные европейские программы поддержки научно-образовательного обмена и сотрудничества внутри и вне ЕС были связаны с реализацией определенных политических и экономических целей Европейского союза» [3, с. 146]. Бывшие республики СССР не рассматривались даже как потенциальные партнеры этой интеграции вплоть до периода перестройки и развала системы социализма. Однако, несмотря на значительные изменения, затронувшие цели процесса европейской образовательной интеграции, он и сейчас осуществляется прежде всего в интересах стран ЕС. Восточная Европа пока остается в проигрыше от своего участия в нем по причине различных целей, разного потенциала, неравных «правил игры», определяемых странами ЕС. Возможно, для применения в постсоветских странах западные подходы к структуре и содержанию высшего образования неадекватны. Так, согласно экспертному опросу, проведенному в 2015 г. в РФ для сравнения качества подготовки выпускников учебных заведений до и после присоединения России к Болонскому процессу, российскими авторами был сделан вывод о том, что эффективность системы образования ухудшилась по всем показателям [4].

В Беларуси результаты вступления в Болонский процесс оценивать рано. Пока принято рассматривать только потенциальные возможности приобщения страны к нему. В исследовании, проведенном в 2017 г. Центром европейской трансформации, этот вопрос задавался всем респондентам, репрезентировавшим взрослое население Беларуси (табл. 1).

Таблица 1

Оценка перспективного влияния Болонского процесса на белорусскую систему образования, данная респондентами разных возрастных групп, %

Table 1

Assessment of perspective influence of the Bologna process on Belarusian system of education, by different age groups, %

Как повлияет на нашу систему образования вступление Беларуси в Болонский процесс?	В целом
Улучшит ситуацию в любом случае	7,5
Улучшит ситуацию только в том случае, если будут выполняться все требования Болонского процесса	8,9
Ухудшит ситуацию	2,3
Затрудняюсь ответить	22,6
Я не знаю, что такое Болонский процесс	58,7

Как видно из данных табл. 1, уровень знания населения о Болонском процессе является весьма низким, поэтому и оценки его перспектив давались приблизительные. Вместе с тем трудно было ожидать, что все группы населения страны проявят интерес к данному процессу, ориентированному на студенчество. Вследствие этого результаты опроса молодежи были выделены отдельно. Однако даже в самой молодой группе респондентов (16–24 года) полученные оценки свидетельствовали о низком уровне информированности (54 % опрошенных не знали о нем, более 20 % затруднились ответить). Только 22 % респондентов из числа этой возраст-

ной группы дали положительный ответ, отметив две первые позиции, т. е. посчитали, что Болонский процесс улучшит ситуацию с образованием [5].

В том же исследовании отдельно рассчитывались оценки влияния Болонского процесса на отечественную систему образования, которые дали студенты белорусских УВО. А это социальная группа, которая потенциально больше всех заинтересована в его успехе и которая сама должна быть активно в него включена. Именно студентам участие в Болонском процессе может принести наибольшие дивиденды. Результаты исследования представлены в табл. 2.

Таблица 2

Оценка перспективного влияния Болонского процесса на белорусскую систему образования, данная учащимися и студентами, %

Table 2

Assessment of perspective influence of the Bologna process on Belarusian system of education by the school pupils and university students, %

Как повлияет на нашу систему образования вступление Беларуси в Болонский процесс?	В целом
Улучшит ситуацию в любом случае	8,8
Улучшит ситуацию только в том случае, если будут выполняться все требования Болонского процесса	23,1
Ухудшит ситуацию	4,4
Затрудняюсь ответить	27,5
Я не знаю, что такое Болонский процесс	36,3

Даже среди категории студенчества более трети респондентов (36,3 %) не имеют представления о Болонском процессе. Из всего числа опрошенных, указавших, что знают об этом процессе, почти треть (29,1 %) адекватно видят место Беларуси в нем. По мнению 5 % респондентов, Беларусь является его полноправной участницей. Однако почти каждый десятый даже не заметил вступления нашей страны в Болонский процесс. Более половины респондентов (51,5 %) затруднились с оценкой места Беларуси в нем, что закономерно, поскольку даже опрошенные нами эксперты из числа профессорско-преподавательского состава не ответили на этот вопрос однозначно. Ответ можно будет дать тогда, когда Болонский процесс принесет реальные результаты белорусской системе высшего образования, а страна станет его равноправной участницей. В проведенном нами в 2017 г. опросе среди студентов БГУ были получены аналогичные результаты.

Отметим, что белорусские студенты обучались в некоторых странах ЕС независимо от присоединения Беларуси к Болонскому процессу. Больше всего белорусов в силу географической близости и политических причин учились в Польше и Литве. Так, если общее число иностранных студентов в литовских вузах в 2013/14 учебном году состав-

ляло 5466 человек, граждане Беларуси среди них занимали первое место (1738 человек) [6]. Количество белорусских студентов, обучавшихся в 2014/15 учебном году в Польше (еще до подписания Болонской декларации), достигло 4615 человек [7, с. 154].

Образовательная интеграция в рамках ЕАЭС потенциально представляется наиболее перспективной из трех указанных направлений интеграции, так как она строится на базе многих существующих договоров о международном сотрудничестве в рамках ЕАЭС и учитывает специфику стран региона [8, с. 41]. Развитие данного направления является закономерным следствием процесса образовательной интеграции в Республике Беларусь. Поэтому и долгосрочная стратегия образовательной интеграции для Беларуси состоит в выдвигании в качестве ведущего направления развития интеграции внутри каждой страны постсоветского пространства, а в нем – интеграции стран ЕАЭС. Интеграция между ними осуществляется целенаправленно, на долгосрочной основе согласно существующим договоренностям.

Поскольку Россия и Беларусь создали Союзное государство, образовательные связи между ними также достаточно сильны. Исторически УВО на территории Российской Федерации привлекали белорусскую молодежь с советских времен, когда

существовало единое пространство и поехать учиться в Москву, например, не означало учебу за рубежом. В настоящее время количество белорусов, обучающихся в России, также велико. Например, в 2013/14 академическом году на российскую высшую школу приходилось 70 % белорусских студентов, обучавшихся за рубежом. Наблюдается интересная закономерность: большинство белорусов учатся в России заочно. Пик их числа пришелся на 2011/12 учебный год (24,4 тысячи человек), но к 2014/15 учебному году их число сократилось до 17,2 тысячи человек [7, с. 154]. Возможно, диплом российского учреждения высшего образования представляется белорусам более престижным, или же российский диплом открывает для них потом лучшие возможности трудоустройства. Причины популярности заочного образования в России еще ждут своего исследования. Возможно, их выяснение позволило бы белорусским УВО привлекать студентов более эффективно.

Существует много доводов в поддержку приоритетной белорусско-российской образовательной интеграции:

- у стран ЕАЭС общее советское наследие, включающее в себя язык межнационального общения, благодаря которому студенты могут без дополнительной подготовки быть включены в образовательные процессы учебных заведений любого государства СНГ (далее – Содружество);

- у этих стран имеются общие цели развития, обусловленные постсоветским прошлым региона. Их наличие потенциально способствует организации совместной целенаправленной подготовки специалистов по наиболее востребованным профилям образования с учетом уровня технологического развития этих стран и их ориентации на модернизацию экономики и общества;

- безвизовое пространство внутри ЕАЭС дает возможность осуществлять интеграцию без излишних бюрократических проволочек;

- действующие соглашения между странами ЕАЭС предусматривают взаимное признание и эквивалентность документов об образовании, ученых степенях и званиях, что значительно облегчает включение будущих специалистов в общие региональные рынки труда. Развитие образовательной интеграции стран ЕАЭС будет способствовать росту конкурентоспособности и статуса региона на мировом рынке образовательных услуг. В рамках данного направления интеграции приоритетами должны стать широкие академические обмены студентами, преподавателями, управленцами, образовательными технологиями в целях создания единого профессионального пространства для специалистов, занятых в сфере высшего образования, а для студентов – возможности будущего трудоустройства на общем рынке труда ЕАЭС.

В процессе реализации этой интеграционной философии уже сделаны важные шаги: подписан меморандум по вопросам кадрового и научно-инновационного обеспечения экономической интеграции, нацеленный на создание общего рынка образовательных услуг к 2025 г. Однако немало проблем ожидают своего решения. Согласно европейским стандартам развития рынка образовательных услуг академические обмены должны приносить государству экономические дивиденды, связанные с ростом количества обучающихся иностранных студентов. Оптимальным считается, если 10–15 % общего числа студентов составляют иностранцы. Пока их численность достигает менее 5 % общего количества студентов в Беларуси. Из них в 2016/17 учебном году студенты из бывших советских стран составляли 72,5 %, т. е. большинство [8, с. 41].

Прорывным направлением в рамках образовательной интеграции ЕАЭС должны стать изучение и учет лучшего опыта тех стран и УВО, которые опередили своих коллег по уровню внедрения образовательных технологий, введения новых специальностей, организации связей с наукой и производством. В России известен опыт Высшей школы экономики (ВШЭ), ставшей образцом нового типа учреждения, объединившего высшее образование и науку, где учатся граждане многих стран постсоветского региона. Создание ВШЭ было связано с конструированием новой структуры системы высшего образования: выделением высшего уровня элитных университетов (национальных университетов, объединяющих науку и образование, а в случае технических УВО – и бизнес), университетов национального уровня (с большим финансированием, повышенными требованиями к абитуриентам и профессорско-преподавательскому составу) и региональных университетов. Такая структура оказывает стимулирующее влияние на образовательный процесс. Об этом свидетельствует опыт не только ВШЭ, но и Московского государственного университета (МГУ), диплом которого котируется во всем мире [9, с. 116]. Подобная структура позволяет также создавать нелинейные сетевые взаимосвязи между университетами одного уровня (совместные научные проекты, обмен профессорами и студентами), что помогает им достигать более высоких результатов.

Ориентироваться на лучшие образцы в рамках институциональных реформ в системе высшего образования ЕАЭС, безусловно, необходимо с учетом национальных традиций, менталитета и культуры собственной страны. При этом важно создать условия, которые будут способствовать качественным изменениям через механизм самосовершенствования университетов, включая некоторую унификацию образовательных стандартов и программ. Вместе с тем чрезмерная стандартизация может

привести к обратному результату – утрате того высокого статуса и той роли, которую университет, будучи образовательным институтом, играл в обществе, а также к оттоку талантливой молодежи за рубеж. Необходимы такие реформы и стимулы, которые позволят вернуть высшему образованию и профессионалам, занятым в этой сфере, престиж в обществе, повысят мотивацию молодежи для образовательной и научной самореализации в родной стране.

Следующее направление интеграции – развитие нелинейного подхода в организации образования. Оно предполагает выделение кластеров, решающих образовательные задачи различными методами и на разных уровнях. Так, на II Съезде ученых Республики Беларусь в декабре 2017 г. было объявлено о начале проекта «Университет 3.0» с выделением шести ведущих УВО как опытной площадки для проверки новых стратегий образования будущего, успешное развитие которых может проложить путь качественной модернизации высшего образования в Беларуси, а также стать моделью для других стран ЕАЭС [10]. Развитие УВО высокого уровня необходимо для роста национальной конкурентоспособности: они больше привлекают иностранных студентов ввиду высоких рейтингов и лучшего финансирования. Наличие УВО с хорошо развитыми взаимосвязями между всеми заинтересованными акторами на локальном, региональном и межстрановом уровнях способствует расширению региональной интеграции, которая позволяет перераспределять потоки отечественных студентов между учебными заведениями в соответствии с диверсификацией специальностей партнерскими связями УВО с региональными предприятиями, испытывающими потребность в конкретных специалистах.

Большое значение имеют разработка общих образовательных стандартов стран ЕАЭС и нивелирование их существенных различий. Это касается как принципов учреждения и организации работы учебных заведений, так и содержания образования. Для успешного развития интеграции требуются единые государственные образовательные стандарты и программы, соответствующее нормативное правовое обеспечение в целях гармонизации законодательства как между странами ЕАЭС, так и с международными стандартами. Такая стратегия позволит эффективно использовать экономический и интеллектуальный потенциал государств ЕАЭС и повысить их конкурентоспособность. Однако на практике остается много нерешенных вопросов, включая согласование количества уровней образования, необходимость принятия концепции Евразийского сетевого университета, создание общих консультативных советов в сферах высшего образования и научно-инновационных исследова-

ний в ЕАЭС, экспертно-аналитическое обеспечение интеграции образования, обеспечение согласованной образовательной политики и инвестиций из бюджета стран Содружества.

Не меньшую важность представляет в настоящее время совместное развитие институтов непрерывного образования в рамках ЕАЭС. Их основная функция – стать инструментом для обеспечения непрерывного образования специалистов всех стран-участниц. Деятельность подобных институтов должна быть направлена на «приведение трудовых ресурсов в соответствие с потребностями рынка труда, поскольку оно позволяет своевременно преодолевать разрыв в профессиональных навыках и умениях работников и способствует предотвращению роста структурной безработицы» [11, с. 319]. В условиях старения населения акцент, сделанный на оптимизации возможностей систем образования, позволит даже при снижении общей численности занятых обеспечить эффективный рост экономики, более полное раскрытие творческого потенциала специалистов. Развитие непрерывного образования на базе специально отобранных (или созданных) по направлениям базовых университетов и других образовательных учреждений в разных странах Содружества поможет создать систему постоянного повышения квалификации, обмена опытом, преподавателями, совместного проведения аттестации и т. п. В идеале может быть создана единая система, подобная Болонскому процессу, только для послевузовского образования. Кроме того, развитие дистанционного образования способствует более широкому привлечению в страну студентов из диаспоры, живущих за рубежом, но желающих укрепить связи с этнической родиной [1, с. 211]. В рамках системы непрерывного образования необходимо также развивать формы дистанционного образования, примером чего являются некоторые известные зарубежные образовательные институты: крупнейший в Великобритании Открытый университет (Лондон), система государственных университетов SUNY в США и др. [12].

Практический интерес представляет развитие университетов мирового уровня в странах ЕАЭС, открытых для потенциальных абитуриентов из всех государств Содружества и мира. Получение образования в престижных университетах такого уровня может стать оптимальной альтернативой обучению в странах Запада, которое не только очень дорого обходится гражданам СНГ, но и стимулирует молодежную безвозвратную миграцию. В настоящее время по рейтингу *ARWU (Academic Ranking of World Universities – Академический рейтинг университетов мира)* МГУ вошел в первую сотню мировых университетов, еще более десяти российских университетов также оказались в числе весьма престижных. В Беларуси самый высокий

рейтинг ARWU у БГУ (вошел в первую сотню) – это единственный белорусский университет, попавший в 2 % лучших учреждений высшего образования мира [13]. Конечно, любая рейтинговая система имеет свои критерии. Иногда ими являются академические факторы (публикации, гранты), иногда – финансовые (вложения в образование, лабораторное оборудование). Таким критерием может быть также число обучающихся студентов или число преподавателей – лауреатов Нобелевской премии и т. п. Несмотря на несовершенство, высокие рейтинги привлекают абитуриентов, повышают статус рейтинговых университетов, позволяя относить их к элитным [14, с. 332]. Как хорошо известно, именно диплом элитного университета, признанного в мире, помогает его выпускникам получить более престижную работу на рынке труда. В Советском Союзе был опыт создания элитных научно-технических учреждений высшего образования (например, Московский физико-технический институт), которые разработали одну из лучших в мире систем подготовки кадров в своей отрасли. Современная Россия также взяла ориентир на создание ряда элитных университетов. Интеграция и кооперация систем образования ЕАЭС позволят коллегально использовать потенциал элитных вузов, если у страны недостаточно средств для создания хотя бы одного собственного элитного университета.

В настоящее время активно развиваются двусторонние соглашения о сотрудничестве между отдельными университетами стран ЕАЭС. Лидером по числу таких соглашений является Россия: многие российские УВО заключили соглашения с университетами Армении, Беларуси и Казахстана. Изменение ситуации отразилось в том, что на данном этапе больше всего студентов из РФ учится в Китае (20 % всего числа обучавшихся за рубежом в 2014/15 учебном году) и Германии (18 %), тогда как в Беларуси в том же году обучалось только 1,9 % [7, с. 150]. Очевидно, нужно искать новые современные формы интеграции образования (и науки), эффективнее использовать информационные технологии и в рамках двух стран, и в ЕАЭС.

Весьма перспективным представляются подписание и практическая реализация таких соглашений между УВО других стран-партнеров, создание сетей университетов двух стран, заинтересованных в приоритетной и взаимодополняющей интеграции, например Беларуси и Казахстана, Армении и Беларуси [1]. Пока наиболее тесное сотрудничество развивается у учреждений высшего образования, созданных двумя странами совместно. Примерами являются Белорусско-российский университет в Могилеве, Российско-армянский университет в Ереване и т. п. Международные образовательные обмены, как и сфера высшего образования в целом, рассматриваются в качестве

важнейшего средства подготовки таких кадров для рынка труда, которые будут способствовать решению первоочередных задач модернизации экономики Беларуси. Этой цели должно служить и повышение рейтингов высших учебных заведений. Республика Беларусь заинтересована в развитии как въездной, так и выездной мобильности, позволяющей студентам получать новые специальности, которые будут востребованы в стране.

Достиженные системой высшего образования Беларуси показатели выездной мобильности пока слишком незначительны даже по сравнению со странами-соседями. Согласно результатам проведенного исследования студенчества в академической мобильности в настоящее время участвуют не более 1 % белорусских студентов. Выполненные нами качественные исследования методами глубинных интервью со студентами-иностранцами и фокус-групп с белорусскими студентами, обучавшимися за рубежом, а также с бывшими стажерами-выпускниками, уже включенными в рынок труда, свидетельствуют об эффективности обменов. Они показывают, что обмены, даже короткие, расширяют кругозор студентов, меняют их приоритеты в учебе, а после ее окончания помогают занять лучшую позицию на рынке труда. Молодые люди становятся целеустремленнее, получают личный опыт преодоления трудностей, связанных с адаптацией к новой социокультурной среде, привыкают к высокой конкуренции в учебе и труде.

Студенческие обмены имеют и обратную сторону: некоторые участники пытаются задержаться в тех странах Западной Европы, где они находились на стажировке. Такие издержки неизбежны: по данным опросов аспирантов и молодых ученых Национальной академии наук Беларуси, которые проводят социологи Института социологии НАН Беларуси, около половины хотели бы получить опыт работы за рубежом или трудоустроиться на длительное время [15, с. 314]. Чтобы противостоять тенденции утечки мозгов, нашей стране необходимо улучшать систему работы с талантливой студенческой молодежью и молодыми учеными, создавать более приемлемые условия для занятий наукой, стимулировать успехи материально, развивать системы стажировок молодых ученых в крупных научно-образовательных центрах ЕАЭС. Материальный фактор еще долго будет препятствовать эффективному использованию человеческого потенциала научной молодежи в Беларуси. Однако известен и другой факт: высококлассный специалист всегда может найти работу в Беларуси с отличным окладом, но для этого ему действительно нужны современные знания и опыт [16]. При условии успеха системной интеграции высшего образования и науки в рамках ЕАЭС в ближайшей перспективе можно создать единый рынок образования и труда.

Включенность в него наиболее продвинутых университетов и научных центров стран Содружества предоставит молодым специалистам возможность поработать в разных государствах и организациях ЕАЭС, функционирующих с ориентацией на практическую пользу для всех членов союза.

Глубинные интервью с белорусскими студентами, обучающимися совместно с иностранцами, показывают, что мультикультурная среда может способствовать развитию их конкурентоспособности и творчества – качеств, которые сегодня востребованы на рынке труда Беларуси и региона. Поэтому евразийское научно-образовательное пространство должно соответствовать задачам экономической интеграции и потребностям общего рынка товаров, услуг и капитала региона. Если страны ЕАЭС не будут ничего предпринимать для целенаправленного развития своей научно-образовательной интеграции или выберут другую образовательную стратегию (например, приоритетность Болонского процесса), это может привести к их дальнейшему отставанию от ведущих зарубежных государств, которые проводят активную образовательную политику, ориентированную на завтрашний день.

Развитие интеграции может также внести вклад в обоснование потребностей Беларуси в конкретных реформах системы образования, которые бы одновременно соответствовали реформам в странах ЕАЭС, достигших больших успехов в высшем образовании. В этом плане бесценен опыт МГУ: он подскажет направления поиска новых источников финансирования, рациональные подходы к орга-

низации учебного процесса в университетах, ориентированных на классическое образование или на рынок. Например, опыт МГУ показал, что 85 % профессорско-преподавательского персонала ориентированы на широкую общую подготовку студентов и не настроены на узкую специализацию. Это свидетельствует о специфичности состава преподавательского корпуса самого престижного российского учреждения высшего образования – общенаучного, который, по мнению В. А. Садовниченко, характерен для всех классических университетов и является традицией советского университетского образования [9, с. 136].

Опыт лучших российских технических УВО показывает, что оптимальный путь развития навыков и компетенций студентов, обусловленных потребностями будущего трудоустройства на рынке труда в условиях нового витка научно-технической революции (индустрия 4.0), – привлечение их на старших курсах к совместной научной работе с преподавателями в рамках конкретных научных проектов учреждения высшего образования. Для этого преподаватели должны иметь достаточную научно-техническую базу, свободное время для занятия наукой и материальные стимулы. Эти же научно-образовательные кластеры могут послужить инструментом налаживания связей с бизнесом, а также выходу с готовым продуктом на рынок.

Путей совершенствования образования много. Главное – адекватный выбор, мотивация и наличие средств на реализацию задуманных перемен.

Библиографические ссылки

1. Модернизация системы высшего образования Армении в контексте интеграционных процессов. Ереван : Изд-во РАУ, 2017.
2. Международная деятельность // Официальный сайт Министерства образования Республики Беларусь. URL: <http://edu.gov.by/sistema-obrazovaniya/mezhdunar/> (дата обращения: 19.09.2017).
3. *Альтбах Ф. Дж., де Вит Х.* Интернационализация и международная напряженность: чему нас учит история // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития : сб. науч. тр. М., 2017. Вып. 2. С. 142–147.
4. *Захаренко Н. А.* Образование – качественное или злокачественное? [Электронный ресурс] // Центр научной политической мысли и идеологии. URL: <http://rusrand.ru/docconf/obrazovanie-kachestvennoe-ili-zlokachestvennoe> (дата обращения: 10.12.2017).
5. *Шелест О.* Социальная база программ трансформаций в Беларуси [Электронный ресурс] // Центр европейской трансформации. URL: <https://cet.eurobelarus.info/ru/library/publication/2017/03/13> (дата обращения: 11.12.2017).
6. Lietuvos Statistikos metraštis – 2015. Vilnius : Liet. Statistikos Departamentas, 2015.
7. *Арефьев А. Л., Арефьев П. А., Гоблик В. В.* Направления академической мобильности в странах СНГ и Балтии // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития : сб. науч. тр. М., 2017. Вып. 2. С. 148–170.
8. Образование в Республике Беларусь (2016/2017 учебный год). Минск : Нац. стат. комитет. Респ. Беларусь, 2016.
9. *Садовниченко В. А.* Московский государственный университет им. М. Ломоносова на пути обновления // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития : сб. науч. тр. М., 2017. Вып. 2. С. 116–141.
10. Выступление Президента Республики Беларусь на II Съезде ученых Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/printv/plenarnoe-zasedanie-ii-sjezda-uchenых-respubliki-belarus-17654 (дата обращения: 14.12.2017).
11. *Кройтор С. Н.* Непрерывное образование в современном контексте: сущность и основные функции // Социол. альманах. 2014. Вып. 5. С. 319–325.
12. *Titarenko L., Little C. B.* International Cross-Cultural Online Learning and Teaching: Effective Tools and Approaches // Am. J. Dist. Educ. 2017. Vol. 31, issue 2. P. 112–127. DOI: 10.1080/08923647.2017.1306767.
13. БГУ в мировых рейтингах [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bsu.by/main.aspx?guid=146761> (дата обращения: 14.12.2017).

14. Костюкевич С. В. Феномен университетских рейтингов: в поисках университета мирового класса // Социол. альманах. 2014. Вып. 5. С. 326–336.
15. Артюхин М. И. Научная элита: состояние и проблемы воспроизводства // Социол. альманах. 2014. Вып. 5. С. 308–318.
16. Бубликова Т. Где найти работу с хорошей зарплатой: топ высокооплачиваемых вакансий Беларуси [Электронный ресурс] // Naviny.by. URL: <http://naviny.by/article/20170423/1492934318-gde-nayti-rabotu-s-horoshey-zarplatoy-top-vysokooplachivaemyh-vakansiy> (дата обращения: 10.12.2017).

References

1. Modernizatsiya sistemy vysshego obrazovaniya Armenii v kontekste integratsionnykh protsessov [Modernization of the system of higher education of Armenia in the context of integration processes]. Yerevan : Publ. house of the Russ.-Armenian Univ., 2017 (in Russ.).
2. [International activities]. URL: <http://edu.gov.by/sistema-obrazovaniya/mezhdunar/> (date of access: 19.09.2017) (in Russ.).
3. Altbach F. J., De Vit H. [Internationalization and international tension: what history teaches us]. *Obrazovanie i nauka v Rossii sostoyanie i potencial razvitiya* : collect. of sci. works. Moscow, 2017. Issue 2. P. 142–147 (in Russ.).
4. Zakharenko N. A. [Education – qualitative or malignant?]. *Tsentr nauchnoi politicheskoi mysli i ideologii*. URL: <http://rusrand.ru/docconf/obrazovanie-kachestvennoe-ili-zlokachestvennoe> (date of access: 10.12.2017) (in Russ.).
5. Shelest A. [Social base of transformation programs in Belarus]. *Centre for European transformation*. URL: <https://cet.eurobelarus.info/ru/library/publication/2017/03/13> (date of access: 11.12.2017) (in Russ.).
6. Lietuvos Statistikos metraštis – 2015. Vlnius : Liet. Statistikos Departamentas, 2015 (in Lith.).
7. Aref'ev A. L., Aref'ev P. A., Goblik V. V. [The directions of academic mobility in the CIS and Baltic countries]. *Obrazovanie i nauka v Rossii sostoyanie i potencial razvitiya* : collect. of sci. works. Moscow, 2017. Issue 2. P. 148–170 (in Russ.).
8. Education in the Republic of Belarus (2016/2017 education year). Minsk : Natl. stat. committee Repub. of Belarus, 2016 (in Russ.).
9. Sadovnichii V. A. [Moscow State University named after M. Lomonosov on the way of renewal]. *Obrazovanie i nauka v Rossii sostoyanie i potencial razvitiya* : collect. sci. works. Moscow, 2017. Issue 2. P. 116–141 (in Russ.).
10. Speech of the President of the Republic of Belarus at the II Congress of Scientists of the Republic of Belarus. *The Official Internet portal of the President of the Republic of Belarus*. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/printv/plenarnoe-zasedanie-ii-sjezda-uchenyx-respubliki-belarus-17654 (date of access: 14.12.2017) (in Russ.).
11. Kroitor S. N. Life-long education in the contemporary context: nature and main functions. *Sotsiologicheskii al'manakh*. 2014. Issue 5. P. 319–325 (in Russ.).
12. Titarenko L., Little C. B. International Cross-Cultural Online Learning and Teaching: Effective Tools and Approaches. *Am. J. Dist. Educ.* 2017. Vol. 31, issue 2. P. 112–127. DOI: 10.1080/08923647.2017.1306767.
13. [BSU in the world ratings]. URL: <https://www.bsu.by/main.aspx?guid=146761> (date of access: 14.12.2017) (in Russ.).
14. Kostyukevich S. V. Phenomenon of university ratings: looking for a worldclass university. *Sotsiologicheskii al'manakh*. 2014. Issue 5. P. 326–336 (in Russ.).
15. Artyukhin M. I. Scientific elite: condition and reproduction problems. *Sotsiologicheskii al'manakh*. 2014. Issue 5. P. 308–318 (in Russ.).
16. Bublikova T. [Where to find a job with a high salary: top of high-paid vacancies in Belarus]. *Naviny.by*. URL: <http://naviny.by/article/20170423/1492934318> (date of access: 10.12.2017) (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 15.12.2017.
Received by editorial board 15.12.2017.

Р. С. 11 марта Лариса Григорьевна отметила свой юбилей. Лариса Григорьевна Титаренко, известный белорусский социолог, полпред белорусской социологии за рубежом, своим талантом и неустанным трудом добилась больших успехов в науке и преподавательской деятельности. Она входила в первый состав преподавателей вновь созданной кафедры социологии. Белорусский государственный университет и кафедра социологии стали для нее родным домом. Здесь в полной мере раскрылся ее талант исследователя, педагога, воспитателя молодежи. За какое бы дело Лариса Григорьевна не бралась, она всегда добивается успеха. Она – лауреат научной премии БГУ им. В. И. Пичеты (2009), заслуженный работник БГУ (2009), ее имя заносилось на Доску почета БГУ. В канун юбилея, за многолетнюю плодотворную работу по подготовке и аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации профессор Л. Г. Титаренко награждена Почетной грамотой Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь. Искренне поздравляем и благодарим Вас, дорогая Лариса Григорьевна, за активную работу в журнале! Здоровья Вам, благополучия, новых учеников и творческих свершений!

УДК 316.64

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПАТТЕРНЫ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА (статья вторая)

Т. И. ШАМЯКИНА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается структура человеческого мышления, а также действие в нем фактора бессознательного. Приводятся новые приемы и методы манипуляции массовым сознанием на примерах из деятельности СМИ в 2017 г. Обращается внимание на важность для создания паттернов внедрения разного рода образов, в том числе на суггестивное воздействие языка. Делается акцент на использовании манипуляторами достижений филологии в анализе различных текстов.

Ключевые слова: мышление; бессознательное; сознание; подсознание; сверхсознание; архетип; паттерн; образность; суггестия; текст; филология.

SOCIAL-PSYCHOLOGICAL PATTERNS IN THE MASS CONSCIOUSNESS OF THE POST-SOVIET SOCIETY (second article)

T. I. SHAMYAKINA^a

^aBelarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

We consider the structure of human thinking, the effect of the unconscious factor in it, and in this connection new methods and methods of manipulating the mass consciousness are given on examples from the activity of the media of 2017. Attention is drawn to the importance for the creation of patterns of the introduction of various kinds of images, as well as to the suggestive impact of the language. Emphasis is placed on using manipulators to achieve philology in the analysis of various texts.

Key words: thinking; unconscious; consciousness; subconsciousness; superconsciousness; archetype; pattern; imagery; suggestion; text; philology.

Структура мышления. Образное восприятие реальности

Явление паттернов, т. е. стереотипов мышления, – глубоко природное, естественное, органичное, поскольку обусловлено особенностями человеческого мышления.

Континуум мышления человека включает в себя разные пласты: сознание, подсознание, сверхсознание. Сознание оценивает действительность с точки зрения здравого смысла, целе-

Образец цитирования:

Шамякина Т. И. Социально-психологические паттерны в массовом сознании постсоветского общества (статья вторая) // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 1. С. 91–104.

For citation:

Shamyakina T. I. Social-psychological patterns in the mass consciousness of the post-Soviet society (second article). *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 1. P. 91–104 (in Russ.).

Автор:

Татьяна Ивановна Шамякина – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой теории литературы филологического факультета.

Author:

Tat'yana I. Shamyakina, doctor of science (philology), full professor; head of the department of theory of literature, faculty of philology.
shamyakina@tut.by

полагания, ясного видения причин и следствий различных явлений. Подсознание и сверхсознание обычно объединяют под термином «бессознательное». Современный белорус живет и работает в рамках парадигмы европейской культуры с ее предельным рационализмом и очень редко предполагает в себе действие механизмов бессознательного. Например, не надеется на интуицию. Между тем наши предки и современные люди иных культур на интуицию полагались и полагаются.

Интуиция как раз и относится к сфере бессознательного. О бессознательном, хотя и в иных терминах, рассуждали еще античные ученые. В частности, Платон говорил о воспоминании любым ребенком того, что в нем уже заложено априори: «Душа настоящему постигает, когда вспоминает». Собственно, обучение и заключается в воспоминании. Занимались этим вопросом в XIX в. Артур Шопенгауэр и другие знаменитые философы. Однако в современном виде теория бессознательного известна благодаря Зигмунду Фрейду. Честный ученый, он не брался определять природу бессознательного, но отмечал, что это такой фактор, который воздействует на поведение человека, его творчество и даже здоровье. Неслучайно гуманитарная теория З. Фрейда утверждалась параллельно с успехами генетики.

В своих работах З. Фрейд использовал термин «вытеснение». Суть понятия заключается в следующем: если мы перестаем фиксировать внимание на какой-то эмоции, она от этого не исчезает, а перемещается в подсознание и продолжает воздействовать на наши установки, формирование системы ценностей и поведение, иногда даже коренным образом изменяя их.

И хотя З. Фрейд совершил в науке настоящую революцию, его общие выводы оказались неправильными. Так, он считал, что самое главное в человеке – это неосознаваемые разумом инстинкты, влечения, чаще всего сексуальные, загнанные глубоко в подкорку мозга. Выработанная за тысячелетия человеческая культура не позволяла им проявляться. Однако в творчестве эти влечения все же выходят на поверхность в виде символических образов. Якобы творчество вообще заменяет собой любые влечения. Подобная замена называется *сублимацией*.

В действительности все сложнее. Объяснять явления искусства исходя из сексуальных комплексов было бы вульгаризацией науки. Исследования последних десятилетий показали, что Эдипов комплекс и комплекс Электры, о которых часто упоминает З. Фрейд, сделав их основой своего учения, у психически здоровых людей не встречаются. Ученый изучал больных людей и строил свои теории, опираясь на анализ их патологий.

В то же время некие фундаментальные вещи З. Фрейд глубоко прозрел и заложил базу для будущих исследований. Он писал: «Насколько можно доверять психической непрерывности в пределах ряда поколений, и какими средствами и путями пользуется каждое поколение, чтобы передать свое психическое состояние последующему? Не стану утверждать, что все эти вопросы достаточно выяснены или что простая устная передача и традиция, о которых прежде всего думают, хорошо объясняет это. В общем, психология народов мало задумывается над тем, каким образом создается необходимая непрерывность душевной жизни сменяющих друг друга поколений. Часть задачи осуществляется, по-видимому, благодаря унаследованию психических предрасположений, которые, однако, все-таки нуждаются в известных побуждениях в индивидуальной жизни для того, чтобы проснуться к полной действительности» [1, с. 488].

По завету наставника душевной жизнью «сменяющих друг друга поколений» занялся ученик З. Фрейда – швейцарский исследователь Карл Густав Юнг. По многим вопросам З. Фрейд и К. Г. Юнг в конце концов кардинально разошлись, хотя оба занимались изучением бессознательного. Именно К. Г. Юнг ввел понятия «коллективное бессознательное» и «архетип».

Искусство, а тем более массовая культура XX в., во многом основывались на теории З. Фрейда, поскольку она оказалась чрезвычайно выгодной для буржуазного общества. Под лозунгом свободы природы вызволили все животные инстинкты. И на них делают огромные деньги. Уничтожение культуры – совсем не случайно, а нужно для освобождения в человеке его низменных побуждений.

Однако животные инстинкты и бессознательное в человеке – разные вещи. Бессознательное существует. Правда, в этой области науки наблюдается настоящий хаос терминов. Можно встретить следующие понятия: «рассудок»; «динамический разум»; «разум интуитивный, сублимированный, ментальный, витальный»; «космическое сознание» и многие другие. Проще всего разделить мышление на три части, упомянутые в начале настоящей работы. При этом необходимо помнить, что подсознание называют еще интуицией, или *инсайтом*. Таким образом, есть сознание как орган логического мышления. И есть интуиция (инсайт) – орган скрытого, реликтового мышления, но это не животные инстинкты, а своеобразная структурная часть мышления человека, которая помогала ему когда-то существовать в гармонии с природой.

Различные эксперименты показали, что подсознание участвует в той или иной форме в каждом акте восприятия, в каждом ментальном процессе, в любой эмоции и любом поступке. Вся жизнедеятельность человека управляется и контролируется

ется инсайтом. Подсознание связывает организм и с внешним миром. Сознание же осуществляет функцию организации взаимопонимания и взаимодействия между людьми в социуме. Однако оно зависит от процессов, контролируемых структурами мозга, отвечающими за инсайт.

Например, важнейшей из социальных проблем в наше время является сохранение традиционной семьи. Семейным отношениям посвящено огромное количество телевизионных мелодрам, неизменной частью ежедневных программ на каждом канале стали и многочисленные ток-шоу. В них разбираются и оцениваются экспертами часто очень неординарные случаи из жизни разных семей. И в большинстве программ коллизии настолько чудовищны, а их участники настолько несимпатичны, злобны, лживы и жадны, что при всем сочувствии к ним на уровне разума в подсознании возникают неприязнь, отторжение и резкое неприятие. Эти чувства действительно не зависят от рационального восприятия ситуации.

Какова же сверхзадача всех крикливых ток-шоу с субъектами – моральными уродами? Она, видимо, такова: показать, как в семье тяжело, мучительно существовать, а значит, лучше жить свободно, не обременяя себя подобной заботой. То есть телепрограммы как будто бы преследуют благую цель, а в действительности медленно, методично, целенаправленно и совершенно незаметно подрывают институт традиционной семьи.

Нередко в таких проектах обсуждаются конфликты, происходящие в семьях известных людей, что еще больше усиливает их внушающее воздействие. Так, осенью 2017 г. буквально по всем центральным российским телеканалам в течение нескольких недель муссировалась семейная драма народного артиста СССР Армена Джигарханяна. Ежедневно зрителям демонстрировали его сейчас уже бывшую молодую жену, а также самого Армена Борисовича с его трудностями в передвижении, больного, усталого, разочарованного. Тяжко было смотреть на артиста, который помнится задорным, искристо веселым, предельно активным, мудрым и проницательным (пусть даже и в образе злодея, как в сериале Станислава Говорухина «Место встречи изменить нельзя»). Произошел ментальный удар – развенчание кумира, причем советского кумира. А поскольку зрители, как правило, отождествляют себя с героями кинофильмов (также действие подсознания), то и в данном случае, постоянно, изо дня в день наблюдая беспомощную старость, бывшие советские люди перенесли удручающую картину на себя – со своим неприглядным настоящим, собственной ненужностью в качестве отработанного историей материала. Так СМИ укрепляют неуважение к себе...

При этом преследуется множество целей. В течение почти всего 2017 г. в средствах массовой информации активно обсуждался художественный фильм режиссера А. Учителя «Матильда» об интимных отношениях царя Николая II с балериной Матильдой Кшесинской. Картина лживая по существу, поскольку в дневниках М. Кшесинской ни о чем подобном не говорится, хотя, возможно, молодой наследник престола, а затем император и испытывал симпатию к актрисе. Можно представить себе умелую интриганку и опытную соблазнительницу, а рядом с ней – неискушенного в подобных делах поклонника ее творчества. Так, вероятно, случилось в реальности. При этом фильм заставляет принимать и усваивать ложные установки и образы. В связи с разбросом мнений в обществе по телевидению часто транслировали оценки зрителей, взятые в интервью после просмотра киноленты. Обычно эти оценки сводились к примитиву: «Красивое зрелище – костюмы, антураж...» В этом все дело – люди купились на «красивость». Между тем на фоне красивых интерьеров и чувства представляются красивыми, а значит, нормальными.

Опасность кинофальшивки состоит в том, что в сознании людей – в том числе под влиянием художественных произведений, а также мемуаров и дневников самого монарха – утвердилось мнение о царской семье как во многом идеальной. В то же время развенчание идеалов, тем более святых мучеников, – чрезвычайно болезненный удар по чувствам не только верующих, но и всех нормальных людей.

Визуальная образность чрезвычайно важна как сильное средство воздействия на сознание и подсознание. Активные деятели «Майдана» и многие молодые украинцы носят чубы (чуприны) и даже оселедцы. Действует в отношении знаково демонстрируемой внешности исключительно мощный архетип, утверждавшийся в течение столетий, – от победителя Хазарии князя Святослава, запорожской вольницы, разухабисто-кровоавого Гуляй-поля...

Пропаганда в Украине строится на подобных архетипах, внушаемых этнических символах. Причем население уже обработано до такой степени, что оказалась возможной попытка запретить известный фильм Э. Рязанова «Ирония судьбы, или С легким паром» только на том основании, что там в эпизодах мелькает актриса Валентина Талызина, которая якобы приветствовала «аннексию» Крыма Россией. Авторитетнейший режиссер, директор «Мосфильма» Карен Шахназаров назвал действия властей Украины идиотизмом в телепрограмме «Вечер с Владимиром Соловьевым» от 20 декабря 2017 г. Однако и в самой России с этой же картиной происходит некое безумие: 31 декабря 2017 г.

по каналу «Дом кино» ее демонстрировали целый день – шесть раз подряд!

Агитации и пропаганде в России уделяется огромное, пристальное внимание – *при декларируемом отсутствии идеологии*. Так, 3 декабря 2017 г. по «НТВ Беларусь» в передаче «Новые русские сенсации» показывали апартаменты поп-певца Филиппа Киркорова в Болгарии. Дом – в несколько этажей. Для детей отведен отдельный этаж, где они ездят на автомобильчиках и самокатах. Ведущая поминутно акцентировала внимание на том, как кругом стильно, мягко, изысканно, не кричаще, роскошь не бьет в глаза. Мол, в творчестве кумира все ярко, гламурно, а в быту у него тонкий эстетический вкус, все скромно и просто. В действительности же роскошь – не блестящие побрякушки, а огромные площади, личный хамам, картины-подлинники на стенах, муранское стекло. Именно эти атрибуты жизни богемы демонстрировали нищему народу. Они, «хозяева жизни», уже не могут иначе: хвастаться богатством – очень важная составляющая их образа жизни.

В России нарастает социальная напряженность. У незаслуженно обогатившихся появился страх за награбленное добро. Кроме уже существующих передач, разных «ургантов» и «гордонов», спешно вводятся новые – «Звезды сошлись», «Привет, Андрей!». Их задача – *работать на имидж элиты*. «Соусом» при этом являются семейные ценности. И конечно, все считают себя трудящимися. Например, 1 июля 2017 г. на телеканале «НТВ Беларусь» в передаче «Звезды сошлись» выступали гламурные дамы, шикарные бизнесвумен, безголодые певички, холеные жены высокооплачиваемых футболистов. Все хвастали своим богатством, заработанным «непосильным трудом». Их оппонентам, например Светлане Савицкой, слова практически не давали. У сестер Зайцевых несколько домов в разных частях света. Спрашивается: зачем столько, если семей у них нет? Они что, выделяют из себя астральных двойников, для которых и служит роскошное жилье? Некая дива из Челябинска объявляла прогноз погоды на местном телевидении в бикини – и на том заработала. Переехала в Москву – как же, знаменитость! При этом все употребляют красивые слова – «труд», «проекты», «творчество» – и абсолютно уверены в своей нужности для общества, принадлежности к элите.

Между тем «что ждет общество, где элиту составляют сплошь звезды попсы и дизайнеры, программисты и футболисты? Эти представители креативного класса в массе своей не создают сегодня подлинных ценностей, а паразитируют на пороках и недостатках человека и общества, формируя искусственные, зачастую вредные потребности... Кто из креативщиков может похвастаться своим вкладом в культуру, который был бы сопоставим с вкладом ученых и художников прошлого?» [2, с. 9].

Известный скульптор, бывший советский диссидент Михаил Шемякин, которого никак не заподозришь в симпатиях к социализму, видит несправедливость, пошлость и подлость ныне утвердившегося строя и высказывается еще острее, чем предыдущий цитируемый автор: «Наворовано много. Теперь надо создать такую идеологию, которая была при царизме: сиди, русский мужик, и не рыпайся. Слушай, что тебе барин говорит. У тебя лапти есть – и ладно. А нам не мешай кататься на яхтах и “бентлях”» (цит по: [3, с. 7]).

Точные слова. Подобные передачи в СМИ, в которых огромные гонорары сотрудников обеспечены заказанной олигархами рекламой, призваны разрушать один из самых мощных паттернов – представление-ощущение народа о *справедливости*. Однако люди пока еще не зомби – все видят. Из декабрьского комментария в интернете: «Смотрела телевизор. Первый канал облагодетельствовал еще одну *обездоленную* семью – сделал ремонт квартиры Кристины Орбакайте». Один из отзывов на это ироническое сообщение: «Еще бы, у нее же мать – пенсионерка».

После страшной трагедии – сожжения людей в Одессе 2 мая 2014 г. – известный русский философ Александр Дугин с гневом писал о реакции на ужасающий факт российской телевизионной тусовки: «Сами физиономии Баскова или Киркорова, да и практически всего телебомонда России – Ургант, Цекало и т. д. – вообще несовместимы с русским представлением о достойном поведении, корректной внешности, жестах, действиях и словах. <...> Тот, кто заполняет российское телевидение и кто его делает, – настоящие преступники перед нравственностью, духом, историей, идентичностью России. Здесь вообще нет ничего русского, ни малейшего намека на солидарность, честь, сострадание, жертвенность, чистоту, благочестие, целомудрие. Это пляска бесов... бесстыдная демонстрация вырождения и глубинного нравственного падения. Это совершенно не весело и не смешно. Это ужасает. С такой культурой, с таким уровнем развлекательных программ, с такими рожами, с такими передачами и ведущими мы Россию не возродим, не мобилизуем, не пробудим. На наших глазах сожгли десятки людей, сожгли нацисты, жестоко, цинично, добились раненых, убили русских. И никакого такта, чтобы внести коррекцию в программу. Ни малейшего нравственного движения» [4, с. 2–3].

Не только аналитические и развлекательные телепрограммы возмущают нормальных людей, некоторые художественные произведения просто пугают своей ложью и беспросветной глупостью. По телеканалу «НТВ Беларусь» 16 июня 2017 г. демонстрировался фильм «Перевернутая Дженни» из много лет идущего, чрезвычайно популярного сериала «Тайны следствия». По ходу сюжета российский журналист попадает в Беларусь. Здесь ца-

рит полный криминальный и правовой беспредел. Россиянина обворовывают, бьют. Не разобравшись в том, что он жертва, бросают в тюрьму, где относятся к несчастному хуже некуда. Российского консула не вызывают. При этом проводится мысль, что журналисту самому никак не защититься: его никто не понимает, а он не знает белорусского языка. В тюрьме, в больнице – везде говорят только по-белорусски.

Сомнительно, чтобы создатели явной халтуры не знали белорусских реалий. Хорошо бы, конечно, чтобы белорусы говорили на родном языке, однако в городах белорусская речь – редкое явление. Значит, авторы сериала выполняли определенную задачу: показать Беларусь как тоталитарное, незаконное государство, где живут варвары, враждебно относящиеся к россиянам.

К сожалению, воздействие на подсознание часто преследует *политические* цели. Так, на углубление дестанилизации очень рассчитывали создатели еще одного цикла – юмористического – «Шесть кадров», идущего уже много лет по разным телеканалам. Федор Добронравов, хорошо известный по сериалу «Сваты», в коротких анекдотических сценках блистательно играет Сталина, причем черный юмор диктатора действительно никого не оставляет равнодушным. Правда, юмора подсознание как раз не воспринимает. Впрочем, здесь расчет строится на комплексном воздействии образа.

Однако образность – явление удивительное. Актер явно с уважением относится к прототипу, а благодаря актерскому таланту Федора Добронравова и зритель невольно начинает испытывать восхищение олимпийским спокойствием генсека, его умением мрачно каламбурить и своеобразно использовать любую ситуацию. «Внутренняя форма образа личностна, она несет неизгладимый след авторской идейности, его вычленяющей и претворяющей инициативы, благодаря чему образ предстает оцененной человеческой действительностью, культурной ценностью в ряду других ценностей, выражением исторически относительных тенденций и идеалов» [5, с. 674].

Манипуляция сознанием основывается на *образности*, богатстве составляющих его элементов.

Нет сомнения в том, что молодежь слепо доверяет всему, что пишется в интернете. Нередко студенты, руководствуясь «Википедией», в качестве примера гонений на творцов со стороны советской власти ссылаются на биографию известного барда Владимира Высоцкого. Никаких гонений, конечно, не было. Он работал в одном из самых, пожалуй, престижных театров Москвы – Театре на Таганке, много раз снимался в кино, женился на европейской красавице Марине Влади, в народе пользовался феноменальной популярностью, его диски выходили регулярно, магнитофонные записи множилось сот-

нями тысяч, жил в свое удовольствие. Печатать его действительно не хотели. Само писательское сообщество восставало – еще сохранялись эстетические критерии в оценках поэзии. В печатном виде стихи В. Высоцкого выглядели примитивно, бледно, поученически. Известный русский поэт Станислав Куняев вспоминает в мемуарах свою статью 1982 г. в «Литературной газете» о массовости и народности культуры. В качестве откликов он получил мешок писем, «негодующих и восторженных, проклинающих и одобряющих... Поскольку я не пощадил в своей статье многих кумиров массовой культуры, то “террор среды”, обрушившийся на мою голову, носил тотальный характер. Я понял, что замахнулся на “святая святых” современного упрощенного человека» [6, с. 85]. Больше всех в той на шумевшей статье досталось именно Владимиру Высоцкому.

И все же можно понять, почему знаменитый певец и актер стал знаковым явлением. Да, его стихи не воспринимались при чтении, но все дело было в *синтетическом, целостном*, создаваемом талантливым актером образе певца, ярко, страстно, под неплохую музыку исполняющего собственные стихи.

Из политиков, кроме Сталина, который, учитывая интерес народа, по популярности находится на первом месте, разногласия в обществе вызывает и личность Ленина. У бывших советских людей под влиянием кинофильмов, театральных постановок, книг, произведений живописи и скульптуры в сознании прочно сформировался образ Владимира Ильича – великого гуманиста и преобразователя жизни. Выбить этот закрепившийся стереотип из сознания можно либо таким же количеством произведений с противоположным смысловым наполнением персонажа, что практически нереально, либо чрезвычайно ярким образом в одном из произведений, который потряс бы и запечатлелся столь же мощно. Пока такового не создано. У авторов малоталантных фильмов, приуроченных к 100-летию Октябрьской революции, не получилось...

Когда же Владимир Путин пришел к власти, его имиджмейкеры хвастались тем, что им не пришлось готовить ролики для обеспечения симпатии электората к будущему президенту. Впрочем, этого и не требовалось. В течение 25 лет по телевидению регулярно демонстрировался сериал Татьяны Лиозновой «Семнадцать мгновений весны», благодаря которому у миллионов зрителей в *сознании сформировался образ* самоотверженного разведчика. Добавим к этому кинофильм «Мертвый сезон» и четырехсерийную ленту «Щит и меч» с такими же сверхобаятельными героями. Думается, и появление в конце 2017 г. телесериала «Спящие» о современных чекистах в преддверии президентских выборов в России также неслучайно, хотя режиссеру Юрию Быкову и пришлось каяться перед либе-

ральным сообществом. В самом деле, не могут же в каждой государственной структуре Российской Федерации таиться «спящие», сотрудники зарубежных спецслужб – предатели своей родины!..

Утвердившиеся в обществе мифы, символы, образы – чрезвычайно сильный ценностный, культурный фактор, как правило, обусловленный социальным заказом. В дискуссии интеллектуалов, посвященной 100-летию Октябрьской революции 1917 г., известный русский художник Геннадий Животов говорил: «История искусства – это история заказчика. Революция сделала заказчиком народ. Все наше искусство в 20–30-х гг. было революционным и народным. Мы тогда *выигрывали прежде всего образами* (выделено нами. – Т. Ш.), но мобилизация государства требовала дисциплины. Для этого были созданы союзы художников, писателей. Коммунистическая партия, которая была скелетом, хребтом нового государства, направляла революционную стихию в гранитные берега Большого сталинского стиля. Авангардисты были убраны, как и «Черный квадрат». До того биржа и рынок влезли в искусство, тогда и появились разные «измы». В конце концов, все это рухнуло в “Черный квадрат”» [7, с. 3].

К слову, что касается картины «Черный квадрат», ставшей в наше время едва ли не символом искусства как такового, – это также социальный заказ. Полотно не является художественным открытием Казимира Малевича. Идея полностью заимствована у известного оккультиста XVI в. Роберта Фладда, ученика Джона Ди, мага, астролога и главы английской разведки при дворе Тюдоров. При этом К. Малевичем скопировано все – вплоть до размеров обрамляющей квадрат белой рамки. Таким образом, налицо плагиат, который заметил академик Российской академии космонавтики Лев Мельников. Однако рисунок на протяжении столетия после своего создания собрал в себе множество дополнительных смыслов (бездна космоса, как и мыслилось Р. Фладдом; черная дыра, в которую проваливается культура; переход в иное измерение; экран телевизора и монитора и пр.), а значит, все же образ в данном случае присутствует, хотя и не является приоритетом К. Малевича. «Образ обладает двуличностью, позволяющей стягивать разнородные явления в одно целое. Образ – это пересечение предметного и смыслового рядов...» [8, с. 252].

Образ часто завораживает, а иногда действует предельно раздражающе. Так, у нас под Минском завелся свой Хома Брут. Правда, в гоголевском «Вие» нечисть застыла внутри церкви, а здесь хозяин коттеджа облепил скульптурами чертей свой дом снаружи. Соседи не в состоянии переносить жуткие личины, даже подавали в суд, но, конечно же, у них ничего не вышло...

При этом образ воздействует как на сознание, так в значительной степени и на подсознание человека. Например, только единицы-интеллектуалы поняли скрытый смысл известного мультипликационного цикла о блудном попугае, созданного в 1980-х гг.: в нем изображены диссиденты того времени со всеми их глупыми притязаниями и непомерными амбициями. Однако комплексность образа с его несомненной авторской иронией оказывала скрытое воздействие на подсознание, можно надеяться, даже детей.

С теорией подсознания связаны эвристика, педагогика, психотерапия, гипнология, психология, теория рекламы и т. д. Собственно, на этом построена вся *манипуляция сознанием масс в СМИ*.

Подсознание за единицу времени усваивает гораздо больше информации, чем сознание, причем много такой, о какой сознание не имеет понятия, потому что информация сначала поступает в правое полушарие, а уж оно решает, что отправлять в левое. Инсайт и находится в правом. Ранее инсайт отвечал за телепатию. В настоящее время эта функция ослаблена, и создается впечатление, что всем управляет сознание. На самом деле у инсайта много способов навязывать сознанию свое решение. Большинство людей уверены в том, что сознание и есть орган мышления, и не допускают мысли о существовании еще одного органа, который гораздо древнее и имеет более широкий диапазон.

В подсознании сохранен весь ценный опыт предшествующих поколений, многие заложенные в детстве программы, моральные установки, комплексы, психические травмы, стремления и порывания.

Как кажется, главное в бессознательном – три памяти. Одна память генетическая, родовая, память предков, о которой и говорил в приведенной цитате З. Фрейд [1, с. 488] и которой всю жизнь занимался К. Г. Юнг. Вторая память – индивидуальная, она же рабочая. Третья – нерабочая, связанная с тем, что мы забываем все, что видим и слышим, но не осознаем этого. Множество наблюдений проходят мимо сознания и оседают где-то в глубинах мозга. Еще в студенческие годы педагоги нам приводили такой пример: в XIX в. некая неграмотная девушка заболела и бредила, говоря по-латыни, которую никогда не учила. Оказывается, она несколько лет назад служила у ученого, говорившего со своими коллегами по-латыни. Ее память зафиксировала их разговоры, хотя служанка не понимала ни слова. После болезни она не могла ничего вспомнить. Уже в наши дни студентам предложили как можно подробнее описать дорогу от общежития до университета. В нормальном состоянии они описали немного – только самое броское. Под гипнозом же вспомнили множество самых мелких

деталей, на которых даже, казалось бы, и взгляд не останавливался. Обычная память их не зафиксировала – она избегает таких перегрузок.

У человека бывают минуты озарения, когда он вспоминает как будто бы давно забытое. Действительно, инсайт – знания, существующие без понимания путей и условий их получения. Интуитивное знание не требует доказательств разума. Если мы видим красивый пейзаж, то нам не нужно логических доказательств его реальной красоты. И наоборот, некрасивое невольно отталкивает. В последнее время в передачах, снятых на зарубежных телеканалах, часто можно увидеть не симпатичных ведущих – коренастых, лохматых, неряшливых. Отмеченная тенденция постепенно утверждается на белорусском и российском телевидении. Цель как будто благая, обусловленная предельной западной толерантностью: дать возможность любому человеку, пусть даже и нехаризматичному, покривляться, а тем более позволить ему серьезно вещать перед камерами. Странно то, что не учитывается восприятие зрителей. Если, конечно, не преследуется цель *приучить* к уродству, как в случае дома с чертями...

До недавнего времени расчет все же строился на обаянии и, что очень важно, красивом голосе. Много лет ведущий телепрограммы «Непутевые заметки» («ОРТ») Дмитрий Крылов благодаря приятной внешности и напевному голосу «наркотизирует» зрителей преклонением перед богатыми и знаменитыми, перед западными ценностями, утверждает культ потребительства и обязательно русофобию. В каждой передаче точно, как бы мимоходом, утверждается мысль о бесталанности русских – мол, все заимствовали у западных соседей. Он ни разу не употребил слово «русский», а только «российский» – понятие, которое начали широко использовать с приходом к власти Б. Н. Ельцина и которое заменило указание на этничность коренного населения России.

Инсайт – очень сложный процесс мышления, пока не изученный, отсюда и слабо разработанный категориальный аппарат, но в практике *пропаганды* он используется широко.

К исследованию подсознания ученые подходят с разных сторон. Например, З. Фрейд и его ученики глубоко изучали мифологию как язык символов, архетипов и кодов; много писали об остроумии, сне, даже описках и оговорках. Ведь оговорка свидетельствует о работе подсознания даже во время говорения – в нем идут свои процессы.

Бессознательное отвечает и за сны. Зигмунд Фрейд считал, что сны – это неисполненные желания, чаще всего сексуальные, перешедшие в сновидение. Но для К. Г. Юнга сны – это каналы связи сознания с инсайтом. Они передаются символическим языком, трудным для понимания, но вряд ли

связанным с желаниями, скорее всего – дополняют сознательную дневную жизнь.

Из Библии известен замечательный в литературном отношении сюжет об Иосифе Прекрасном, который умел разгадывать сны, т. е. работал с бессознательной сферой своих клиентов и благодаря этому возвысился до первого министра у фараона. Сновидческая культура очень сильна у австралийских аборигенов – утро у них всегда начинается с пересказа снов. В Древнем Египте существовали храмы, где человек, мучимый проблемами, проводил ночь, после чего его сны толковали жрецы. В древней Спарте практиковали специальные чиновники – эферы, которые спали в храмах для принятия важных государственных решений.

Творчество во сне – очень частое явление. Мозг не спит – он продолжает переваривать впечатления, компоует, объединяет их. Работа идет, не работают только контролирующие функции мозга. Впрочем, иногда сохраняется своеобразная логика. Сон проделывает черновую работу по комбинированию впечатлений, и утром человека словно осеняет, как осенило русского ученого Дмитрия Менделеева, увидевшего во сне свою знаменитую таблицу. Немало примеров, когда образ, деталь, а часто и весь сюжет у писателей доспевали в процессе сна. У кровати Льва Толстого всегда лежала тетрадь для записи снов. Нередко он использовал их в своих произведениях.

Есть мнение, что сон – проявление поисковой активности. Мозг ищет выход из разных ситуаций, примиряет антагонизмы. При этом ему необходим материал для работы, т. е. сама действительность. Однако человечество благодаря интернету все более *погружает в визуальную культуру* – по существу, в *сон наяву*.

Часто сны в истории бывали *провидческими*. Олимпиада, мать Александра Македонского, за несколько дней до родов видела во сне младенца, вооруженного с головы до ног. Нехороший вещий сон приснился жене Цезаря, который, однако, не внял ее предостережениям и явился в сенат, где встретил смерть. То же произошло с освободителем негров от рабства – американским президентом Авраамом Линкольном. За десять дней до смерти он увидел себя во сне в гробу. Однако не послушал жену и друзей, пошел в театр, где и был убит актером Бутом. Освободителю Руси от оккупантов – нижегородскому купцу Кузьме Минину – в течение трех ночей являлся во сне преподобный Сергей Радонежский и призывал собирать ополчение для борьбы против поляков.

Провидческие сны, скорее всего, можно отнести к *сверхсознанию* – сфере, вообще малодостижимой для научного анализа. Обычно сверхсознание называют космическим сознанием, нирваной, схождением Святого Духа, достижением Царства Небесного, мостом в ноосферу. У субъекта возникает

особое состояние, описанное в притчах Христа, сутрах Будды, стихах Данте, Шекспира, Пушкина, – освобождения, просветленности, экстаза. Человек мгновенно схватывает разумом целостность мира, осознает вдруг его значение и цели, ощущает бессмертие души. Такого состояния достигали святые, великие религиозные пророки, художественные и научные гении.

Впрочем, нельзя считать, что сверхсознание доступно лишь единицам. Конечно, это состояние испытывают настоящие творцы в минуты вдохновения. Однако и трезвые, но глубокие люди обладают подобной способностью, когда включают для активной работы и свое подсознание, и сознание *одновременно*. Вот тогда они прозревают истину, видят-ощущают тенденции настоящего, которые разовьются в будущем. Таким был любимый лидер белорусского народа Петр Миронович Машеров, 100-летие со дня рождения которого отмечаем в 2018 г.

Сила слова, его суггестивное воздействие

Об организующем и гармонизирующем воздействии слова на земной мир известно из учения христианской церкви. В Евангелии от Иоанна сказано: «В начале было Слово...» В Святом Писании утверждается: «Словом Божиим Небеса укреплялись». И это не метафора. Все таинства святой церкви говорят о том, что Слово – Дело, и через Слово действует Святой Дух. Словом разрушали и возводили города и даже страны, вдохновляли людей на борьбу за справедливость, вели войска в бой, лечили, но и убивали также. Человеческая речь – энергия, заключенная в определенных моделях, которые несут колоссальную – положительную или отрицательную – информацию. Это программный блок частот, звукорезонансный ряд, психотропно воздействующий на человека. У Афанасия Фета находим: «Крылатый слова звук...»

Слово воздействует и на сознание людей, и на подсознание. Так называемая *суггестия* (*нейролингвистическое программирование*) – воздействие на *подсознание*, изменение жизненных установок человека с помощью слов, языка. Впрочем, модный термин «суггестия» вполне можно заменить синонимом «манипуляция».

В основе суггестии лежит действие определенных законов физики. Каждое живое существо, в том числе человек, представляет собой антенну, которая и принимает, и излучает высокочастотные вибрации, электромагнитные колебания. Слово, услышанное или увиденное нами в печатном тексте, слышат не только наши уши, видят не только глаза, но все существо человека *соответственно резонирует* и начинает ощущать на себе отпечаток услышанного или увиденного, поскольку протоплазма клетки представляет собой как бы «электрическую

Известный русский писатель Валерий Ганичев вспоминает: «В конце 70-х годов мы были на Всесоюзном собрании по вопросам идеологии. Многие не восприняли доклад Петра Машерова, где он предостерегал от проблем алчности, потребительских настроений, поклонения лживым ценностям, от неумения разглядеть простых людей, тружеников, подлинных героев. Многим это показалось отвлеченными рассуждениями. А Машеров видел опасность и предупреждал. К сожалению, его таинственный уход из жизни (автомобильная катастрофа) не позволил здоровым силам в обществе обратить на все это внимание» [9, с. 140]. Сакральные слова! Великий белорусский деятель предупреждал! Прекрасный хозяйственник, он не просто интересовался надоями молока и выпуском тракторов, а глубоко ощущал и анализировал ситуацию в обществе, предчувствовал назревание в нем нездоровых тенденций. Это и есть сверхсознание.

батарею» организма. Поэтому живые ткани мощно реагируют на электромагнитные колебания.

«Измерение ритмов мозга в момент истинного восприятия суггестивных текстов показывает большую синхронизацию биопотенциалов в разных отделах мозга, преобладание деятельности правого полушария и высокую частоту в диапазоне дельта-ритма» [10, с. 7].

Иногда для такой синхронизации бывает достаточно связать *контекстом* некие знаковые слова или имена. В транслируемой по «СТВ» 31 августа 2017 г. российской передаче «Странное дело» говорилось о сложном и страшном феномене толпы, воздействии на нее умелых ораторов. Они названы: в XX в. это Ленин, Сталин, Гитлер. Смысл данной информации в том, что *поставлены рядом* имена Сталина и Гитлера, как это постоянно делается в европейских, российских и белорусских СМИ. Но дело в том, что Сталин не был выдающимся оратором. Он читал доклады, произносил речи, тосты, но не перед толпой. Сталин хорошо писал и оставил после себя 20 томов самостоятельно созданных произведений (в то время как Б. Н. Ельцину даже тосты писали спичрайтеры), но говорил вождь обычно, как любой из нас, и даже достаточно монотонно. Иными словами, далеко не Цицерон. Лев Троцкий же по воспоминаниям буквально всех его современников действительно был исключительным, вдохновенным оратором, настоящим трибуном, умевшим зажигать толпу. Жаль, что в передаче не упомянут такой феномен в этой области...

Многие слова легко поглощаются подсознанием потому, что являются образами. Пусть даже этот образ явно не виден. Правда, в наше время серьезные

ученые-лингвисты и психологи любой текст считают суггестивным. «Суггестия есть скрытая энергия текста, его прана» [10, с. 6].

Язык имеет тысячи возможностей воздействия на подсознание, которое представляет собой основу всего. В этом смысле язык – одна из самых таинственных вещей в мире. Слово, вовремя и правильно сказанное, творит чудеса. Недаром почти в каждой сказке присутствуют элементы заговора, заклятия, волшебной фразы.

С другой стороны, слово с отрицательным смыслом или слово, выговоренное неправильно, не вовремя, создает вокруг себя вредные вибрации. В технической сфере и в поэзии такое явление называется *диссонансом*: мы разрушаем тонкие взаимосвязи как внутри себя, так и в окружающей среде. Все религиозные пророки и святые убеждали верующих в том, что мир реагирует на наши слова и действия. Особенно разрушительна неформальная лексика. Исследования академика-биолога Петра Горяева показали, что под воздействием нецензурной брани, т. е. высокочастотных вибраций, клеточная структура человека начинает активно и своеобразно реагировать – в крайних случаях даже рвется цепочка ДНК либо же отдельные гены меняются местами. Возникают мутации, всегда отрицательные. В результате изменяется характер человека – он становится злым, эгоистичным и раздражительным.

Писатель Юрий Архипов в полемическом задоре восклицает: «Вне слова любой из нас только овощ». Приводит свою иерархию слов: «Есть семь уровней бытования слова. Уровень самый низкий – черное слово. Чуть повыше – слово праздное, пустое. Третий уровень уже вполне положительный – теплое слово. В шаге от него – золотое слово. Пятый уровень – красное слово, слово поэтов и трибунов, слово, которым побеждали города (Н. Гумилев). Шестой – слово вещее, слово пророков и вероучителей, слово Отцов Церкви. Святое слово – выход за пределы видимого мира, в вечность» [11, с. 6]. И с грустью констатирует, что в современном обществе последовательно искореняется слово высокое, а тем более вещее и святое.

Феномен суггестии издавна относили к области магии, религии, медицины и психологии. Заговоры, молитвы, мантры, формулы медицинского гипноза и так называемого кодирования – «жанры» суггестии. С развитием массовых процессов, появлением электронных СМИ вектор интереса переместился к проблеме суггестии в политике и рекламе. Внушаемых людей в период избирательных кампаний не менее 35 %. Еще больше зрителей и слушателей поддаются рекламе. Однако *художественный текст* тем более необычайно суггестивен, он способен возбуждать *архетипические* структуры мозга. Именно в этом случае слово оказывает

самое мощное, мобилизирующее и воспитательное воздействие.

Талант писателя во многом заключается в чутке на такое слово, которое в наибольшей степени активизирует коллективное бессознательное, или архетипы. У художника больше, чем у обычных людей, размыта граница между собственным инсайтом и коллективным бессознательным. У творца наяву возникает в мозгу то, что обычные люди видят только во сне, поскольку сон всегда «говорит» образами. Правильно уловив звук, тон, слово, писатель как бы реализует общественные подсознательные ожидания и устремления. Разборы художественных текстов литературоведами и лингвистами стали *незаменимым подспорьем* для нынешних политтехнологов, манипуляторов общественным сознанием. В то же время филология не пользуется никаким уважением, а ее достижения просто замалчиваются в СМИ.

Филология как наука возникла еще в VIII в. до н. э. в Индии. Жрецы-комментаторы священных текстов Вед, вынесенных арийцами с прародины – из России, были справедливо уверены в существовании извечной связи между любимым предметом и его названием: в звучании слова, по их мнению, заключалась сущность вещи. В наше время эта связь затемнена, а когда вдруг проявляется, то мозг испытывает ни с чем не сравнимое интеллектуальное удовольствие. Так, болгарское слово «шума» означает «листва». И действительно, листва всегда шумит – или от малейшего ветра, или осенью, опавшая, под ногами.

Самое удивительное, что произнесенное слово или фраза – это такой же *сигнал сознанию*, как факт жизни или предмет, символами которых они являются. Возникает такая же рефлекторная реакция мозга.

Изобразительная сила художественной литературы начинается с моторных, акустических возможностей слова. Выбор писателем тех или иных слов уже творческий процесс, который охватывает самые глубокие слои памяти, сознания, даже всего организма. Язык действует как самостоятельная психическая сила. Например, в белорусском языке звук *а* – мягкий, нежный, будто бы женский, и потому слова, насыщенные им, создают атмосферу любви, умиления и красоты. У Якуба Коласа: *З маленства люблю я лясы* (*я* – это также йотовое *а*, его мягкость вызывает особую нежность к описываемому).

Автор настоящей статьи всегда выступала против раннего изучения детьми иностранных языков, поскольку ребенок должен сначала освоить родную речь, особенно слова со *старыми славянскими корнями*, а они чаще всего встречаются в классической поэзии. Насыщение нашего языка большим количеством варваризмов, т. е. иностранных слов,

как бы отсекает носителей языка от извечных корней. «Слова становятся чистыми знаками, они не провоцируют созерцание, исполнение интенции, не провоцируют трансгрессии смысла, метафор, мышления. Так же как символическая запись типа математической. Мышление становится чем-то вроде счета» [12, с. 630].

Известный российский исследователь О. А. Матвейчев, который цитировался выше, идет еще дальше, чем позволяла себе автор этих слов. Он пишет: «Знать чужой язык, чтобы объясняться – можно. Знать язык в смысле его грамматических правил, словарей и проч. тоже можно, чтобы, например, к своему удовольствию, медленно почитать кого-то в оригинале. Но нельзя знать его настолько, чтобы думать. Это опасно. Это раздвоенный змеиный язык. Уже Ницше отмечал, что это портит стиль. Самые великие стилисты не знали чужих языков. Надо сосредоточиться на своем, надо из своего выжимать!» [12, с. 632].

Предметом научного интереса автора настоящей статьи является суггестивная лингвистика, методологической основой которой мы считаем принцип вербальной мифологизации, т. е. поиск мифологических корней слов, указывающих на архетипы. *Архетипы* – это и есть наиболее универсальные мифологические структуры. Мифология является как бы проекцией коллективного бессознательного на тексты. Миф всегда воплощался в слове, что позволяло каждому поколению мифы «надстраивать» – создавать целостные произведения, включенные в историю и культуру общества.

Создатель теории архетипов К. Г. Юнг понимал, что, хотя человеческий опыт обусловлен множеством конкретных биографических, культурно-этнических и исторических факторов, он поглощается на более глубоком уровне *универсальными моделями*, которые придают разным элементам жизненного опыта черты типичности, а коллективной человеческой психологии – мобильную преемственность. Архетипы существуют как основные и априорные символические формы, выступая в жизни каждого человека и в каждую культурную эпоху в соответствующем облике – всегда ярком, конкретном и неповторимом. Таким образом, архетипы – конструкты бессознательного, представляющие собой символические *прообразы*, – это фиксаторы культурного опыта человечества. Нет сомнения, что они передаются генетически. Сам К. Г. Юнг сравнивал архетип с осевой системой кристалла [13, с. 123]. При этом «нарастают» на кристалле *культурные паттерны*. Например, архетип матери включает в себя следующие понятия: *Дева-Мать (Богородица)*, собственно *мать*, которая есть у любого живого существа, *бабушка, кормилица, няня, мачеха, гувернантка, наставница*, а также *alma mater, печь, пещера, озеро, вообще любой рожа-*

ющий, воспитывающий, производящий и укрывающий объект.

Культурными паттернами, уточняющими архетипы в каждом конкретном тексте, занимался ученый К. Г. Юнга – американский исследователь Джозеф Хендерсон [14].

Глубинная психология (теория архетипов), находящаяся где-то между естественными и гуманитарными науками, сыграла и продолжает играть важную роль не только в психологии и медицине, но и в филологических исследованиях, в частности в теории литературы. Концепция К. Г. Юнга раскрывает те универсальные категории, которые, вероятно, управляют всей умственной деятельностью человека. Другой выдающийся исследователь, создатель структурализма француз Клод Леви-Стросс доказал, что мышление современного человека в плане *мифологизации* реальности ничем не отличается от мышления человека архаического. Так что работы мифологов и психоаналитиков, как и филологов, оказали неоценимую услугу манипуляторам общественного сознания уже в наше время.

Например, благодаря изучению особенностей конкретного языка, его звуков и морфем можно выйти на понимание менталитета и психологии того или иного этноса.

Фонетические особенности и ритмика каждого языка индивидуальны и соответствуют смысловым и эмоциональным моделям мира субъектов данной языковой традиции. Так, для русского и белорусского языков характерно полногласие, закон зеркального отражения (*ла-ал*), преимущественная открытость слогов и др. Все это в той или иной степени используется ведущими телепрограммами и создателями рекламы: здесь стараются избегать резких и труднопроизносимых слов, насыщенных согласными. Интуитивно следуют данному принципу и многие предприниматели, называя свои фирмы и прочие структуры. В качестве примера приведем названия новых минских ресторанов: «Графскі маёнтак», «Мирский Посад», «Русские сезоны», «Дом», «Вилла Рада», «Старые традиции», «Ля Менска», «Веранда», «ВиноГрадъ» и др. Здесь взяты морфемы и слова, оказывающие определенное воздействие на подсознание, а потому названия этих заведений способны привлечь посетителей.

Наше сознание работает достаточно медленно. Подсознание же на словесные вибрации реагирует мгновенно, причем реагирует прежде всего на *ключевые образы, слова и корни слов, определенные морфемы*. Некоторые морфемы употребляются особенно широко, так как они имели в глубокой древности *сакральный смысл* – являлись именами богов, духов, тотемных предков или обозначали важные мифологические понятия. Все эти морфем-

мы можно назвать *архетипическими*, или базовыми *мировоззренческими концептами*.

Морфемы, обозначающие архетипические понятия, правомерно соотносить с корнями слов, а корень, по подсчетам современных ученых, в четыре раза более смыслозначим для восприятия, чем иные морфемы и фонетические знаки слова (кроме ударного слога, который имеет вдвое большее значение). Многие сакральные морфемы и представляют собой корни слов. Вот почему так вредно широкое распространение заимствованных слов в образовании, языке СМИ и ежедневной практике населения. Слова чужого языка не имеют закрепления в генетическом аппарате белорусов, не несут никакой важной, в том числе для здоровья людей, информации. Они загрязняют определенные структуры нашего мозга.

Поиск семантики морфем – это, можно надеяться, некоторое приближение к пониманию специфики мышления предков.

Около 30 лет назад автор этих строк писала о морфеме *ра-ар* – одной из самых распространенных. Идею подхватили многие исследователи.

Значение слогов *ра-ар* заключается, видимо, в том, что звук *а* – наиболее открытый, легче всего произносится, а звук *р*, с одной стороны, сонорный (близкий к гласному), а с другой – его произношение выделяет большую энергию (он рокочет) и, следовательно, вибрационно сильно воздействует на мозг и даже на окружающую природу. Ра – название Солнца не только у древних египтян, как обычно думают, но и у многих народов Земли: полинезийцев, индусов, монголов, арийцев, что, безусловно, указывает на его глубокую древность. Большое количество античных, в целом индоевропейских богов и мифологических персонажей имеют в своем составе морфему *ра*: *Гера, Деметра, Кора, Федра, Геракл, Венера, Брахма, Индра, Рама, Митра, Заратуштра, Ахурамазда*. Эту морфему включают в себя тысячи топонимов (типа *Арабат, Урал, Иран, Сокотра*), понятий флоры и фауны, терминов, имеющих отношение к культуре. Вот почему в рекламе очень часто используются слова с данной морфемой: *красивый, прекрасный, райское наслаждение, безграничные возможности*. Указанная морфема, прежде имевшая несомненный сакральный смысл, активизирует самые глубинные структуры мозга, его генетическую память.

Морфемы *ка* и *ба* указывают на душу человека, вернее, на части души, которая египтянами представлялась словно бы матрешкой. Но то, что словом *ба* называлась душа и у славян, доказал еще академик Александр Веселовский, анализируя слово *бабочка*. По нашим наблюдениям, во многих словах сакральные морфемы *ра, ка, ба* соединяются. Например, белорусское слово *ра́ка* – гроб-хранилище для нетленных мощей святого человека. Буквально

слово означает, если исходить из смысла сакральных морфем, «солнечная душа», а поскольку Солнце – все самое доброе, прекрасное и священное, то «святая душа». Оно полностью соответствует сущности понятия. Слово того же у белорусов написания, но с иной семантикой – *рака́* – в мифологических системах почти всех народов означало водную дорогу, разделявшую царство живых и царство мертвых. У автора этих строк возникла мысль, что словом *ка* называли не только душу, но и Солнце в царстве мертвых, «черное Солнце» – то, что согласно мифологическим представлениям продвигается ночью под землей с запада на восток. А все слова с морфемой *ка* содержат в себе затаенную и своеобразную энергию, некие загадочные возможности. Неслучайно морфема входит и в названия многих животных (белка, кошка, мышка, ласка). Еще более таинственна морфема *ба*. Русское слово *судьба* – «суд души ба». Но что предки имели в виду?

Морфемы *ле-ля-лѐ-лю – юл-ал-ол-ѐл* отмечены божественным присутствием или сакральным местонахождением, связаны с волшебными предметами и чувствами: *Аллах*; языческая богиня *Лада*, ее дочь *Лея*; мать Аполлона и Артемиды богиня *Лето*; богиня красоты у индусов *Лакшми*; священный центр мира *Алатырь, алтарь* в церкви, священный *Грааль; любовь*.

Посмотрим, как использует эти морфемы классик белорусской литературы Максим Танк в знаменитом стихотворении «Мой хлеб надзѐнны». *Часамі салёны ад слѐзаў быў* – здесь повторяется морфема *лѐ*. А кроме того, *са* – морфема, которая в нашем подсознании зафиксирована как соединение, союз. Следующая строка: *Часамі гарачы ад пораху быў* – здесь дважды повторена морфема *ра*, всегда вызывающая мощную реакцию подсознания в ответ.

В целом процесс усвоения словесных образов представляется сложным. «Языковые» структуры мозга, сосредоточенные в левом полушарии, интерпретируют буквальное значение слов, правое полушарие и лобные доли обрабатывают эмоциональный подтекст, а также архетипические структуры, предлобная кора объединяет то и другое.

В наше время пространство художественной литературы стремительно сужается, хотя в интернете представлены десятки тысяч авторов. Однако открытия, сделанные писателями, позволяют политехнологам создавать чрезвычайно эффективные методики манипуляции народом. Социологи Сергей Кара-Мурза и Сергей Смирнов обнаружили десятки различных приемов, применяемых в СМИ.

Академик Российской академии наук В. С. Стѐпин отмечает: «Новые технологии обработки сознания масс людей открыли широкие возможности информационного насилия, манипуляций с общественным сознанием со стороны аноним-

ных социальных групп властной элиты, связанных с интересами финансовой олигархии и ее ролью в организации современного мирового рынка» [15, с. 11].

К этим новым технологиям можно отнести, например, передачу «На самом деле» на российском телеканале «ОРТ». При этом идея использовать детектор лжи представляется оскорбительной, унижающей достоинство человека. Так, 2 октября 2017 г. заявлена тема «Кто убил Сталина – Берия или Хрущёв?». В качестве испытуемых пригласили очень солидных людей, авторитетных специалистов, которых никто никогда не заподозрил во лжи. А здесь «эксперты» якобы на основании приборов бросают в лицо признанным ученым: «Ложь!» При этом высказаться полноценно, привести свои аргументы не дают. Видно, что передача сильно порезана, в ней оставлено практически только то, что говорят сами «эксперты». Они-то и решили, что Сталин умер своей смертью. Естественно, невозможно ведь замахнуться на «святая святых» – доклад Н. С. Хрущёва на XX съезде КПСС, хотя сам доклад признали насквозь лживым зарубежные специалисты (Дж. Гетти, Р. Торстон, Г. Ферр, С. Уиткрофт, Р. Дэвис).

Дискредитация социализма и СССР также приняла новые, более изощренные формы. Например, в полужелтой, но очень популярной, богато иллюстрированной газете «Тайны XX века», издаваемой в Санкт-Петербурге, следующим образом рассказывается о Минске: «Кроме знаменитостей, на минских улицах можно встретить и городских чудаков – персонажей, придающих городу неповторимый колорит. Например, в дни советских праздников по городу твердым шагом шествует старушка с алым стягом наперевес. Она как будто до сих пор находится в славном прошлом своей страны и всякому, заговорившему с ней, охотно о нем рассказывает. Люди теряют дар речи, увидев этот “призрак коммунизма”» [16, с. 32–33]. Однако автор настоящей статьи, живущая в Минске с рождения, подобной старушки не встречала. Ясно, что образ обобщен и карикатурно утрирован: так представляются митинги коммунистов. В той же статье говорится о том, что Минск стал столицей Беларуси с 1991 г. Фразы построены таким образом, что у читателей создается впечатление, будто Беларуси как государственного образования до развала СССР не существовало.

С употреблением слов необходимо обходиться осторожнее. Доктор исторических наук, профессор МГУ Александр Барсенков призывает не использовать словосочетание «развал СССР», поскольку здесь есть элемент фатализма, тогда как объективных причин для распада Советского Союза не было. Следует говорить «ропуск СССР» (телепрограмма «Вечер с Владимиром Соловьевым» от 26 декабря

2017 г.). Однако в таком случае обязательно в сознании даже молодых людей будут всплывать имена *ответственных* за этот ропуск и их зарубежных покровителей.

В СМИ, как электронных, так и печатных, правда умело перемешана с ложью, полуправдой. Например, в передаче «Секретные материалы» на телеканале «Мир», вышедшей 21 декабря 2017 г., утверждалось, что абсолютно все продукты пришли к нам из Рима через Византию. Что-то из продуктов – конечно, но далеко не все. Передача призвана дискредитировать славян, а также, как всегда, СССР. Сказано: «Лучшие советские годы – 1970-е, хотя женщины должны были выстаивать многочасовые очереди». Поражаешься апломбу молодых ведущих, которые сами в указанные годы не жили, но заявляют те или иные постулаты безапелляционно и никогда не ищут ничему объяснения. Очереди существовали потому, что многие продукты продавались гораздо ниже их себестоимости. Однако как раз в 1970-х гг. в каждом городском квартале открылись магазинчики кулинарии, где всегда имелись мясные полуфабрикаты, но по цене, которая была несколько выше, чем в гастрономах. Кроме того, в 1950–1960-х гг. дефицита продуктов не существовало: магазины Минска, а тем более Москвы и Ленинграда были завалены ими: от консервов с крабами отворачивались – надоели, икра стояла в бочках, полки заставлены многочисленными видами чрезвычайно вкусных овощных и фруктовых консервов из стран народной демократии – Болгарии и Венгрии.

Конечно, в СССР такого, как в настоящее время, поразительного продуктового изобилия, таких изысков в повседневном, да даже и праздничном употреблении пищи не было. Однако и постоянные плоские шутки в нынешних СМИ относительно неизменного на столах «совков» салата «оливье» – неправда. Например, в среде белорусской элиты – писателей, художников, артистов – стол в советское время был по-настоящему богат. Он и помнится хорошо именно благодаря своему разнообразию. Когда начинаешь вспоминать, набирается не менее ста рецептов. Но в данном случае ценны не только личные воспоминания (ценны потому, что рецепты в основном народные, вынесенные из крестьянской среды). Возьмем для примера книгу «Молочная пища» издания 1967 г. Самый разгар советизма. Кроме описания разных молочных продуктов и их производства, в книге приведены 712 рецептов. То есть хорошая хозяйка могла бы каждый день в течение всего года готовить по два новых блюда только из одного молока.

Что же касается разнообразия продуктов в целом, то это вещь *относительная*. Она относительная касательно разного по достатку контингента потребителей и даже по якобы богатству ассортимен-

та в современных гипермаркетах. Пищевые транснациональные корпорации кормят народы, в том числе белорусов, едой достаточно однообразной по сортности, наличию в ней химии и ГМО. А ведь в мире одних только сортов яблок более 10 тысяч! В СССР в начале 1950-х гг. было распространено свыше 500 сортов. Вернее, их стали распространять, но потом начались кукурузно-целинные эксперименты, и о мичуринской школе селекции накрепко позабыли. Существовала замороженная Н. С. Хрущевым государственная программа, по которой для каждой области СССР, для каждой республики разводили наиболее приемлемые с учетом той или иной местности сорта фруктов и овощей.

Что касается экзотических продуктов, их история в советское время не менее *экзотична*. То вдруг магазины и ларьки на недолгий период оказываются завалены бананами – это какой-то невиданный остров, затерянный в Атлантическом океане, по примеру Кубы решил строить социализм и, получая от СССР отличную технику и лучшее в мире оружие, расплачивался бананами, поскольку ничего другого не имел, а идея социализма там, естественно, быстро зачихала. То вдруг появляются консервированные ананасы и сок манго в жестяных банках – это из Индии, которая поставляла довольно большой набор товаров в начале 1970-х гг. Апельсины в 1950–1960-х гг. – повседневность, рядовой продукт. Затем, в годы все увеличивающегося дефицита, – почти постоянно в продаже в основном только у нас, белорусов, «машеровцев», чему поражались и завидовали приезжие из России. Новый год невозможно себе представить без райских яблочек (такой сорт) и мандаринов. Также в указанные годы напрямую шли поставки из Крыма и Грузии, а затем, во времена позднего Л. И. Брежнева, покупались уже, как правило, у частников, на рынке. Старшее поколение прекрасно помнит жгучих брюнетов с Кавказа на наших белорусских, да и украинских, русских рынках. И купить у кавказцев можно было все.

Этот разговор к тому, что *ничем особым советских людей удивить было нельзя*. Но, конечно, экзотика появлялась спорадически, а хотелось большего. Вот сейчас наконец все все получили. Счастливы безмерно... Помнится, Б. Н. Ельцин ставил себе в заслугу как президент Российской Федерации то, что

на улицах российских городов начали продавать экзотический фрукт – киви. Облагодетельствовал... А ведь многие искренне радовались вместе с ним. Правда, по сравнению с 1980-ми гг. действительно ощутимый прогресс. Но и с 1980-ми гг. не все так просто. В представлении нынешней молодежи тогда были сплошь пустые магазинные полки, а на самом деле дефицитные продукты рассредоточивались по закрытым буфетам и столам заказов, которые имелись практически в каждой организации, а тем более на крупных предприятиях. И все же на всех не хватало. Зато сейчас не хватает *денег* на приобретение лягушачьих лапок, икры и манго. Человеку постоянно чего-то недостает. И это хорошо – есть стимул мечтать, двигаться вперед...

Впрочем, существует и другая точка зрения на проблему. Читатель «Литературной газеты» Андрей Лазаренков из Волгограда в 2014 г. писал: «Советский Союз был царством дефицита, а нынешняя Россия – царство суррогата. Что в те времена хороших товаров на всех не хватало, что сейчас. Только в Советском Союзе их нехватку не догадывались восполнять подделками и фальшивками, а сегодня – догадались. Вот и вся разница».

Разговоров о еде в СМИ предостаточно. В них много неправды. Расчет на то, что старшее поколение, как правило, не владеет интернетом и не выступает в СМИ. И все же кто-то должен правду говорить, поскольку противопоставление якобы пустых полок при социализме и нынешнего изобилия – едва ли не *единственный аргумент* у продажных журналистов для одурачивания наивной и невежественной молодежи.

Манипуляция сознанием, создающая устойчивые паттерны, «лишает индивида свободы в большей степени, нежели прямое принуждение. Жертва манипуляции утрачивает возможность рационального выбора, ибо ее желания программируются извне. Объект манипуляции лишается статуса человека, он становится *вещью*. Это ликвидация главных гражданских прав... Для России переход к манипуляции сознанием как главному средству власти означает разрушение нашего культурного ядра и пресечение цивилизационного пути» [17, с. 6]. Слова известного социолога относятся ко всем постсоветским республикам.

Библиографические ссылки

1. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. Страх. Тотем и табу : сборник / пер. с нем. Я. М. Кога-на, М. В. Вульфа. Минск : Попурри, 1998.
2. Антонов М. Феодализм «продвинутых». Вся власть олигархам интеллектуальной собственности? // Лит. газ. 2014. 5 февр. (№ 5). С. 9.
3. Цит. по: Егорычев В. Порочная идеология // Коммунист Беларуси. 2017. 16–22 дек. (№ 52). С. 6–7.
4. Дугин А. Чёрный май, или Танки – на Запад! [Электронный ресурс] // Завтра. 2014. 15 мая (№ 20). URL: <http://zavtra.ru/blogs/chuornyj-maj-ili-tanki-na-zapad> (дата обращения: 15.10.2017).
5. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М. : Интелвак, 2003.

6. Куныев С. Ю. Умом Россию не понять: от маркиза де Кюстина до Иосифа Бродского. М. : Вече, 2017.
7. Нагорный А., Черняховский С., Коровин В. и др. Революция – русская мечта: круглый стол к 100-летию Великого Октября [Электронный ресурс] // *Завтра*. 2017. 29 июня (№ 26). URL: http://zavtra.ru/blogs/revolyutciya_-_russkaya_mechta (дата обращения: 15.10.2017).
8. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М. : Совет. энцикл., 1987.
9. Ганичев В. Гоголь бессмертен // *Наш современник*. 2014. № 5. С. 121–141.
10. Черепанова И. Ю. Заговор народа. Как создать сильный политический текст. М. : КСП+, 2002.
11. Архипов Ю. Живое и мёртвое // *Лит. газ*. 2010. 15 дек. (№ 51). С. 6.
12. Матвейчев О. Уши машут ослом. Сумма политтехнологий. М. : Эксмо, 2012.
13. Юнг К. Г. Аналитическая психология. СПб. : Ин-т личности, 1994.
14. Хендерсон Дж. Психологический анализ культурных установок. М. : Добросвет, 1997.
15. Стёпин В. С. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития // *Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология*. 2017. № 3. С. 6–11.
16. Новгородцева А. Минск: тысячелетие на страницах истории // *Тайны XX в.* 2017. № 42. С. 32–33.
17. Кара-Мурза С., Смירнов С. Манипуляция сознанием – 2. М. : Эксмо : Алгоритм, 2009.

References

1. Freud Z. Ostroumie i ego otnoshenie k bessoznatel'nomu. Strakh. Totem i tabu [Wit and its relation to the unconscious; Fear; Totem and Taboo] : collection. Minsk : Popurri, 1998 (in Russ.).
2. Antonov M. [Feudalism of the «advanced». All power to the oligarchs of intellectual property?]. *Lit. gaz*. 2014. 5 Febr. (No. 5). P. 9 (in Russ.).
3. Egorychev V. [The vicious ideology]. *Kommunist Belarusi*. 2017. 16–22 Dec. (No. 52). P. 6–7 (in Russ.).
4. Dugin A. [Black May, or tanks – to the West!]. *Zavtra*. 2014. 15 May (No. 20). URL: <http://zavtra.ru/blogs/chyorniyij-maj-ili-tanki-na-zapad> (date of access: 15.10.2017) (in Russ.).
5. Nikol'yukin A. N. (ed.) *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii* [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Moscow : Intelvak, 2003 (in Russ.).
6. Kunyaev S. Y. Umom Rossiyu ne ponyat' : ot markiza de Kyustina do Iosifa Brodskogo [Mind does not understand Russia. From the Marquis de Custine to Joseph Brodsky]. Moscow : Veche, 2017 (in Russ.).
7. Nagornyi A., Chernyakhovskii S., Korovin V., et al. [Revolution – a Russian dream : round table for the 100th anniversary of the Great October Revolution]. *Zavtra*. 2017. 29 June (No. 26). URL: http://zavtra.ru/blogs/revolyutciya_-_russkaya_mechta (date of access: 15.10.2017) (in Russ.).
8. Kozhevnikov V. M., Nikolaev P. A. (eds). *Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar'* [Literary encyclopedic dictionary]. Moscow : Sov. entsikl., 1987 (in Russ.).
9. Ganichev V. [Gogol is immortal]. *Nash sovrem*. 2014. No. 5. P. 121–141 (in Russ.).
10. Cherepanova I. Y. Zagovor naroda. Kak sozdat' sil'nyi politicheskii tekst [Conspiracy of the people. How to create a strong political text]. Moscow : KSP +, 2002 (in Russ.).
11. Arkhipov Y. [Alive and dead]. *Lit. gaz*. 2010. 15 Dec. (No. 51). P. 6 (in Russ.).
12. Matveichev O. Ushi mashut oslom. Summa polittekhologii [Ears waving an ass. The sum of political technology]. Moscow : Eksmo, 2012 (in Russ.).
13. Jung C. G. [Analytical psychology]. Saint Petersburg : Inst. of Pers., 1994 (in Russ.).
14. Henderson J. Analiticheskaya psikhologiya [Psychological analysis of cultural settings]. Moscow : Dobrosvet, 1997 (in Russ.).
15. Stepin V. S. Civilization in the epoch of changes: search for new development strategies. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 3. P. 6–11 (in Russ.).
16. Novgorodtseva A. [Minsk: Millennium on the pages of history]. *Tainy XX veka*. 2017. No. 42. P. 32–33 (in Russ.).
17. Kara-Murza S. G., Smirnov S. Manipulyatsiya soznaniem – 2 [Manipulation of consciousness – 2]. Moscow : Eksmo : Algoritm, 2009 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 11.12.2017.
Received by editorial board 11.12.2017.

УДК 101(091)

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ: ПАРАДОКСЫ РАЗВИТИЯ

Е. К. НОВИК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники,
ул. П. Бровки, 6, 220013, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются проблемы развития системы образования в Республике Беларусь. Анализируются упущения и просчеты реформирования социального гуманитарного блока дисциплин, связанные с вступлением в болонский процесс, переходом к централизованному тестированию, модульной системе обучения. Внесены предложения по совершенствованию действующей системы высшего образования.

Ключевые слова: образование; социально-гуманитарное знание; модульная система обучения; болонский процесс; централизованное тестирование.

SOCIO-HUMANITARIAN KNOWLEDGE AND EDUCATION: DEVELOPMENT PARADOXES

E. K. NOVIK^a

^aBelarusian State University of Informatics and Radioelectronics, 6 P. Broŭki Street, Minsk 220013, Belarus

The problems of the development of the education system in the Republic of Belarus are considered, omissions and miscalculations of the reform of the social humanitarian block of disciplines, connected with entering the Bologna process, the transition to centralized testing, the modular system of education are analyzed. The author makes proposals on improving the current system of higher education.

Key words: education; socio-humanitarian knowledge; modular training system; Bologna process; centralized testing.

На Востоке говорят: «Хочешь победить врага – воспитай его детей». Сформированное на идеалах победителя, новое поколение послушных людей будет способно воспринимать и признавать новые ценности, действовать по повелению хозяина, слушаться и беспрекословно повиноваться ему. Останется только подождать до тех пор, пока уйдет из жизни предыдущее поколение людей, воспитанных педагогами прежней генерации. Вот почему системе образования и воспитания во все времена уделялось исключительное внимание.

Образование – это не только и не столько учебные заведения, пусть даже самые прекрасные. Это

не только и не столько получение аттестата зрелости или университетского диплома, которые, безусловно, говорят о многом, если заработаны честно. Образование – это умение самостоятельно мыслить, критически оценивать происходящее. Оно представляет собой систему организации общества, при которой полученные за школьной партой или в университетской аудитории знания, умения и навыки автоматически развиваются, углубляются и закрепляются в последующей жизни. Это совокупность, сплав глубоких и прочных знаний, практического опыта и духовно-нравственных ценностей, когда государство, школа и общество до-

Образец цитирования:

Новик Е. К. Социально-гуманитарное знание и образование: парадоксы развития // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 1. С. 105–112.

For citation:

Novik E. K. Socio-humanitarian knowledge and education: development paradoxes. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 1. P. 105–112 (in Russ.).

Автор:

Евгений Константинович Новик – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры гуманитарных дисциплин.

Author:

Evgeny K. Novik, doctor of science (history), full professor; professor at the department of humanitarian disciplines. kafgumd@bsuir.by

полняют друг друга, совместно осуществляя образовательно-воспитательный процесс.

Принято считать, что советская система народного, а не элитарного образования была одной из лучших в мире. И это правда. На образовании и науке снизу доверху была построена вся советская общественная система. Советский специалист отличался от зарубежных коллег не только высоким уровнем фундаментальных научных знаний, но и своими человеческими качествами, моралью, в чем исключительная роль принадлежала социально-гуманитарному знанию и образованию. Добрые и гуманные, пусть и немного наивные советские кинофильмы, радио и телевидение, газеты, журналы, художественная литература, все без исключения средства культуры продолжали начатую в учебных заведениях тему. Принципы мира, добра и справедливости выпускники советской школы несли с собой в семью, на производство, в компанию друзей. И в годы мирные, и в дни военные Советское государство учило, объясняло, внушало, вколачивало в неокрепшие молодые головы истины, без которых немислимо полноценное существование в обществе. И если СССР в свои лучшие времена достиг огромных успехов, то, даже по признанию наших недругов той поры, это произошло именно благодаря советской образовательной и воспитательной системе.

Таким образом, советский исторический опыт свидетельствует о том, что государство, общество и образование находились в единстве, взаимной зависимости и обусловленности. Поэтому политика некоторой части нынешних государственных деятелей, направленная на «отлучение» образования от государства и передачу этой сферы бизнесу, похожа на авантюру.

Учащаяся и студенческая молодежь вместе с педагогами и под их влиянием во время учебы должна не зарабатывать деньги, а получать глубокие и прочные знания, обретать практический опыт, духовность и нравственность, что в перспективе обеспечит могущество и процветание Родины, а каждому ее гражданину – достойную, прекрасную жизнь. Этих высоких целей можно добиться только совместными усилиями государства, общества и образования, и никто не имеет права их разлучать. Образование и деньги – противоположности, которые нельзя совместить в одной системе.

Современный мир, в котором мы живем, учимся и работаем, является сложным и противоречивым, в высшей степени несправедливым и опасным. Самые богатые и влиятельные люди, которых сегодня называют глобализаторами, стремятся преобразовать этот мир, создать вместо него информационно-космическую цивилизацию, в которой не будет деления людей по классовому, расовому, религиозному и национальному признакам, не бу-

дет государств и их границ, национальных органов государственной власти и управления, а общество станет унифицированным, однородным, будет иметь общие интересы и цели, единого лидера – «мирового монарха» – и единое правительство – «мировое правительство». Глобализаторы – это современные мечтатели и борцы за мировое господство. Они, к сожалению, не спрашивают у народов мира о том, хотят ли те жить в глобальном обществе во главе с богачами.

В рамках общей программы глобализации сегодня действует международный проект «Глобальное образование», представленный ЮНЕСКО как модель для всего мира. *Главные идеи проекта* следующие: 1) превращение образования в высоко-рентабельную сферу бизнеса, утверждение вместо знаний компетенций и навыков, востребованных рынком; 2) развитие непрерывного образования, за которое платит работодатель, а работник эти деньги возвращает или отрабатывает всю жизнь, что означает вечную кабалу; 3) отмена бюджетного системного высшего и среднего образования и его перевод на платную основу, что всегда можно объяснить экономическим кризисом; 4) слом, ликвидация национальных традиционных моделей образовательных систем и переход на глобальные образовательные платформы (конечная цель проекта), уход государства из сферы образования, за исключением административных функций, и приход в него «инновационного бизнеса», который будет готовить кадры по своим программам и своему усмотрению (ближайшая цель проекта). Инновация – это всего лишь обновление. Не цель, а инструмент, механизм для ее достижения. Сама же цель не прописана. Дешевое общество и образование называют инновационным. Здесь очевидна подмена понятий для обмана народа.

Первые ростки слома и ликвидации национальных систем образования появились еще в 1990-х гг., когда были разработаны и утверждены стандарты образования (а разве учебные планы и учебные программы не были стандартами образования?), в соответствии с которыми без обоснования и обсуждения понятия «образование» и «воспитание» заменялись понятием «компетенция». Тогда же в Российской Федерации было разрушено общее образовательное пространство и каждая школа или институт получили возможность учить по любому из множества учебников «чему-нибудь и как-нибудь». В Беларуси такая «вольница» отсутствовала: учили по учебникам, утвержденным Министерством образования Республики Беларусь, множественность учебников по одному и тому же предмету не практиковалась.

Однако бесконечные и чаще всего ненужные и бессмысленные реформы проводились и в России, и в Беларуси. Среди них – коммерциализация государственных учреждений образования (УО),

которая в действительности несет смерть для образования; вхождение университетов России и Беларуси по неким «мировым критериям» в число лучших учреждений высшего образования (УВО) мира, в которых должен быть определенный процент иностранных специалистов, преподавателей и студентов, треть программ составляется на иностранном языке, а аспиранты обязываются публиковать свои работы на английском языке в международных журналах. Постепенно и тихо разрушались национальные системы образования методом навязывания так называемого болонского процесса, единого государственного экзамена и централизованного тестирования, изменения системы оценки знаний и т. п. Единственное, что не решились объявить, – это ликвидацию бесплатного образования, поскольку боялись колоссального сопротивления не только со стороны педагогов, но и со стороны большинства родителей. Теперь ликвидаторы и взломщики вышли из тени: мол, это «мировая тенденция» и ее надо продвигать смело и нагло.

И самое главное в реорганизации по системе глобального образования – то, какого человека, какую личность намерены подготовить глобализаторы. Если раньше государство определяло цель образования как формирование всесторонне развитой личности и хороших (отличных) специалистов, то сегодня бизнесмены-глобализаторы намерены готовить тех, кто обладает только определенными компетенциями и навыками, которые нужны работодателю. И все... Ни о каком моральном, патристическом, всестороннем развитии личности и речи не идет, ведь бизнес за это платить не будет. Таким путем создается «специалист одной кнопки», способный в определенный момент из нескольких кнопок нажать одну – нужную.

Зачем правящей элите, мечтателям о мировом господстве, нужны тупые, малообразованные исполнители, работники, люди-роботы? Дело в том, что личность может думать, рассуждать, анализировать, делать выводы и обобщения, принимать самостоятельные решения, проводить исследования. Именно такие творческие личности и готовились в советских школах, институтах и университетах, где давали не «компетенции», а знания.

Теперь творцы не нужны. Есть потребность в исполнителях-роботах. Образованной, всесторонне развитой личностью сложно управлять, внушать ей ложные цели. Биообъектами, напичканными вместо знаний некими «компетенциями», управлять легко, равно как и контролировать их. Качественное образование – угроза для глобальной системы и ее адептов, следовательно, его следует демонтировать, причем в глобальном масштабе. Более того, мир переходит к шестому технологическому укладу, который, в отличие от предыдущих, меняет не столько окружающую человека действительность,

сколько самого человека, его сознание, ощущения, восприятие, развитие. Все нано-, био-, инфо-, когно-, социогуманитарные технологии (конвергентные технологии) направлены именно на изменение самого человека как личности.

Однако никакие технологии не изменят и не заменят человека-личность, человека-творца. Все попытки современных глобализаторов подчинить себе 7,3 млрд жителей планеты беспочвенны и бессмысленны. Они обречены на провал, как это уже неоднократно случалось в истории цивилизации с мечтателями о мировом господстве. Следует отказаться от этого мракобесия. Всем жителям планеты солнце светит одинаково ярко. Живите и радуйтесь жизни!

У народа есть мудрая поговорка: «Новое – это хорошо забытое старое». Попробуем сопоставить «старое» 1920-х – начала 1930-х гг. с тем «новым», что силовым путем распространяется реформаторами в современной системе образования. В те далекие 1920–30-е гг. насаждалась так называемая *комплексная система обучения*, согласно которой предметный принцип распределения учебного материала исключался и вместо него вся содержательная часть процесса обучения распределялась по трем направлениям: природа, труд, общество. Но никто, в том числе и большевики-реформаторы, не знал, как разложить, например, закон Ома или историю Первой мировой войны по трем колонкам, да и надо ли это делать, ибо любое явление – физическое, биологическое, природное, социальное, общественное и т. д. – необходимо рассматривать в диалектическом единстве и совокупности всех его сторон, как это делается в предметной системе преподавания. Пустая, никому ненужная выдумка была изобретена для уничтожения действовавшей тогда системы образования.

Сегодняшние «реформаторы от образования» делают то же самое, что и их предшественники в 1920–30-х гг., только вместо комплексной системы обучения используют придуманную на Западе и выдаваемую за новую, а по существу вынутую из сундука тех давних лет старую «упраздниловку» предметной системы обучения, но называемую теперь модным техническим термином – *модульная система обучения*.

Модуль – технический термин, не без определенных целей внесенный учеными – слугами самых богатых и влиятельных людей мира в педагогику и организацию учебно-воспитательного процесса для разложения действующей системы образования изнутри и навязывания учащимся западных идеалов и ценностей. Модуль (от лат. *modulus* – мера) – в архитектуре и строительстве исходная мера, принятая для выражения кратных соотношений размеров комплексов, сооружений и их частей. В радиоэлектронике – это узел радиоэлектронной

аппаратуры, выполненный в виде самостоятельного изделия, чаще всего на одной или нескольких печатных платах.

Таким образом, модуль – это часть технического изделия, технической системы, узел машины, аппаратуры и т. д. А какое отношение этот технический термин имеет к социально-гуманитарному знанию и образованию, когда абсолютно серьезно нам вещают о модулях «история» или «философия»? Возможно, речь идет о кратной части истории, философии, социологии, политологии и других социально-гуманитарных наук? Таких кратных частей у наших наук нет. Что касается истории, то в подавляющем большинстве стран мира преподается отечественная история (страноведение). На исторических факультетах университетов изучаются такие курсы, как «история стран Европы», «история стран Азии и Африки» и другие подобные дисциплины, но непременно их содержание выступает как сумма историй стран этих континентов.

В связи с этим напрашивается вопрос: какую историю «белорусские модульщики» предлагают изучать в университетах в модуле «история» или, как теперь пишут в методических изданиях, в модуле «история Беларуси»? Какую ее часть, блок, узел и т. п.? Никто этого не знает.

Было бы хорошо, если бы руководители Министерства образования Республики Беларусь и Республиканского института высшей школы (РИВШ), «научно сопровождающие» реформы, выступили в открытой печати и разъяснили общественности, в чем состоит необходимость внедрения так называемого болонского процесса и модульной системы образования, что конкретно полезного несут нам эти «новации». Беру слово «новации» в кавычки потому, что не вижу в них абсолютно ничего полезного для Беларуси. Наша система преподавания – предметная, и от нее мы отказываться не имеем права. Ничего лучшего, чем классно-урочная, предметная система обучения в общеобразовательной школе и лекционно-семинарская, предметная система преподавания социально-гуманитарных дисциплин в университетах, человечество пока не придумало.

Таким образом, как и в комплексной системе обучения 1920-х – начала 1930-х гг., в модульной системе образования начала XXI в. предметное преподавание упраздняется. Кто научно доказал, провел обширный педагогический эксперимент и убедил педагогов страны в том, что модульная система лучше, эффективнее предметной? Без этого насильственное насаждение подобной «новации» следует рассматривать как методическое прожектерство, искажение педагогического процесса.

Кроме того, в период бездумного реформаторства 1920-х – начала 1930-х гг. практиковалось использование в учебном процессе дальтон-плана

и метода проектов. *Дальтон-план* как метод обучения был разработан и предложен американской учительницей Еленой Паркхерст в 1905 г. Впервые этот метод был применен в школах г. Дальтон штата Массачусетс (США), отсюда и его название. По дальтон-плану основная учебная работа осуществляется не в классе и не на уроке, а индивидуально в лабораториях, мастерских, кабинетах и библиотеках по разработанным учителем месячным и недельным заданиям для каждого ученика. Учащиеся самостоятельно «добывают знания», используют учебные пособия и инструкции по изучению теоретического материала и выполнению учебных заданий. В дальтон-плане отсутствует объяснение учителем нового материала. Учитель превращается в организатора работы учащихся и их консультанта (так обстоит ситуация в школах США и Европы сегодня). Обучение по дальтон-плану имеет серьезные недостатки, связанные с отрицанием классно-урочной системы, снижением роли учителя и ученического коллектива в учебном процессе, падением уровня знаний учащихся, что фактически свело на нет популярность этого метода. В настоящее время по дальтон-плану работают одна школа в Нью-Йорке, 30 школ в Нидерландах, несколько школ в г. Брно (Чехия) и одна школа в Москве.

Советские реформаторы 1920-х – начала 1930-х гг. предпринимали усилия по распространению дальтон-плана в учебных заведениях. Однако крайняя бедность, отсутствие учебных пособий и инструкций по «самостоятельному добыванию знаний» каждым учеником, а также лабораторий, мастерских, кабинетов и библиотек, нежелание педагогов использовать чужой и непонятный метод обучения привели к разработке и распространению советской модели дальтон-плана, известной под названием *бригадно-лабораторный метод*. Если в дальтон-плане значительное место занимает индивидуализация учебного процесса, то в его советском варианте первенство принадлежит коллективности процесса обучения. Учащиеся объединяются в бригады по 7-10 человек, сообща овладевают знаниями под руководством учителя, несут коллективную ответственность за качество своей учебной работы, а уровень знаний учителю демонстрирует бригадир. Оценка, выставленная бригадиром, выставляется всем членам бригады. Индивидуальная ответственность ученика за свои знания при таком подходе практически отсутствует.

Еще одна «новация» советской поры 1920-х – начала 1930-х гг. – это *метод проектов*. При его использовании школьники освобождались от учебных занятий и работали над проектом, например на тему «Поможем заводу “Ударник” выполнить промфинплан». Учащиеся шли на завод и занимались там уборкой заводских дворов от хлама, вывозом металлической стружки и других отходов

производства из цехов предприятия, а если сельские ребята помогали местному колхозу, то их заставляли выбрасывать вилами навоз из животноводческих помещений, грузить его на телеги, вывозить в поле и там вручную разбрасывать. Таким путем советские реформаторы обеспечивали «связь школы с жизнью».

Постановлениями СНК СССР и ЦК ВКП(б) о начальной, средней и высшей школе, принятыми в начале 1930-х гг., наносился сокрушительный удар по методическому прожектерству и педологическим искажениям в системе наркомпросов: отменялись комплексная система обучения, дальтон-план и метод проектов, исключалась из школьной практики педология как лженаука, общеобразовательная школа приобретала четкую и основательную структуру – начальная, неполная средняя и средняя школа. Перед учебными заведениями ставилась задача вооружать молодежь глубокими и прочными знаниями основ наук, осуществлять воспитание гражданина и патриота. В 1935 г. началась отмена ограничений при приеме в учреждения высшего и среднего специального образования. Повышалась роль педагога, в учебных заведениях вводилось единоначалие.

Вместе с тем за все время существования советской власти школа «связывалась» с жизнью, но чаще всего это делалось непрофессионально и бездарно, а потому с отрицательным результатом. Были времена, когда первый год обучения будущие инженеры стояли у станка, агрономы работали в поле, товароведы находились за прилавками магазинов и т. д. Пришлось эту «новацию» отменить. Было и такое, когда диплом об окончании университета (института) выдавали после года работы по специальности. И это отменили. Чего только не было! И липецкий, и гродненский, и другие им подобные методы обучения предлагали педагогам. Не прижилось... Каких только неразумных и ненужных «новаций» не пришлось пережить людям! Все это отражено в научной литературе, и ее надо бы прочесть сегодняшним реформаторам, многие из которых не держали в руках учебников по педагогике и истории педагогики, но тем не менее стали «новаторами» педагогической науки и практики.

Веяния советской поры 1920–30-х гг. чувствуются и сегодня. Только ленивый не говорит на разного рода собраниях и совещаниях о необходимости обеспечения практикоориентированной подготовки специалистов: предлагается оставить два года учебы в университетских аудиториях, а следующие два года обеспечить обучение на производстве, у станка, на животноводческом комплексе или полевом стане сельскохозяйственного кооператива.

Но разве сегодня, как и всегда, подготовка специалистов не является практико-ориентированной? Разве были времена, когда отсутствовала

производственная практика студентов, на которой они приобретали навыки для будущей работы, осуществляли «материализацию знаний», полученных на лекциях, семинарских, практических и лабораторных занятиях? Практико-ориентированная подготовка была всегда. Другое дело, что она проводилась и проводится иногда формально, с низкой эффективностью. Руководству многих предприятий студенты не нужны, от них отбиваются, как от назойливых мух. На предприятиях нет работников, которые умели бы профессионально продолжать учебный процесс. Часто практика ограничивается посещением студентами завода в первый день и заканчивается возвращением на завод в последний день практики для утверждения написанного по трафарету отчета. В направлении совершенствования организации и повышения эффективности практики должны совместно работать и министерства, и профессорско-преподавательские коллективы университетов. Надо иметь в виду и то, что никакая производственная практика не в состоянии сотворить чудо – сделать из студента-выпускника настоящего специалиста. Таким он сможет стать после 7–10 лет работы по специальности при условии, что будет читать книги, изучать и внедрять достижения науки и техники на своем производстве и, самое главное, желать стать действительно высококвалифицированным специалистом. Если и через 7–10 лет работы по специальности выпускник не стал настоящим специалистом, то следует серьезно спрашивать с университета, с тех, кто его учил и воспитывал. Сегодня такой спрос фактически равен нулю: выдали диплом – и с глаз долой...

*Связь УО с жизнью – это прежде всего получение учащимися и студентами глубоких и прочных общенаучных, гуманитарных и профессиональных знаний, что является основой для определения места в жизни каждым молодым человеком. Современная экономика – это экономика знаний, и она не требует от студента и учащегося стояния у станка или нахождения в борозде картофельного поля. Ни один рабочий, всю жизнь находившийся на производстве, не стал инженером, ни один крестьянин без соответствующего образования не стал агрономом, потому что ни у одного из них не могли появиться знания, которые можно получить только в УО. Поэтому сегодня актуален лозунг *знания, знания и еще раз знания*, причем не поверхностные, не дилетантские, а глубокие и прочные. Сегодня, к сожалению, знания не в почете, у большинства выпускников средней школы по всем или большинству предметов их просто нет. Средняя школа фактически разрушена. Ее надо спасать всем миром, всем народом. Без нее не может быть качественного высшего образования и высокой белорусской науки. Что касается университетов, то их сегодня продолжают «добивать» прозападные белорусские реформаторы.*

И еще одна «новация» 1920-х – начала 1930-х гг., которая перекечевала в педагогическую практику начала XXI в., – *тестирование* как метод обучения и воспитания школьников и студентов и универсальное средство оценки уровня их подготовленности в соответствии с учебными планами и программами или, как говорят сегодня, стандартами образования.

Не станем отрицать тестирование как метод учебно-воспитательной работы, который целесообразно применять в единственном случае, когда необходимо на протяжении 5–7 минут опросить всех учащихся (студентов) группы из 25–30 человек, выяснить, готовились они к урокам (семинарским занятиям) или же не открывали дома учебников и пришли совершенно неподготовленными. Выставляется каждому оценка за ответы на вопросы тестов и решается в таком случае проблема накопляемости оценок в школьном журнале и тетради учета успеваемости студентов.

Как всеобщий и ведущий метод обучения и воспитания, а также как средство выявления уровня знаний тестирование не годится. *Во-первых*, это связано с тем, что в тестовые задания включаются чаще всего исторические даты и фамилии людей и отсутствуют сущностная сторона исторических процессов и явлений, их причинно-следственные связи, понимание исторического процесса движения человечества от варварства и дикости к современным высотам общественного прогресса. *Во-вторых*, в тестовых заданиях не проверяется умение учащегося (студента) мыслить, анализировать, логически и последовательно излагать изученное, на основе анализа фактического материала делать выводы и обобщения, а это главное при изучении истории. *В-третьих*, чрезмерное увлечение тестированием снижает уровень образования в несколько раз, порождает поверхностность, дилетантство, верхоглядство, особенно в старших классах средней школы и в университетах, ибо тестовые задания для студентов очень часто бывают на уровне изучаемого в 4-м классе предмета «Мая Радзіма – Беларусь» или же в лучшем случае на уровне базовой школы. И, наконец, *в-четвертых*, увлечение тестированием порождает у школьников и студентов желание не получать знания в результате упорного труда, а угадывать ответы, подобно тому как на телеэкране во время игры угадывают песню по первым нотам. Песню угадывают, да и то далеко не всегда, а вот попытка угадывания ответов студентами-первокурсниками во время семинарских занятий заканчивается стопроцентным конфузом: учащиеся называют множество вариантов ответа, и ни один из них не является правильным.

Желание угадать у студентов великое, что само по себе плохо, ибо ставит молодого человека на неправильный путь, уводя от стремления приобрести знания трудом.

А теперь о централизованном тестировании школьников, которому в заслугу следует поставить то, что с его помощью удалось преодолеть протекционизм, взяточничество, коррупцию при поступлении в УВО, что в народе в советское время называлось просто: «Блат выше совнаркома». Но появилась новая лазейка поступления в университеты – платное обучение, на которое студентов зачисляют при порой полном отсутствии у них общеобразовательных знаний: плати деньги – и университет выдаст тебе диплом.

Централизованное тестирование показывает очень слабые (неудовлетворительные) знания у большинства выпускников школ по всем или по некоторым дисциплинам. Знания школьников во время централизованного тестирования оцениваются по шкале от 1 до 100 баллов, а в школе и университете – от 1 до 10 баллов, при этом оценки от 1 до 3 баллов являются неудовлетворительными (бывшие в советское время «двойки»), 4–6 баллов – удовлетворительными («тройки»), 7–8 баллов – хорошими («четверки») и 9–10 баллов – отличными («пятерки»). Следовательно, абитуриенты, набравшие на тестировании от 1 до 39 баллов, – это лица с неудовлетворительными знаниями («двоечники»), а удовлетворительные, хорошие и отличные знания соответствуют результату тестирования 40–100 баллов. По логике вещей к конкурсу в университеты должны допускаться лица, набравшие на тестировании 40 и более (до 100) баллов, т. е. абитуриенты, имеющие удовлетворительные, хорошие и отличные знания за курс средней школы. «Двоечники», набравшие от 1 до 39 баллов, должны поступать в иные УО, но ни в коем случае не в высшую школу. При таком правильном подходе университеты получили бы подготовленный для учебы контингент, но тогда ни один из них не выполнил бы план набора студентов. Республике Беларусь и не нужно сегодня учить 430 тыс. студентов, достаточно 150 тыс., как было в советское время, когда все предприятия, организации и учреждения Беларуси были обеспечены специалистами с высшим образованием. Для того чтобы торговать в ларьке в Ждановичах, не нужен не подкрепленный знаниями университетский диплом, необходимы всего лишь двухмесячные торговые курсы.

Сегодня к участию в конкурсе на поступление в УВО допускаются все, кто на тестировании набрал 10–15 баллов, а это «двоечники», и им нечего делать в университете. Из них ни инженеры, ни агрономы, ни учителя, ни экономисты не получатся. Этим самым обесценивается образование. Следовало бы объявить, что, например, с 2019 г. к участию в конкурсе на поступление в университеты будут допускаться только лица, набравшие на тестировании от 40 до 100 баллов по каждому конкурсному предмету. Возможно, стоит вообще отказаться от централизованного тестирования и зачислять студен-

тов на один год обучения по школьным аттестатам зрелости и приложениям к дипломам для выпускников учреждений среднего специального образования, а на остальной срок обучения переводить по итогам сдачи двух экзаменационных сессий первого года обучения. Пусть сражаются молодые люди за право быть студентами университета. При этом необходимо будет внести соответствующие изменения в законодательство. Если есть рыночная конкуренция в обществе, то должна быть и справедливая конкуренция за места на студенческой скамье.

Нынешняя система зачисления в университеты не отвечает требованиям утверждения информационно-технологической цивилизации и создания экономики знаний. Инженеры без глубоких и прочных знаний инженерного дела, как и любые другие специалисты с высшим образованием, но без нужных знаний, – это социально опасные люди, ибо они могут «сотворить» такое, что будут не в состоянии исправить миллионы людей. Примером может служить авария на Чернобыльской АЭС в апреле 1986 г., произошедшая по вине малограмотных инженеров и техников, обеспечивавших работу электростанции.

Знания, знания и еще раз знания, знания глубокие и прочные – вот что нужно сегодня для прекрасного будущего человечества.

В начале 1990-х гг. обществоведческие дисциплины в негуманитарных УВО были выведены за пределы учебных планов и отнесены к числу предметов по выбору студентов. Появилась угроза ликвидации кафедр и увольнения профессорско-преподавательских кадров. Ответственные и патриотически настроенные руководители республиканских органов власти и управления смогли тогда «излечить реформаторский зуд» отдельных руководителей некоторых УВО.

Второй удар по социально-гуманитарному знанию и образованию был нанесен в начале 2000-х гг., когда в Республике Беларусь начал активно внедряться так называемый болонский процесс и переход на модульную систему преподавания. Количество учебных часов на каждую дисциплину сократилось более чем в два раза (до 34 часов), что породило дилетантство и верхоглядство в преподавании и изучении студентами модулей. Были отвергнуты основные принципы университетского образования – его фундаментальность и научность.

В Республике Беларусь создана и функционирует собственная, белорусская, модель социально-экономического развития, принципиально отличная от российской, украинской и др. Это предмет гордости белорусского народа и его руководства. Целью социально-экономического развития Беларуси является *создание общества социальной справедливости*, включающего в себя все лучшее, что выработало человечество на протяжении своей истории.

Общество социальной справедливости формируется в Беларуси уже третий десяток лет. Оно является качественно новым типом общества, а поэтому должно иметь новую научно-теоретическую базу, отличную и от классического социализма, и от классического либерализма (капитализма). Сегодня в формируемом новом обществе борются две противоположные тенденции – социалистическая и либеральная (буржуазная). Последняя, как более сильная и опытная, под давлением извне (провокации, санкции, запреты и т. п.), а также в результате действий сторонников капитализации общества внутри страны (рыночники, бизнесмены, коммерсанты, прозападная оппозиция и т. д.), постепенно побеждает социалистическую: крен в сторону перехода от народного к элитарному, от бесплатного к платному образованию и платному здравоохранению, от дотирования государством части оплаты жилищно-коммунальных услуг населением к полной оплате населением этих услуг и т. д. Если эти тенденции будут развиваться и дальше, то через некоторое время наше общество социальной справедливости, как и советское социалистическое общество XX в., превратится в капиталистическое, чего белорусский народ не желает.

Чтобы не произошло трансформации строящегося общества социальной справедливости в обычное капиталистическое общество, нужно разработать и реализовать на деле научную концепцию его создания и функционирования, которая сделала бы эти процессы необратимыми.

И еще один очень деликатный и важный вопрос – расходование средств на нужды образования. Всем сотрудникам университетов известно, что некоторые их коллеги так часто ездят в страны Европы (Германию, Польшу, Чехию, Голландию и др.), как на свои пригородные дачи, только на дачи ездят за свои деньги, а в зарубежные поездки (командировки) – за счет государства. И так, огромные средства тратятся часто впустую на фактически туристические поездки деятелей образования за границу, и в то же время производится униженно низкая оплата труда профессоров, доцентов и других специалистов за написание, например, учебников и учебных пособий для средней и высшей школы.

Надо разработать и утвердить принципиально новую систему оплаты труда профессорско-преподавательского состава УВО, возможно, и академических работников, исходя из того, что доктора наук, профессора, академики и члены-корреспонденты – это самые образованные и профессиональные люди страны, и у них заслуг перед Родиной нисколько не меньше, чем у народных депутатов и государственных служащих любых уровней, поэтому должностной оклад и пенсия профессора должны быть на уровне должностного оклада и пенсии депутата Национального собрания Рес-

публики Беларусь или же министра (так было в советское время: непонятно, почему это «забыли» сегодня), а зарплата и пенсия доцента – на уровне зарплат и пенсии председателя райисполкома (так платили доцентам до 1991 г.).

Прибавкой к зарплате может быть только достойная премия за выдающиеся научные и другие общественно значимые достижения (например, открытие признанного научным сообществом нового закона развития природных (общественных) явлений, защита докторской или кандидатской диссертации, написание и издание учебника или учебного пособия для средней и высшей школы, подготовка научно значимой монографии, разработка и внедрение на заводе новой технологии производства и т. д.). Это простая и очень понятная система оплаты труда, стимулирующая сотрудников работать лучше. Сегодня многие работают не в полную меру своих сил и возможностей, оправдываясь словами «как платят, так и работаем». Новая система оплаты труда будет стимулировать талантливых и способных выпускников университетов поступать в аспирантуру и становиться в перспективе научными или научно-педагогическими сотрудниками.

Все указанное позволяет внести ряд предложений.

1. Сохранять современное состояние социально-гуманитарной науки и образования и восстанавливать то, что было в этой сфере раньше, целесообразно. Нужно идти вперед, а не пытаться повернуть колесо истории в обратную сторону. Используя накопленный опыт, без торопливости и спешки, без размахистости и пренебрежения нужно разработать, обсудить в обществе и принять принципиально новую концепцию развития социально-гуманитарного знания и образования в Республике Беларусь, а затем на основе этой концепции сформировать государственную программу, с тем чтобы социально-гуманитарные знания и образование стали мощным средством общественного прогресса.

2. Сегодня в общественном сознании муссируется мысль о том, что якобы компетентные органы планируют со следующего учебного года исключить из учебных планов негуманитарных университетов преподавание истории и социологии. Зондируется, как будет реагировать на очередную порцию ликвидаторства общественность республики. Долог известно, что конечная цель реформа-

торов-западников с модульно-технократическим мышлением состоит в том, чтобы прекратить преподавание в негуманитарных УВО всех социально-гуманитарных дисциплин. Вносим предложение о том, чтобы судьбу социально-гуманитарного образования и знания решали исключительно ведущие ученые социально-гуманитарных наук – доктора и кандидаты наук, профессора и доценты, и ни один из представителей других наук, прежде всего технических, не имел права «ломать через колено» эту сферу деятельности. Мы, гуманитарии, не учим технократов, каким содержанием наполнять технические науки и как их преподавать в университетах. Хотим, чтобы они последовали нашему примеру.

3. Необходимо восстановить в учебных планах университетов учебную дисциплину «политэкономия» и разработать политэкономии создаваемого в Республике Беларусь общества социальной справедливости.

4. Во всех негуманитарных УВО Республики Беларусь целесообразно на должность первых проректоров назначить ученых – специалистов в области гуманитарных и общенаучных дисциплин, восстановить действовавшие в советское время соответствующие советы и с их помощью решать все проблемы социально-гуманитарных и общенаучных дисциплин.

5. Социально-гуманитарные дисциплины, способствующие формированию научного мировоззрения специалистов, их гражданских и патриотических качеств, целесообразно преподавать на протяжении всего периода учебы студентов. Сосредоточение сегодня изучения этих дисциплин только на первом и втором курсах является антипедагогическим действием.

Во время одной из бесед ректор Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники доктор технических наук, профессор М. П. Батура спросил автора данной статьи: «А что вы будете делать, если вас не поддержат в борьбе за ваши идеалы и ценности в области образования?» Ответ был такой: «Буду расстроен и обеспокоен. Но и в таком случае буду всегда иметь моральное право сказать: “В уничтожении одной из лучших систем образования в мире – белорусской системы народного образования – не участвовал. Наоборот, ее берег, защищал, как мог и как умел”».

*Статья поступила в редколлегию 17.01.2018.
Received by editorial board 17.01.2018.*

КУРС ПО ВЫБОРУ

OPTION COURSE

В предыдущей статье (см. Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 4. С. 162–167) было рассмотрено своего рода «эротическое подполье» средневековой культуры, т. е. те культурные формы и жанры, в которых находит свое выражение вытесненный за пределы легитимности эротизм. Однако инвективы со смакованием, лирико-эротическая поэзия Овидианского возрождения и т. п. – это лишь периферические версии адаптации эротизма культурой Средневековья (хотя, надо признать, сыгравшие существенную роль в развитии трактовки любви европейской традицией). Главной же и наиболее значимой версией этой адаптации является, как это ни парадоксально, мистическая традиция средневекового христианства. В этой традиции эротизм обретает как новые понятийные средства своего выражения, так и статус сакральной неприкосновенности, заплатив за это, однако, особой – трансцендентальной – нагруженностью своего содержания.

М. А. Можейко

УДК 177.6:130.2-047.48(4-15)

О САМОМ ГРЕХОВНОМ: МИСТИЧЕСКИЙ СИМВОЛИЗМ КАК ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ ЭРОТИЗМА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ

М. А. МОЖЕЙКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь

Посвящена анализу мистического символизма, характерного для средневековой культуры и отличающегося тенденцией к использованию весьма специфической терминологии и достаточно неожиданных для данного контекста сюжетов, отличающихся очевидной эротической окрашенностью и объясняющихся тем обстоятельством, что эротизм как таковой изгнан средневековой культурой за пределы традиционных для него сфер проявления, в силу чего его манифестация обретает причудливые и экзотические формы, находя для себя сферы проявления даже внутри церковных и богословских текстов.

Ключевые слова: мистика; символизм; манифестация; иносказание; эротическая терминология; брачная символика; эротизм; натурализм.

Образец цитирования:

Можейко М. А. О самом греховном: мистический символизм как форма проявления эротизма в средневековой Европе // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 1. С. 113–124.

For citation:

Mojeiko M. A. About the most sinful: mystical symbolism as a form of manifestation of eroticism in Medieval Europe. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 1. P. 113–124 (in Russ.).

Автор:

Марина Александровна Можейко – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой философии и методологии гуманитарных наук факультета культурологии и социокультурной деятельности.

Author:

Marina A. Mojeiko, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of philosophy and methodology of humanities, faculty of culturology and sociocultural activities.
marina-mojeiko@yandex.by

ABOUT THE MOST SINFUL: MYSTICAL SYMBOLISM AS A FORM OF MANIFESTATION OF EROTICISM IN MEDIEVAL EUROPE

M. A. MOJEIKO^a

^aBelarusian State University of Culture and Arts, 17 Rabkorawska Street, Minsk 220007, Belarus

It is devoted to the analysis of mystical symbolism, inherent in medieval culture and characterized by a tendency to use very specific terminology and plots that are unexpected enough for the mystical context, which are distinguished by an apparent erotic coloration and are explained by the fact that eroticism as such is cast out by medieval culture beyond the traditional spheres of manifestation, that's why his manifestation acquires bizarre and exotic forms, finding for himself a sphere of manifestation even inside of theological texts.

Key words: mysticism; symbolism; manifestation; allegory; erotic terminology; marriage symbolism; eroticism; naturalism.

Пристально и подозрительно всматривается средневековая ортодоксия во все проявления культуры: а не таятся ли в их содержании опасные моменты? Не скрывается ли там какой-нибудь намек на эротизм, на земную греховную любовь, на телесность? И если это так, то не лучше ли объявить этот культурный феномен еретичным и подлежащим элиминации из культурного контекста? И желательнее целиком: в масштабах ликвидации всей традиции вообще, запрета жанра как такового или уж хотя бы физического уничтожения автора.

Вместе с тем внутри самой культурной ортодоксии, в самой сердцевине религиозной традиции таится самое еретичное, самое греховное... Изгнанный за пределы легитимности эротизм, ища и находя нетрадиционные формы культурной презентации, проникает и туда, где менее всего можно его ожидать, а именно – в содержание богословских текстов.

Собственно, вся символика христианского обряда носит брачный характер, что обнаруживается уже в библейских текстах. Так, в Книге пророка Осии читаем: «И будет этот день, говорит Господь, ты будешь звать Меня “муж мой”, и не будешь более звать Меня “Ваали” (господин – М. М.)... И обручу тебя Мне в верности, и ты познаешь Господа»

(Ос., 2:16–20). Нельзя не отметить, что данная тенденция уходит своими корнями в неоплатонизм. Подобная терминология в описании Бога используется и у ареопагитиков: «...это благо прославляется... и как прекрасное и красота, и как любовь и возлюбленная» [1, с. 615].

Средневековые тексты демонстрируют ту же тенденцию. Например, у Иеронима данный акцент даже выходит за рамки брачной символики, обретая (при всей символичности и метафоричности) неожиданно тактильный оттенок: «Станем же и мы любить Христа, станем искать постоянно его объятий» [2, с. 41].

Неслучайно для средневековой традиции характерны многочисленные интерпретационные тексты, настойчиво прилагающие усилия в направлении сугубо символического толкования деликатных (скользких в глазах Средневековья) библейских формулировок, например: «Мировый пучок – возлюбленный мой у меня; у груди моих пребывает <...> На ложе моем ночью искала я того, которого любит душа моя. <...> Я скинула хитон мой; как же мне опять надевать его?» (Песн. 1:12, 3:1, 5:3). Типичным культурным памятником средневековья является в этом плане «Надпись на книге “Песнь Песней”» Алкуина:

В книгу сию Соломон вложил несказанную сладость:
Все в ней полно Жениха и Невесты возвышенных песен,
Сиречь же Церкви с Христом, славословящих попеременно,
Дружек венчальных своих и верных подруг поминая... [3, с. 259–260].

Любовь к Богу нередко обретает в средневековых текстах неожиданную конкретизацию: например, герои, описываемые как святые, устремляются к Богу

«в страхе Божьем в лобызании любви» [4, с. 325]. В «Секвенции об одиннадцати тысячах дев» Хильдегарды Бингенской об одной из героинь говорится:

...Урсула Сына Божия возлюбила,
и мужа совместно с миром сим оставила,
и на солнце воззрела,
и прекраснейшего юношу призвала, глаголя:
Многим желанием
возжелала я прийти к тебе,
и в небесном браке воссесть с тобою... [5, с. 326].

В текстах средневековой культуры встречаются достаточно неожиданные эквиваленты стойкости в вере: одна из героинь Хротсвиты Гендерсгейм-

ской, истово верующая Друзиана, «ради божеского долга воздерживалась и от супружеского долга», дав обет Господу «блюсти для тебя мое целомудрие»:

...единому Господу всюю душой предана.
Даже к мужу,
Христианнейшему Адронику, не всходит она на ложе... [6, с. 88–89].

Принятие сана интерпретируется как обручение со Святой Церковью, и монах, отвергнувший земной брак, вступает в символический брак с Пречистой Девой. Так, Петр Дамиани в «Гимне святому апостолу Иоанну» использует обращения «Девственник» и «служитель Девы» [7, с. 193]. Аналогично при пострижении в монахини женщина обретает статус *невесты Христовой*, причем стереотип мо-

нашеского поведения, подчиненного соблюдению целомудрия, дабы монахиня чистой девой отдаться *небесному жениху*, осмысливается средневековым сознанием и переживается в индивидуальном плане отнюдь не абстрактно, в силу чего религиозные тексты Средневековья напоминают подчас любовную лирику. Так, например, в «Песнопении хора девственниц» Хильдегарды Бингенской читаем:

О сладчайший Жених,
сладчайший Лобызатель,
охрани, огради девство наше. <...>
Ныне призываем Тебя,
Жениха нашего и Утешителя. <...>
...обручением сочетались мы с Тобою отвергнув мужа,
избрав же Тебя, Сына Божия в прекраснейшем лике,
сладчайшее благоухание уст возделенных...
Ты в мире
и Ты в уме нашем,
и обнимаем Тебя в сердце,
как бы имея Тебя с собою.
Ты, о Лев, сильный во бранях,
Расторг небе пределы, прянув в ограду Девы...
Даруй нам ...
...пребыть в Тебе,
о сладчайший Жених... [8, с. 328–329].

Готовившаяся к постригу и увлекшаяся мирской тщетой девушка осуждается не как нарушив-

шая обет монахиня, а как по-женски изменившая:

Боже мой, боже правый,
Какая ужасная слава:
Невеста, уготованная тебе,
Других любовников ищет себе.
Так о блудницах ведомо с древних дней:
Чужая любовь им всегда милей [9, с. 96].

Знаменательно, что, даже когда речь идет не о монахинях – невестах Христовых, – а о мирянках, их стойкость в вере все равно интерпретируется как соблюдение целомудрия, понимаемое как со-

хранение верности Христу. Интересен в этом отношении «Гимн о святой Евлалии», записанный в начале IX в. в бенедиктинском монастыре Эль-нон:

...Хотели ее Божьи враги победить,
Заставить диаволу послужить,
Не слушает дева, что враг говорит,
Чтоб оставила Бога, что в небе царит.
Ни нарядом, ни золотом, ни серебром,
Ни угрозой, ни лаской, ни злом, ни добром,
Ничем заставить ее не могли,
Чтобы Богу она не служила все дни.
Идти ей к царю приказ был дан,
Царем тогда был царь Максимиан.
Уговаривал он, чтоб послушна была,

Чтоб от Бога-Христа отречение дала.
Она собирает все силы свои
И хочет лучше оковы нести,
Чем отречься и девство потерять свое... [10, с. 181].

Именно в такой системе ценностей Хротсвита Гандерсгеймская, описывая в одной из пьес мученичество святых девственниц, объясняет их моральную устойчивость следующим образом:

Дульциций. Какие чудесные девицы!
Воины. Истинные красавицы.
Дульциций. Жажду их привлечь для своей утехи.
Воины. Сомневаемся в успехе.
Дульциций. А почему?
Воины. Верны богу своему... [11, с. 85].

То же касается и мирян-мужчин: *exempla* содержит сюжет об очистившемся духовно рыцаре, которому возле храма показалась прекрасная женщина со словами: «Я – твоя жена. Подойди, поцелуй меня. Теперь состоялась наша помолвка». Мужчина повиновался, а когда поцеловал ее, понял, что это – Богоматерь. В названный день рыцарь скончался и вошел в царствие небесное (см. [12, с. 285]).

Нельзя не отметить, что метафоричность мистических текстов может быть оценена как достаточно раскрепощенная в оборотах и прозрачная в дескрипциях. Так, Деве Марии (олицетворенной чистоте и воплощенному целомудрию), о которой и говорить, казалось бы, можно лишь в рамках адсорбированного асексуального поклонения, посвящаются тексты, звучащие подчас неожиданно натуралистично:

О прекраснейшая и сладчайшая,
Сколь дивно Бог о тебе умилился,
Если ласкание жара Своего
Так в тебе положил,
Что Божий Сын
От сосцов твоих кормился.
Ибо чрево твое имело радование. <...>
Утроба твоя имела радование,
как трава, росой прохлажденная... [13, с. 324].

Интересно, что почти натуралистический физиологизм в полной мере осознается в рамках средневекового сознания, причем внутри его аксиологической системы он не только не осуждается, но и оценивается чрезвычайно высоко, о чем свидетельствует, например, доведение авторами *exempla* аллегорического сюжета о зачатии Христа непорочной душой до полной физиологической достоверности. Так, в трактате Жака де Витри один из *exempla* посвящен чрезвычайно набожной девушке, которая якобы ежегодно со дня зачатия Пресвятой Девой начинала полнеть и испытывала движения младенца в утробе, пребывая в *блаженстве неизъяснимом*, в ночь же на Рождество ее живот опадал и в груди в изобилии появлялось молоко (цит. по: [12, с. 163]).

Обозначенная тенденция, что важно, характерна не только для поэтических текстов или *exempla*, адресованных прихожанам-простецам. Метафоры даже адсорбированных интеллектуально-концептуальных построений средневековой схоластики при всем своем рафинированном символизме также используют весьма специфическую терминологию.

Так, в «Книге размышлений и молитвословий» Ансельм Кентерберийский, рассуждая о Создателе, пишет: «Уразумей же, каким величием, каким достоинством почтил он тебя в самом начале творения; и взвесь, какую любовью, каким почтением должны мы воздать ему! <...> Усмотри же, сколь высоко твое сотворение и поразмысли, какой долг любви лежит на тебе. “Сотворим, – говорит Господь, – человека по образу и подобию нашему”. Если такое речение Создателя твоего не понудит тебя пробудиться... не подвигнет тебя всецело возгореться любовью к нему, если все недра твои не воспылают томлением по нему, – что сказать мне?..» [14, с. 246–247].

В «Прослогионе» Ансельма Кентерберийского читаем: «Молю Тебя, Господи! Даруй мне познать Тебя, даруй мне возможность любить Тебя, дабы возрадоваться о Тебе. <...> Так да получу я, что обещал Ты через Истину Твою... Да взалкает ее душа моя, да возжаждет плоть моя, да возгорится все существо мое, доколе не вниду в радость Господина моего...» [15, с. 256].

Особое место занимают в средневековой культуре мистические тексты: в рассматриваемом

контексте именно мистику следует обозначить в качестве наиболее яркой формы проявления эротизации религиозного сознания в европейском Средневековье.

В гносеологическом плане мистика предполагает возможность непосредственного узрения истины в акте соприкосновения души с открывающимся ей трансцендентным оригиналом – в отличие от стадияльного и принципиально асимптотичного приближения к истине посредством постижения тварного мира (понятого как *книга* божественных символов и знаков). В отличие от богословской схоластики как формализованно-рационалистической составляющей религиозного сознания, предполагающей рассудочно-понятийный способ постижения истины, мистика представляет собой чувственно-иррационалистический компонент теологии.

В плане экзистенциальном мистика предполагает трансгрессию за пределы, очерченные наличным опытом (см. [16, с. 639]). При этом важно, что постижение сакральной истины выступает для мистики не финальной целью, а лишь ступенью к ней: мистицизм как религиозная мировоззренческая парадигма предполагает возможность непосредственного личного, интимного общения и даже единения с Абсолютом. Соответственно, мистика как сакральная религиозная практика направлена на достижение непосредственного сверхчувственного общения и единения с Богом в экстатически переживаемом акте Откровения. Мистика как система теологических доктрин ставит своей задачей концептуализацию и регулирование этой практики.

В нашем контексте важно, что хотя для мистики всех направлений, начиная от практики йоги в индуизме, характерно наличие специальных психологических приемов, имеющих своей целью формирование пограничных состояний сознания, однако именно (и только) в теистических традициях, центрированных вокруг образа личного, персонализированного Бога как субъекта (иудаизм, христианство и ислам), мистические практики обретают коммуникативную окрашенность. И хотя метафора искры, вливающейся в Пламя, весьма характерна для христианской мистики, однако конкретный смысл, скрывающийся за ней, отнюдь не тождественен восточным фигурам слияния брахмана с Атманом, – речь идет об индивидуальной субъект-субъектной коммуникации, сакральном контакте индивидуального субъекта с Субъектом абсолютным.

Постижение Бога на путях мистики в иудаизме, христианстве и исламе предполагает непосредственно переживаемое единение с Абсолютом: Бог открывает мистику лик свой, и тот непосредственно узревает (переживает) Истину. Таким образом, цен-

тральным понятием теистической мистики является Откровение (см. [17, с. 750–752]), выражающее акт непосредственного волеизъявления персонализированного Бога, открывающего себя субъекту как абсолютную истину (см. [18, с. 110–113]). Последняя мыслится в данном контексте как явленная в своей полноте и автохтонности вне воплощения в феноменах творения, требующего неизбежно редуцирующего рационального усилия по дешифровке эйдосов (от библейского Моисея, простоудушно молящего Бога явить ему себя – «...не в такой только мере, в какой он может вместить, но каков Бог Сам в Себе» – до теоретизирующего Мейстера Экхарта, клянущегося отдать все за то, чтобы «Бог хоть на одно мгновение открылся бы ему, таким, каков Он» [19, с. 44]).

Согласно установкам мистицизма это доступно далеко не каждому и требует особого очищающего образа жизни, предполагающего полное самоуглубление и абсолютное сосредоточение и основанного на полном отказе от мирской суеты и вешних благ. Данный мотив, характерный для христианства в целом и прекрасно выраженный Ансельмом Кентерберийским в формуле «к Богу поспешал я и преткнулся о самого себя» [15, с. 249], в мистицизме приобретает абсолютное значение. Как пишет Мейстер Экхарт, «отрешенное сердце свободно от всякой твари», так как «в сосуде не может быть сразу двух напитков: если нужно его налить вином, надобно сперва вылить воду, – он должен стать пустым. Поэтому, если хочешь получить радость от восприятия Бога... ты должен вылить вон и выбросить тварей» [19, с. 65–67]. Весьма показательна в этом плане легенда о том, что Бернард Клервоский якобы заливал себе уши воском, дабы мирской шум не нарушал его отрешенности (см. [20, с. 31]).

Мистик должен подготовить себя к акту Откровения: аскетические практики включают в себя пост как отказ от пищи, бдение как отказ от сна, отшельничество как отказ от общения, воздержание как отказ от сексуального удовлетворения и т. д. – вплоть до полного умерщвления плоти. Особое внимание уделяется практикам подготовки сознания к восприятию Откровения (техникам сосредоточения и отрешения): в православии это *Иисусова молитва* исихазма с бесконечным повторением одних и тех же слов при абсолютной концентрации всех душевных и интеллектуальных сил на имени Христовом, в католицизме – тысячекратно воспроизводимые восклицание с гипнотическим сосредоточением внимания на символической фигуре креста, не говоря уже об ассасинах (гашишинах) в исламе и танцах дервишей с продолжительными вращениями, а затем резкими наклонами влево и вправо, которые приводят к перепадам внутричерепного давления с последующими галлюцинациями.

Однако при всей готовности мистика к сакральному контакту *решение* всегда остается за субъектом-Абсолютом: он может открыть себя невинным детям-пастушкам и не ответить на призыв монашествующего аскета, ибо «чистые сердцем Бога узрят» (ср. Мф. 5:8).

Это связано с тем, что все аскетические практики в контексте оценки готовности мистика в восприятию Откровения выступают лишь как вспомогательные: главным условием постижения божества в христианской мистике является любовь. Как пишет Бернад Клервоский, «да будет любовь твоя пламеннее, и да постучишься ты увереннее за тем, чего тебе, по чувству твоему недостает... И уже в том высшем лобзании, в коем высочайшее достоинство и дивная сладость, верую, не будет отказано столь любящему...» [21, с. 310–312]. В одной из своих проповедей на Песнь песней, которая имеет название «О лобзании стопы, длани и уст Господних и пр.», Бернад пишет: «...я указую душе... место во спасении, ей подобающее. Да не воздвигнется она опрометчиво до уст пресветлого Жениха, но к стопам престрогого владыки... <...> Когда же принято будет первое лобзание стопы, то и тогда ты не возомнишь тотчас до лобзаний уст воздвигнуться, но будет тебе к оному ступенью иное посредствующее лобзание – лобзание длани... <...> Дерзаям поднять голову к самым устам славы, дабы в трепете к робости не только воссозерцать, но и облобызать: ибо Господь Христос есть дух перед лицом нашим, к коему припадаем в священном лобзании...» [21, с. 310–312].

Тот факт, что средневековая мистика приобретает ощутимый оттенок эротизма, детерминирован не только нереализованностью и нереализуемостью в адекватной форме эротической составляющей средневековой культуры, аксиологически дискредитированной и отлученной от некогда присущих ей в архаических культурах сакрально-мистериальных моментов. Не менее важно, что прозреваемая в Откровении сакральная истина понимается мистикой как принципиально невербализуемая и потому неинтерсубъективная.

Истина Откровения есть, согласно Библии, «неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать» (2 Кор. 12:4): божественный взгляд проникает в душу, и, по словам Мейстера Экхарта, «чей дух ощутил этот взгляд, тот не может его выразить, а кто его не ощутил, тот не может этому поверить» [19, с. 97].

Это остро ставит проблему передачи мистического опыта, и ортодоксальная традиция констатирует полную невозможность последней: адекватным способом презентации пережитого Откровения может быть лишь молчание, поскольку, как пишет Мейстер Экхарт, «глубина эта – одна безраздельная тишина, которая неподвижно покоится в себе самой» [19, с. 39].

Следует отметить, что данная установка универсальна для всех теистических традиций (ср. с термином «благородное молчание» в буддизме и именованном аскета «безмолвником» в православной традиции; базовой для суфизма формулировкой Омара Ибн аль-Фарида «Дышит глубина, неизреченной мудрости полна»; рассуждением Джалал ад-Дина Мухаммада Руми о том, что как по реке нельзя ехать верхом, а нужно «пересечь на деревянную лошадку (лодку – *М. М.*)», так и мистику нужна «деревянная лошадка молчания» и др. (см.: [17, с. 751]). И коль скоро безмолвие является принципиально единственным адекватным способом объективации результатов Откровения, то любая попытка вербализовать его оценивается в мистике не более как метафорическая. Потому тексты мистиков, в которых описывается феномен Откровения, всегда либо апофатичны, либо прибегают к символизму, пытаясь передать состояния, принципиально невыразимые в *земном языке*.

Представитель «блестящей петербургской школы медиевистики» [22, с. VII] П. М. Бицилли отмечал в этом контексте «постоянное пользование терминологией, относящейся к области земной любви и сексуальных связей, для воспроизведения мистических восторгов»: так, в текстах средневековых мистиков «Бог именуется Небесным Женихом, а субъект мистического опыта – Невестой или Новобрачной», и авторы, «описывающие мистические восторги, исчерпав запасы эротических образов, находимых в Песни Песней, обращаются иной раз к Овидию» [23, с. 34, 36].

Фактически речь идет не только об использовании брачной символики в религиозных текстах, но о том, что эротическая терминология наполняется в мистицизме всей полнотой исходного смысла и фактически перестает быть аллегорией. Мистика изначально основана на постулате возможности чувственного ощущения сверхъестественного, и на уровне фанатизма иносказания и аллегории напрямую насыщаются физиологией: по оценке выдающегося русского медиевиста начала XX в. Л. П. Карсавина, экстатические состояния мистиков часто сопровождаются эротическими эффектами [24, с. 231].

Процессуально Откровение переживается мистиком как экстатическое озарение, и, как отмечали исследователи, в эмоциях, которые «испытываются в момент мистического акта очень и очень определенно выражен сексуальный момент» [23, с. 35]. Мейстер Экхарт пишет о том, что «в объятиях Небесного Отца, полных любви, но слишком бурных» возможна потеря сознания [19, с. 113].

Гюго Сен-Викторский описывает это состояние следующим образом: «...ликует дух, светлеет разум, озаряется сердце, желания наслаждаются; уже вижу я себя в другом месте – не знаю, где – и как бы внутри себя держу что-то объятиями любви, и не

знаю, что это такое, но всеми силами стремлюсь навсегда его удержать и никогда не утратить. Как-то сладостно мучается дух, чтобы не отступить от того, что хочет он всегда обнимать. Возвышенно и несказанно ликует дух, как будто найдет он в нем предел всех желаний, и ничего больше не ищет, ничего больше не жаждет, навсегда желает остаться таким. Неужто это возлюбленный мой?...» (цит. по: [24, с. 54]).

В этом контексте, по оценке Л. П. Карсавина, «понятие мистического экстаза – *extasis* или *raptus* – не обозначает непременно акта восприятия Божества, чаще – проникновение в душу благодати, сопровождаемое особым несказанным наслаждением» [24, с. 55].

Рассуждая о переживании мистиками откровения, зафиксированном в средневековых текстах, П. М. Бицилли также находит у агиографов «параллелизм в действиях любящего и любимого, “Жениха” и “Невесты”» [23, с. 34]. В комментариях Мейстера Экхарта к Дионисию Ареопагиту душа – невеста – говорит: «Он – мой, и я – Его!» [19, с. 101].

Анализируя специфику средневековой религиозности, Л. П. Карсавин описывает психическое состояние мистика на стадии экзальтации: «Любовное томление понимают как страстное, но пассивное томление, как мучительную, но безмолвную и недвижную жажду поцелуя “Жениха”. Не деятельная мужская страсть, а пассивное женское алкание чужой активности... которое... жадно примет лобзание, отличает мистика. <...> Он жаждет мучительно-сладостного прикосновения Божества, добивается всеми своими силами рабского положения супруга... В наступающей тишине действует и говорит один только Бог, в которого погрузилась душа. В страстном трепете самозабвения принимает супруга на лоно возлюбленного и забывается чутким, но – увы! – кратким сном» [24, с. 52–53].

Так, в описаниях мистических экстазов праведной Анджели из Фолиньо, например, присутствует следующее выражение: «“После того как я лег и опочил в тебе, то теперь ложись и опочни во мне”, – говорит Христос Анджеле» [23, с. 34].

В исторической литературе зафиксированы мистические экстазы монахинь, переживающих фантомный брак души с Христом в формах почти неприкрытой сексуальности и даже признаки «несомненного полового психоза» у некоторых визионеров [23, с. 36].

В исторической литературе есть сведения не только о стихийных всплесках эротизма, но и о сознательно культивируемой сексуальности мистической практики, вплоть до достаточно экстравагантных способах достижения экстатических состояний мистиками. Как пишет Л. П. Карсавин, в этом плане «может показаться нужной аскеза, но,

может быть, еще лучше половое перевозбуждение, лучше лежать вместе с нагою женщиной, ласкать и гладить ее, но воздерживаться от соития. Может быть, лучше раздражать свою стыдливость, нагою молясь среди нагих...» [24, с. 78].

Нередко тексты мистиков неожиданно напрямую насыщаются физиологией: так, например, в средневековой мистической традиции широко распространен сюжет о том, что Христос, однажды зачатый Приснодевой, как бы каждый раз заново зачинается девственной (то есть отрешенной от мирского тлена) душой. Мистический акт символизируется как зачатие и рождение Божества в душе. В одной из своих работ П. М. Бицилли реконструирует процесс усиления этого сюжета в ходе развития средневековой мистики: так, впервые он встречается у Ришара еще в «смягченном выражении» (автор говорил лишь «о “зачатии” и “рождении” Духом способности созерцания»), однако «у его ученика доминиканца Петра Датского, биографа Христины Штоммельнской, речь идет уже прямо о рождении Бога: “О, если бы грешной душе моей дано было зачать в себе новую чистоту и, подобно Деве, родить Сына”...» [23, с. 32]. В зрелой мистике метафоры приобретают уже отчетливо физиологическую окраску и оказываются достаточно натуралистичными. Так, Бернард Клервоский пишет: «...в мистическом экстазе душа, жаждущая вечно покоиться на лоне Супруга, чувствует, как перси ее наливаются током сострадания: только надави их – и дивное брызнет молоко» (см. [24, с. 206]).

В контексте сказанного необходимо сделать три существенных замечания.

Во-первых, в оценке ряда исследователей эротизация мистики может в определенном смысле рассматриваться и как оборотная сторона обета безбрачия, и в контексте трактовки религиозной психологии как переориентация естественных человеческих чувств на трансцендентный объект. Так, комментируя фразу Бернарда Клервоского «Великое дело любовь, но много в ней ступеней; выше всего же стоит в любви жена», В. И. Герье пишет: «Всю силу той любви, на которую он был способен, Бернард перенес на мифический союз души с Христом в аллегории невесты и жениха» [20, с. 42]. Между тем необходимо помнить, что речь идет только о *форме* передачи мистического опыта, но никак не о его *содержании*, которое с точки зрения феноменологического метода в отношении изучения религиозного сознания (от П. Шантепи де ля Соссе, Г. ван дер Леува и Р. Отто до Ж. Ваарденбурга) практически не может быть оценено извне (см. [25–29]). Верно предупреждал в свое время П. М. Бицилли: «Необходимо всячески остерегаться произвольных догадок насчет сущности мистических переживаний, составляя суждение о них единственно по той словесной передаче их, которая находится в нашем

распоряжении» [23, с. 34]. Действительно, сведя содержание опыта Откровения к неудовлетворенной сексуальности монашествующего мистика, мы можем существенно исказить и редуцировать реальную сущность данного феномена.

Во-вторых, сомнительность – на грани греховности – мистических текстов, основанных на эротической метафорике, заключается отнюдь не только в их сексуальной окрашенности. Не говоря уже о кощунственности брачного оттенка трактовки общения с Богом, мистицизм как таковой с его презумпцией возможности духовного слияния человека с Богом изначально находится на грани ереси, ибо чреват далеко идущими теоретическими выводами. Согласно принципиально важной для мистической традиции идее, «познавая Бога в духе и истине, исполняясь Богом, субъект сам становится Богом, преображается в Бога. Такая трансформация субъекта возможна при содействии любви, имеющей ассимилирующее свойство: путем любви любящий во всем становится подобен любимому, *переходит* в него, делается таким же, как любимый, *сравнивается* с ним. Любящий Бога отождествляется с Богом» [23, с. 31]. Так, по формулировке Мейстера Экхарта, «молитва... состоит лишь в одном: чтобы уподобиться Богу» [19, с. 64] и «мое вечное блаженство заключается в том, чтобы Бог и я стали одно» [19, с. 53].

Проблема, таким образом, состоит не только и даже не столько в трактовке деликатного момента, касающегося конкретных механизмов того, как именно мистик *сливается в экстазе* с сакральным Возлюбленным (в рассуждениях мистиков, конечно, трудно не усмотреть греха *luxuria*: например, у Мейстера Экхарта читаем: «Бог может лучше войти в меня и соединиться со мной, нежели я с Ним» [19, с. 55]). Проблема гораздо глубже, и заключается она в том, что семантическая фигура слияния с Абсолютом полностью открыта для трактовки в контексте греха *superbia* – гордыни. Более того, здесь возможно усмотрение и еще одного аспекта – уже не *на грани*, а *за гранью* ереси: любое тождество может быть прочитано как в прямом, так и в обратном направлении, а это значит, что если человек в сакраментальный момент Откровения становится тождественен Богу, то не оказывается ли Бог низведен до статуса человека? В «Духовных проповедях и рассуждениях» Мейстера Экхарта, например, встречаются рассуждения, весьма неудобные в этом плане для интерпретации: «Чем больше человек отрекается ради Бога от самого себя и становится единым с Богом, тем больше он Бог, и тем меньше он творение. <...> Тогда воистину станет он... то самое, что Бог есть по природе Своей, и Бог не знает никакого различия между собой

и таким человеком» [19, с. 120]. По оценке средневековой мистической традиции, сформулированной П. М. Бицилли, при таком сближении субъекта и Божества Божество снисходит до субъекта и «в известной степени деградирует» [23, с. 33].

Фиксируя неразрывную слитность в религиозной поэзии XII в. благочестивого рвения и духовной дерзости, С. С. Аверинцев образно замечает: «Когда стрельчатая готическая башенка, поднимаясь выше всякого вероятия, в последнем усилии восходит в небо, – что это: религиозный порыв, или гордый вызов, или неразличимое единство того и другого?» [30, с. 313]. Примечательно, что в мусульманском контексте мистик X в. аль-Халладж, воскликнувший в экстазе: «Я есть Истина» (т. е. Бог), был казнен как еретик. Но это уже к третьему замечанию.

Итак, в-третьих, не закрывая глаза на эротизм мистической практики, средневековая культура тем не менее совершенно не замечает его явной еретичности с точки зрения ее же ценностных оснований.

В ходе развития любой теистической религии, чье вероучение базируется на персонифицированной трактовке Бога, рано или поздно возникает идея о возможности личного общения с ним, а значит, оформление мистики не только возможно, но и вероятно. По наблюдению Э. Фромма, последовательное разворачивание догматов монотеизма непременно должно логически подвести к мистицизму [31, с. 21].

Так, например, в исламе возникает во многом изоморфное христианской мистике направление – суфизм¹. Однако как только в суфизме (ныне вполне уважаемом направлении ислама) оформляется специфическая для мистики идея о возможности экстатического соединения с Богом, ортодоксальный ислам весьма резко реагирует на это: ранний суфизм фактически имеет статус ереси, суфии подвергаются суровым гонениям. Так, уже упоминавшийся выше аль-Халладж был не просто казнен, но и проклят, подвергнут чудовищным пыткам: его публично бичевали, отсекли кисти рук, повесили вниз головой на виселице, затем побивали камнями, а после отсечения головы, тело было предано огню [32, с. 320]. Таким образом, в рамках ислама опасность мистических идей в плане возможности развития *superbia* была замечена официальной церковью, причем отреагировала она незамедлительно и жестко.

В полную противоположность этому христианский средневековый мистицизм не только не встречает препятствий к развитию со стороны отцов церкви, но, напротив, сам его основоположник и классик Бернанд Клервоский фактически

¹Подробное исследование суфизма у нас впереди, поскольку его развитие оказалось небезразличным для эволюции европейских трактовок любви в чуть более поздний период истории Средневековья.

выявляется как наиболее влиятельная фигура своего времени. Сознательно отказавшись от церковной карьеры и не занимая официально значимых постов в иерархии клира, он тем не менее имел непосредственное влияние на папский престол (Иннокентий I обязан ему своим избранием, Евгений III был его учеником) и фактически вершил дела большой европейской политики (реализация теократической идеи в разрешении конфликта между папой и Людовиком VII по поводу папской инвеституры, инициатива проведения ряда Крестовых походов и т. п.) (см. [20, с. 58–141]). По оценке В. И. Герье, «история его века совершалась под его влиянием... Бернард сделался духовным вождем своего времени» [20, с. 46].

Фактически можно говорить о разных судьбах мистики на Востоке и на Западе [33, с. 19–27]. Такое различие в статусе у мусульманского и христианского мистицизма во многом порождено тем, что в противоположность христианству в исламе аскетизм не только не культивируется, но особенно и не акцентируется (Мухаммеду приписывается хадис «Нет дервишества в исламе» [32, с. 318]). Соответственно, в исламе, в отличие от средневековой христианской Европы, не разворачивается с такой мощью тенденция адсорбированной асексуальности культуры, не оформляются жесткие – до полной элиминации – запреты на любые поползновения эротизма как такового. Коран не только не содержит требования аскезы, но и осуждает монашество: «В сердца тех, которые последовали за ним, мы вселили сострадание и милосердие, а монаше-

ство они выдумали сами. Мы не предписывали им этого...» (сура 57, аят 27). Осуждая прелюбодеяние, Коран тем не менее призывает правоверных жениться «на тех, что приятны вам, женщинах – и двух, и трех, и четырех», а также брать наложниц «из тех, которыми овладели десницы ваши» (сура 4, аят 3). Сказано в Коране: «Ваши жены являются пашней для вас. Приходите же на вашу пашню, когда и как пожелаете» (сура 2, аят 223), и абу Хамид аль-Газали делает из этого вывод: «Ясно, что брак – одна из основ религии» (см. [34, с. 1]). В целом, опираясь на слова Пророка, ислам формулирует общую максиму: «Супружество – половина религии» (см. [35, с. 118]).

Более того, в исламе «запрещено безбрачие и отрешенность от законных половых отношений» [36, с. 146], и теологи осуждают как безбрачие вообще, так и, в частности, безбрачие по религиозным мотивам (см. [34, с. 176–178; 37, с. 32]), утверждая, что важно лишь блюсти в браке «религиозный этикет» (см. [38, с. 2–125]).

Таким образом, как отмечается в коллективной работе современных мусульманских философов и богословов «Любовь и секс в исламе», «ислам поощряет секс, если человек при этом не нарушает требований Шариата и не забывает обо всем остальном» [34, с. 123].

Исламская интерпретация рая вообще достаточно вдохновляющая в этом плане: тюркская поэма «Мухаммедите» суммирует все разбросанные в Коране данные о том, что ожидает праведника в раю:

Что до места, то райские будут жилища.
И раздолье там будет насчет всякой пищи!
А в любовницы будут даны все лишь хури,
Кои блещут сияньем чистейшей лазури.
Говорят: «Коль они световые созданья,
Как возможны им будут объятья, лобзанья?»
Но на этот вопрос нам готов уж ответ:
Их субстанция есть осязательный свет.
Так что можно от них наслажденье вкушать,
Целовать, обнимать, душу негой питать...
И не портят рожденьем детей своих тел;
Чувство ревности вовсе не есть их удел;
Вновь становятся девами каждую ночь, –
Этой сладости мыслям постигнуть невмочь!
По пяти сотен хурий всем будет дано... (цит. по: [39, с. 16]).

В таком культурном контексте суфизм как мистическое течение в исламе с его духовным пафосом трансцендентальной любви к Богу не имел под собой такого мощного фундамента в форме подавленного эротического компонента культуры, как мистицизм средневековой Европы.

Что же касается Европы, то средневековый мистицизм с его специфическим, на грани кощунства, символизмом и – весьма часто – достаточно

откровенным натурализмом, отнюдь не был понят как ересь, хотя объективно еретичен вдвойне: фактически и *superbia*, и *luxuria* – в одном флаконе. Однако мистик, мыслящий о символическом браке с Абсолютом, не замечает своей имплицитной греховности: должно быть, занят ощущениями...

В заключение надо заметить, что описанная ситуация не прошла бесследно для развития трактовки любви в европейской культуре. Сплетаясь

теснейшим образом с мистической традицией, эротизм как феномен обретает не только искомым легитимный статус в культуре, – дополнительно он обретает сакральную окрашенность и едва ли не ритуальный характер.

Платой за этот оказавшийся весьма успешным способ выживания в культуре для эротизма стала неразрывная (хотя и неожиданная) сопряженность с ценностями благочестия, а также трансценден-

тальная нагруженность трактовки любви как таковой.

О как неожиданно и ярко развернется это в европейской поэзии – от трубадуров до Александра Блока!

О сколько проблем и бед принесет это тем, кому доведется полюбить (а главное – размышлять о своей любви), в европейском культурном контексте – уже и после Александра Блока...

Библиографические ссылки

1. Ареопагитики. Об именах Божиих // Антология мировой философии : в 4 т. Т. 1, ч. 2. М., 1977. С. 611–620.
2. Иероним. Письмо к Евстохии // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX вв. М. : Наука, 1970. С. 36–42.
3. Алкуин. Надпись на книге «Песнь Песней» // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX вв. М., 1970. С. 259–260.
4. Хильдегарда Бингенская. Секвенция о святом Руперте // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. М., 1972. С. 325–326.
5. Хильдегарда Бингенская. Секвенция об одиннадцати тысячах дев // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. М., 1972. С. 326–327.
6. Хротсвита Гандерсгеймская. Каллимах // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. М., 1972. С. 87–92.
7. Петр Дамиани. Гимн святому апостолу Иоанну // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. М., 1972. С. 193.
8. Хильдегарда Бингенская. Песнопение хора девственниц // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. М., 1972. С. 328–329.
9. Хротсвита Гандерсгеймская. Авраам // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. М., 1972. С. 92–103.
10. Песнь о святой Евлалии // Зарубежная литература средних веков: латинская, кельтская, скандинавская, провансальская, французская литературы. М., 1974. С. 181.
11. Хротсвита Гандерсгеймская. Дульциций // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. М., 1972. С. 85–87.
12. Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Exempla XIII века). М. : Искусство, 1989.
13. Хильдегарда Бингенская. Гимн Святой Деве Марии // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. М., 1972. С. 324.
14. Ансельм Кентерберийский. Книга размышлений и молитвословий // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. М., 1972. С. 246–248.
15. Ансельм Кентерберийский. Прослогион // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. М., 1972. С. 248–256.
16. Можейко М. А. Мистика // Всемирная энциклопедия. Философия. М. ; Минск, 2001. С. 639–643.
17. Можейко М. А. Откровение // Всемирная энциклопедия. Философия. М. ; Минск, 2001. С. 750–752.
18. Можейко М. А. Бог // Новейший философский словарь. 2-е изд. Минск, 2001. С. 110–113.
19. Мейстер Экхарт. Духовные проповеди и рассуждения / пер. со средне-верхне-немецкого и вступ. ст. М. В. Сабашниковой. М. : Политиздат, 1991. [Репринт. изд. 1912 г.].
20. Герье В. И. Западное монашество и папство. М. : Печатня С. П. Яковлева, 1913.
21. Бернгард Клервоский. Проповедь третья на Песнь песней // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. М., 1972. С. 310–313.
22. Каганович Б. С. П. М. Бицилли и его книга «Элементы средневековой культуры» // Бицилли П. М. Элементы средневековой культуры. СПб., 1995. С. VII–XXVII.
23. Бицилли П. М. Элементы средневековой культуры. СПб. : ТОО «МИФРИЛ», 1995.
24. Карсавин Л. П. Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках преимущественно в Италии. Записки Историко-филологического факультета императорского петербургского университета. Петербург : Науч. дело, 1915. Ч. СХХV.
25. Шантени де ла Соссе П. Д. Учебник по истории религий // Классики мирового религиоведения : антология / пер., сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. М., 1996. Т. 1. С. 197–216.
26. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / пер. А. М. Руткевича. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2008.
27. Ван дер Леув Г. Введение в феноменологию (фрагмент) // Религиоведение. 2015. № 2. С. 132–139.
28. Waardenburg J. Religionsphanomenologie 2000 // Michaels A., Pezzoli-Olgiati D., Stolz F. Noch eine Chance für die Religionsphanomenologie? Bern, 2001. S. 441–488.
29. Мэлони Г. Н. Религиозный опыт: феноменологический анализ уникального поведенческого события // Человек. 1992. № 4. С. 15–21.

30. Аверинцев С. С. Религиозная поэзия XII века // Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков. С. 313–315.
31. Фромм Э. Искусство любить. Исследование природы любви / пер. с англ. Л. А. Чернышовой. Минск : Полифакт, 1990.
32. Петрушевский И. П. Ислам в Иране VII–XV вв. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1966.
33. Можейко М. А. Религиозная традиция как фактор культурного процесса // Всемирная энциклопедия. Религия. М., 2003. С. 5–30.
34. Любовь и секс в Исламе : сб. ст. М. : Изд. дом «Ансар», 2004.
35. Фрэйджер Р. Мудрость ислама: знакомство с жизненным опытом исламской веры и практики. М. : Омега, 2005.
36. Кардави Ю. Дозволенное и запретное в Исламе. М. : Андалус, 2004.
37. Бухари Хаджи Абдулгафур Раззок. Введение в суфизм / пер. Равиль ибн Ханафий (Чепкунов). М. : Имидж Пресс, 2010.
38. Мухаммад Насыр ад-Дин аль-Альбани, шейх-мухаддис. Этикет бракосочетания согласно пречистой сунне / пер. с арабск. Дамир Хайруддин. [Электронный ресурс]. URL: https://d1.islamhouse.com/data/ru/ih_books/single/ru_The_Etiquettes_of_Marriage_and_Wedding.pdf (дата обращения: 01.02.2018).
39. Крымский А. Е. Мусульманство и его будущность. М. : Книж. дело, 1899.

References

- [Areopagitics. On the names of God]. In: *Antologiya mirovoi filosofii* [Anthology of world philosophy] : in 4 vols. Vol. 1, part 2. Moscow, 1977. P. 611–620 (in Russ.).
- Hieronymus. [Letter to Eustochia]. In: *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury IV–IX vv.* [Memorable texts of medieval Latin literature of the IV–IX centuries]. Moscow, 1970. P. 36–42 (in Russ.).
- Alcuin [The inscription on the book «Song of Songs»]. In: *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury IV–IX vv.* [Memorable texts of medieval Latin literature of the IV–IX centuries]. Moscow, 1970. P. 259–260 (in Russ.).
- Hildegard of Bingen. [Sequence on the Saint Rupert]. In: *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury X–XII vv.* [Memorable texts of medieval Latin literature of the X–XII centuries]. Moscow, 1972. P. 325–326 (in Russ.).
- Hildegard of Bingen. [Sequence on eleven thousand of Maidens]. In: *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury X–XII vv.* [Memorable texts of medieval Latin literature of the X–XII centuries]. Moscow, 1972. P. 326–327 (in Russ.).
- Hrotswita of Gandersheim. [Kallimakh]. In: *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury X–XII vv.* [Memorable texts of medieval Latin literature of the X–XII centuries]. Moscow, 1972. P. 87–92 (in Russ.).
- Peter Damiani. [Gimn to St. Apostle John]. In: *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury X–XII vv.* [Memorable texts of medieval Latin literature X–XII centuries]. Moscow, 1972. P. 193 (in Russ.).
- Hildegard of Bingen. [Chant of the virgin's chorus]. In: *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury X–XII vv.* [Memorable texts of medieval Latin literature X–XII centuries]. Moscow, 1972. P. 328–329 (in Russ.).
- Hrotswita of Gandersheim. [Abraham]. In: *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury X–XII vv.* [Memorable texts of medieval Latin literature of the X–XII centuries]. Moscow, 1972. P. 92–103.
- [Song of Saint Eulalia]. In: *Zarubezhnaya literatura srednikh vekov: latinskaya, kel'tskaya, skandinavskaya, provansal'skaya, frantsuzskaya literatury* [Foreign literature of the Middle Ages: Latin, Celtic, Scandinavian, Provençal, French literatures]. Moscow, 1974. P. 181 (in Russ.).
- Hrotswita of Gandersheim. [Dulcitius]. In: *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury X–XII vv.* [Memorable texts of medieval Latin literature of the X–XII centuries]. Moscow, 1972. P. 85–87.
- Gurevich A. Y. *Kul'tura i obshchestvo srednevekovoi Evropy glazami sovremennikov* (Exempla XIII veka) [Culture and society of medieval Europe through the eyes of contemporaries (Exempla of the XIII century)]. Moscow : Iskusstvo, 1989 (in Russ.).
- Hildegard of Bingens. [Hymn to the Blessed Virgin Mary]. In: *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury X–XII vv.* [Memorable texts of medieval Latin literature of the X–XII centuries]. Moscow, 1972. P. 324 (in Russ.).
- Anselm of Canterbury. [The book of meditations and prayers]. In: *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury X–XII vv.* [Memorable texts of medieval Latin literature of the X–XII centuries]. Moscow, 1972. P. 246–248 (in Russ.).
- Anselm of Canterbury. [Proslogion]. In: *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury X–XII vv.* [Memorable texts of medieval Latin literature of the X–XII centuries]. Moscow, 1972. P. 248–256.
- Mojeiko M. A. [Mystic]. In: *Vsemirnaya entsiklopediya. Filosofiya* [The world encyclopedia. Philosophy]. Moscow ; Minsk, 2001. P. 639–643 (in Russ.).
- Mojeiko M. A. [Revelation]. In: *Vsemirnaya entsiklopediya. Filosofiya* [The World Encyclopedia. Philosophy]. Moscow ; Minsk, 2001. P. 750–752 (in Russ.).
- Mojeiko M. A. [God]. In: *Noveishii filosofskii slovar'* [The newest philosophical dictionary]. 2nd ed. Minsk, 2001. P. 110–113 (in Russ.).
- Meister Eckhart. *Dukhovnye propovedi i rassuzhdeniya* [Spiritual preachings and reasonings]. Moscow : Politizdat, 1991 (in Russ.).
- Gerie V. I. *Zapadnoe monashestvo i papstvo* [Western monasticism and the papacy]. Moscow : Pechatnya S. P. Yakovleva, 1913 (in Russ.).
- Bernard of Clairvaux. [Preaching the third to Song of Songs]. In: *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury X–XII vv.* [Memorable texts of medieval Latin literature of the X–XII centuries]. Moscow, 1972. P. 310–313 (in Russ.).
- Kaganovich B. S. [P. M. Bitsilli and his book «Elements of Medieval Culture»]. In: Bitsilli P. M. *Elementy srednevekovoi kul'tury* [Elements of Medieval culture]. Saint Petersburg, 1995. P. VII–XXVII (in Russ.).
- Bicilli P. M. *Elementy srednevekovoi kul'tury* [Elements of medieval culture]. Saint Petersburg : TOO «Mifril», 1995 (in Russ.).

24. Karsavin L. P. *Osnovy srednevekovoi religioznosti v XII–XIII vekakh preimushchestvenno v Italii* [Basics of medieval religiosity in the XII–XIII centuries, mainly in Italy]. Petersburg : Nauch. delo, 1915 (in Russ.).
25. Chantepie de la Saussaye P. D. [Textbook on the history of religions]. In: *Klassiki mirovogo religiovedeniya : antologiya* [Classics of world religious studies: anthology]. Moscow, 1996. Vol. 1. P. 197–216 (in Russ.).
26. Otto R. *Svyashchennoe. Ob irratsional'nom v idee bozhestvennogo i ego sootnoshenii s ratsional'nym* [The Sacred. On the irrational in the idea of the divine and its relationship with the rational]. Saint Petersburg : Publ. house of the Saint Petersburg Univ., 2008 (in Russ.).
27. Van der Leeuw G. [Introduction to Phenomenology (fragment)]. *Religiovedenie* [Relig. stud.]. 2015. No. 2. P. 132–139 (in Russ.).
28. Waardenburg J. *Phenomenology of Religion 2000*. In: Michaels A., Pezzoli-Olgiati D., Stolz F. *Another chance of religious phenomenology?* Bern, 2001. P. 441–488 (in Ger.).
29. Malony G. N. [Religious experience: a phenomenological analysis of a unique behavioral event.]. *Chelovek* [Man]. 1992. No. 4. P. 15–21 (in Russ.).
30. Averintsev S. S. [Religious poetry of the XII century]. In: *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury X–XII vv.* [Memorable texts of medieval Latin literature of the X–XII centuries]. Moscow, 1972. P. 313–315 (in Russ.).
31. Fromm E. *Iskusstvo lyubit'. Issledovanie prirody lyubvi* [The art of loving: an inquiry into the nature of love]. Minsk : Polyfact, 1990 (in Russ.).
32. Petrushevsky I. P. *Islam v Irane VII–XV vv.* [Islam in Iran of VII–XV centuries]. Leningrad : Leningr. Univ. Publ. House, 1966 (in Russ.).
33. Mojeiko M. A. [Religious tradition as a factor of the cultural process]. In: *Vsemirnaya entsiklopediya. Religiya* [The world encyclopedia. Religion]. Moscow, 2003. P. 5–30 (in Russ.).
34. *Lyubov' i seks v Islame* [Love and sex in Islam] : collect. of articles. Moscow : Publ. House «Ansar», 2004 (in Russ.).
35. Frejger R. *Mudrost' islama: znakomstvo s zhiznennym opytom islamskoj very i praktiki* [Wisdom of Islam: acquaintance with the life experience of Islamic faith and practice]. Moscow : Omega, 2005 (in Russ.).
36. Kardavi Y. *Dozvolennoe i zapretnoe v Islame* [The Permitted and the Forbidden in Islam]. Moscow : Andalus, 2004 (in Russ.).
37. Bukhari Haji Abdulgafur Rassok. *Vvedenie v sufizm* [Introduction to Sufism]. Moscow : Imidzh Press, 2010 (in Russ.).
38. Sheikh Muhaddad Muhammad Nasir al-Din al-Albani. *Etiket brakosochetaniya soglasno prechistoi sunne* [Etiquette of marriage according to the most pure Sunnah] URL: https://d1.islamhouse.com/data/ru/ih_books/single/ru_The_Etiquettes_of_Marriage_and_Wedding.pdf (date of access: 01.02.2018) (in Russ.).
39. Krymsky A. E. *Musul'manstvo i ego budushchnost'* [Islam and its future]. Moscow : Knizhnoe delo, 1899 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 12.02.2018.
Received by editorial board 12.02.2018.

Р. С. Марина Александровна Можейко, известный белорусский философ, выпускница Белорусского государственного университета, воспитанница Минской методологической школы академика В. С. Стёпина, доктор философских наук, профессор 16 марта отметила свой юбилей. О ее профессионализме и больших успехах в науке и преподавательской деятельности говорят ее публичные выступления, курсы лекций, научные труды, монографии и энциклопедии. Она постоянный автор нашего журнала, подвижник, необыкновенно душевный и порядочный человек.

Дорогая Марина Александровна, примите наши самые искренние поздравления и пожелания добра и процветания! Для многих наших студентов и преподавателей Вы настоящий кумир и объект для подражания... Так держать!

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

УДК 316.65

СТУДЕНЧЕСТВО ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: СМЫСЛОВЫЕ ИНВАРИАНТЫ ДУХОВНЫХ ПРАКТИК

А. Н. ДАНИЛОВ¹⁾, Ж. М. ГРИШЕНКО¹⁾, Т. В. ЩЕЛКОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

В центре исследования – современное студенчество поколения Z, рождение и начальные этапы социализации которого совпали с тотальной anomией в постсоветском обществе. Представлены результаты качественного изучения методами тестирования и глубинного интервью современной студенческой аудитории. Объективированные тенденции позволяют формулировать проблему межпоколенческого раскола и отчуждения большей части студенчества поколения цифровых технологий от традиционной нормативной ценностной модели. Параллельно обсуждаются методико-процедурные проблемы современной социологии и усиления ее чувствительности и разрешающей способности в замере смыслов, которые современная молодежь вкладывает в свою интерпретацию базовых ценностей.

Ключевые слова: означаемое-означающее (смыслы); культурный код; импринтинговый эффект; культурный социогеном; отчуждение; раскол традиций; ментальные трассы; смысловая верификация.

Образец цитирования:

Данилов А. Н., Грищенко Ж. М., Щелкова Т. В. Студенчество цифровых технологий: смысловые инварианты духовных практик // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 1. С. 125–134.

For citation:

Danilov A. N., Grishchenko Z. M., Scholkova T. V. Students of the digital technologies: semantic invariants of the spiritual practices. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 1. P. 125–134 (in Russ.).

Авторы:

Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук.

Жанна Михайловна Грищенко – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Татьяна Викторовна Щелкова – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Authors:

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social science.

a.danilov@tut.by

Zhanna M. Grishchenko, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social science.

zhanna0607@mail.ru

Tatiana V. Scholkova, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social science.

tanar2002@tut.by

STUDENTS OF THE DIGITAL TECHNOLOGIES : SEMANTIC INVARIANTS OF THE SPIRITUAL PRACTICES

A. N. DANILOV^a, Z. M. GRISHCHENKO^a, T. V. SCHOLKOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: Z. M. Grishchenko (zhanna0607@mail.ru)

In center of research attention the modern students Z generation, birth and early stages of socialization of that, coincided with total anomie in postsviet society. The results of quality research are presented by the methods of testing and deep interview o modern student audience. Objectified tendencies allow to formulate the dissidence and alienation of solid part of student of generation of digital technologies from the traditional normative valued model. In parallel the methodical procedural problems of modern sociology and strengthening of her sensitiveness in measuring of senses, that modern youth put in the interpretation of base values.

Key words: signified-signifying (meaning); cultural code; imprinting effect; cultural sociogen; allination; split traditions; mental tracks; semantic verification.

Оговоримся сразу в главном! Представленные здесь результаты нашего исследовательского поиска носят промежуточный характер. Тем не менее считаем целесообразным их оперативное включение в научный контекст для привлечения внимания профессиональной аудитории к проблеме состояния «культурного кода нации», реальные риски утраты которого (под влиянием внешних и внутренних факторов) возросли слишком ощутимо, чтобы оставаться незамеченными. Справедливости ради следует признать опережающий (в сравнении с научной риторикой) характер озабоченности сложившейся ситуацией со стороны наших политических лидеров. Так, в речи на церемонии вручения премий «За духовное возрождение» 9 января 2013 г. Александр Лукашенко выразил особую озабоченность необходимостью сохранения духовного кода нации как стержневой основы ее интеграции. Чуть раньше, в выступлении 25 сентября 2012 г. на Совете по культуре и искусству, Владимир Путин с сожалением отметил, что затянувшаяся дискуссия вокруг проблемы сохранения национального кода культуры все более акцентируется на нашем традиционном вопросе «Кто виноват?», в то время когда объективная необходимость настоятельно требует ответа на вопрос «Что делать?».

Несмотря на обилие научной литературы по динамике ценностных ориентаций современной генерации и даже на констатацию факта разрыва межпоколенческих духовных традиций, очень четко проступает явная сдержанность отечественных обществоведов в адекватной реалиям оценке ситуации. Можем ли мы сегодня формулировать проблему острее и глубже? Располагаем ли эмпирической базой данных, достаточной для выводов об очевидном расколе (разрыв создает иллюзию возможности его залатать!) межпоколенческих духовных традиций и перекодировке культуры на-

ции? Даже с учетом противоречивых тенденций социализации молодежи в современных условиях и ее интегрированности в культурную практику посредством закономерного инновационного обновления последней остается открытым вопрос: «Насколько гомогенны эти сложившиеся практики между прошлым и настоящим?» И можем ли мы сегодня с уверенностью утверждать, что весь этот проблемный и противоречивый процесс включения молодежи в исторически сложившийся культурный контекст способен сохранить баланс преемственного равновесия? И что может служить гарантом неизменности определенной совокупности устойчивых характеристик духовной культуры, призванных сохранять ее индивидуальное своеобразие? А параллельно – сохранять и саму нацию?! Ведь истина на удивление проста: нет своей культуры – нет и нации! И насколько правомерно наше оптимистическое упоение фактом, запечатленным в известном мнении о том, что лучшие наши традиции передаются на генном уровне исторической памяти?

Мы попытались в ходе только что завершеного второго этапа (тестирования) исследовательских работ измерить этот «социогенный эффект» исторической преемственности лучших образцов отечественной духовной культуры представителями поколения цифровых технологий. Для примера взяли известный девиз, начертанный на гербе знаменитого белорусского (так называемая Станьковская ветвь) рода графа Чапского, «Жизнь – Отчизне, честь – никому!». Какой лаконичный и вместе с тем емкий по своей смысловой палитре лозунг! Наполненный в высшей степени патриотическим духом, где личное (честь) слилось с гражданской ответственностью за судьбу Родины, и одновременно позиционирующий это личное (достоинство) как ценность, ничуть не меньшую (если не большую), чем

ценность самой жизни, поставивший знак тождества между ощущениями собственного достоинства и ответственностью за судьбу Отечества! Заметим, что включенное в тест суждение «**Жизнь – Родине, честь – никому!**» не сопровождалось никакими комментариями, установками, аналогиями и уточнениями. Просто стояло в ряду с другими суждениями теста под 17-м порядковым номером из 30 позиций, предложенных для оценки.

Сказать, что полученные результаты нас ошеломили, будет неправдой. Мы предполагали итоговую картину, по крайней мере, что она не сложится в пользу достойного девиза не менее достойных предков. И все же результат впечатлил своей выраженной негативной доминантой: 86 % представителей студенческого поколения Z отвергли содержание слогана (как говорят сегодня), при этом 33 % мотивировали свое несогласие с ним, не поняв даже его смысла («**О чем это?**»), а остальные 53 %, признав понимание сути, все же отrekliсь от нее в категорической форме («категорически не согласен»). И лишь 1 % респондентов безоговорочно приняли девиз, солидаризируясь с отраженным в нем смыслом. Есть еще 13 %, в принципе согласившихся с привлекательностью девиза, начертанного на гербе графа Чапского, но не так, чтобы безоговорочно.

А ведь не прошло и 100 лет с того момента, как потомки рода графа Чапского навсегда покинули белорусские земли (1920). Срок для исторической памяти в общем то даже незначительный. Практически правнуки оказались искренне **отчужденными** от нравственно-духовных эталонов своих предков, считая их для себя неприемлемыми и даже непонятными. Можно, конечно, классифицировать данный факт как межпоколенческий «разрыв» или «отрыв», или даже «отклонение». Но соизмерив пропорции обозначенных отклонений, «за» – 14 % и «против» – 86 %, все же, справедливости ради, вынуждены признать безвозвратный раскол (пропасть!) духовных традиций между прошлым и настоящим. И историческая память с ее **культурным социогеномом** нас здесь не спасла! Тем более что в приведенном примере в рамках обозначенного временного интервала в 100 лет произошли две социальные революции (социалистическая 1917 г. и перестроечная 1990-х гг.), каждая из которых разворачивалась под сокрушительными лозунгами разрушения до оснований старого мира! Так что очевидная неприглядность духовно-нравственных идеалов современного студента в сравнении с их предками может оцениваться как недостаток вполне извинительного толка, обусловленный закономерным исходом революционных «триумфов» нашей более чем драматичной отечественной истории.

Все эти вопросы так или иначе, но выводят нас на **предметный** разговор о состоянии культурного

кода нации. Задача, однако, не из легких уже потому, что культурный код наделен атрибутами «культурного бессознательного», о чем достаточно ясно пишет, например, американский психоаналитик К. Рапай: «Культурный код – это культурное бессознательное. Он определяет набор образов, которые связаны с каким-либо понятием в нашем сознании. Это не то, что мы говорим или четко осознаем, а то, что скрыто даже от нашего собственного понимания, но проявляется в наших поступках» [1, с. 31]. И даже с учетом смягчения психоаналитического подхода К. Рапая и его вполне обоснованного дополнения правомочностью включения в феномен «культурного кода» вполне осознанных смыслов [2, с. 40] вопрос об ограниченности **разрешающей** способности социологического инструментария в улавливании и эмпирической верификации именно смыслов (означающего) остается открытым. **Нечувствительность** наших многочисленных анкетных опросов к разрешению дилеммы «означаемого» и «означающего» ставит ощутимый барьер на пути продвижения вперед в оценке реальных «смыслов», стоящих за полученными результатами (данными) – например о ценностных предпочтениях студенческой молодежи.

Оригинальность объекта настоящего исследования связана с ее исследовательской фокусировкой на постсоветском поколении студенческой молодежи – тех, кто родился на рубеже веков (конец 1990-х гг.), кто сидит сегодня в вузовской аудитории и чья первичная и вторичная социализации проходили в трагических условиях **тотальной аномии** в обществе. Анализ обозначенного поколенческого архетипа, интегрированного на основе локализации его представителей в рамках единого (общего) исторического временного контекста, в случае отечественных аналогий привлек к себе внимание своим откровенным, визуально наблюдаемым, отчуждением от той традиционной нормативно-ценностной модели, по параметрам которой мы до сих пор определяем внутренний мир молодежи. При этом наше эмпирически выверенное и теоретически обоснованное упорство в выводах о приверженности современной молодежи базовым ценностям предшествующей эпохи выглядит, по правде говоря, странным. Особенно, на фоне того драматического социального контекста, который обернулся для взрослого поколения **культурной травмой**.

Достаточно лишь бегло перечислить все пройденные и пережитые массовым сознанием катаклизмы современной отечественной истории, чтобы понять серьезность проблемы: крушение великой Державы, ее «незыблемой» идеологии с коллективистскими традициями, последовавший за этим системный характер кризисных явлений в обществе, затем искреннее упоение демократической риторикой с ее декларированием всяческих сво-

бод, плюрализма мнений, гласности, далее – прогрессирующая индивидуализация сознания, а потом его национализация, глобализация, компьютеризация и виртуализация. Наконец, чуть позже, – крушение авторитета либеральной модели, ценностей мультикультурализма, глобализма, возрождение нового витка холодной войны и начало очередного этапа переоценки истории.

Надо заметить вместе с тем, что ничего этого поколение Z не переживало. Это была не их травма! И, со всей очевидностью, не их проблемное поле! Оно, это молодое поколение цифровых технологий, начало с чистого листа, «что-то слышало» время от времени, «кое-что видело» эпизодически и даже то, что «постигало» на уроках истории, было далеким и неинтересным прошлым, в котором не повезло жить предкам, особенно с позиции потребительских соблазнов сегодняшнего дня: без компьютеров и планшетов, смартфонов и гаджетов, интернета и фейсбука. «Надеюсь, ты своему ребенку такого детства не желаешь?» – искренне апеллирует к своему отцу молодой представитель поколения Z, глядя на нас с телевизионного экрана. И травмированный «шоковой терапией» отец вряд ли вспомнит славные страницы истории из собственного детства: Юрия Гагарина, например, и весь триумфальный для современной отечественной истории и науки путь покорения космоса. Или Валерия Харламова с его героической стойкостью, прославившей на века отечественный спорт. Можно и к достижениям кинематографа обратиться, посмотрев вместе с сыном, к примеру, «Мимино» – фильм, который сегодня воспринимается как памятник дружбы народов, о которой в погоне за национальными интересами мы просто забыли! Ничего этого отец, скорее всего, не вспомнит! Получив от сына конкретную программу действий по удовлетворению потребительских запросов своего чада, отец безропотно поплетется их выполнять.

Если вдуматься в суть более широкого – социального – эффекта отечественной рекламы, которой перенасыщено современное телевидение, то невольно почувствуешь облегчение от факта крайней ее непопулярности для поколения Z. А если к этому добавить бесхитростные в своем исполнении, но переполненные примерами откровенной пошлости и безнравственности сюжеты передач А. Малахова с их вечными семейными разборками, от изнасилований до дележки имущества, то и сам побежишь выключать телевизор! Не исключено поэтому, что уход в виртуальный мир нашей отечественной молодежи был оправдан не столько интересом к технологическим инновациям (они росли вместе с ними, для них это не диво, а совершенно естественная закономерность повседневности), сколько отчуждением от неприглядности современного взрослого мира, аномическая системность которого не предложила никаких более

или менее выраженных своим интересом и духовностью ориентиров и смысловых акцентуализаций. А что предложил виртуальный мир, с которым они просыпались и засыпали, можно догадаться по последствиям сформированного эффекта, где традиционные, базовые ценности духовности давно отодвинуты на периферию сознательного и бессознательного.

Приведем наглядный пример исходя из результатов, только что полученных по итогам реализации второго этапа исследовательских работ. Факт ценности семьи для молодежи, причем с точки зрения ее вполне осмысленного признания, зафиксирован практически во всех ценностно-ориентированных социологических исследованиях. С формальной точки зрения данная истина подтвердилась и в наших результатах. Суждение **«Крепкая семья – главный источник счастья»** получило согласие 70 % протестированной группы студентов против 30 % отвергших правомерность данного утверждения. Следовательно, можно предположить, что позиция 2/3 студенческой аудитории вполне соизмерима с признанием ценности семьи. Однако факт сопряженности этих результатов с количественными эквивалентами, полученными по ряду других, но гомогенных семейным ценностям смыслов, позволяет усомниться в справедливости данного вывода. В частности, тестовое суждение **«Признаю лишь официальный брак с печатью в паспорте»** получает согласие лишь у 40 %, а **«Главный смысл брака – рождение и воспитание детей»** и того меньше – только у 34 %. Очевидно, что современные паттерны поведения молодежи, связанные с популярностью «гражданского брака», исключающего груз взаимной ответственности (моральной и материальной), а также нежеланием обременять себя детьми, задают совершенно **иную модель** брачных отношений. Ну уж никак не вписывающуюся в традиционную ценностно-нормативную трактовку.

Если углубиться в этот смысловой ряд суждений далее, то можно легко обозначить сценарный вектор дальнейшего развития событий в его более радикальном (с точки зрения отрицания традиционных подходов) варианте. Так, результаты тестирования выявили, что 22 % респондентов ориентированы на брак, построенный исключительно на расчете – **«Верю в брак, построенный на расчете»**, а 24 % (практически четверть!) не планируют иметь детей (**«Дети – это слишком обременительно, лучше этого избежать»**), что вполне созвучно риторике сторонников движения «Child Free». И даже воодушевляющая вера в любовь как смыслосозидающее жизненное кредо для 70 % опрошенных (**«Без любви жизнь теряет всякий смысл»**) омрачается согласием 56 % с известным лингвистическим трендом, навязчиво транслируемым телевизионной рекламой: **«Не получилось**

с Машей, получится с Дашей!». Таким образом понимаемая и принимаемая любовь в рамках полного равнодушия к объекту своих личностных ситуативных предпочтений (сегодня с одной, завтра с другой) вполне гармонична популярности среди студентов другого смыслового тренда – **«Живи весело! Живи играючи!»**, получившего 73 % поддержки.

Все эти, как и многие другие, смыслы нашей реальности сегодня не имеют ничего общего с той нормативной и традиционной для истоков православной духовной культуры трактовкой института семьи ни в прямом, ни в косвенном значении. И тем не менее мы до сих пор с упорством настаиваем на том, что семья была и остается приоритетной ценностью для нашей современной молодежи [3]. Последнее наводит на размышления о причинах такого затянувшегося самообмана. Не лежит ли за всем этим принципиальная неспособность выхода наших обществоведов за рамки **категорического императива**, формулирующего универсальную ценность института семьи? У социологии есть свои, хорошо всем известные ресурсы, позволяющие утверждать ее вновь и вновь. Например, поставив ценность семьи на первое порядковое место в номинальной шкале анкетного опроса об актуальных для молодежи ценностях, ограничив их набор традиционной моделью. Впрочем, это другой сюжет, связанный с проблемой реактивности социологического инструментария, к которому мы еще вернемся чуть позже. Здесь же важным является вопрос о том, можно ли эмпирически верифицированные смыслы современных брачных отношений (и не только) классифицировать как **импринтиговый эффект**¹, программирующий не только ближайшее будущее, но и реальное настоящее?

А почему нет, если мы уже в актуальном фиксируем адекватные ему устойчивые ожидания и паттерны поведения, характерные для большей половины студентов, прошедших процедуру тестирования? Можно, конечно, сослаться на чрезмерную **эмоциональную** составляющую отдельных трендовых слоганов, да еще так назойливо мелькающих на телевизионном экране. Но разве не под воздействием эмоций как раз и прокладываются те (по удачному выражению С. А. Шавеля) **«ментальные трассы»**, которые и запечатлевают в сознании соответствующий опыт поведения [2, с. 40]? Аналогичный вывод делает и Р. Докинз, рассуждающий о психологической привлекательности как причине выживаемости «мима» – единицы передачи культурного наследия². Истоки этой утраченной при-

влекательности традиционных семейно-брачных отношений надо искать в окружающей среде, тотальная аномичность которой, пролонгированная во времени более чем на двадцатилетие, **эксплуатируется** постсоветской генерацией Z в собственных интересах и на **собственное благо!** И здесь сложно не согласиться с выводами того же Р. Докинза о том, что «отбор благоприятствует «мимам, которые эксплуатируют среду на собственное благо» [4, с. 448].

А среда эта связана с миром взрослых, при полном попустительстве и равнодушии которых и произошло **начало конца истории традиционного института семьи!** Параллельно – ее трансформация в совершенно иное качество, реплицируемое мимами-мутантами. Надо признать, наконец, что все тяготы нашей перестройки обрушились в первую очередь на самый первичный социальный институт – семью. Именно семья теряла все свои традиционные ориентиры и привычные нормы существования, поставленная в обстоятельства спонтанной адаптации к перевернутому вверх дном миру. И не справилась с серьезностью возлагаемой на нее функции компенсирующего характера в обстоятельствах коренной реконструкции общества и сопутствующей ей фатальной обреченности ее (общества) духовно-нравственной сферы. Для поколения Z их родители пребывали в режиме спонтанного самовывживания, добывания средств к существованию и просто физически не могли уделять детям должного внимания. Те же из них, кому повезло больше и удалось перейти в разряд состоятельных, достойно обеспечить свои семьи, компенсировали недостаток повседневного внимания к своим детям финансовыми излишествами, добровольно передав подрастающих чад на попечение няней, домоуправительниц, гувернанток.

Эта дифференциация внутри студенчества поколения Z по критерию материального благополучия их семей нарушила привычную гомогенность целого поколения, став причиной отчужденности не только внутр поколенческой (между группами молодежи), но и межпоколенческой (между родителями и детьми). И можно поспорить, где эти морально-нравственные издержки эпохи Миллениума оказались наиболее весомыми с точки зрения деморализации целого поколения: для тех, кто гордился своими преуспевающими родителями и при этом проходил испытание сытостью, или для тех, кто бедствовал, искренне сочувствуя и переживая (в лучшем случае) за своих родителей-неудачников?

¹Термин, введенный в научный оборот основателем этологии лауреатом Нобелевской премии Конрадом Лоренцем, тождествен синониму «запечатление». Понимается как психологический механизм, посредством которого образ или пережитое впечатление прочно запечатлевается в сознании, обуславливая устойчивую программу поведения.

²Ричард Докинз – биолог, основоположник концепции «мима», развернутой в опубликованной в 1976 г. книге «Эгоистичный ген». Автор предложил идею, согласно которой вся культурная информация, равно как и биологическая, состоит из базовых единиц: мимов (мимифонд) в культуре и генов (генофонд) в биологии. Как одни, так и другие базовые единицы подвержены общим закономерностям естественного отбора, мутации, искусственной селекции.

К сожалению, оказалась не на уровне своих прямых обязанностей и церковь, куда хлынул массовый поток растерявшихся в «новом» мире людей вместе со своим потомством. Охватившая массовое сознание парализация от воцарившегося в обществе хаоса стимулировала обращение к религиозным институтам как последней надежде, способной защитить от этой распространяющейся повсеместной вакханалии безнравственности и разрушения традиционных семейных канонов. Однако увлеченная открывшимися и соблазнительными для себя стимулами коммерциализации, а также завоевания достойной позиции рядом со светской властью, церковь тоже уклонилась от первостепенной для себя задачи поддержания и укрепления православных семейных традиций, отодвинув их на периферийный план. Во всяком случае не выступила с более или менее выраженными программными заявлениями в адрес распространяющихся повсеместно гражданских и однополых браков, сексуальной свободы, отрицания молодежью семейной функции деторождения и воспитания подрастающего поколения как своей первостепенной задачи.

Осталась в стороне от решения проблемы и образовательная система (включая школы и учреждения высшего образования), вошедшая в режим тотальной обреченности. Озабоченные перманентными потугами реформирования и оптимизации с выраженным акцентом на **дегуманитаризацию и коммерциализацию** образовательные институты сделали упор на сверхзадачу с броской и вполне инновационной формулировкой **«рационализации компетентности»!**

И надо признать, что получилось! Эта актуализированная общими усилиями компетентность поколения Z предпочла (что вполне закономерно) ценности техногенного типа цивилизационного развития. А с учетом нашего отечественного опыта «догоняющей модернизации», логично скаль-

кировала ценности западного мира с его **рациональностью и личностной автономией**, возведя их в непререкаемый идеализированный абсолют, противопоставленный традиционной культуре. Институт семьи в этом лабиринте терзаний «рационализированной компетентности» поколения Z оказался нерациональным и уж тем более не благоприятствующим суверенной автономии личности!

Когда сталкиваешься с этими эмпирическими релевантами своеобразия дня сегодняшнего (что для социолога скорее закономерно, нежели случайно), то остается лишь удивляться той таинственной силе, которая оказалась способной в столь драматических обстоятельствах отечественных трансформаций удержать генерацию Z в рамках традиционной модели базовых ценностей. Но даже если предположить правомерность подобных выводов, тем более необходимо понять и объяснить природу данного феномена, достаточно интригующего с точки зрения своей парадоксальности, чтобы не привлечь к себе внимания социолога и не дать ему оценку с позиции его профессионального габитуса.

Таким образом, на данном этапе нашего исследовательского поиска мы уходим от ответа на вопрос «Сколько?» (традиционная прерогатива количественного исследования), а концентрируемся на вопросах «Как?» и «Почему?», пытаюсь разобратся в глубинных **ментальных** преобразованиях, происходящих на наших глазах с поколением Z (на примере современного студенчества). И здесь на передний план выходят проблемы инструментальной эффективности задействованных методик замера, позволяющих уловить глубинные эмоционально-когнитивные резонансы трактовок традиционного ценностного набора между прошлым и настоящим, фиксируемые на уровне выраженного в ментальности, эффекта смысловых **запечатлений**.

Здесь уместно привести авторское пояснение. Как уже отмечалось ранее, сегодня в любом учебнике по социологии прописаны все основные алгоритмы нивелировки реактивности инструментария, начиная с формулировок вопросов и определенной последовательности перечня ценностей (в случае, например, со шкалой-меню) вплоть до филигранных тонкостей триангуляции, позволяющей сочетать количественные и качественные подходы даже в рамках одного метода (внутриметодная триангуляция). Гораздо реже обращают внимание на подбор самого ценностного ряда, который, как правило, продиктован стереотипами сознания самих исследователей. Тем более если они воспитаны и находятся в культурной парадигме традиционных базовых ценностей. Поставленный перед необходимостью конкретного ответа (выбора, ранжирования по приоритетам и т. п.) респондент в облике студента осуществит стоящую перед ним задачу достаточно легко, хорошо понимая, чего от него ожидают. Следовательно, в большинстве своем мы имеем дело с эффектом вербального характера, посредством которого транслируется **понимание**, т. е. когнитивная составляющая. Параллельно – очевидная **нечувствительность** социологических методов (преимущественно опроса) к замеру смыслов продиктована обстоятельствами давящего эффекта когнитивного плана, проецируемого авторами исследования на испытуемого (респондента) и заведомо инспирирующего его на действие (выбор) рационального характера. Тогда как современная жизненная ситуация в ее «турбулентном воплощении» все чаще идет в отрыве от формулируемых традиционных постулатов и заменяется **иррациональным** выбором. Таким образом, необходимость нейтрализации влияния самого исследователя на ход подготовки (программирования) исследовательского процесса и его последующей реализации представляется принципиальной. Речь идет, безусловно, не о физическом устранении исследователя, а его «закадровом позиционировании». Не претендуя на логическую

завершенность своей методико-процедурной альтернативы, отметим главное. Экспериментальные попытки решить ее с максимальной нивелировкой исследовательского влияния на процедуру замера оказались сравнительно успешными. Так, например, предложенный студенческой аудитории открытый вопрос «Кто ты?» был сформулирован в формате открытого вопроса, цель которого была продиктована необходимостью знакомства преподавателя со студенческой группой. Опрос проводился в самом начале учебного года, когда первая встреча преподавателя со студентами логически оправдывала процедуру знакомства и не вызывала никаких дополнительных вопросов. Организованный таким образом опрос исключал формализованный перечень ценностей и шкал, а параллельно – фиксированную установку относительно тематической направленности, а также формулировки целей и задач опроса. Респондентам предоставлялась возможность свободной само-рефлексии (когнитивного и эмоционального планов) и произвольной формулировки **ассоциаций**, спонтанно возникающих в его голове при необходимости репрезентации своего повседневного статуса. Одновременно предполагалось, что студенты репрезентируют себя через сущностные социальные роли, принцип **смысловой коннотации** которых выведет нас на актуальный для поколения Z ценностный набор.

Второй этап исследования исчерпывался тестированием 150 студентов. Разработке теста предшествовала процедура операционализации смыслов, которые прочитывались в результатах первого этапа. Процедурный аспект подбора суждений в тест включал в себя ряд принципиальных методико-процедурных моментов.

Во-первых, суждения подбирались с предварительной **редукцией** их формулировок до уровня повседневной студенческой лексики. Проблема решалась на основе включенного наблюдения за студенческой аудиторией (исполнители темы – преподаватели, непосредственно контактирующие с объектом исследовательского интереса) и фиксации наиболее популярных в студенческой среде формулировок. Вместе с тем ряд включенных в тест суждений были заимствованы из телевизионной рекламы, что позволило впоследствии оценить их **импринтинговый эффект** в студенческой среде. Во-вторых, суждения подбирались с точки зрения их позитивной (соответствующей традиционной нормативной модели) или, напротив, негативной (идущей на раскол традиций направленности). Суждения скомпонованы в тесте по принципу своей хаотичности, исключающей группировки в соответствующие смысловые блоки, как это принято в обычной социологической анкете. Никаких обязательных преамбул, объясняющих цели, задачи исследования, процедура тестирования не предполагала. Студентам просто предлагался набор суждений с просьбой выразить свое личное отношение к ним. В итоге респонденты погружались в **пространство артикулируемых смыслов**, с которыми они должны были согласиться или не согласиться.

Все вышеперечисленные процедурные аспекты методики, ориентированные на оценку суждений в отрыве от их инструментально-операционального значения (оставались за кадром для респондентов), имели смысл лишь в одном – понизить **реактивность** социологического инструментария и стимулировать респондента к **аутентичности** поведенческой реакции.

С учетом закономерностей нелинейного развития социальных систем такая формулировка задач исследования кажется нам не только логичной, но и целесообразной. Тем более что обоснованная авторитетными методологами наша реальность «фазового перехода в терминах динамического хаоса и самоорганизации» не исключает вариативности «спектра возможных сценариев развития системы» [5, с. 9]. И какой из них возьмет верх, определив «русло изменений системы», предугадать сегодня сложно, но важно. Очевидно, что поколению Z принадлежит в этом вопросе отнюдь не последняя роль. А с учетом специфики периода их социализации, когда в режиме динамического хаоса, воцарившегося в обществе, ранее сложившиеся программы саморегуляции мутируют и ранее возникшие параметры порядка перестают работать, смеем предположить, что решающая роль! Тем более что обозначенный объект нашего исследовательского интереса (студенчество поколения Z) уже в ближайшее время пополнит ряды отечественной интеллектуальной элиты, не исключая и элиту политическую.

Таким образом, концепту «смысл» придается активное созидательное начало в жизнотворчестве. Не случайно Дж. Александер, отмечая важность

использования смысла в контексте исследований социальной реальности, и в частности культуры, видит в этом «новый радикальный методологический поворот» социологического познания мира, связанный с необходимостью переключения внимания к смыслам не с точки зрения их зависимости от социальных обстоятельств, а с позиции их роли как активной созидательной силы, формирующей эти обстоятельства [6, с. 92–93]. Это противоречие между формально означаемым и личностно означаемым, хорошо известное философии и психологии, в социологии уходит в сферу феноменологии и анализа повседневности через рефлексию быденных практик, где означаемое (смысл) выводится из сознания субъекта, ему же приписывается конструирование самой социальной реальности [7]. По этой же причине, включая категорию «смысл» в свою парадигму социологии жизни, Ж. Т. Тощенко видит ее инструментальную и концептуальную ценность в «обозначении некой итоговой, ключевой сущности происходящих изменений социальной реальности, глубинном содержании бытия, что предполагает выявление главного, определяющего в жизни человека на основе интерпретации полученных в процессе социологического исследования данных» [8, с. 153].

Прочитывая в самом первичном и общем плане результаты тестирования, надо признать, что современная студенческая аудитория не вуалирует своей основной ставки на **самоутверждение суверенной автономии личности** в самой **эгоистичной** ее форме крайнего индивидуализма, ориентированного на достижение **личностного жизненного успеха**. При этом важно заметить, что 70 % протестированной группы студентов (всего 150 человек) считают для себя принципиальным **признание** этого успеха со стороны окружающих. Основное русло формирующихся на наших глазах «ментальных трасс» студенчества направлено на **утверждение личности**, понимаемое как **«способность оставаться собой!»**. Именно этот смысловой импринт получил единодушную поддержку со стороны практически всего массива протестированной нами студенческой аудитории – 92 %. Отсюда понятно, почему принятая поколением Z модель автономии и свободы личности не допускает никаких примеров для подражания и исключает из своей программы саморазвития давящую роль каких-либо авторитетов. Данный факт мы зафиксировали еще на начальном, ассоциативном этапе своего проекта, когда предложение указать идеал для примера обернулось для исследователей полным фиаско: **«Идеалов нет и быть не может!»** Это категорическое кредо жизненной позиции автономной личности эпохи цифровых технологий как нельзя лучше объясняет логику своей аргументации. Ведь любой, даже самый незначительный, пример для ориентира (о подражании мы уже и говорить боимся) предполагает последующую коррекцию собственного «Я», что ставит под сомнение аутентичность (подлинность) личностной определенности и уводит за пределы собственной автономии личности. Окружающий их взрослый мир с постоянно меняющимися градусами общественных настроений (то оптимистически радужных в ожидании демократического рая с иллюзорной, но манящей свободой и независимостью, то пессимистически подавленных с перманентным пересмотром страниц истории и переименованием городов и улиц) ничего иного, кроме запечатленного памятью **нигилизма**, увы, не предложил. Поэтому ожидание от поколения Z каких-либо идеалов-ретрансляторов хотя бы героического прошлого нашей истории, на примере которых хотелось бы «строить жизнь», было заведомо обречено на провал. Ибо и героическое прошлое, к сожалению, было подвергнуто тем же миром взрослых безжалостному чистилищу, став мощным импульсом для прогрессирующих сомнений, запечатленных в ментальности поколения цифровых технологий откровенным **цинизмом**. Тем более что задачу повышения компетенций социализирующейся на наших глазах генерации

эпохи Миллениума мы решали не в одиночку (возможно, был бы иной эффект, менее удручающий), а, скажем прямо, всем глобализирующимся на наших глазах миром. Очень оперативно разъяснили детям их права и обязанности, поведали об ужасах насилия со стороны, в том числе родителей, и подсказали инстанции, к кому обращаться при необходимости. Во всяком случае, когда десятилетний ребенок, не отрываясь от экрана смартфона, переходит улицу и на попытки матери забрать телефон и положить его в рюкзак отвечает поставленным голосом: **«Ты нарушаешь права ребенка, я подам на тебя в суд!»** – окружающим понятно, что с компетенциями у этого подростка все в порядке. Но от этого становится еще грустнее... Грустнее от того, что импринтинговый эффект отмечен в психологии своей **необратимостью**. И достаточно одного лишь раза, чтобы «ментальные трассы» приобрели **устойчивый и безвозвратный** характер, предопределив соответствующее сценарное развитие для целого поколения.

В программе **жизненного успеха** студенческой молодежи интересующего нас сегмента принципиальными остаются два аспекта – понимание **цели и средств** (инструментальный компонент) ее достижения. И вот здесь появляются основания для более глубоких критических рефлексий с точки зрения формирующихся на наших глазах и при нашем непосредственном участии «ментальных трасс» поколения Z. В частности, результаты тестирования обнажили доминантную позицию в студенческой среде попыток интерпретации жизненного успеха как **«достижение высот профессионального мастерства»** – 83 % эффекта смысловой интериоризации. В своей логической сопряженности с личностью и запечатленным в ее сознании социогеном независимости и автономности две эти смысловые ориентации достойны аналогии с лучшими образцами высших духовных интенций, базирующихся на пике пирамидальной проекции Маслоу. Самореализация личности посредством и в рамках дела, которому служишь профессионально, – это не просто высший образец духовно-нравственного совершенства личности. Это то, о чем мечтало не одно поколение, понимая эфемерность и недостижимость идеала. Неужели социогеном **«рационализированной компетентности»** дал такой впечатляющий своей перспективой результат? Как хотелось бы в это поверить, если бы не опыт включенного наблюдения, который (вольно или невольно) реализует в своей педагогической практике любой преподаватель. И сегодня практически каждый из них подтвердит факт резкого роста численности **демотивированных** студентов в наших аудиториях. Как это отражается в смысловой повседневности? Просто и, главное,

вполне созвучно истинному положению вещей. «Я здесь ради диплома, а не ради знания» – 30 % согласившихся, «Меня не волнует, буду ли я работать по профессии» – 48 %³, «Студенческие годы хороши своей безмятежностью» – 62 %. И еще: «Для меня главное сегодня – это учеба» – 45 % отрицающих данный смысловой импринтинг. С последним вариантом вполне созвучно и другое: «Личный успех я связываю с достижением карьерного роста» – 50 % смысловой интериоризации. Если сравнить данный факт с выраженной выше установкой на успех как самореализацию в рамках «профессионального мастерства» – 83 %, то становится очевидным, что коррекция личностного проекта успеха с «профессии» на «карьеру» автоматически более чем на 30 % снижает важность первой. Так или иначе, но с фактом прогрессирующей динамики сознательной демотивированности современной студенческой аудитории преподаватели столкнулись давно. Но бить тревогу не решаются в силу понимания бесперспективности процесса, связанного с очередной ломкой утверждающей себя системы образования, с ее болонской составляющей, целенаправленной дегуманитаризацией и очередным витком прагматизации компетенций рационализированных «ментальных трасс». Заметим параллельно, что инструментальный набор программы жизненного успеха современной студенческой аудитории транслируется ею же через такие смысловые верификации, как «наличие полезных связей» (64 %), затем «деньги» (59 %), «карьера» (50 %) и «власть» (26 %). Так что наша озабоченность и интерес к студенческой аудитории поколения Z как реальному резерву пополнения отечественной политической элиты вполне оправдан. Именно данный смысл – **стремление к власти** – включил в свою актуальную духовную матрицу каждый четвертый, объективировав тем самым одно из ведущих ментальных запечатлений, способных сыграть решающую роль в альтернативных сценариях нашего развития. В этой связи самое время поговорить о патриотизме, проблемность которого для нашего постсоветского поколения студенчества мы затронули в самом начале своей статьи, рассуждая о генетической исторической памяти современной молодежи.

Еще в итогах первичных для реализации настоящего проекта смысловых ассоциаций заметным

оказался факт крайне слабой выраженности в студенческой среде феномена **национальной идентификации** личности в обозначении своей статусной позиции. Лишь около 10 % задействованных в исследовании студентов, отвечая на вопрос «Кто ты?», вспомнили о своей этнической принадлежности: «Я – белорус». Акцентированное внимание исследователей на таком неоднозначном исходе событий было связано с их информированностью в том, что так бывает далеко не всегда. Например, польские студенты в аналогичном эксперименте дают практически 100 % эффект, начиная свою репрезентацию с этнической «Я – поляк» или религиозной «Я – католик» самоидентификации. Однако результаты тестового этапа, который включал смысловую позицию «Я белорус и горжусь этим» – 60 % «за», 40 % «против» – выглядят более оптимистично. Ведь дифференциация может получить логическое обоснование в том, что эти 40 % могли оказаться представителями других национальностей, а это вполне естественно для студенческой аудитории (русские, таджики, армяне, туркмены и др.). Вместе с тем два других смысловых импринта (один из которых представлен в рекламной заставке национального телевидения) можно рассматривать с точки зрения существенного дополнения к анализу сложившейся ситуации: «Беларусь – страна для жизни» – 70 % неприятия смысловой верификации и «Я бы уехал из страны, если бы предоставилась возможность» – 86 % поддержки⁴.

Таким образом, с одной стороны, мы можем констатировать очевидность противоречия между этносолидаризацией подавляющей части студенческой аудитории и ее гражданской солидаризацией в своей выраженной направленности покинуть рубежи Родины. При этом заметим, что корреляция этих смыслов носит обратно пропорциональный характер. Другими словами, исследовательская гипотеза может быть сформулирована следующим образом: чем выше национальное самосознание, тем слабее патриотизм. Несмотря на парадоксальность и необходимость своей тщательной проверки, отметим тем не менее вероятность логической правомерности такой постановки вопроса. Генерация Z адаптировалась к привычным для общества переоценкам реальности и может принимать развивающуюся на ее глазах риторику о националь-

³Очевидно, что если предыдущее суждение можно «оправдать» неблагоприятием в конкретной локальной вузовской ситуации, не дотягивающей, например, до высоких качественных стандартов обучения, то второе связывает эту позицию напрямую с более широким социальным контекстом, обусловленным отсутствующими в обществе гарантиями трудоустройства по профессии и тем самым обеспечивает позицию личности соответствующей индульгенцией, т. е. снимает с нее ответственность за происходящее. Отсюда и возросшее на 18 % количество критически рефлексирующих при оценке ситуации.

⁴С учетом того факта, что геополитическая специфика Беларуси как Пограничья стратегически все более выразительно тяготеет к обоим полюсам – Западу и Востоку, а в отдельных теоретических обоснованиях ее перспективу все настойчивее связывают с присоединением к Западу при сохранении независимости в самостоятельном принятии решений, обозначенные ориентации данного молодежного сегмента имеют осязаемую подпитку. При этом варианты силового решения проблемы не исключаются [9, с. 213].

ном интересе белорусов (самобытности культуры, языке, ментальности) не иначе как очередной виток пропагандистского давления (на уровне лингвистической номинации, инструментальная ценность которой для манипуляции общественным сознанием достаточно хорошо известна) со стороны политических элит, причем в равной мере – как со стороны властвующей элиты, так и национальной контрэлиты. Рационализирующиеся компетенции новой генерации студенчества могут воспринимать эти периодически актуализирующиеся национальные вопросы не иначе как очередную волну «отката» (повторяющуюся и изрядно надоевшую к тому же), ставящего заслон для реализации собственных жизненных программ и стратегий автономной личности. Тем более что идея **студенческой мобильности** с ее приоритетами в выборе вуза, города, страны и даже преподавателя для получения **качественного** образования в целях удовлетворения запросов работодателя становится реальностью, вполне привлекательной для студенческой аудитории.

В связи со сказанным, с другой стороны, выраженные устремления современного студента

окунуться в глобальный мир, еще не познанный, но открывающий в воображении богатство возможностей, вполне гомогенны именно автономному социальному агенту с его прагматической составляющей жизненного успеха и претензией на личностную самореализацию. Другое дело, что усвоенный социогеном как смысловое энергетическое ядро, формирующее духовно-нравственные матрицы и практики поведения, обладает способностью к выживанию посредством своего имитационного воспроизводства или, другими словами, копирования. В связи с этим мы должны иметь прочные гарантии привлекательности условий в Отечестве для утверждающей себя новой генерации Z с ее понятными социальными притязаниями и личностными амбициями. Решить эту задачу стратегически грамотно – вопрос непростой. И начинать нужно с переосмысления и адекватной оценки «типологического ядра социокультурного генома современной цивилизации» [6, с. 9], в которой ведущую роль будет играть **автономная, прагматически ориентированная, креативно самореализующаяся личность** с набором соответствующих и хорошо усвоенных **компетенций**.

Библиографические ссылки

1. Рапай К. Культурный код: как мы живем, что покупаем и почему / пер. с англ. У. Саламатова. М. : Альпина Бизнес Букс Серия : Сколково, 2008.
2. Шавель С. А. Ментальность, кодирование и раскрытие кода: социологический подход // Социология. 2016. № 3. С. 39–51.
3. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. 2-е изд., доп. и испр. М. : Ин-т социологии РАН, 2010.
4. Докинз Р. Эгоистичный ген. М. : АСТ : Corpus, 2013.
5. Степин В. С. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 3. С. 6–13.
6. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М. : Праксис, 2013.
7. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М. : Ин-т фонда «Обществ. мнение», 2003.
8. Тощенко Ж. Т. Социология жизни. М. : Юнити-Дана, 2016.
9. Мурадян Е. С., Сальникова С. А., Титаренко Л. Г., Широканова А. А. Динамика ценностно-нормативной системы и жизненные шансы: опыт постсоветской трансформации в Пограничье : коллектив. моногр. Вильнюс : ЕГУ, 2014.

References

1. Rapaille C. Kul'turnyi kod: kak my zhivem, chto pokupaem i pochemu [The culture code: an ingenious way to understand why people around the world live and buy as they do]. Moscow : Alpina biznes books : Skolkovo, 2008 (in Russ.).
2. Shavel S. A. Mentality, encoding and disclosure of code: sociological approach. *Sotsiologiya* [Sociology]. 2016. No. 3. P. 39–51 (in Russ.).
3. Gorshkov M. K., Sheregy F. E. Molodezh' Rossii: sotsiologicheskii portret [Young people of Russia: sociological portrait]. 2nd ed. Moscow : Inst. of sociol., 2010 (in Russ.).
4. Dawkins R. Egoistichnyi gen [The selfish gene]. Moscow : AST : Corpus, 2013 (in Russ.).
5. Stepin V. S. Civilization in the epoch of changes: search for new development strategies. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 3. P. 6–13 (in Russ.).
6. Aleksander Dzh. Smysly sotsial'noi zhizni: kul'tursotsiologiya. Moscow : Praksis, 2013 (in Russ.).
7. Shyutts A. Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii. Moscow : Institut fonda «Obshchestv. mnenie», 2003 (in Russ.).
8. Toshenko J. Sociologiya zhizni. Moscow : Yuniti-Dana, 2016.
9. Muradyan E. S. Dinamika tsennostno-normativnoi sistemy i zhiznennye shansy: opyt postsovetsoi transformatsii v Pogranich'e [Dynamics of the valuednormative system and life chances : experience of post-Soviet transformation in Pogranichie]. Vilnius: EGU, 2014.

Статья поступила в редколлегию 17.12.2017.
Received by editorial board 17.12.2017.

УДК 316.752

УСТАНОВКИ В ОТНОШЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В ПОЛЬШЕ И РОССИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЦИАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

А. А. ШИРОКАНОВА¹⁾

¹⁾Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
ул. Мясницкая, 20, 101000, г. Москва, Россия

Сравниваются представления о социальном обеспечении в двух крупнейших странах с постсоциалистическим режимом социального государства – Польше и России. Цель статьи – определить различия в запросе на государство поляков и россиян в начале экономического кризиса 2008 г. и после его завершения в 2016–2017 гг. путем сравнения между собой и во времени. По данным 4-й и 8-й волн (2008, 2016 гг.) Европейского социального исследования (ESS) сопоставляются ожидания в отношении объема социальной ответственности государства, справедливости при распределении пособий по безработице для разных целевых групп, а также представления о негативных моральных и социальных последствиях социального государства. В обеих странах большинство респондентов считают справедливым общество с низким неравенством, но поляки намного чаще признают, что социальные выплаты оказывают негативное влияние на мораль. Россияне чаще ожидают безусловной финансовой поддержки от государства и ниже оценивают роль социальных выплат в снижении неравенства. На основании линейных регрессий также показано, что запрос на государственную поддержку в Польше выше у менее образованных респондентов и у тех, для кого важно жить в безопасности, а в России такой связи нет. Ориентация на государство в России значительно сильнее, чем в Польше, несмотря на рыночные реформы в обеих странах и их принадлежность к общему типу социального государства.

Ключевые слова: социальное обеспечение; Европейское социальное исследование; доверие; ценности; Польша; Россия.

ATTITUDES TOWARDS THE WELFARE STATE IN POLAND AND RUSSIA: EUROPEAN SOCIAL SURVEY RESULTS

A. A. SHIROKANOVA^a

^aNational Research University Higher School of Economics,
20 Myasnitskaya Street, Moscow 101000, Russia

This article compares social welfare attitudes in two major societies with the postsocialist social welfare regime, Poland and Russia. The aim of the article is to identify the differences in the 'request for welfare' among Poles and Russians at the beginning of the Great Recession of 2008 and after its end in 2016–2017 by comparing the countries between themselves and in time. The European Social Survey (ESS) data of the 4th and 8th rounds (2008, 2016) are used to contrast the expectations of the scope of welfare, justice in distributing unemployment benefits for various target groups as well as opinions on the

¹Статья подготовлена на основе результатов проведенных исследований в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Образец цитирования:

Широконова А. А. Установки в отношении социального обеспечения в Польше и России: результаты Европейского социального исследования // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 1. С. 135–143.

For citation:

Shirokanova A. A. Attitudes towards the welfare state in Poland and Russia: European Social Survey results. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 1. P. 135–143 (in Russ.).

Автор:

Анна Александровна Широконова – кандидат социологических наук; старший научный сотрудник лаборатории сравнительных социальных исследований.

Author:

Anna A. Shirokanova, PhD (sociology); senior researcher of the laboratory for comparative social research.
a.shirokanova@hse.ru

negative moral and social consequences of the welfare state. In both countries, the majority support a society with low inequality, but Poles believe much more often that social benefits have negative moral consequences. More Russians expect unconditional financial support from the state and have lower views of the role of social benefits in reducing inequality. Linear regressions also show that the 'request for welfare' in Poland is higher among the lower educated respondents and those with high score on the basic value of Security, while in Russia these links are not significant. To sum up, expectations of the comprehensive role of the welfare state are much more widespread in Russia as compared to Poland, despite the market reforms and despite both countries representing a common type of the welfare state.

Key words: welfare attitudes; ESS; trust; value; Poland; Russia.

Введение

Запрос на социальное государство – государственную поддержку уязвимых групп населения – в той или иной форме поддерживается населением всех европейских стран [1; 2]. Институционализация финансовой поддержки нуждающихся за счет общественных средств появилась как реакция на негативные следствия индустриализации и воплотилась в различных типах, режимах социальных государств.

Изначально выделялись три таких типа: либеральный (Великобритания), консервативный (Германия) и социал-демократический (Северные страны) [3]. Впоследствии были также обоснованы фамилиаристический [4] и постсоциалистический типы социального государства. Для них характерно следующее [5, с. 11–12]:

- социал-демократический тип (Северные страны) – универсальный доступ к социальным благам, защита от воздействия рынка и полная занятость;
- консервативный (Германия, Франция) – поддержание доходов в зависимости от профессиональной группы, социальные гарантии пропорциональны уплаченным индивидом налогам и стажу;
- либеральный (Великобритания, Ирландия) – социальные гарантии только для особенно нуждающихся, персональная ответственность за материальное благополучие и страхование от рисков;
- фамилиаристический (Греция, Испания) – фрагментарные социальные гарантии, поддержка семьи как «поставщика» социальных услуг;
- постсоциалистический (Польша, Россия и др.) – невысокий уровень социальной поддержки, усиление индивидуальной ответственности, снижение социального страхования.

Во всех этих типах социального государства со временем появилась проблема перегрузок, вызванных как социально-демографическими изменениями (старение населения Европы и второй демографический переход), так и последствиями глобального экономического кризиса 2008 г. – «Великой рецессии». С начала кризиса в 2008 г. возросла доля уязвимых групп населения и прекарнизация труда. Растущие различия в уровне неравенства внутри европейских стран повлекли за собой сокращение удобств социального государства и выразились также в том, что высшие классы получили

новые возможности для развития, а низшие – столкнулись с прекарным трудом и безработицей, становясь «проигравшими в модернизации» [6, с. 301]. Проявились и спонтанные негативные последствия социального государства: социальное иждивенчество, замедление экономического роста и снижение социальной солидарности [1]. Хорошо функционирующее государство всеобщего благосостояния гарантирует такие нормы, как справедливость и солидарность, и должно обеспечивать гражданам возможность участия в процессе принятия решений. В то же время быстрые трансформации в обществе приводят к появлению защитных реакций в виде усиления этноцентризма, ценностей порядка, сильного лидерства, отрицания равенства и терпимости [6, с. 305].

В постсоциалистических странах объемы государственной социальной помощи меньше, чем в странах Западной и Северной Европы [5], а чем эти расходы ниже, тем выше запрос на социальную поддержку со стороны государства. И действительно: еще до кризиса 2008 г. в фамилиаристических и постсоциалистических странах запрос на государственное обеспечение медицинской помощи, уровня жизни людям в старости, ухода за больными, за детьми работающих родителей, на обеспечение работой и уровень жизни безработных был существенно выше, чем во всех остальных типах социального государства в Европе [5, с. 18].

Цель статьи – определить, в чем состоят максимальные различия в запросе на государство в двух крупнейших восточноевропейских странах, России и Польше, в содержательных аспектах, во времени и в связи с индивидуальными детерминантами установок в отношении социального обеспечения. Для этого были поставлены следующие исследовательские вопросы:

- Каков запрос на социальное государство в Польше и России после экономического кризиса и почти тридцати лет социально-экономических реформ?
- В чем этот запрос различается между Польшей и Россией?
- Как он изменился с 2008 г.?
- Как данный запрос связан с индивидуальными характеристиками респондента?

И Польша, и Россия прошли интенсивный период экономических реформ в 1990-е гг. и перешли к капитализму, стали частью международных проектов экономической интеграции. В то же время десятилетия государственного доминирования в экономике оказали долговременное воздействие на индивидуальные предпочтения: восточноевропейцы чаще считают желательным перераспределение и меньшее неравенство [7]. Неравенство в доходах снижает удовлетворенность жизнью всего общества [2, с. 18], особенно в Восточной Европе [7]. При этом уровень неравенства в России и Польше – выше среднего по Европе [8, с. 15]. В России, как и в Польше, запрос на социальное государство значительно превышает готовность обеспечивать его функционирование налогами [9, с. 59]. В 2008 г. Россия по степени запроса на государство находилась в верхней трети перечня европейских стран (6-е место из 32), Польша – посередине (20-е из 32), но удовлет-

воренность социальной политикой государства оценивалась одинаково низко (27-е и 28-е места из 32) [5, с. 19; 10, с. 5]. Средний уровень доверия в обеих странах на европейском фоне очень близок между собой и ниже среднего по Европе – менее 4,5 из 10. Такой «климат недоверия» [11, с. 54–55] может подрывать легитимность политического порядка [12, с. 205]. Можно ожидать, что и в Польше, и в России запрос на социальное государство будет оставаться высоким и что он возрос по сравнению с 2008 г.

Часто все постсоциалистические страны Европы в сравнительных исследованиях для удобства классификации представляют как одну группу стран [2; 5]. В то же время очевидно, что на уровне конкретных обществ существуют особенности и отличия [13, с. 56]. Настоящая статья расширяет эту нишу, фокусируясь на максимальных различиях в запросе на социальное государство и его индивидуальных факторах в Польше и России.

Факторы формирования запроса на государство

В специальной литературе об установках в отношении социального обеспечения принято различать индивидуальные и групповые факторы. К *индивидуальным* относятся [1]:

- индивидуальный интерес – социально-статусные характеристики, обуславливающие личную заинтересованность индивида в социальном обеспечении;
- идеи – ценности, установки и убеждения, такие как политические взгляды, общие представления о социальном государстве и его зоне ответственности, а также религиозные воззрения.

Исследованные *групповые* факторы запроса на государство включают в себя институциональные характеристики режима социального государства, в том числе его изменения во времени, а также социально-экономические показатели и популярные в обществе представления о справедливости [1, с. 184]. Тип режима социального государства, исторические условия, политические события и медиа могут усиливать или смягчать восприятие экономического кризиса [6, с. 305], влияя на индивидуальные предпочтения, даже если сам индивид их не поддерживает.

Механизм формирования установок в отношении социального государства можно представить в следующей схеме [10, с. 4]: на отношение к социальному государству и оценку его работы влияют predispositions (доверие, убеждения, ценности), формирующиеся под воздействием институциональной среды и индивидуальных представлений о существующих рисках и имеющихся ресурсах (рис. 1).

Поскольку представленный ниже анализ фокусируется только на двух странах в рамках одной модели социального государства, будет проанализи-

рована связь индивидуальных факторов с ожиданиями в отношении социального обеспечения, а институциональные факторы оцениваться не будут.

Личные ценности являются особенно важными для понимания поддержки социального государства, справедливости и других социальных проблем [14, р. 1113]. В соответствии с концепцией Ш. Шварца базовые ценности – это «желаемые кросс-ситуативные цели, которые служат руководящими принципами в жизни человека» [5, с. 12]. Базовые ценности формируют универсальную типологию из десяти типов, которые образуют ценностный континуум, обычно представляемый в виде круга [5, с. 13; 13, с. 34]. Все ценности также упорядочены вдоль двух осей: «сохранение – открытость изменениям» и «самоутверждение – забота о людях и природе» [15]. Два других организующих принципа в описании базовых ценностей – чьим интересам служат конкретные ценности (личные или общественные) и отношение ценностей к тревожности (самозащита или рост и развитие). Выражению личных интересов служат такие ценности, как власть-богатство, достижение, гедонизм, риск-новизна и самостоятельность. За реализацию общественных интересов отвечают благожелательность, универсализм, традиция, конформность и безопасность. Одни ценности помогают справиться с тревогой от неопределенности, избегая конфликтов (конформность), поддерживать существующий порядок (традиция, безопасность) или контролировать угрозы (власть-богатство), тогда как другие выражают мотивации, свободные от тревожности и беспокойства, – это ценности развития: гедонизм, риск-новизна, универсализм, благожелательность [15, с. 947].

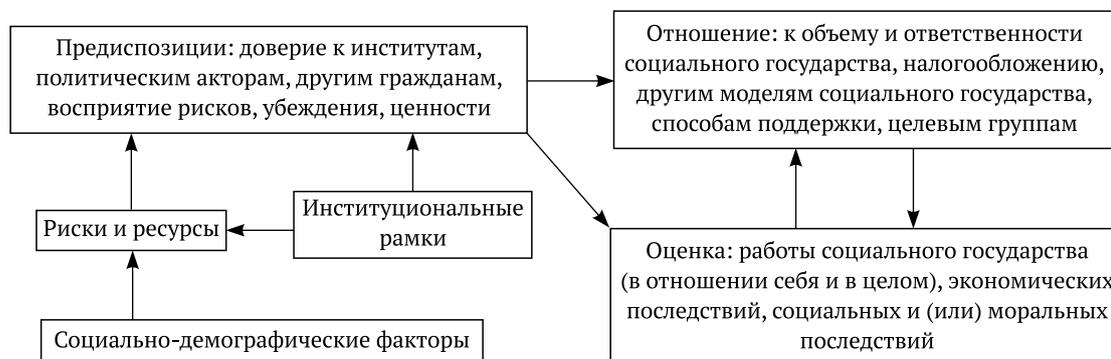

Рис. 1. Факторы отношения к социальному государству. Источник: [10, с. 4]

Fig. 1. Factors of Welfare Attitudes. Source: [10, p. 4]

Ранее было показано, что запрос на государственную социальную поддержку положительно связан с ценностями безопасности и отрицательно – с ценностями самостоятельности, причем в постсоциалистических странах эта связь более тесная [5, с. 20–21]. Таким образом, можно ожи-

дать, что запрос на государство будет значимо больше среди тех, у кого есть индивидуальный интерес, – женщин и безработных, и что ценность безопасности будет связана с более высоким запросом на государство, а ценность самостоятельности – нет.

Материалы и методы исследований

Данная работа базируется на результатах Европейского социального исследования (ESS) – новейшего из регулярных сравнительных европейских опросов. Опросы ESS были организованы международным исследовательским консорциумом и проводятся каждые два года начиная с 2002 г. В настоящее время на сайте проекта (<http://www.europeansocialsurvey.org/>) опубликованы результаты восьми волн исследования. За указанное время опрос проводился по национально-репрезентативным выборкам уже в 36 европейских странах.

Результаты и документация исследования открыты для использования в исследовательских и образовательных целях. Кроме того, ESS осуществляет широкую образовательную работу, в рамках которой были созданы электронный обучающий модуль ESS EduNet и программа для онлайн-анализа данных, позволяющая выполнять некоторые виды анализа данных на сайте проекта без специального программного обеспечения. Одной из особенностей ESS относительно иных международных проектов, прежде всего Европейского исследования ценностей и Мирового исследования ценностей, является достижение максимальной эквивалентности эмпирических данных по странам, для чего используются новейшие методологические приемы сбора и сравнения данных. Другими отличительными особенностями ESS среди крупных проектов являются ориентация на среднесрочную перспективу (опросы каждые два года) и разделение вопросов исследования на стабильное «ядро» (показатели, включенные во все волны) и два ротационных тематических модуля (наборы показателей по 35–50 вопросов по двум научным те-

мам, которые отбираются в открытом конкурсе) [16, с. 145–162].

Темы основной части ESS – ценности и идеологические ориентации, национальная и этническая идентичность, социальная уязвимость, использование медиа, социальный статус. Темы проведенных «ротационных модулей»: личное и социальное благополучие (2006, 2012); работа, семья и благосостояние (2004, 2010), время и события в жизни людей (2006); иммиграция (2002, 2014); возраст и старение (2008); социальное государство (2008, 2016); восприятие справедливости (2010) и др.

Представленный здесь анализ основан на вопросах за 2008 и 2016 гг. об установках в отношении социального обеспечения. В обеих волнах приняли участие 17 стран (Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Израиль, Ирландия, Нидерланды, Норвегия, Польша, Россия, Словения, Финляндия, Франция, Чехия, Швейцария, Швеция, Эстония). Первая волна данных о запросе на государство была собрана в конце 2008 – начале 2009 г., что совпало с наступлением экономического кризиса, ударившего по Европе и России. Результаты волны, проведенной в конце 2016 – начале 2017 г., позволяют оценить динамику запроса на социальное государство после кризиса.

Сравнения были проведены с использованием методики, позволяющей компенсировать несоответствие между выборочной и генеральной совокупностью, а также различную численность населения стран для их более корректного сравнения [17]. Оценки силы факторов запроса на государство получены с помощью множественной линейной регрессии внутри страны.

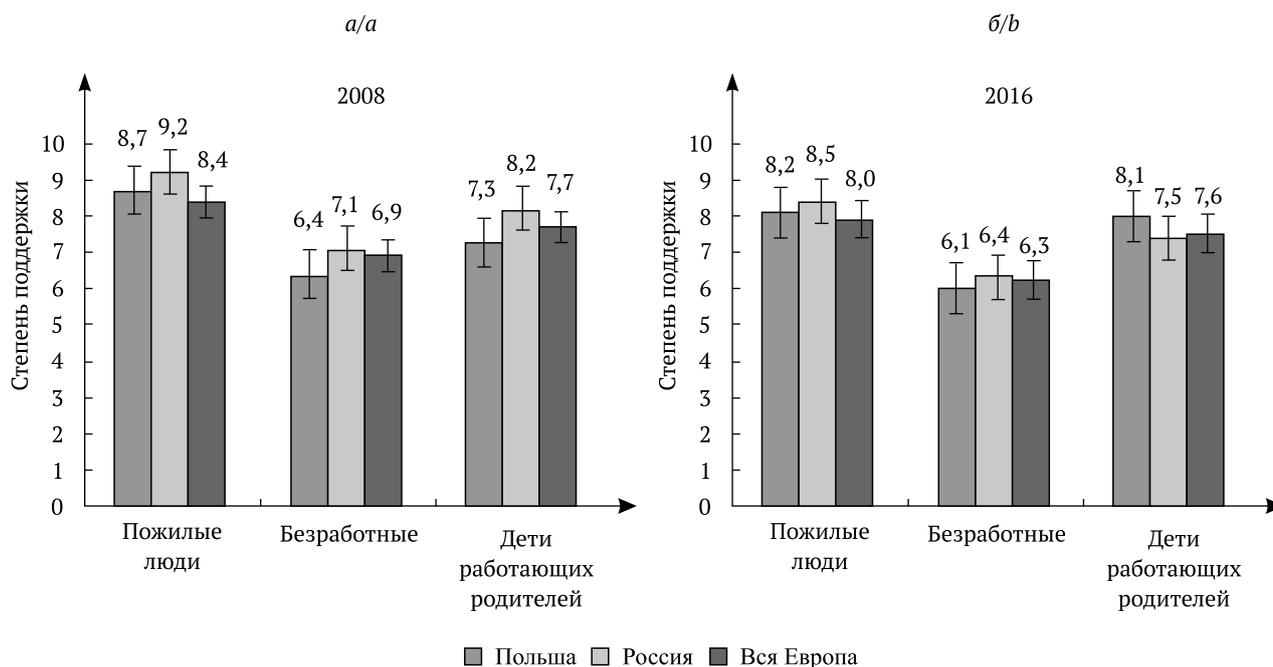

Рис. 2. Запрос на государственную поддержку различных целевых групп в Польше и России в 2008 г. (а) и 2016 г. (б) (ESS): средние значения и 95 % доверительные интервалы

Fig. 2. Demand of social support for various target groups in Poland and Russia, in 2008 (a) and 2016 (b) (ESS): mean values and 95% CIs

Результаты

Представления о том, кого и насколько должно обеспечивать государство, замерялись на основании опросов трех целевых групп: пожилые люди, дети работающих родителей и безработные (рис. 2).

Респонденты в обеих странах и в Европе в целом солидарны в том, что все три группы необходимо поддерживать, однако степень поддержки варьирует от 6 до 9 (по шкале от 0 до 10). На первом месте – поддержка пожилых людей, на втором – детей работающих родителей, на третьем – безработных. Различия в средних значениях между Россией и Польшей незначимы. Более того, за кризисные годы ожидание поддержки государством пожилых и безработных не изменилось, а поддержки детей работающих родителей выросло в Польше и снизилось в России (что может быть связано с особенностями законодательства и положением женщин на рынке труда).

Однако поляки и россияне по-разному смотрят на то, кто и на каких условиях заслуживает пособия по безработице (рис. 3).

Респонденты решали, оставить или отменить пособие по безработице, если безработный отказывается от работы по трем причинам: оплата гораздо ниже обычной, требуемая квалификация значительно ниже или это общественно-полезная работа по месту жительства. Причем в одном случае респонденты отвечали на вопрос о «человеке, который раньше работал», а во втором – уточнялось, что это к тому же родитель-одиночка с ребен-

ком до трех лет. На рис. 3 видно, что во всех шести случаях европейцы скорее поддерживают сохранение полного пособия, чем его отмену. Между Россией и Польшей заметны систематические различия: россияне всегда поддерживают полное сохранение пособия, даже если безработный отказывается от работы, а поляки чаще считают справедливым полную отмену пособия такому безработному. При этом положение безработных в своей стране и поляки, и россияне оценивают примерно на 4 из 10. В Европе в целом чаще всего поддерживают вариант «сократить пособие», чтобы стимулировать безработного к поиску работы.

Наконец, значительные различия проявляются между Польшей и Россией в оценке непреднамеренных негативных последствий социального государства (рис. 4).

В России в 2016 г., как видно из рис. 4, лишь небольшая доля респондентов считали, что социальные выплаты ухудшают социальную среду, поскольку выплаты, по их мнению, снижают желание помогать друг другу, тогда как в Польше таких респондентов было гораздо больше. Такой высокий показатель для Польши может свидетельствовать о снижении взаимовыручки и норм солидарности. Другое различие касается внутренних стимулов, конкуренции: более половины опрошенных поляков считали, что пособия делают человека ленивыми, а это в 3 раза выше респондентов-россиян и в 1,5 раза больше среднего значения по странам

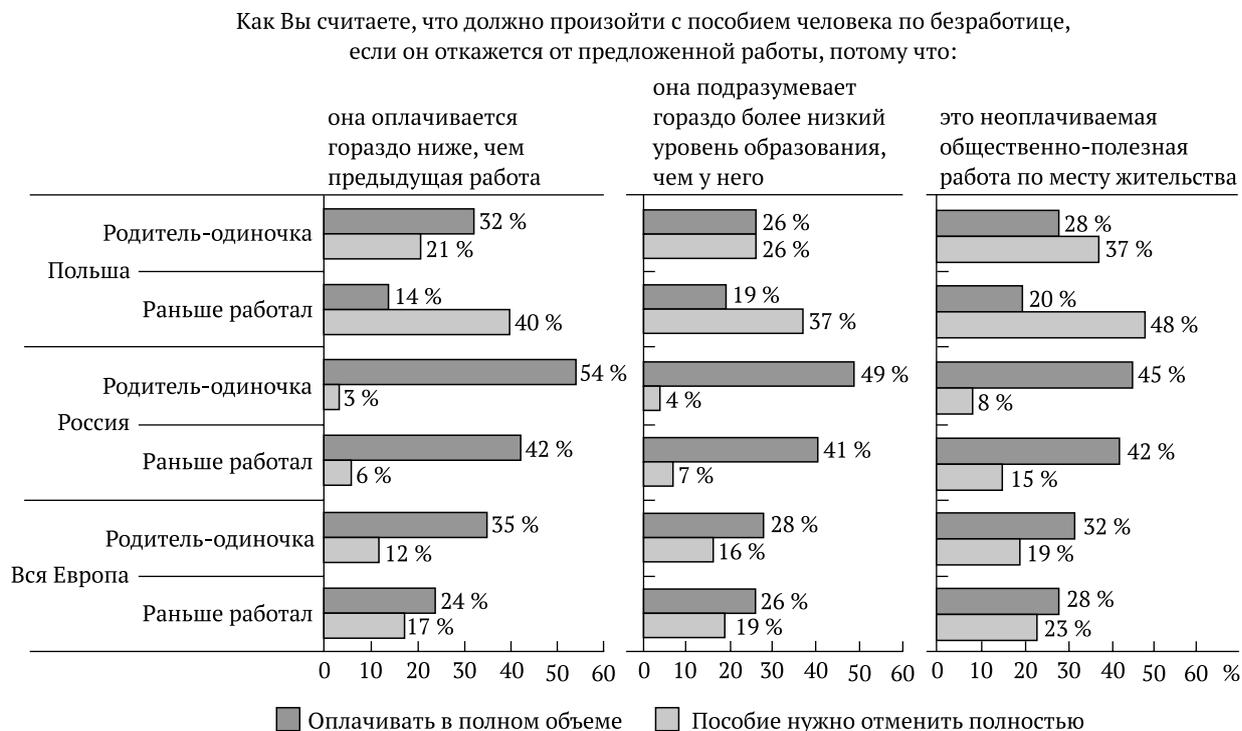

Рис. 3. Представления о справедливости в отношении получателей пособия по безработице в Польше и России в 2016 г. (ESS)

Fig. 3. Opinions about justice for the unemployment benefit recipients in Poland and Russia, 2016 (ESS)

Рис. 4. Максимально различающиеся установки в отношении последствий социального государства в России и Польше в 2008 и 2016 гг. (ESS)

Fig. 4. Maximal differences in the attitudes to social welfare consequences in Poland and Russia in 2008 and 2016 (ESS)

Европы. Третье различие касалось целей перераспределения на уровне всего общества: снижает ли оно неравенство? В Польше, как и в целом по Евро-

пе, с этим, скорее, согласны 40–50% респондентов, тогда как в России преодоление неравенства с государственными выплатами связывают лишь 23%.

Такое различие может быть связано с большим размером пособий в Польше и отсюда их большим «весом» для уравнивания возможностей.

Что изменилось с 2008 г.? В Европе в целом возросла важность выплат для снижения неравенства с 40 % до 50% (на фоне роста неравенства). В Польше доля тех, кто считает, что социальные выплаты снижают неравенство, выросла с 37 % до 44 %, а в России осталась на прежнем уровне – менее 25 %, что свидетельствует о более низкой социальной значимости выплат в России.

Изменились и представления польских респондентов о лени: в 1,3 раза до (60 %) выросла доля тех, кто считал, что выплаты делают людей ленивыми. Такая динамика может отражать как опыт кризисных лет, так и изменение ожиданий поляков от государства. В 2016 г. в идеал меритократического неравенства на основе личных усилий и способностей верили 62 % поляков и только 22 % россиян (42 % по Европе). Такое различие связано с представлениями о реальных возможностях добиться успеха своими талантами, а также с необходимостью и ролью индивидуальных усилий для достижения данной цели. При этом поляки, скорее, поддерживают общественное устройство с низким неравенством (60 % поляков, 55 % россиян и 60 %

по Европе), а 58 % из них были бы «за» безусловный базовый доход (73 % россиян и 56 % по Европе). Следовательно, россияне больше ориентированы на гарантированный базовый доход и при этом в меньшей мере согласны с неравенством.

Таким образом, между странами в рамках опроса проявляется контраст: при согласии большинства респондентов и в России, и в Польше с тем, что справедливо общество с небольшим неравенством, поляки ждут помощи от государства в меньшей степени, кроме того, они чаще считают, что социальные выплаты оказывают негативное влияние на моральные нормы. Ориентация на государство в России значительно выше, чем в Польше, несмотря на рыночные реформы в обеих странах и их принадлежность к общему типу социального государства.

Последним этапом анализа было сравнение роли индивидуальных факторов поддержки безработных. Отдельно для России и Польши методом линейной регрессии оценивалась связь между социально-экономическим положением и занятостью индивида (фактор индивидуального интереса), религиозностью и индикаторами базовых ценностей безопасности и самостоятельности (таблица).

Связь индивидуальных факторов с запросом на помощь безработным в Польше и России, 2016 г. (ESS)
Individual factors of social welfare demand for the unemployed in Poland and Russia, 2016 (ESS)

		Государство должно обеспечивать уровень жизни безработным (0–10)	
		Польша	Россия
Страна			
Константа		4,43***	6,04***
Социально-экономический статус	Пол (мужской, по сравнению с женским)	-0,28*	0,13
	Возраст (центрированный)	-0,01*	0,01
	Средний доход (по сравнению с комфортным доходом)	0,52**	0,09
	Низкий доход (по сравнению с комфортным)	0,10***	0,56*
	Очень низкий доход (по сравнению с комфортным)	3,04***	0,83**
	Среднее образование (по сравнению с начальным)	-0,34*	-0,25
	Высшее образование (по сравнению с начальным)	-0,90***	-0,33
	Религиозность (0–10)	0,11***	-0,04
Занятость	Учащийся (по сравнению с работающим)	-0,39	-0,24
	Безработный, ищет работу	0,78*	0,82*
	Безработный, не ищет работы	0,62	0,85
	Не работает по состоянию здоровья	0,82	-0,10
	На пенсии	0,36	0,16
	Занимается домашним хозяйством	-0,35	-0,03
Базовые ценности	Важность ценности безопасности	0,20*	0,10
	Важность ценности самостоятельности	0,08	-0,03
R^2 – скорректированное		0,09	0,02
Количество респондентов		1447	1888

ESS 2016. *p<0,05; **p<0,01; ***p<0,000

В таблице показано, что запрос на поддержку государством безработных в России не только в среднем выше, но он также не связан с полом, возрастом или образованием. В Польше, наоборот, более положительно к поддержке безработных относятся уязвимые группы: женщины, индивиды с начальным образованием, респонденты в возрасте ниже среднего по стране. В обеих странах за более высокий уровень поддержки безработных выступают те, кто сами ищут работу, и индивиды с более низки-

ми доходами. Таким образом, гипотеза о факторах личного интереса по-разному проявляется, но подтверждается. Гипотеза об идеациональных факторах находит только частичное подтверждение, поскольку ценность безопасности положительно связана с поддержкой безработных в Польше, но не в России. Такие различающиеся результаты могут объясняться как разными институциональными системами в двух странах, так и высоким базовым уровнем запроса на помощь безработным в России.

Заключение

В статье были показаны установки в восприятии социального государства и запроса на него в Польше и России как двух крупнейших стран с «постсоциалистическим типом» социального обеспечения. Путем сравнения результатов опросов ESS, проведенных в Польше, России и Европе в 2016–2017 гг., и их сопоставления с результатами 2008 г. выявлено, что предпочтения поляков и россиян в том, кто в целом заслуживает государственной поддержки, совпадают. Однако наблюдаются большие различия в том, какие условия являются справедливыми для выплаты пособия по безработице и в оценке негативных социальных и моральных последствий социального государства. Так, поляки намного чаще, чем россияне, выступают за отмену пособия для безработных, которые отказываются от работы, непривлекательной по оплате, квалификации или от общественно-полезного труда. Россияне, напротив, выступают за сохранение полного пособия, несмотря на отказ безработного от работы. Хотя большинство респондентов и в Польше, и в России выступают за общество с низким уровнем неравенства и за базовый доход, поляки значительно чаще считают, что социальные пособия делают людей ленивыми и снижают взаимопомощь.

Такая ситуация – следствие и уникальных страновых траекторий постсоциалистического изменения ценностей [18], и институциональных различий в социальной политике, отражающих различную роль социальных выплат в общественном устройстве. Сравнение результатов четвертой и восьмой волн ESS показывает, что значение социальных выплат в сокращении неравенства в Европе в целом выросло с 40 % до 50 %, тогда как в России осталось на прежнем невысоком уровне – 23 %, что говорит о меньшей выравнивающей способности пособий в России.

Это согласуется с предыдущими исследованиями, где показано, что негативные моральные по-

следствия социального государства значительно слабее воспринимаются в странах с высокой поддержкой идеала общественного равенства, «сильной руки» в политике и широкого участия государства в социальном обеспечении [1, с. 187]. Другими словами, те, кто больше зависит от социальных выплат, видят меньше негативных последствий социального государства и больше – положительных. Но чем щедрее социальные выплаты, тем больше респонденты озабочены их негативными моральными и социальными последствиями.

В целом в Польше наблюдается более низкий уровень социальной поддержки со стороны государства, чем в среднем по Европе [8, с. 19], в России тоже, что характерно для постсоциалистического типа социального государства и является следствием реформ и разрушения прежнего общественного строя. Другой общей чертой России и Польши является низкий уровень обобщенного доверия, который снижает поддержку социальных выплат за счет собираемых налогов. Отсутствие доверия в обществе зачастую замещается другими механизмами, включая клиентелизм [11, с. 54]. В обществах с постсоциалистическим типом социального государства действуют менее прозрачные правила социальной поддержки, в сравнении с институционально более развитыми европейскими странами, что делает «запрос на государство» в таких странах, как Польша и Россия, в большей степени вопросом идеологических предпочтений. Таким образом, в работе показано наличие существенных отличий в величине «запроса на государство» и его понимании в двух странах – России и Польше. Фокусирование на двух странах во времени позволило подробно сравнить паттерны сходств и различий между ними; но оно также является ограничением полученных выводов, которые нельзя распространить на другие страны «постсоциалистического» типа.

Библиографические ссылки

1. Van Oorschot W., Reeskens T., Meuleman B. Popular perceptions of welfare state consequences: a multilevel, cross-national analysis of 25 European countries // J. Eur. Soc. Policy. 2012. Vol. 22, № 2. P. 181–197.
2. Ravazzini L., Chávez-Juárez F. Which inequality makes people dissatisfied with their lives? Evidence of the link between life satisfaction and inequalities // SOCI. 2017. P. 1–25.
3. Esping-Andersen G. The Three Political Economies of the Welfare State // Int. J. Sociol. 1990. Vol. 20. № 3. P. 92–123.

4. Ferrera M. The 'Southern model' of welfare in social Europe // *J. Eur. Soc. Policy*. 1996. Vol. 6, № 1. P. 17–37.
5. Грязнова О. С., Магун В. С. Запросы жителей европейских стран на государственную социальную поддержку и их базовые ценности // SPERO. Социальная Политика. Экспертиза. Рекомендации. Обзоры. 2012. № 17. С. 7–34.
6. Aschauer W. Societal well-being in Europe: from theoretical perspectives to a multidimensional measurement // *L'Année sociologique*. 2014. Vol. 64. P. 295–330.
7. Hajdu T., Hajdu G. Reduction of income inequality and subjective well-being in Europe // *Econ. The Open-Access, Open-Assess. E-J*. 2014. Vol. 8. P. 1–29.
8. Panek T. Analiza porównawcza subiektywnego dobrostanu w Europie // *Wiad. Stat.* 2015. Vol. 2. P. 1–26.
9. Монусова Г. А. Соотношение запроса населения на государственную социальную политику и готовности к ее финансированию: сравнение европейских стран // XIII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества : в 4 кн. М., 2012. Кн. 3. С. 49–61.
10. Svallfors S. Welfare attitudes in Europe: topline results from round 4 of the European social survey [Electronic resource]. 2012. URL: http://www.europeansocialsurvey.org/docs/findings/ESS4_toplines_issue_2_welfare_attitudes_in_europe.pdf (date of access: 01.02.2018).
11. Sztompka P. Trust: a cultural resource // *The moral fabric in contemporary societies* / G. Skąpska, A. Orla-Bukowska (eds.). Leiden ; Boston : Brill, 2003. P. 47–66.
12. Karpinski Z. Zaufanie uogólnione a ostrożność w kontaktach z nieznanymi: porównanie wyników dwóch sondaży // *Studia Socjol.* 2016. Vol. 3. P. 199–228.
13. Магун В., Руднев М. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // *Вестн. обществ. мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2008. № 1. С. 33–58.
14. Boer D., Fischer R. How and when do personal values guide our attitudes and sociality? Explaining cross-cultural variability in attitude-value linkages // *Psychol. Bull.* 2013. Vol. 139. P. 1113–1147.
15. Schwartz S. H. Les valeurs de base de la personne: théorie, mesures et applications // *Rev. fr. de sociol.* 2006. Vol. 47. № 4. P. 929–968.
16. Андрееenkova А. В. Сравнительные межстрановые исследования в социальных науках: теория, методология, практика. М. : Новый хронограф, 2014.
17. Weighting European Social Survey Data [Electronic resource]. 2014. URL: http://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/ESS_weighting_data_1.pdf (date of access: 01.02.2018).
18. Куценко О. Д. Расходящиеся общества: особенности системной трансформации в России и Украине // *Мир России. Социология. Этнология*. 2006. № 3. С. 43–62.

References

1. Van Oorschot W., Reeskens T., Meuleman B. Popular perceptions of welfare state consequences: a multilevel, cross-national analysis of 25 European countries. *J. Eur. Soc. Policy*. 2012. Vol. 22, No. 2. P. 181–197.
2. Ravazzini L., Chávez-Juárez F. Which inequality makes people dissatisfied with their lives? Evidence of the link between life satisfaction and inequalities. *SOCI*. 2017. P. 1–25.
3. Esping-Andersen G. The Three Political Economies of the Welfare State. *Int. J. Sociol.* 1990. Vol. 20, No. 3. P. 92–123.
4. Ferrera M. The 'Southern model' of welfare in social Europe // *J. Eur. Soc. Policy*. 1996. Vol. 6, No. 1. P. 17–37.
5. Gрязнова О. С., Магун В. С. Запросы жителей европейских стран на государственную социальную поддержку и их базовые ценности. SPERO. Социальная Политика. Экспертиза. Рекомендации. Обзоры. 2012. № 17. С. 7–34 (in Russ.).
6. Aschauer W. Societal well-being in Europe: from theoretical perspectives to a multidimensional measurement. *L'Année sociologique*. 2014. Vol. 64. P. 295–330.
7. Hajdu T., Hajdu G. Reduction of income inequality and subjective well-being in Europe. *Econ. The Open-Access, Open-Assess. E-J*. 2014. Vol. 8. P. 1–29.
8. Panek T. Analiza porównawcza subiektywnego dobrostanu w Europie. *Wiad. Stat.* 2015. Vol. 2. P. 1–26 (in Pol.).
9. Monusova G. A. Sootnoshenie zaprosa na gosudarstvennuiu sotsialnuiu politiku i gotovnosti k ieio sofinansirovaniui: stavnenie evropeiskikh stran. *XIII International Academic Conference on Economic and Social Development*. Vol. 3. Moscow, 2012. P. 49–61 (in Russ.).
10. Svallfors S. Welfare attitudes in Europe: topline results from round 4 of the European social survey. 2012. URL: http://www.europeansocialsurvey.org/docs/findings/ESS4_toplines_issue_2_welfare_attitudes_in_europe.pdf (date of access: 01.02.2018).
11. Sztompka P. Trust: a cultural resource. In: Skąpska G., Orla-Bukowska A. (eds.). In: *The moral fabric in contemporary societies*. P. 47–66. Leiden ; Boston : Brill, 2003.
12. Karpinski, Z. Zaufanie uogólnione a ostrożność w kontaktach z nieznanymi: porównanie wyników dwóch sondaży. *Studia Socjol.* 2016. Vol. 3. P. 199–228 (in Pol.).
13. Магун В., Руднев М. Zhiznennyye tsennosti rossijskogo naselenia: skhodstva i otlichia v sravnenii s drugimi evropeyskimi stranami. *Vestnik obshestv. mnenia. Dannye. Analiz. Diskussii*. 2008. No. 1. P. 33–58 (in Russ.).
14. Boer D., Fischer R. How and when do personal values guide our attitudes and sociality? Explaining cross-cultural variability in attitude-value linkages *Psychol. Bull.* 2013. Vol. 139. P. 1113–1147.
15. Schwartz S. H. Les valeurs de base de la personne: théorie, mesures et applications. *Rev. fr. de sociol.* 2006. Vol. 47, No. 4. P. 929–968 (in Fr.).
16. Андрееenkova А. В. Srvnitelnye mezhstranovye issledovania v sotsialnykh naukakh: teoria, metodologia, praktika. Moscow : Novyi khronograf, 2014 (in Russ.).
17. Weighting European Social Survey Data. 2014. URL: http://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/ESS_weighting_data_1.pdf (date of access: 01.02.2018).
18. Kutsenko O. D. Raskhodyashiesya obshestva: osobennosti sistemnoi transformatsii s Rossii i Ukraine. *Mir Rossii. Sotsiologia. Etnologia*. 2006. No. 3. P. 43–62 (in Russ.).

УДК 316.334.22(476)

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИОННО-СТИМУЛИРУЮЩЕГО МЕХАНИЗМА ТРУДОВОЙ АКТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

Д. В. НАЗАРОВА¹⁾

¹⁾Институт социологии Национальной академии наук Беларуси,
ул. Сурганова, д. 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Выделяются основные элементы структуры мотивационно-стимулирующего механизма трудовой активности: условия труда, контрактная система найма, справедливость вознаграждения, специфика в зависимости от формы собственности предприятия; раскрываются их особенности. Определены факторы, влияющие на мотивационно-стимулирующий механизм трудовой активности в современной Беларуси, выявлены их последствия.

Ключевые слова: мотив; стимул; условия труда; контрактная система найма; справедливость вознаграждения; форма собственности.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта «Мотивационно-стимулирующий механизм творческой трудовой активности: сравнительный анализ России и Беларуси», который финансируется БРФФИ, № Г17Р-024 от 18 апреля 2017 г. Научный руководитель с белорусской стороны – доктор социологических наук, профессор С. А. Шавель.

THE FEATURES OF MOTIVATIONAL-STIMULATING MECHANISM FOR LABOR ACTIVITY IN CURRENT BELARUS

D. V. NAZAROVA^a

^aInstitute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surganova Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

The article covers the main elements of the structure of motivational-stimulating mechanism for labor activity: work conditions, the contract system of employment, just of remuneration and the specifics depending on the form of enterprise ownership. The factors influencing the motivational-stimulating mechanism of labor activity in today's Belarus and identify their consequences have been found out.

Key words: motive; incentive; work conditions; contract system of employment; just of remuneration; form of enterprise ownership.

Acknowledgements. The article was prepared within the frame work of the project «Motivational-stimulating mechanism for creative labor activity: a comparative analysis of Russia and Belarus» financed by the the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research (BRFFR), No. Г17Р-024, 18 April 2017. The scientific leader from Belarus is a doctor of sciences (sociology), full professor S. A. Shavel.

По мнению доктора социологических наук С. А. Шавеля, «мотивационно-стимулирующий механизм можно определить как систему (сочетание) характеристик субъекта и условий деятель-

ности, благодаря которой происходит добровольное принятие субъектом нормативных требований (обязанностей) и мобилизация его потенциала на успешное осуществление деятельности» [1, с. 270].

Образец цитирования:

Назарова Д. В. Особенности мотивационно-стимулирующего механизма трудовой активности в современной Беларуси // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 1. С. 144–151.

For citation:

Nazarova D. V. The features of motivational-stimulating mechanism for labor activity in current Belarus. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 1. P. 144–151 (in Russ.).

Автор:

Дарья Вячеславовна Назарова – научный сотрудник.

Author:

Darya V. Nazarova, researcher.
d-v-nazarova@yandex.ru

Структуру эффективного мотивационно-стимулирующего механизма С. А. Шавель описывает следующим образом:

«1. *Нормативность отношений*, т. е. “правил игры”, которые, во-первых, должны быть сформулированы в виде законов и быть в наличии для всех просоциальных видов деятельности; во-вторых, доступными и понятными всем участникам; в-третьих, поддерживаемыми всей системой социального контроля: от правовых институтов до силы общественного мнения.

2. *Стимуляционное поле* – наличие разнообразных обоснованных стимулов, способных привлечь людей с самыми разными социально полезными и легитимированными ориентациями и установками.

3. *Субъектность участников деятельности*, т. е. самостоятельность и самоответственность, опирающиеся на соответствующие правовые основания.

4. *Доступность стимулов*, например, возможность для индивида своим добросовестным трудом заработать то, что для него наиболее значимо на данном этапе, будь то материальные блага (квартира, машина и т. д.), повышение в должности (квалификации), признание и уважение со стороны руководства, коллег, государства...

5. *Легитимность и легальность используемых средств достижения цели*.

6. *Справедливость оценки вклада и его соответствии вознаграждению»* [1, с. 271–272].

Проблематика мотивационно-стимулирующего механизма трудовой активности часто затрагивается социальными психологами, однако наиболее полно представлена и активно используется в таких направлениях социологического знания, как экономическая социология, социология труда и прежде всего социология управления. Соответственно, такого рода знания наиболее востребованы в профессиональной деятельности среди менеджеров различного уровня, в экономической сфере, на предприятиях и в организациях. Оптимальное соотношение мотивов работников и стимулов, применяемых работодателями для активизации трудовой деятельности, возможно лишь в тех организациях, где есть не только финансовые возможности, но и определенная управленческая культура, гибкость руководителей и нет жесткой однонаправленной иерархичной структуры подчинения и излишнего бюрократизма. Несмотря на обилие научной литературы, учебных пособий по социологии управления, дипломированных специалистов-управленцев, в Беларуси недостаточно применяется подобное знание. Стиль руководства, тип организационной структуры, виды и методы кадровой политики, оценка результатов, формы поощрения в зависимости от

потребностей и типа личности работника, разновидности трудовой мотивации – все это определяется и решается на местах и зависит в первую очередь от руководителей. Оптимальный вариант мотивационно-стимулирующего механизма достигается и корректируется в процессе постоянного социального взаимодействия и не всегда может быть однозначно определен после собеседования и при подписании трудового контракта в самом начале трудовых отношений. Считается аксиомой, что все определяют рынок и рыночные механизмы: если работник пришел и работает, значит его все устраивает и так будет постоянно, если нет – увольняется и ищет другую работу. И если на уровне конкретных организаций и предприятий не удастся простимулировать и закрепить пару необходимых специалистов или работников, то уже в масштабе отрасли начинает действовать закон больших чисел. К сожалению, в государственном управлении не всегда учитываются практические и научные знания об особенностях трудовой мотивации различных социально-демографических и профессиональных групп при изменении условий (стимулов), что в итоге создает дисбаланс на рынке труда и приводит к значительным потерям трудовых ресурсов в форме иждивенчества и миграции или к смене профессий.

Определим основные факторы и раскроем взаимообусловленность элементов, которые определяют специфику форм мотивационно-стимулирующего механизма в современной Беларуси.

1. Условия труда. Исторически так сложилось, что учет интересов и потребностей работников первоначально связан лишь с недопущением социальной напряженности и *сохранением политической стабильности*. Своеобразным примером здесь выступают работы К. Маркса, в которых угнетенное положение рабочих при зарождении капитализма положено в основу идеологической программы по политическому преобразованию. Для современной Беларуси данная проблема в таком ракурсе не является актуальной. Так, например, объективным показателем улучшения условий труда и повышения трудовой дисциплины может служить значительное снижение за последние 25 лет травматизма на рабочих местах. Если отойти от расчета коэффициента и указать количество потерпевших при несчастных случаях на рабочем месте, то позитивная динамика вырисовывается более отчетливо: если в 1990 г. пострадали 21 624 работников, в том числе в случаях со смертельным исходом – 445, то в 2016 г. – 1476 и 78 работников соответственно [2]. Такая же положительная динамика наблюдается относительно своевременности оплаты труда. Все возникающие претензии работники справедливо предъявляют лишь своим ру-

ководителям. Более того, государство становится на защиту интересов трудящихся через принятие ряда мер: а) профориентацию и переобучение; б) разработку соответствующего законодательства и усиление ответственности за его нарушение; в) работу контролирующих органов (в 2006 г. был создан Департамент государственной инспекции труда, с конца 2009 г. осуществляется регулярный надзор за соблюдением законодательства о труде и охране труда; с 2010 г. Комитет государственного контроля, который начинает рассматривать обращения граждан и юридических лиц в пределах своей компетенции, в том числе при нарушении норм трудового кодекса и др.); г) работа судов по трудовым и хозяйственным спорам; д) консультации, прямые телефонные линии и личные приемы граждан государственными служащими разного уровня (прямые линии введены с середины 2012 г.). Многие еще помнят 1990-е гг., когда на волне перестройки экономических основ управления, связей и распределения прибыли руководители предприятий допускали существенные задержки заработной платы, провоцируя забастовки, массовые, в том числе политические, протесты. Задержки выплаты заработной платы и даже пенсий и стипендий в то время были очень распространены. Инфляция и обесценивание национальной денежной единицы в корзине валют провоцировало многих руководителей на задержку зарплат и накручивание денежных средств предприятия. Однако такая практика была искоренена к концу 2009 г. после принятия соответствующих законов. Так, например, экономист Е. Т. Лобазова в 2009 г. свою статью, посвященную разъяснению действующих норм и введенных санкций, начинает следующей фразой: «Сегодня на многих предприятиях происходит задержка выплаты заработной платы работникам организаций...» [3]. По данным республиканского социологического мониторинга Института социологии НАН Беларуси, актуальность проблемы «своевременность выплаты заработной платы, пенсий» в начале 2009 г. стояла на шестом месте из 14 альтернатив: 35,9 % опрошенных выбрали эту позицию как волнующую их. В дальнейших исследованиях отражено заметное снижение озабоченности населения данной проблемой: в 2013 г. она занимала 15-е место (13,7 % опрошенных) в рейтинге из 16 альтернатив. В июньском исследовании 2017 г. актуальность своевременной оплаты труда заняла 10-е место в рейтинге (17,7 %).

2. Контрактная система найма и размер заработной платы. Развитие и совершенствование системы социальной защиты трудящихся, улучшение условий труда не всегда является гарантией удовлетворенности работников трудом, при кото-

рой они начинают активно реализовывать самые позитивные творческие устремления, соответствующие мотивации профессионального призвания и достижений, перфекционизма; следованию высоким целям, ценностям и идеалам. Процессуальная модель мотивации канадского психолога В. Врума, предложенная им еще в 1964 г. в работе «Труд и мотивация», базируется на *системе ожиданий*, включающей в себя ожидание возможного результата в ходе работы, ожидание вознаграждения за результат и ожидаемая ценность этого вознаграждения [4]. Под вознаграждением может пониматься все то, что наиболее значимо для работника как личности – материальный достаток, стабильность, безопасность, реализация значимых ценностей в ходе труда, уверенность в своем призвании, уважение окружающих, карьерные и властные амбиции, реализация и оттачивание своих способностей и др.

Массовый переход на контрактную систему найма работников в Беларуси, так называемые срочные трудовые контракты, со временем привел к тому, что многие работники стали более мобильными и уже не рассматривают свое место работы как нечто постоянное и стабильное, где можно реализовывать себя в полной мере, «вкладывать душу», как при строительстве собственного дома на долгие годы. Так, по данным Федерации профсоюзов Беларуси (ФПБ), уже по итогам 2008 г. «30 % контрактов заключено на 1 год; 31 % контрактов заключено на срок от 1 до 3 лет; 35 % контрактов заключено на срок от 3 до 5 лет» [5]. В 2015 г. Михаил Орда (на тот момент – председатель ФПБ) отмечал: «Очевидно стремление нанимателей к уменьшению срока контрактов... В частности, согласно статистике ФПБ, количество контрактов, заключаемых с работниками в организациях промышленности на 1 год, увеличилось с 40 % в 2009 г. до 56 % в 2015 г. (в некоторых организациях – до 100 %)» [6]. При контрактной системе найма становится возможной ситуация «скрытого сокращения». По итогам 2017 г. профсоюзы отмечали: «Наниматели по-прежнему используют контрактную форму найма для решения вопросов «оптимизации» численности. Контракты массово заключаются на самый короткий срок. В некоторых организациях процент контрактов, заключаемых с работниками на 1 год, составляет от 90 до 100 %. И в случае необходимости оптимизации такие краткосрочные контракты просто не продлеваются. Причем увольняют всех без разбору, в том числе добросовестных работников» [7]. Постепенно меняется и осторожная, в некоторой степени негативная общественная оценка людей, имеющих записи в трудовой книжке с разных мест работы. Такая трудовая мобильность со временем становится нормой.

Стабильность, пожизненный найм, корпоративная этика и профессиональная идентичность – все те аспекты, которые были характерны для советской, а также эффективнейшей японской модели мотивации, – оказались поставленными под сомнение. На смену приходит неуверенность в завтрашнем дне, индивидуализм, внутрипрофессиональная и внутриколлективная конкуренция. При этом не учитывается, что переход к рыночному типу экономических трудовых отношений должен быть постепенным, так как он во многом связан с риском; высокая мотивация достижения сопровождается повышением напряженности, интенсивности, максимальной трудоспособностью «на износ», стрессами и, естественно, подразумевает значительно более высокую оплату труда, необходимую для рекреации. Во многих сферах (производство, образование, ЖКХ, наука, управление и др.) было анонсировано, что увеличение зарплат мотивированных и активных работников возможно лишь за счет оптимизации численности работников предприятий и организаций. Так, например, в системе ЖКХ с 2014 г. была введена новая штатная единица – хаус-мастер, в обязанности которого входит выполнение практически любых видов работ: от сантехнических и столярных до электромонтажных. При этом штат работников минских коммунальщиков уменьшился на 30 %. Однако по сути значительно увеличилась нагрузка на каждого оставшегося работника, а «большие зарплаты» со временем нивелировались и так и не достигли ранее заявленных 1000 долл. США.

В 2010–2011 гг., когда полноценно заработали механизмы Таможенного союза и Единого экономического пространства и граждане Беларуси были приравнены в трудовых правах с гражданами Российской Федерации, наша страна столкнулась с проблемой трудовой миграции. Вопрос миграции трудовых ресурсов в другие страны состоит не столько в разнице заработных плат, что якобы демотивирует ориентированных на инструментальные ценности работников, сколько в поиске более привлекательных мест работы с более широкими возможностями удовлетворения профессиональных, материальных, жилищных, рекреационных и других запросов.

Для примера вспомним ситуацию с белорусскими авиапилотами, которая сложилась в 2012 г. Не имея правовой возможности проведения забастовок с требованиями увеличения зарплаты за стрессовую, ответственную, высокопрофессиональную работу, пилоты начали массово увольняться, отработав положенное время по контракту. Они остались в профессии, не променяли свои высокую мотивацию, «любовь к небу», «покорение силы земного притяжения», а лишь сменили рабо-

додателя и выехали в соседнюю Россию. Руководство «Белавиа» быстро приняло нужное решение, практически в четыре раза увеличив зарплату пилотам, и большинство уехавших высококлассных и незаменимых работников вернулись. Сегодня заработная плата пилотов значительно превышает среднюю зарплату по стране («Зарплата командира “Боинга” сегодня – 50–60 миллионов рублей (до деноминации, сейчас – 5–6 тыс. белорусских руб. – Д. Н.). Второй пилот обычно зарабатывает 80 % от суммы, которую получает командир воздушного судна» [8]) и сопоставима лишь с доходами первых лиц государства. Это был не тот тип трудовой миграции, пренебрежительно названный «колбасной», когда ради более высоких доходов «на колбасу» в развитых странах иммигрировавший врач работает сиделкой, учитель – мойщиком посуды, инженер – продавцом на рынке и т. п. Похожая ситуация наблюдается и с рабочими специальностями: белорусская сборщица свеклы, поменяв страну и работодателя, собирает клубнику в Польше; строитель работает строителем, но только в другой стране. В этом случае можно говорить лишь об отсутствии патриотизма. Такой мощнейший мотиватор трудовой активности, как стабильность и уверенность в завтрашнем дне, частично утраченный при контрактной системе найма, компенсируется значительно большей оплатой, которая, в свою очередь, выступает неким гарантом стабильности хотя бы в дне сегодняшнем.

По данным социологического мониторинга Института социологии НАН Беларуси уровень оплаты труда является одной из самых волнующих населенные проблем. Так, если за период 2009–2015 гг. актуальность величины заработной платы в рейтинге иных проблем из 16 альтернатив стабильно занимала третье место, то с начала 2016 г. по 2017 г. – уже второе (45,1 %). При замедлении уровня инфляции в связи с деноминацией и укреплением курса белорусского рубля люди все чаще осознают, что структура их потребления и материальные возможности зависят лишь от их заработка, а не от повышения цен недобросовестными торговцами. Однако не стоит преувеличивать значимость и сверхзабоченность белорусов своей зарплатой. Во многих странах мира люди реагируют так же и хотели бы получать больше. Главное здесь – объективные показатели структуры расходов семей, достаточность средств на необходимые товары, услуги и рекреацию.

3. Представление о справедливости вознаграждения за труд. При раскрытии процесса формирования трудовой мотивации в учебных пособиях часто приводят теорию справедливости американского психолога С. Адамса (1963), согласно которой работник соотносит вознаграждение за

свой труд с вознаграждением других работников предприятия [9]. Результат этого субъективного сравнения ложится в основу позитивной мотивации при оценке «справедливо» и демотивирует, снижает работоспособность при оценке «несправедливо». Если расширить границы применения этой теории для полного социологического охвата, можно сказать, что в современной Беларуси данная модель трудовой мотивации предстает в нескольких аспектах восприятия: 1) справедливость распределения благ для работников и тех, кто эти блага не создает, находясь на иждивении или скрываясь от уплаты налогов («теневой бизнес»); 2) справедливость распределения благ между различными профессиями и должностями; 3) справедливость в существовании экономического неравенства вообще, расслоение общества на богатых и бедных.

Беларусь, в отличие от многих постсоветских стран, не изменила социалистической идеологии и сохранила ряд социальных прав и гарантий: бесплатное профессиональное и высшее образование, доступная медицина, помощь при строительстве жилья для нуждающихся (льготные кредиты и пр.), дотирование услуг ЖКХ для населения и др. Однако все эти блага создаются работниками предприятий и организаций за счет повышенных налогов и, соответственно, «недооплаты» труда, особенно по сравнению с теми странами, в которых отсутствует солидарный принцип социальной политики и налоги ниже. Насколько справедливо такое распределение благ в обществе, при котором ими могут пользоваться те, кто не вносит вклад в общее развитие страны, если количество таких социальных иждивенцев неуклонно растет и оказывает существенную нагрузку на трудоспособное население? В апреле 2015 г. Президент Республики Беларусь «в целях предупреждения социального иждивенчества, стимулирования трудоспособных граждан к трудовой деятельности» подписал Декрет № 3 «О предупреждении социального иждивенчества». Декрет подразумевал обязательства по уплате единого налога для тех лиц, которые, находясь в трудовом возрасте, не имея различных объективных причин не работать (учеба, инвалидность, служба в армии, официальный статус безработного с биржи труда и др.), уклоняются от обязанности по участию в финансировании государственных расходов. Декрет вступил в действие и уже к 2016 г., когда налоговые органы начали рассылать «социальным иждивенцам» уведомления, вызвал неоднозначную реакцию в обществе. Основная проблема данного декрета заключалась в том, что он начал действовать в экономически непростое для страны время: с 2014 г. замедлился экономический рост, в 2015 г. началось снижение экономических показателей; количество рабочих мест сокраща-

лось, предприятия и организации значительно больше увольняли работников, нежели принимали на работу. Среди населения в это время возникли опасения и даже страх потерять или не найти работу, люди начали «держаться за свои рабочие места». К трудовой мотивации инструментального, профессионального и ценностного характера прибавилась мотивация избегания – уход от неопределенности, нищеты, дополнительных обязательств и др. Данный декрет, спровоцировавший социальное недовольство некоторых слоев населения, сейчас находится в стадии доработки.

Чтобы избежать «уравниловки» и выработать более действенный мотивационно-стимулирующий механизм трудовой активности, в современной Беларуси применяется довольно гибкая система дифференциации заработной платы работников и распределения социальных благ. Законодательно совершенствуется и тарифная система, применяются новые формы премирования работников (включая даже процент от выполненного договора), установление повышающих коэффициентов к окладу и др. Некоторую социальную напряженность создают высокие заработки руководителей и менеджеров предприятий и организаций, выплаты и льготы, особые пенсии госслужащим и военнослужащим. Наиболее остро такие диспропорции воспринимаются после пенсионной реформы 2016 г.: повышение пенсионного возраста, значительное увеличение страхового стажа и др.

Вместе с тем белорусы довольно спокойно относятся к существованию экономического неравенства. По данным социологических исследований Института социологии НАН Беларуси, среди проблем, которые волнуют опрошенных больше всего, позиция «расслоение общества на богатых и бедных» с 2009 г. никогда не входила в пятерку наиболее острых и занимала в рейтинге позиции между 9-м и 14-м местами. Так, в 2009 г. в осеннем замере она находилась на 14-м месте (13,6 %), в весеннем замере 2012 г. – на 9-м (24,0 %), по результатам 2017 г. – на 9-м месте в рейтинге (19,4 %). Опрошенные выбирали ответ из 16 альтернатив, методика исследования не ограничивала возможность выбрать любое количество волнующих респондента проблем.

4. Форма собственности предприятия (организации). Сторонники либеральных и рыночных реформ настоятельно советуют для «перезапуска» экономики на «более свежие и эффективные рельсы» развития практически отказаться от государственного вмешательства и распродать государственные активы предприятий в частные руки. Несмотря на долгий и отчаянный спор «рыночников» и «государственников» со времен обретения

Беларусью независимости, конкретных, полных, объективных статистических исследований, доказывающих правоту одной из сторон, проведено не было. Сторонники каждого из подходов могут привести множество конкретных примеров под свои теории, проследить судьбу предприятий до и после смены собственника, указать различные статистические данные из Беларуси и других стран, оперировать цитатами успешных знаменитостей или ссылаться на известных ученых. Эффективность работы предприятий зависит от множества факторов: сферы деятельности, конкурентности на рынке, количества сотрудников в организации (малые, средние, крупные), мотивационно-стимулирующего механизма, задействованного или применяемого к руководству и сотрудникам, возможности бюджетной или инвестиционной помощи, налоговых обязательств или преференций и т. д.

На волне перестройки (в 1990-х гг.) многие выражали желание работать в частных фирмах, так как заработки там были значительно выше. Но специфика таких фирм состояла в том, что свой бизнес их владельцы начинали с нуля, с помощью друзей, родственников, хороших знакомых. Соответственно, всю прибыль, равно как и риски, они делили между собой по договоренности. Это относится в равной степени и к единоличной частной, и к различным формам коллективной частной собственности. Со временем частные компании разрастались и их владельцы начали нанимать работников со стороны, в результате возникли другие формы мотивационно-стимулирующего механизма, значительно отличающиеся способами поощрения, льготами и преференциями. Также на микропредприятиях (до 15 человек) и в малом бизнесе (до 100 человек) возможен непосредственный личный контакт между работодателем и работником, максимально способствующий установлению оптимального мотивационно-стимулирующего механизма. Успешные приватизированные предприятия (ОАО, ЗАО, ООО, ОДО и др.) со временем также перешли к ограниченному количеству собственников, и многие сотрудники уже не имели прав собственности на эти предприятия, выступая лишь в качестве наемных работников с совсем иными условиями труда, что так или иначе влияло на их мотивацию.

Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, численность занятого населения по формам собственности предприятий и организаций (в процентном отношении к общей численности работающих) уже в 1995 г. составляла 59,8 % (государственная) и 40,1 % (частная); на конец 2016 г. 40,2 % работников трудились на предприятиях и организациях

государственной формы собственности; 56,2 % – частной [10]. Какой процент вклада в ВВП создают работники частных и государственных предприятий, по которому можно судить о какой-то иной мотивации и существенной эффективности их работы? Таких данных статистики мы не нашли. Однако интересным и справедливым замечанием относительно результатов совещания по вопросам функционирования и развития свободных экономических зон (СЭЗ) поделился А. Г. Лукашенко в декабре 2016 г.: «Но больше всего меня поразила средняя заработная плата в свободных экономических зонах, где компании не бедные. Руководители этих предприятий и компаний тоже не бедные. Но зарплата там примерно 350 долларов. Это как понимать? Что руководители этих компаний аккуратненько подстроились к средней примерно зарплате по стране и даже ниже и хорошо себя чувствуют» [11]. При этом на руках у участников данного совещания лежат реальные цифры прибылей от этих предприятий СЭЗ и поступивших от них вкладов в бюджет. Действительно, все решает рынок, в данном случае рынок труда: нет необходимости выплачивать наемным работникам большую зарплату, если они мотивированы и хорошо работают за оплату чуть выше средней по региону. Следует отметить, что руководители иностранных компаний (и совместных с иностранным капиталом), приходя в Беларусь и, по сути, имея несколько иное представление о достойной зарплате, при формировании кадровой политики также подстраиваются под рынок труда в Беларуси.

В современных условиях к развитию трудовой мотивации также активно применяют идеологическую составляющую. Основная цель и механизм развития мотива к труду строится на формировании ценностной мотивации граждан при выполнении определенных видов работ. Чем большую ценность и значимость для индивида приобретает такая деятельность, тем активнее он в нее включается, иногда даже вне зависимости от материального поощрения. Широко известны такие крайние формы идеологической мотивации, как волонтерство, при котором люди создают материальные и нематериальные блага безвозмездно только потому, что искренне верят в необходимость такой работы и значимость своего вклада. Однако надо понимать, что добровольцы не являются дешевой и тем более бесплатной рабочей силой, по указке кого-то сверху воплощающей чужие желания. Инициатива и энергия волонтеров реализуется в работе по их собственному представлению и желанию, и здесь нельзя говорить именно о стимулировании трудовой мотивации, так как они ни юридически, ни фактически не являются работ-

никами, трудовыми ресурсами, в отношении которых можно строить какие-либо производственные планы. Чаще всего развитие волонтерства происходит в сферах, направленных на достижение социально-значимых целей: экологические проекты, социальная помощь и др. Однако психология и логика людей такова, что если эта работа входит в должностные обязанности других лиц и кто-то получает за нее зарплату, то утрачивается смысл и целесообразность ее выполнения на общественных началах.

Таким образом, представленный анализ мотивационно-стимулирующего механизма применительно к современной Беларуси показывает, что нельзя не учитывать взаимовлияние и взаимообусловленность его элементов. При выборе каких-либо наиболее выгодных или привлекательных элементов мотивационно-стимулирующего механизма не всегда получается составить новые целостные и жизнеспособные его формы. Контрактная система найма, выгодная для работодателей в управленческом разрезе, оборачивается дополнительными издержками, требует более высоких зарплат для привлечения и сохранения ра-

ботников; оптимальные условия труда, весомые социальные гарантии в определенных условиях начинают проигрывать высокой заработной плате и приводят к миграции трудовых ресурсов; укоренившиеся в свое время стереотипы о высоких зарплатах в частном секторе экономики в других условиях не подтверждают в реальности ожиданий и т. д. Действенный мотивационно-стимулирующий механизм трудовой активности подобен сложнейшему двигателю: при малейшем изменении формы его детали он начинает давать сбои в работе в масштабах отрасли, общества в целом. Как нельзя заправить дизельный двигатель машины бензином, изменить форму скрепляющих изделия болтов и ожидать отличной работы от нового изобретения, так и в социальной реальности действуют жесткие причинно-следственные связи, пусть и проявляются они только со временем. Все эти нюансы человеческой природы, постоянный поиск наиболее рационального бытия в меняющихся условиях необходимо заранее просчитывать или хотя бы не удивляться их проявлениям и последствиям после внедрения любых социальных инноваций.

Библиографические ссылки

1. Шавель С. А. Общественная миссия социологии. Минск : Беларус. навука, 2010.
2. Травматизм на производстве [Электронный ресурс] // Белстат. URL: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/trud/godovye-dannye/travmatizm-na-proizvodstve/> (дата обращения: 28.08.2017).
3. Лобазова Е. Т. Последствия несвоевременной выплаты заработной платы // Заработ. плата. 2009. № 10 (46). С. 47.
4. Vroom V. H. Work and Motivation. New York : Wiley, 1964.
5. Антипенко О. В Беларуси собираются постепенно отходить от контрактов [Электронный ресурс] // Комсомол. правда в Беларуси. 2009. 7 окт. URL: <https://www.kp.by/daily/24373/555184> (дата обращения: 28.08.2017).
6. Рудь А. «Работников понуждают к увольнению». Федерация профсоюзов Беларуси выступила с неожиданным заявлением [Электронный ресурс] // Onliner.by. 01.11.2016. URL: <https://people.onliner.by/2016/11/01/fpb-2> (дата обращения: 31.08.2017).
7. Пересмотреть пенсии работающим белорусам и изменить систему контрактов. Профсоюзы – правительству [Электронный ресурс] // TUT.BY. 23.12.2017. URL: <https://finance.tut.by/news574373.html> (дата обращения: 25.12.2017).
8. Инанец С. Зарплаты бортпроводников «Белавиа» – 12 миллионов, первых пилотов – 50 миллионов рублей [Электронный ресурс] // TUT.BY. 03.03.2016 г. URL: <https://news.tut.by/society/487175.html> (дата обращения: 31.08.2017).
9. Adams J. S. Toward an understanding of inequity // J. Abnorm. Psychol. 1963. Vol. 67. P. 422–436.
10. Численность занятого населения по формам собственности [Электронный ресурс] // Белстат. URL: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/trud/godovye-dannye/raspredelenie-chislennosti-zanyatogo-naseleniya-po-formam-sobstvennosti1/> (дата обращения: 28.08.2017).
11. Александр Лукашенко: условия для белорусских СЭЗ на рынке ЕАЭС надо сделать как минимум равноценными [Электронный ресурс] // СТБ (Столичное телевидение). 27.12.2016. URL: <http://www.ctv.by/aleksandr-lukashenko-usloviya-dlya-belorusskih-sez-na-gynke-eaes-nado-sdelat-kak-minimum> (дата обращения: 21.08.2017).

References

1. Shavel S. A. *Obshchestvennaya missiya sotsiologii* [Social mission of sociology]. Minsk : Belaruskaja navuka, 2010 (in Russ.).
2. [Statistics of occupational injuries in Belarus]. *Belstat*. URL: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/trud/godovye-dannye/travmatizm-na-proizvodstve/> (date of access: 28.08.2017) (in Russ.).
3. Lobazova E. T. [The consequences of late payment of wages]. *Zarabotnaya plata* [Wages]. 2009. No. 10 (46). P. 47 (in Russ.).
4. Vroom V. H. Work and Motivation. New York : Wiley, 1964.

5. Antipenko O. [Belarus is gradually determined to depart from the contract system of employment]. *Komsomol'skaya pravda v Belorusii* [Komsomolskaya Pravda in Belarus]. 2009. 7 Oct. URL: <https://www.kp.by/daily/24373/555184> (date of access: 28.08.2017) (in Russ.).
6. Rud A. [«Workers are forced to resign». The Federation of trade unions of Belarus made an unexpected statement]. *Onliner.by*. 01.11.2016. URL: <https://people.onliner.by/2016/11/01/fpb-2> (date of access: 31.08.2017) (in Russ.).
7. [The review of pensions of working Belarusians and change of the contract system. Trade unions tell to government]. *TUT.BY*. 23.12.2017. URL: <https://finance.tut.by/news574373.html> (date of access: 25.12.2017) (in Russ.).
8. Inanetz S. [The salaries of the stewards of «Belavia» are 12 million, and the first air pilots are 50 million rubles]. *TUT.BY*. 03.03.2016. URL: <https://news.tut.by/society/487175.html> (date of access: 31.08.2017) (in Russ.).
9. Adams J. S. Toward an understanding of inequity. *J. Abnorm. Psychol.* 1963. Vol. 67. P. 422–436.
10. [The quantity of employed population by form of enterprise ownership]. *Belstat*. URL: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/trud/godovye-dannye/raspredelenie-chislennosti-zanyatogo-naseleniya-po-formam-sobstvennosti1/> (date of access: 28.08.2017) (in Russ.).
11. [Alexander Lukashenko: the conditions for the Belarusian FEZs on EAEU market must be at least identical too. *STV (Stolichnoe televidenie)* [CTV (Capital TV)]. URL: <http://www.ctv.by/aleksandr-lukashenko-usloviya-dlya-belorusskih-sez-na-rynke-eaes-nado-sdelat-kak-minimum>] (date of access: 21.08.2017) (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 31.01.2018.
Received by editorial board 31.01.2018.

УДК 316.334.56

ГОРОД КАК КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Е. В. ЛЕБЕДЕВА¹⁾

¹⁾Институт журналистики БГУ, Кальварийская, 9, 220004, г. Минск, Беларусь

Анализируется культурно-образовательный потенциал городской среды. Выделяются функции городского публичного пространства как культурно-образовательного ресурса (социально-инклюзивная, коммуникативная, организационная). Дается теоретическая интерпретация термина «культурно-образовательное пространство» в урбанистическом ракурсе. Рассматриваются его составные элементы, выделяются факторы, определяющие культурно-образовательный потенциал города. Вводится понятие «культурно-образовательный локус» (элемент городского пространства, обеспечивающий как целенаправленное, так и неосознанное взаимодействие индивида с образовательной средой). Изучается процесс конструирования индивидуального культурно-образовательного пространства на примере г. Минска. На основе эмпирических данных приводятся характеристики культурно-образовательного пространства города, стимулирующего горожан к более активному использованию культурно-образовательного потенциала, а также способствующего интернализации стратегии непрерывного образования.

Ключевые слова: город; социальное пространство; городское публичное пространство; городская социализация; культурно-образовательное пространство; культурно-образовательный локус; стратегия непрерывного образования.

THE CITY AS A CULTURAL AND EDUCATIONAL SPACE

E. V. LEBEDZEVA^a

^aThe Institute of Journalism, Belarusian State University, 9 Kal'varyjskaja Street, Minsk 220004, Belarus

The cultural and educational potential of the urban environment is analyzed. The functions of urban public space are singled out as a cultural and educational resource (socially inclusive, communicative, organizational). The theoretical interpretation of the term "cultural and educational space" is given in the urban perspective. Its components are considered and the factors determining the cultural and educational potential of the city are highlighted. The term «cultural-educational locus» is introduced (an element of urban space that provides both purposeful and unconscious interaction of the individual with the educational environment). The process of designing an individual cultural and educational space is being studied (on the example of Minsk). The characteristics of the cultural and educational space of the city are given. On the basis of empirical data, stimulating the citizens to more actively use the cultural and educational potential, as well as facilitating the internalization of the strategy of continuing education.

Key words: city; social space; urban public space; urban socialization; cultural and educational space; cultural and educational locus; strategy of continuous education.

Введение

Перечень наиболее востребованных в ближайшем десятилетии компетенций, озвученных на Всемирном экономическом форуме в Давосе [1], таких как креативность, навыки координации и взаимодействия, эмоциональный интеллект, когнитивная гибкость, умение решать сложные задачи и т. п.,

Образец цитирования:

Лебедева Е. В. Город как культурно-образовательное пространство // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 1. С. 152–160.

For citation:

Lebedzeva E. V. The city as a cultural and educational space. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 1. P. 152–160 (in Russ.).

Автор:

Елена Викторовна Лебедева – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры технологий коммуникации.

Author:

Alena V. Lebedzeva, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of communication technologies.
elena_lebedeva_bsu@tut.by

говорит о том, что очень скоро лидирующие позиции на рынке труда займут специалисты, владеющие системным, целостным подходом к решению любых проблем, способные быстро переключаться с одной мысли на другую, а также обдумывать несколько вещей одновременно. Для того чтобы обеспечить подготовку таких специалистов, все развитые государства мира в различных вариациях реализуют программы формирования систем непрерывного образования (life-long education), называя их «стратегическим приоритетом государственных органов управления в сфере образования, позволяющим формировать основы будущего общества» [2, с. 335]. Однако реформирования только лишь самой системы образования может быть недостаточно. Необходим поиск принципиально новых подходов к образованию, вовлечение в него других структурных элементов культурного пространства, также выполняющих социализирующую функцию. Одним из таких элементов может стать город как непосредственная среда реализации образовательной деятельности, как основа, способная объединить разрозненные элементы системы образования в устойчивую экосистему.

Город является одним из ключевых факторов социализации и инкультурации, местом развития интеллектуальных, ментальных и духовных способностей индивида. В связи с этим вопрос о возможности использования культурно-образовательного потенциала города приобретает особую актуальность в современных социальных теориях. Социокультурный подход к исследованиям возможностей города представлен в работах [3–5]. Кроме того, вопросы городской социализации так или иначе затронуты в [6] (проблемы формирования городских сообществ), влияние городской среды на развитие личности рассмотрено в [7]; социокультурные основы проектирования городской среды представлены в [8]. Однако, несмотря на достаточную популярность данной темы, многие вопросы, касающиеся культурно-образовательного

потенциала городской среды, по-прежнему остаются открытыми. В частности, отсутствует четкое определение самого понятия «культурно-образовательное пространство» как элемента городской среды, нет единого представления о его структуре, неясны принципы формирования. Исходя из этого в данной статье сделана попытка решить следующие задачи: определить сущность термина «культурно-образовательное пространство» и проанализировать его структуру; выявить факторы, определяющие культурно-образовательный потенциал города; на примере г. Минска рассмотреть особенности конструирования индивидуального культурно-образовательного пространства. В качестве методологической основы статьи использованы концепция социального пространства в соответствии с интерпретацией в [9], представления о структуре образовательного пространства, приведенные в [10] и идея ментальных карт, изложенная в [4]. Эмпирической основой статьи выступили результаты анкетного опроса студентов дневной формы обучения, проведенного в г. Минске в 2017 г. в ходе выполнения научного исследования «Модернизация системы высшего образования Республики Армения и Республики Беларусь в контексте процессов евразийской и европейской интеграции: компаративный анализ» (проект Г17АРМ-017, поддержанный Белорусским фондом фундаментальных исследований, научный руководитель – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии ФФСН БГУ Л. Г. Титаренко). Всего было опрошено 502 студента, обучающихся в пяти минских университетах: Белорусском государственном университете (45,4 % общего числа опрошенных), Белорусском государственном педагогическом университете имени Максима Танка (19,9 %), Белорусском национальном техническом университете (16,1 %), Белорусском государственном университете информатики и радиоэлектроники (10,6 %) и Белорусском государственном экономическом университете (8,0 %).

Теоретическая интерпретация понятия «культурно-образовательное пространство»

Культурно-образовательное пространство является элементом более общего понятия – «социальное пространство», следовательно, начинать анализ необходимо именно с него. Все разнообразие подходов к определению социального пространства можно разделить на две большие группы. Первая группа трактует социальное пространство как абстрактное явление, как метафору физического, делая акцент на взаимоотношениях индивидов. П. Сорокин определяет социальное пространство как «совокупность связей индивида с другими людьми внутри групп, к которым он принадлежит»

[11, с. 2]. П. Бурдьё развивает эту мысль в своей концепции социального поля, которое конструируется социальными агентами посредством фиксации определенного положения (ранга) и представляет собой «систематизированное пересечение связей, объединяющих субъектов, обладающих общими признаками» [12, с. 139]. При этом социальное пространство многомерно и в различных социальных полях индивид может занимать разное положение. А. Ф. Филиппов представляет социальное пространство как «пространство социальных позиций» [13, с. 186]. Безусловно, физическое и социальное

пространства могут быть взаимосвязаны (например, выраженность социальной иерархии в городской планировке). Однако структура социального пространства определяется не внешним обликом физического, а прежде всего особенностями распределения различных видов капитала (экономического, символического, культурного и пр.).

Вторая группа подходов предлагает изучать социальное пространство в тесной взаимосвязи с его материальными структурами. Наиболее полно данная точка зрения представлена у А. Лефевра. По его мнению, за основу любого города берется физическая пространственная организация («способ производства» города) которая, в свою очередь, создает особый тип социальных практик, по-своему утилизирующих и преобразующих физическое «тело» города. При этом изменения в «способе производства» (преобразование городской территории) способны сформировать новые социальные практики (привести к появлению новых форм городской жизни). Прослеживается и обратная связь, когда «новые» социальные практики преобразовывают «старую» городскую территорию. Лефевр называет этот бесконечный процесс «написанием пространственного кода» — «не просто способ чтения и интерпретации пространства, это скорее способ жизни в этом пространстве и также способ производства его» [9, с. 47–48]. Опираясь на эту мысль, определим ключевые признаки социального пространства: во-первых, наличие социальных субъектов и взаимодействий между ними; во-вторых, существование устойчивой структуры различных сфер социальных взаимодействий (экономические, политические, культурно-образовательные, коммуникативные), которые не существуют обособленно друг от друга, а взаимопересекаются, образуя разнообразные локусы существования в городе; в-третьих, материальная выраженность этих взаимодействий в физическом пространстве [14, с. 22].

По сути, город (как воплощение социального пространства) представляет собой «организованную совокупность физических, символических объектов, технологий, нормативных и ценностных образований, включающих в себя не только материальные (природные или искусственные, т. е. созданные людьми объекты), но и нечто, что может быть обозначено как «душа города» — нормы или ценности городской общины, социальная психология городского сообщества, образ жизни и менталитет горожан, межкультурная коммуникация и т. п.» [15, с. 227]. При этом входение в городскую среду («постижение души города») не происходит автоматически, по факту рождения или переезда. Необходим длительный процесс освоения определенных социальных практик, включения в существующие системы ценностей, формирования

навыков взаимодействия с другими горожанами по исторически сложившимся правилам. Процесс, который может быть определен как городская социализация, реализующаяся в деятельности (усвоение определенных нормативных и поведенческих установок), общении (расширение круга контактов и обогащение коммуникативных навыков) и в самосознании (формирование «Я»-образа с привязкой к определенной территории). Точкой пересечения вышеуказанных сфер является городское публичное пространство, выступающее как культурно-образовательный ресурс посредством выполнения следующих функций:

- социально-инклюзивной – открытые публичные пространства, доступ к которым имеют все социальные группы, способствуют интеграции всех жителей города в единое сообщество и напрямую участвуют в формировании городской идентичности («Я»-образа);

- коммуникативной – публичные пространства выступают в роли наблюдательной площадки, позволяя индивидам изучать и усваивать определенные образцы поведения (как социально одобряемые, так и неодобряемые), способствуют расширению круга контактов и обогащению коммуникативных навыков, участвуют в трансляции социального опыта, накопленного существующими городскими сообществами;

- организационной – вовлечение горожан в общественную жизнь и формирование чувства ответственности за свой город. Стимулирование коллективных решений горожан по созданию и преобразованию публичного пространства (place-making) способствует усвоению определенных нормативных и поведенческих установок, таких как способность к самоорганизации, активность, инициативность и ответственность, а также стремление к самосовершенствованию через преобразование окружающей среды.

Иными словами, культурно-образовательная роль городского публичного пространства заключается в том, что оно, используя такие инструменты, как язык, система символов, обычаев, поведенческих паттернов, способствует формированию и воспроизводству определенного типа личности (горожанина). Под культурно-образовательным потенциалом города в данном случае понимаются его определенные специфические особенности и функции, «которые используются субъектами образовательного процесса для трансляции и освоения культурно значимых ценностей» [16, с. 9].

Следовательно, культурно-образовательное пространство города можно определить как конкретное место, охватывающее человека и среду в процессе их взаимодействия, результатом которого выступает приращение индивидуальной культуры образующегося.

Структура и факторы формирования культурно-образовательного пространства города

К. Линч выделял следующие элементы («ключевые точки») городского пространства:

1) пути – это коммуникации, вдоль которых наблюдатель может перемещаться постоянно, периодически или только потенциально (например, тротуары или улицы);

2) элементы окружения, являющиеся стыками между двумя состояниями, «линейные разрывы непрерывности» (например, стены или окраины жилых районов);

3) районы – части города, средние по величине и представленные как двухмерная протяженность, в которую наблюдатель мысленно входит «изнутри». К. Линч полагал, что большинство горожан структурируют непосредственное пространство своей жизнедеятельности, оперируя понятием «район»;

4) узлы – стратегические точки города, в которых максимально сконцентрированы и сфокусированы какие-либо функции или особенности пространства. Зачастую «узлы» приобретают черты центробежной силы для целого района и обладают символическим значением;

5) ориентиры – точечные пространственные элементы, которые являются внешними по отношению к наблюдателю [4, с. 51–52].

В свою очередь, образовательное пространство можно разделить на осознанное либо неосознанное, а также на организованное извне или неорганизованное извне [10, с. 48–49]. Соединив два данных измерения, мы получим *культурно-образовательный локус* – элемент городского пространства, обеспечивающий как целенаправленное, так и неосознанное взаимодействие индивида с образовательной средой. Культурно-образовательные локусы представлены институциональными (отвечают за конструирование и поддержание «скелета» культурно-образовательного пространства города), а также информационно-коммуникационными структурами (обеспечивают его «очеловечивание», т. е. наполнение ценностями, образами, социокультурными смыслами).

Следовательно, *структуру культурно-образовательного пространства города* можно представить следующим образом:

- *авторитарное подпространство*, в котором взаимодействие с образовательной средой организовано извне по отношению к образующемуся и осознается им в полной мере. Культурно-образовательным локусом в данном случае будет сеть образовательных и культурных учреждений города (школы, университеты, библиотеки и т. п.);

- *манипулятивное подпространство*, предполагающее неосознанное образующимся, но специально организованное извне взаимодействие

человека с образовательной средой. Примеры локусов – пространство музея или же исторически значимые части города;

- *естественное подпространство*, для которого характерно неосознанное и неорганизованное специально извне взаимодействие образующегося с образовательной средой. В качестве примера можно назвать городские районы с определенным контингентом жителей («профессорские дома», заводские районы, богемный квартал и т. п.);

- *свободное подпространство*, в котором осуществляется осознанное, но не организованное извне, а созданное образующимся взаимодействие с образовательной средой. Культурно-образовательными локусами будут открытые пространства, ориентированные на коммуникацию, пространства коворкинга, клубы по интересам и пр.

Можно выделить ряд *факторов*, которые определяют специфику культурно-образовательного пространства города.

Прежде всего это наличие многоуровневой развитой системы культурно-образовательных учреждений как институциональной основы городского пространства, которая гарантирует каждому индивиду возможность погружения в определенный культурный мир. Важную роль играет специфика публичного пространства города, которое должно быть максимально открытым, диалогичным, обеспечивающим возможность коммуникации между разнородными индивидами и группами, что формирует у горожан потребность в постоянном усвоении нового социокультурного опыта. Удачным примером подобной организации культурно-образовательной сферы в г. Минске являются так называемые свободные пространства (открытые пространства, арт-пространства, коворкинги), такие как «Кто такой Джон Голт?», «Imaguru», «Балки», «Цэх», «Верх», «Фотосквот», «Space» и т. п., которые сочетают в себе все необходимые свойства (удобство осуществления коммуникативных практик; наличие поводов для активизации коммуникации; возможность наблюдения действий; возможность самопрезентации; способность постоянно трансформироваться, подстраиваясь под потребности различных социальных групп).

Кроме того, необходимо тесное вплетение культурно-образовательной деятельности в ткань городской жизни. В условиях информационного города многие сферы жизнедеятельности, когда-то имевшие жесткое пространственно-временное разделение, теперь активно смешиваются (например, дом и работа, работа и отдых, отдых и обучение). Подобную мысль ранее высказывал американский социолог Джордж Ритцер, отмечая

размывание границ между потребительскими практиками и сферой развлечения (*феномен имплозии*) [17, с. 92]. В качестве примера он приводил торгово-развлекательные центры, дающие возможность не только сделать покупки, но и организовать досуг. Сегодня подобная имплозия *оказывает влияние и на культурно-образовательное пространство города*. Пространственно-временные границы между

досугом и учебой постепенно начинают исчезать. Результаты исследования показали, что каждый третий опрошенный студент среди общего количества различных развлекательных мероприятий, происходящих в г. Минске, предпочитает *именно образовательные* (форумы, конференции, воркшопы, мастер-классы, публичные лекции и т. п.) (табл. 1).

Таблица 1

Заинтересованность минских студентов в различных городских событиях

Table 1

Interest of Minsk students in various city events

Городские события, представляющие особенный интерес:	%
Те, на которых есть возможность весело провести время, развлечься, расслабиться (вечеринка, концерт, пикник, фестиваль и т. п.)	53,9
Те, на которых есть возможность сделать что-то полезное для себя, улучшить свою жизнь, укрепить здоровье, получить новые знания, приобрести полезные связи, добиться поставленных целей и т. п. (конференция, воркшоп, мастер-класс, публичная лекция и т. п.)	33,9
Те, на которых есть возможность найти интересных собеседников, пообщаться, принять участие в диалоге, что-то обсудить (форум, конференция, нетворкинг и т. п.)	12,1

При этом новые знакомства в представлении молодых людей – это прежде всего возможность узнать что-то новое, расширить свой кругозор (55,4 %), а идеальный город, в котором хотелось бы

жить, 61,2 % респондентов описали как место, где можно добиваться поставленных целей (учиться, делать карьеру, зарабатывать деньги, самосовершенствоваться и т. п.) (табл. 2).

Таблица 2

Общее восприятие городской жизни

Table 2

Common perception of city life

Город, в котором я хотел бы жить – это	%
Красивый и современный город, в котором много мест для развлечения (кафе, бары, клубы, кинотеатры, торговые центры и т. п.)	18,0
Город, в котором удобно общаться (много доступных пространств, подходящих для свободного общения с разными людьми)	20,8
Город, в котором можно добиваться поставленных целей (учиться, делать карьеру, зарабатывать деньги, самосовершенствоваться и т. п.)	61,2

Для того чтобы соответствовать «текучести» современной городской жизни, культурно-образовательные локусы должны быть достаточно мобильны, обходиться без собственной постоянной территории, пользуясь временной (нейтральной). Такие «пространства-трансформеры» способствуют поддержанию высокого уровня социальной гетерогенности, предоставляя возможность постоянно встречаться с чем-то новым, незнакомым (опытом, людьми, идеями и т. п.), стимулируя го-

рожан к непрерывному обучению (так как любое обучение осуществляется только при столкновении с ранее неизвестным). Кроме того, подобная гибкость и мобильность культурно-образовательного пространства позволяют образующимся «собирать» для себя именно тот конструкт, который на данный момент соответствует их возможностям и потребностям (т. е. формировать свое собственное уникальное образовательное пространство). Рассмотрим этот процесс подробнее.

Конструирование индивидуального культурно-образовательного пространства

Объектом эмпирического изучения особенностей конструирования индивидуального культурно-образовательного пространства выступила

студенческая молодежь г. Минска как социальная категория, наиболее заинтересованная в различных возможностях получения дополнительного

образования (в силу возраста и жизненного этапа), а также отличающаяся максимальным разнообразием досуговых практик. Следовательно, социализирующая и культурно-образовательная функции городского публичного пространства наиболее отчетливо будут проявляться именно в границах данной группы. В качестве источника информации о

культурно-образовательных локусах был выбран интернет, так как большинство студентов для поиска информации о городской жизни используют именно его (82,0 % респондентов обращаются к специализированным интернет-сайтам, 60,4 % – к социальным сетям). Популярность конкретных интернет-ресурсов представлена в табл. 3.

Таблица 3

Источники получения информации о городских событиях

Table 3

Sources of information about city events

Источники получения информации о городских событиях	%
ВКонтакте (паблик «Бесплатный Минск»)	38,4
Tut.by (afisha.tut.by)	32,8
Relax.by	12,6
Citydog.by	10,9
Другое	5,3

Абсолютно все вышеуказанные источники, помимо развлечений, предлагают своим посетителям информацию о различных возможностях дополнительного образования, доступных в г. Минске. Однако форма представления такой информации у вышеперечисленных ресурсов значительно различается. Фактически их можно разбить на две группы. В интернет-ресурсах первой группы (паблик «Бесплатный Минск» социальной сети ВКонтакте и citydog.by) информация о городской жизни подается без четкого разграничения на развлекательные и обучающие события. В частности, сайт citydog.by активно позиционирует различные образовательные мероприятия как один из способов проведения свободного времени, такой же как и традиционные развлечения (концерты, вечеринки, распродажи и пр.). Так, среди всех городских событий, упоминаемых на страницах данного сайта в течение одного месяца¹, 35 % занимали публичные лекции, презентации, форумы, мастер-классы, конференции и т. п. Более того, ни одна рубрика, посвященная организации городского досуга, не выходила без упоминания какого-либо образовательного мероприятия. В свою очередь, интернет-ресурсы второй группы (afisha.tut.by и relax.by) информируют посетителей о доступных возможностях дополнительного образования на отдельных вкладках, четко разделяя отдых и обучение. Следовательно, для того чтобы ознакомиться с подобной информацией, необходимо иметь соответствующую мотивацию (уже сформированную ранее), а также приложить определенные усилия (к при-

меру, на afisha.tut.by вначале необходимо открыть вкладку «Другое», затем среди многих других найти раздел «Обучение»). Очевидно, что преимущественное обращение к информационным ресурсам первой или второй группы будет оказывать влияние на функциональный потенциал городского публичного пространства, активировав либо его культурно-образовательную (как в случае с ресурсами первой группы), либо развлекательную функцию (как это происходит при обращении к ресурсам второй группы).

Данную мысль подтвердили и результаты исследования, обнаружив зависимость между формой подачи информации об образовательных мероприятиях и предпочитаемыми досуговыми практиками студентов. Сравнительный анализ показал, что посетители интернет-ресурсов первой группы («Бесплатный Минск» и citydog.by) активнее потребляют культурно-образовательный потенциал городского публичного пространства, чем те, кто чаще обращается к интернет-ресурсам второй группы (afisha.tut.by и relax.by). В частности, они значительно чаще интересуются городскими событиями, на которых есть возможность найти интересных собеседников, пообщаться, принять участие в диалоге, что-то обсудить (форум, конференция, нетворкинг и т. п.) или же сделать что-то полезное для себя, улучшить свою жизнь, укрепить здоровье, получить новые знания, приобрести полезные связи, добиться поставленных целей и т. п. (конференция, воркшоп, мастер-класс, публичная лекция и т. п.) (табл. 4).

¹В качестве контрольного периода был взят ноябрь 2017 г.

Таблица 4

**Заинтересованность минских студентов в различных городских событиях
в зависимости от предпочитаемых интернет-ресурсов, посвященных городской жизни, %**

Table 4

**Interest of Minsk students in various city events,
depending on the preferred Internet resources about urban life, %**

Городские события, представляющие особенный интерес	Интернет-ресурсы, разграничивающие отдых и обучение	Интернет-ресурсы, объединяющие отдых и обучение
Те, на которых есть возможность весело провести время, развлечься, расслабиться (вечеринка, концерт, пикник, фестиваль и т. п.)	82,2	20,8
Те, на которых есть возможность сделать что-то полезное для себя, улучшить свою жизнь, укрепить здоровье, получить новые знания, приобрести полезные связи, добиться поставленных целей и т. п. (конференция, воркшоп, мастер-класс, публичная лекция и т. п.)	5,7	33,9
Те, на которых есть возможность найти интересных собеседников, пообщаться, принять участие в диалоге, что-то обсудить (форум, конференция, нетворкинг и т. п.)	12,1	45,3

Примечание. Полужирным шрифтом выделено максимальное число заинтересованных.

Различается и общее восприятие городской жизни. Студенты, чаще обращающиеся к культурно-образовательным локусам городского пространства, описывают свой идеальный город как место, в котором можно добиваться поставленных целей (учиться, делать карьеру, зарабатывать деньги, самосовершенствоваться и т. п.), как открытое пространство, удобное для коммуникации (табл. 5).

Таблица 5

Общее восприятие городской жизни минскими студентами в зависимости от предпочитаемых интернет-ресурсов, посвященных городской жизни, %

Table 5

Common perception of Minsk urban life, depending on preferred Internet resources about city events, %

Город, в котором я хотел бы жить	Интернет-ресурсы, разграничивающие отдых и обучение	Интернет-ресурсы, объединяющие отдых и обучение
Красивый и современный город, где много мест для развлечения (кафе, бары, клубы, кинотеатры, торговые центры и т. п.)	25,8	12,9
Город, где удобно общаться (много доступных пространств, подходящих для свободного общения с разными людьми)	20,6	25,9
Город, где можно добиваться поставленных целей (учиться, делать карьеру, зарабатывать деньги, самосовершенствоваться и т. п.)	53,6	61,2

Ранее мы уже подчеркивали социализирующий потенциал городского публичного пространства – путем использования различных инструментов оно способно формировать и воспроизводить определенный тип личности. При этом содержание процесса социализации напрямую зависит от того, какие именно функции публичного пространства в данный момент доминируют (социально-инклюзивная, организационная, культурно-образовательная, рекреативная, развлекательная и пр.). Соответственно, преобладание культурно-образовательной функции публичного пространства стимулирует горожан к более активному использованию культурно-образовательного потенциа-

ла города. Результатом городской социализации в данном случае станет *интернализация стратегии непрерывного образования* – переход внешних по отношению к личности структур во внутренние регуляторы поведения. Иными словами, не пассивное принятие идей непрерывного образования (под давлением обстоятельств, как дань моде, из корыстных мотивов и т. д.), а формирование субстанциональных качеств, которые индивид интернализирует в своей социальной активности, в жизнедеятельности в целом (самотивация к обучению, стремление к постоянному пополнению знаний через смешивание досуга и обучения, самостоятельность в формировании индивидуаль-

ных образовательных тактик и т. п.). Безусловно, данный вывод нуждается в дальнейшем уточнении и детальном исследовании на более широкой выборке, однако в качестве рабочей гипотезы о нем можно говорить уже сейчас.

Поскольку «новые» социальные практики способны преобразовывать «старую» городскую территорию (идея производства пространства Лефевра [22]), следовательно, мы можем ожидать и *трансформации культурно-образовательного*

пространства города – доля авторитарного и манипулятивного подпространств постепенно будет сокращаться, а свободного и естественного возрастать. Наиболее полно такому культурно-образовательному пространству будут соответствовать образовательные практики, основанные на построении коммуникации, тесно вплетенные в городскую жизнь, находящиеся в гармоничном взаимодействии с другими сферами жизнедеятельности индивида (досуг, работа и т. д.).

Заключение

Таким образом, городская среда выполняет по отношению к индивиду культурно-образовательную функцию, напрямую участвуя в его становлении и развитии. При этом культурно-образовательный потенциал города тем выше, чем лучше он приспособлен для свободной коммуникации, что обеспечивается разнообразием публичной сферы, наличием в ней различных акторов, возможностью их смешения и т. п. Новые формы организации культурно-образовательного пространства должны тесно вплетаться в городскую жизнь, размы-

вая привычные границы между такими сферами, как досуг, работа, обучение, поддерживая высокий уровень социальной гетерогенности, предоставляя возможность постоянно встречаться с чем-то новым (опытом, людьми, идеями), стимулируя тем самым к непрерывному обучению. В свою очередь, результатом городской социализации в таком пространстве может стать формирование личности, для которой идея непрерывного образования будет не данью времени или вынужденной необходимостью, а базовой жизненной стратегией.

Библиографические ссылки

1. 10 профессиональных навыков, которые будут актуальны через 5 лет [Электронный ресурс] // Kariera.by. URL: <http://www.kariera.by/post-5588/> (дата обращения: 18.01.2018).
2. Сковорцов В. Н. Основные тенденции развития непрерывного образования // Царскосел. чтения. 2013. № 1. С. 334–340.
3. М. М. Бахтин как философ : сб. ст. / отв. ред. Л. А. Гоготишвили, П. С. Гуревич. М. : Наука, 1992. 251 с.
4. Линч К. Образ города / пер. с англ. В. Л. Глазычева ; сост. А. В. Иконников. М. : Стройиздат, 1982.
5. Лэндри Ч. Креативный город. М. : Классика-XXI, 2011.
6. Глазычев В. Л. Урбанистика. М. : Европа, 2008.
7. Яницкий О. Н. Глобализация и «городские войны» // Власть. 2017. № 1. С. 103–111.
8. Дридзе Т. М. Вернуть столицу горожанам // Обществ. науки и современность. 1997. № 5. С. 26–34.
9. Лефевр А. Производство пространства. М. : StrelkaPress, 2015.
10. Пономарев Р. Е. Образовательное пространство : монография. М. : МАКС Пресс, 2014.
11. Сорокин П. А. Социальная мобильность / пер. с англ. М. В. Соколовой ; под общ. ред. В. В. Сапова. М. : Academia, 2005.
12. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // THESIS. 1993. Вып. 2. С. 137–150.
13. Филиппов А. Ф. Социология пространства. СПб. : «Владимир Даль», 2008.
14. Социальное пространство современного города / под. ред. Г. Б. Кораблевой, А. В. Меренкова. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 2015.
15. Мастеница Е. Н. Культурное пространство города как предмет исследования и объект познания: междисциплинарный подход // Петербургские исследования: сб. науч. ст. СПб. : Изд. СБГУ, 2011. Вып. 3. С. 128–147.
16. Порозов Р. Ю. Культурно-образовательное пространство города : монография. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т., 2016.
17. Ritzer G. The modern Las Vegas Casino-Hotel: the paradigmatic new means of consumption // Management. 2001. Vol. 4. P. 83–99.

References

1. [10 professional skills that will be relevant in 5 years]. URL: <http://www.kariera.by/post-5588/> (date of access: 01.18.2018) (in Russ.).
2. Skvorcov V. N. [Main trends in the development of continuing education]. *Carskosel'skie chteniya*. 2013. No. 1. P. 334–340 (in Russ.).
3. Gogoshvily L. A., Gurevitch P. S. (eds.). M. M. Bakhtin kak filosof [M. M. Bahtin as a philosopher] : collect. of articles. Moscow : Nauka, 1992 (in Russ.).
4. Lynch K. *Obraz goroda* [Image of the City]. Moscow : Stroiizdat, 1982 (in Russ.).
5. Landry C. *Kreativnyi gorod* [The Creative City]. Moscow : Klassika-XXI, 2011 (in Russ.).
6. Glazychev V. L. *Urbanistika* [Urbanistics]. Moscow : Evropa, 2008 (in Russ.).
7. Yanickiy O. N. [Globalization and «urban wars»]. *Vlast'* [Power]. 2017. No 1. P. 103–111 (in Russ.).
8. Dridze T. M. [Return to the capital of the citizens]. *Obschestv. nauki i sovrem.* 1997. No. 5. P. 26–34 (in Russ.).

9. Lefebvre H. Proizvodstvo prostranstva [The production of space]. Moscow : Strelka Press, 2015 (in Russ.).
10. Ponomaryov R. E. Obrazovatel'noe prostranstvo [Educational space]. Moscow : MAKS Press, 2014 (in Russ.).
11. Sorokin P. A. Sotsial'naya mobil'nost' [Social mobility]. Moscow : Academia, 2005 (in Russ.).
12. Bourdieu P. [Social space and symbolic power]. *THESIS*. 1993. Vol. 2. P. 137–150 (in Russ.).
13. Filippov A. F. Sotsiologiya prostranstva [Sociology of space]. Saint Petersburg : Vladimir Dal', 2008 (in Russ.).
14. Korabliova G. B., Merenkova A. V. (eds). Sotsial'noe prostranstvo sovremennogo goroda [Social space of a modern city]. Ekaterinburg : Publ. of Ural State Univ., 2015 (in Russ.).
15. Mastenica E. N. [The cultural space of a city as a subject of research and object of knowledge: the interdisciplinary approach]. *Peterburgskie issledovania* : dig. of articles. 2011. Vol. 3. P. 128–147 (in Russ.).
16. Porozov R. Y. Kul'turno-obrazovatel'noe prostranstvo goroda [Cultural and educational space of the city]. Ekaterinburg : Publ. of Ural State Ped. Univ., 2016 (in Russ.).
17. Ritzer G. The Modern Las Vegas Casino-Hotel: the paradigmatic new means of consumption. *Management*. 2001. Vol. 4. P. 83–99.

Статья поступила в редколлегию 19.01.2018.
Received by editorial board 19.01.2018.

В КОНСПЕКТ СОЦИОЛОГА

SYNOPSIS OF A SOCIOLOGIST

УДК 316.1/.2

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В БЕЛАРУСИ: ИСТОРИЯ, СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ, ПЕРСОНЫ

С. Н. БУРОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

С позиций гендерного подхода исследуются вопросы социального порядка, который основан на социальном равенстве женщин и мужчин и его преимуществах. Рассматриваются история и социальный контекст гендерных исследований в Беларуси; называются имена исследователей и специалистов, которые первыми внесли свой вклад в новое понимание социальной реальности в 1990–2010 гг., описаны их достижения. Обозначены тенденции в гендерном секторе, основные трудности в проведении гендерных исследований и их потенциал.

Ключевые слова: гендер; гендерные стереотипы; гендерная дискриминация; гендерное равенство; гендерные исследования; индекс гендерного разрыва; политика гендерного равенства.

GENDER RESEARCH IN BELARUS: HISTORY, SOCIAL CONTEXT, PERSONS

S. N. BUROVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

In the article, from the standpoint of the gender approach, social issues are considered, which is based on the social equality of women and men and its benefits. The history and social context of gender studies in Belarus is considered; called the names of researchers and professionals who were the first to contribute to new understanding of social reality in 1990–2010, described the achievements. The trends in the gender sector, the main difficulties in conducting gender studies and their potential are indicated.

Key words: gender; gender stereotypes; gender discrimination; gender equality; gender studies; gender gap index; gender equality policy.

Образец цитирования:

Бурова С. Н. Гендерные исследования в Беларуси: история, социальный контекст, персоны // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 1. С. 161–168.

For citation:

Burova S. N. Gender research in Belarus: history, social context, persons. *J. Belar. State Univ. Sociol.* 2018. No. 1. P. 161–168 (in Russ.).

Автор:

Светлана Никифоровна Бурова – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Svetlana N. Burova, PhD (law), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social science.
svetic45@mail.ru

Гендерные исследования представляют собой междисциплинарные научные изыскания, в которых используются теории социального пола (гендера) для изучения общественных явлений и процессов.

Гендер, гендерное равенство, гендерные стереотипы, гендерная политика государства – нередко люди, слыша эти сравнительно недавно появившиеся в нашем лексиконе слова, не совсем понимают, что они означают (это подтверждают социологические исследования, которые проводятся в нашей стране, в том числе автором данной статьи). Многие воспринимают гендерную тематику как феминистскую, а движение к гендерному равенству – как посягательство женщин на права и привилегии мужчин. Для многих людей слово «гендер» и его дериваты означают современное и модное название слова «пол» и его производных, но это не так. Пол в самом общем виде обуславливает совокупность генетически детерминированных признаков особи, определяющих ее роль в процессе оплодотворения. Иначе говоря, это половые хромосомы, внешние и внутренние половые органы, гормоны, которые дают возможность установить, кто есть женщина, а кто – мужчина. Гендер же проявляется в поведении, которое согласуется с представлениями о том, что правильно (нормально) или неправильно (ненормально) для того или иного пола. Традиционно считается, что мужское и женское всегда противоположны и дополняют друг друга. Однако при таком подходе не учитывалось, что представления о мужском и женском в разных геополитических и временных пространствах были разными, исторически меняющимися. В результате многих исследовательских изысканий выяснилось, что маскулинное и фемининное многомерно и у разных людей сочетается по-разному. В XX–XXI вв. – эпоху глубоких социально-политических преобразований и научных открытий – были поставлены под сомнение естественные, природные различия между мужчинами и женщинами (О. Вейнингер, М. Мид, С. Бем и многие другие)¹. Было выявлено, что у женщин и мужчин немало общего, а многие различия объясняются социальными и экономическими факторами, и что существует гендерное многообразие. Научные многопрофильные исследования продолжаются, их результаты разрушают все больше мифов о непреодолимых различиях женщин и мужчин и их антагонистических противоположностях. Можно сделать вывод о том, что

и существующие дискриминационные практики, и общественное неравенство женщин и мужчин – это результат воздействия социально-экономических обстоятельств и политических доктрин, характерных для того или иного общества.

Один из ведущих современных специалистов в исследовании сексуальности, мужественности и женственности И. С. Кон в своей статье «Мужская роль и гендерный порядок» пишет о том, что «в биологически ориентированной науке все различия между полами первоначально считались универсальными и выводились из обусловленного естественным отбором полового диморфизма. Однако многие особенности социального поведения и психики мужчин и женщин и общественное разделение труда между ними исторически изменчивы, их можно понять только в определенной системе общественных отношений. Чтобы точнее описать соответствующие процессы и явления, биологическое понятие пола было дополнено социологическими понятиями гендера и *гендерного порядка, которые подразумевают социальные, исторически сложившиеся отношения между мужчинами и женщинами*» (выделено нами. – С. Б.) [1, с. 37]. Гендерный порядок сегодня меняется. Его трансформация в свете современных стремлений к защите и соблюдению прав *каждого* человека закономерна и необратима по многим объективным причинам, в том числе благодаря новым технологиям, «которые делают природные половые различия менее значимыми, чем раньше. Феминизм лишь отражает, подчас односторонне, эти сдвиги» [1, с. 38–39]. Изменившиеся макроэкономические и идеологические условия социальной жизни привели к тектоническим сдвигам в межполовых отношениях. Появились новые социально-психологические трудности и для женщин, и для мужчин, что во многом связано с процессом разрушения отживающих стереотипов, устоявшихся правил и норм поведения. Привычный гендерный порядок стал анахронизмом, который тормозит общественное развитие, так как создает массу препятствий для раскрытия личностного потенциала и мужчин, и женщин, которые «загнаны» в рамки своих гендерных ролей и ограничены в самораскрытии. По мнению многих экспертов, ***существующий гендерный порядок стал невыгоден ни экономически, ни социально, ни политически***. Патриархальное общество с *гегемонной маскулинностью*² и милитаристской политикой сегодня разрушает цивилизацию.

¹В частности, было выявлено, что мужчины и женщины могут обладать такими качествами, которые в определенной культуре традиционно приписываются только противоположному полу. Методика измерения личностных качеств для диагностики психологического пола была предложена известным американским психологом Сандрой Бем (*Sandra L. Bem*, 1974). Методика помогает определить степень андрогинности, маскулинности и феминности личности. Некоторые психические качества сегодня уже не ассоциируются с полом, а воспринимаются как свойства личности.

²Термин «гегемонная маскулинность» ввел австралийский социолог Рэйвин Коннелл для описания типа маскулинности, который находится на вершине иерархии культуры мужского сообщества и разделяется преобладающей частью мужчин, а также поощряется обществом. Гегемонная маскулинность реализуется в отношениях с женщинами и другими, менее престижными, формами маскулинности.

Например, американская политика, проводимая исключительно с позиции своего превосходства и с применением смертоносной силы, которая влечет за собой ужасные разрушения и человеческие страдания по всему миру, возрождающийся в Европе неофашизм, международный исламский терроризм – все это проявления воинствующей гегемонной маскулинности, указывающие на усиление агрессивной маскулинной идеологии и практики. Как пишет И. С. Кон, «повышенная агрессивность и соревновательность мужчин – одна из самых заметных и устойчивых транскультурных и кроссвидовых констант маскулинности» [1, с. 40]. В целом современных мужчин, как и раньше, больше занимают технические достижения и утверждение своего превосходства, в то время как женщин всегда больше интересуют человеческие отношения и последствия происходящего.

В современном обществе мы часто сталкиваемся с отжившими гендерными стереотипами, которые значительно затрудняют развитие межполовых отношений и самореализацию женщин и мужчин. Мужчине приписывается более высокий социальный статус, женщине предназначена второстепенная роль. Это наблюдается практически во всех развитых современных обществах. **Гендерные стереотипы** – это сформировавшиеся в определенной культуре распространенные обобщенные представления или убеждения об особенностях мужчин и женщин, о том, как действительно ведут себя представители разных гендеров. Гендерные стереотипы появились вследствие того, что модель гендерных отношений исторически выстраивалась таким образом, что половые различия располагались над качественными различиями личности мужчины и женщины, над их индивидуальностями. Согласно распространенным в нашем обществе представлениям (как и во многих других обществах) женщина – это «слабый пол», хранительница очага, ее высшее предназначение – материнство; мужчина же – это «сильный пол», воин, защитник и добытчик. И такие представления являют собой примеры гендерных стереотипов, «загоняющих» людей в некие нормативные рамки, ограничивающих их социальное и семейное пространство, диктующих правила поведения, выход за пределы которых грозит попаданию в группу «не-женщин» или «не-мужчин». А это приводит к **гендерной дискриминации** – действиям, которые закрывают представителям той или иной гендерной группы доступ к определенным ресурсам или источникам дохода.

Гендерное равенство – это равенство прав и возможностей мужчин и женщин, в том числе доступа к ресурсам. Движение к нему – это длительный и очень непростой путь, который должен быть оснащен дорожной картой и необходимыми

механизмами для движения. И конечно же, нужны те люди, которые будут давать энергию для такого движения, которые пойдут впереди и поведут все общество в нужном направлении. Продолжая эту аналогию, обратим внимание на то, что движение в направлении гендерного равенства может быть успешным в том случае, если идущие по этому пути понимают, куда и зачем они идут и что даст им достижение их цели – общества, в котором существует гендерное равенство? Пока таких идеальных обществ нет. На сегодня наибольших результатов в достижении гендерного равенства достигли страны Скандинавии, которые отличаются высоким уровнем социальной защиты населения и эффективными экономиками, созданием условий для наибольшей самореализации всех людей во всех сферах, в том числе в брачно-семейной. Еще с середины 1970-х гг. государства этого региона активно проводят политику, направленную на создание одинаковых условий для обоих родителей по воспитанию детей с самого раннего возраста. Право на отпуск по уходу за новорожденным ребенком получили не только матери, но и отцы. Для мужчин это не только право, но и обязанность, и многие из них поняли, какое это счастье – быть реальным отцом, проводить время со своим ребенком, наблюдать за его ростом и развитием, наполняться положительными эмоциями. В таких ситуациях мужья и жены начинают лучше понимать друг друга, происходит переформатирование мужественности с жесткой гегемонной на более мягкую, толерантную и интеллектуализированную. Привязанность к своему ребенку на более глубоком эмоционально-психологическом и бытовом уровнях способствует тому, что мужчины начинают смотреть на окружающий мир под новым углом зрения, стремятся сделать его дружественным, а не враждебным. У женщин же появилось больше возможностей для раскрытия своей личности, самореализации за пределами дома. Домашний уют и дети – это прекрасно и привычно, но современным образованным женщинам этого недостаточно, они хотят самореализации и вне своего дома. Феномен «синдрома неблагополучия благополучной домохозяйки» хорошо описан в работе американского социолога и психолога Б. Фридан «Загадка женственности» (*The Feminine Mystique*, 1964) – книге, которая перевернула сознание многих миллионов людей, разрушила миф о достаточности «потребительского рая» и замкнутого семейного мира для образованных женщин среднего класса. Что касается детей, то их социализация с активным участием отцов наполняется новым содержанием и становится более качественной в смысле соответствия жизни в гендерно сбалансированном сообществе, которое более гармонично, чем традиционное патриархальное общество. Ситуации, когда мужчины начинают больше времени

проводить со своими детьми, имеют еще и другой эффект – улучшение отношений между супругами и уменьшение случаев супружеской измены, т. е. укрепление стабильности брачных отношений.

Начало проведения гендерных исследований в Беларуси относится к середине 1990-х гг. Это было время интеллектуальных поисков и осмысления характера отношений между людьми, различных аспектов проблемы гендерного неравенства, причем вначале гендерные исследования имели специфику, связанную с новым осмыслением социума, его устройства, соблюдением прав человека, нарушением прав женщин. Знаковым был 1995 год.

В 1995 г. в Пекине под эгидой ООН прошла IV Всемирная конференция по правам женщин, где присутствовали делегации 189 стран. Беларусь представляли правительственная делегация и делегация неправительственных организаций (НПО). Фундаментальным достижением форума в Пекине было признание необходимости сместить акцент с обобщенной концепции женщин в сторону гендерной концепции. Утверждалось, что вся структура общества и все отношения между мужчинами и женщинами подлежат кардинальному пересмотру, что только фундаментальная перестройка общества и его институтов поможет женщинам полноправно занять свое законное место в качестве равных партнеров с мужчинами во всех сферах жизни. Это изменение концепции лишней раз подтверждало, что права женщин являются правами человека и проблема гендерного равенства имеет универсальную природу, а ее решение пойдет на общее благо всего мирового сообщества.

На конференции была принята Пекинская платформа действий. Республика Беларусь подписала этот документ в 1995 г. и тем самым взяла на себя обязательства по выполнению всех закрепленных в нем рекомендаций по улучшению положения женщин. Это событие стало стимулом и толчком к изучению положения женщин в стране, развитию женского движения. Женские исследования (*Women's studies*) являются начальным этапом гендерных исследований. До 1990-х гг. считалось, что в Беларуси, как и в СССР, женский вопрос был решен. Однако после конференции в Пекине началось интенсивное проведение женских исследований с целью понять истинное положение дел, узнать, переживают ли женщины в Беларуси дискриминацию (если да, то какую), ущемлены ли они в правах.

В результате 1990-е гг. стали этапом накопления знаний и методик для проведения гендерных исследований. Основные их направления – насилие в отношении женщин, торговля женщинами, женское лидерство, роль женщин в обществе и принятии управленческих решений и др.

Среди самых значимых исследовательских проектов второй половины 1990-х гг. была подготовка национального отчета «Женщины Беларуси

в зеркале эпохи», который выполнялся под эгидой ПРООН в 1997 г. Отчет готовился экспертами и специалистами из министерств и ведомств, научно-исследовательских институтов, учреждений высшего образования, общественных организаций. Авторы исходили из того, что ни в одном обществе, в том числе в белорусском, женщина не располагает теми же возможностями, что и мужчины; что *гендерное неравенство настолько вросло в менталитет людей*, что часто не идентифицируется вовсе, а воспринимается как естественный порядок вещей. В течение года авторы осуществляли сбор фактического материала, знакомились с официальной статистикой, историческим опытом белорусских женщин, проводили социологические и социолингвистические исследования, брали интервью у представителей политической, деловой и культурной элиты, организовывали семинары с привлечением широкой общественности, на которых проводили апробацию результатов своих исследований. По признанию экспертов, подготовленный отчет достаточно полно, объективно и многосторонне отразил положение женщин в Беларуси и выявил основные социальные противоречия в экономической и политической жизни женщин, путях их самореализации в семье и профессии. Достаточно адекватно в нем отражена гендерная ситуация в Беларуси. Среди авторов доклада были Валентина Ладыженко (заведующий отделом семьи и гендерных проблем Министерства труда Республики Беларусь), филолог Валентина Ковтун (на тот момент – главный редактор журнала «Польмя»), журналист Игорь Дылевский (член Белорусского союза журналистов и Белорусского союза кинематографистов), социолог Светлана Бурова (БГУ), филолог Елена Гапова (БГУ), историк Владимир Новицкий (институт истории НАН Беларуси), общественный деятель Людмила Петина, медик Зинаида Севковская (Министерство здравоохранения Республики Беларусь), медик Ирина Сикорская (Белорусский государственный институт усовершенствования врачей), философ и социолог Галина Соколова (Институт социологии НАН Беларуси), филолог Ирина Ухванова (БГУ), социолог Лариса Соглаева (БГУ), историк Ирина Чикалова (Белорусский государственный педагогический университет (БГПУ) имени Максима Танка), Ирина Чуткова (отдел семьи и гендерных проблем Министерства труда Республики Беларусь).

В 2002 г. была осуществлена масштабная информационная региональная компания ЮНИФЕМ в защиту прав женщин на жизнь без насилия, в которой участвовали девять стран, в том числе Беларусь. В рамках этой кампании было проведено международное исследование на тему «Уровень осведомленности населения о насилии над женщиной в семье и на рабочем месте» (Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Литва, Молдова, Россия, Таджикистан, Узбекистан). Это была огромная ор-

ганизационная, исследовательская и аналитическая работа, позволившая провести на основании полученных данных сравнительный анализ положения женщин в странах-участницах. С помощью массовых анкетных опросов разных категорий населения, проведения фокус-групп и контент-анализа печатных материалов по проблеме насилия в отношении женщин была получена разнообразная информация для проверки всех исследовательских гипотез. Исследованием были охвачены около 10 тыс. человек. Работа подтвердила, что вне зависимости от социокультурного контекста (Восток–Запад) проблема насилия в отношении женщин не может рассматриваться в отрыве от глобальных социальных проблем и должна восприниматься как следствие гендерного неравенства. Отношение общества к проблеме насилия, преобладающая смысловая интерпретация этого понятия выступают своего рода индикаторами социального благополучия. На основании полученных выводов были подготовлены обращения к правительствам каждого государства с целью привлечь внимание государственных деятелей и политиков к проблеме гендерного неравенства и пагубности его последствий. Были разработаны рекомендации для работы с разными целевыми группами: женщинами, мужчинами, молодежью, пожилыми людьми, политиками и общественными деятелями, журналистами и редакторами СМИ, детьми и подростками, социальными работниками, женскими НПО, представителями служб правопорядка.

В Беларуси изучением гендерных проблем занимаются междисциплинарные исследовательские коллективы и отдельные ученые. Исследовательские проекты осуществляются социологами, культурологами, филологами, историками, журналистами, психологами, представителями органов управления, иногда медиками. Теоретическая разработка проблематики, связанная с перспективами применения гендерного подхода в исторических исследованиях, началась в 1990-х гг. Одним из пионеров гендерной истории и гендерного подхода в исторической науке в Беларуси по праву можно считать Ирину Чикалову, доктора исторических наук профессора кафедры новой и новейшей истории БГПУ имени Максима Танка. С философских и культурологических позиций гендерными вопросами занималась Альмира Усманова.

В конце 1990-х гг. в Беларуси был создан Центр гендерных исследований (ЦГИ) Европейского гуманитарного университета (ЕГУ). Директором и основателем ЦГИ была Елена Гапова. В 2000 г. ЦГИ открыл первую и единственную в СНГ русскоязычную магистратуру по гендерным исследованиям. Его выпускники вносят заметный вклад в попол-

нение базы данных по гендерной проблематике. Среди них – Елена Минченя (культурная история исследований Восточной и Центральной Европы), Анна Шадрина (проблема глобального роста людей, не состоящих в браке), Татьяна Щурко (репродуктивная функция женщины), Евгения Иванова (женщины в политике) и многие другие.

Большое значение имеют гендерные исследования белорусских специалистов многих отраслей знаний. Назовем некоторых из них.

Ольга Терещенко – математик и социолог, профессор кафедры социальной коммуникации БГУ, методолог по проведению социальных проектов по гендерной проблематике.

Лариса Титаренко – социолог, профессор кафедры социологии БГУ, автор учебного пособия по гендерной социологии.

Ирина Сидорская – заведующий кафедрой технологий коммуникаций Института журналистики БГУ. Является национальным экспертом ЮНФПА по гендерным проблемам в СМИ.

Ирина Соломатина – общественный деятель и основательница проекта «Гендерный маршрут».

Ирина Чуткова – один из авторов справочных пособий по гендерному образованию для юристов, журналистов, управленцев.

Ирина Кучвальская – юрист, исследователь женщин в заключении.

Светлана Наумова – философ и политолог.

Александр Першай – лингвист, исследователь сексизма в языке. Одним из первых обратил внимание белорусской общественности на отождествление понятий «человек» и «мужчина».

Ирина Дунаева – социолог. Руководила проектом ПРООН «Содействие расширению общественного влияния женщин в Республике Беларусь» (2003–2004).

Надежда Ефимова – социолог, исследователь СМИ с гендерных позиций.

Наталья Муфель – психолог, исследователь репродуктивной функции и психического здоровья женщин.

К первым исследователям, защитившим в Беларуси диссертации по гендерным проблемам, относятся Наталья Курилович (кандидатская диссертация на тему «Методологические аспекты гендерного анализа СМИ», 2001, БГУ), Ольга Янчук (кандидатская диссертация на тему «Распространенность гендерных стереотипов в массовом сознании населения Республики Беларусь», 2004, БГУ).

Донорами гендерных исследований чаще всего являются агентства ООН – ЮНИФЕМ, ЮНИСЕФ, ЮНФПА, а также, в последние годы, Международная организация по миграции, Управление Вер-

ховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), Офис европейской экспертизы и коммуникаций, Институт прав человека и гуманитарного права Рауля Валленберга (Лунд, Швеция).

Ученые Беларуси вносят немалый вклад в развитие методологии и методики гендерных исследований, в базу эмпирических данных. Они проводят теоретические и эмпирические исследования, в том числе имеющие прикладную ценность. Белорусские авторы используют количественные и качественные способы получения информации: индивидуальное и групповое стандартизованное анкетирование, интервьюирование, фокус-группы, экспертные опросы, изучение жизненных историй, наблюдения, работа с документами – контент-анализ, дискурсный анализ и др.

На макроуровне (национальный уровень) в начале XX в. было проведено исследование «Женское лидерство как путь к гендерно сбалансированному обществу» в рамках проекта ПРООН «Содействие расширению общественного влияния женщин в Республике Беларусь» (2004). Изучались демографическая ситуация в стране (с использованием гендерного измерения), сущность политики гендерного равенства в Беларуси; исследовались такие проблемы, как женщины и экономика, женщины в сфере принятия решений, женское движение в Республике Беларусь, женщины в сфере образования, здоровье женщин, безопасность женщин, женщины и СМИ; анализировались гендерные аспекты статистики, а также мнения мужчин и женщин о социальном равенстве. На сувенирной продукции (кружках, сумках, плакатах, календарях и др.) размещались слоганы (девизы) проекта: *Быть лидером никогда не рано* (пример: Жанна Д'Арк); *Быть лидером никогда не поздно* (пример: Мать Тереза); *Быть лидером всегда вовремя* (пример: Маргарет Тэтчер).

В рамках проекта проводилась работа с языком и его стереотипами, осуществлялась деятельность по преодолению сексизма. На календарях, плакатах и другой печатной продукции размещались такие утверждения: *Человек придумала огонь*; *Человек придумала алфавит*; *Человек придумала колесо*. Эти необычные выражения заставляли задуматься над вопросом, кто есть человек: мужчина или и женщина тоже? Был актуализирован вопрос о феминитивах, отрасли гендерной лингвистики.

Гендерный подход использовался в национальном исследовании причин семейного неблагополучия в Республике Беларусь, при изучении различий в мнениях и отношениях в брачно-семейной жизни мужчин и женщин, имеющих детей младшего и среднего школьного возраста (ЮНИСЕФ, 2009); в нескольких исследованиях гендерных аспектов насилия среди беженцев (УВКБ ООН, 2007, 2010, 2011).

Исследование гендерных стереотипов в системе высшего образования прошло в Беларуси на примере трех университетов Минска: БГУ, Белорусского национального технического университета, Белорусского государственного экономического университета (инициировано Институтом прав человека и гуманитарного права имени Р. Валленберга в 2014 г. в рамках сотрудничества этого института с факультетом международных отношений БГУ).

В 2014 г. было осуществлено национальное исследование «Анализ сектора Республики Беларусь, игроки которого занимаются вопросами гендерного равенства» (инициирован Офисом европейской экспертизы и коммуникаций). В ходе исследования были опрошены 35 национальных и международных экспертов. Проведенный анализ собранной информации помог сформулировать рекомендации для проведения государственной политики в стране. Они были представлены членам Национального совета по гендерной политике при Совете министров Республики Беларусь.

В 2015 г. осуществлено масштабное национальное исследование на тему «Использование суточного фонда времени разными группами населения Беларуси, в том числе гендерными» (ЮНФПА, ЮНИСЕФ, Национальный статистический комитет Республики Беларусь), которое показало разрыв в наличии свободного времени у мужчин и женщин, их неравной занятости в профессиональной сфере, выполнении домашних обязанностей и воспитании детей. Данные были представлены общественности и органам власти и управления, в том числе Национальному совету по гендерной политике при Совете Министров Республики Беларусь.

На микроуровне работы по гендерной проблематике представлены локальными описательными или небольшими аналитическими исследованиями, которые выполняются по инициативе отдельных ученых разных специальностей, общественными организациями, а также при подготовке магистерских, дипломных и курсовых работ в учреждениях высшего образования. Авторы получают собственные эмпирические данные с использованием гендерной методологии.

Результаты гендерных исследований в Беларуси используются государственными органами, в том числе в системе образования, общественными организациями – в социальной работе со своими целевыми группами. Выявленные социальные проблемы в контексте гендерного неравенства и гендерной дискриминации артикулируются в выступлениях в СМИ, на конференциях, семинарах, круглых столах, в социальных сетях. Все это необходимо для преобразования социальной практики и актуализации проведения *политики гендерного равенства*, т. е. политики, которая проводится

нашим государством и направлена на поступательное движение к обеспечению не только равных прав, но и равных возможностей и одинакового доступа и женщин, и мужчин к ресурсам.

В современном мире такая политика проводится многими государствами. Достижения в этой сфере отслеживаются разными структурами на международном уровне. Наиболее авторитетная из них – Всемирный экономический форум (*World Economic Forum*). Он организует ежегодные исследования неравенства между мужчинами и женщинами по 14 различным переменным в четырех ключевых областях: здравоохранении, образовании, экономике и политике. Эти исследования фиксируют индекс гендерного разрыва, который существует между женщинами и мужчинами в 144 странах мира [2]. Данные публикуются в ежегодных докладах *Global Gender Gap Report*. Перечислим отдельные интересные факты за 2014 г.

1. В мире нет ни одной страны, где женщины зарабатывают столько же, сколько мужчины. Хотя во многих странах за последнее столетие женщины получили множество прав, гендерное неравенство остается проблемой даже в самых развитых из них.

2. Ближе остальных к гендерному равенству находятся страны Северной Европы. Первое место занимает Исландия. Далее в первую пятерку входят Финляндия, Норвегия, Швеция и Дания. Там разрыв между разными полами удалось преодолеть на 80 %. Это связано с развитой инновационной экономикой и высоким уровнем жизни в названных странах.

3. Никарагуа и Руанда борются с гендерным неравенством успешнее, чем многие развитые страны. Никарагуа заняла в рейтинге шестое место. Эта маленькая и бедная страна в Центральной Америке обогнала США, Великобританию и другие развитые государства, потому что в ней много женщин, которые получают высшее образование, занимаются профессиональной работой и участвуют в управлении государством. Восточноафриканская страна Руанда заняла седьмое место, так как в местном парламенте женщин больше, чем мужчин.

4. В рейтинге стран, которые борются с гендерным неравенством, Беларусь заняла 32-е место, а Россия – 75-е. Это объясняется прежде всего низким уровнем присутствия женщин в политике.

5. Странами с самым высоким уровнем гендерной дискриминации являются Чад, Пакистан и Йемен. В центральноафриканском Чаде мало женщин имеют возможность получить высшее образование, почти все менеджеры, юристы и должностные лица – мужчины. Пакистан попал на предпоследнее место из-за большого неравенства между мужчинами и женщинами в экономической сфере, а Йемен занял последнюю строчку из-за большого разрыва в размере заработка мужчин и женщин,

а также неравенства в области образования и политики.

6. С тех пор как стали производиться замеры определенных гендерных показателей, т. е. с 2006 г., ситуация в мире улучшилась, и изменения происходят в самых неожиданных регионах. При этом ситуация улучшается не только в развитых странах. В целом же перемены происходят очень медленно: за последние десять лет положение женщин по планете улучшилось всего на 4 %. Однако исследования показывают, что большинство стран мира двигаются в правильном направлении [3].

Согласно данным за 2016 г. первые три места по-прежнему занимают Исландия, Финляндия, Норвегия; Швеция – на четвертом, а Руанда – на пятом месте. Беларусь в 2016 г. заняла 30-е место, т. е. за два года мы поднялись в рейтинге на две позиции [2].

Гендерные исследования продолжаются. Существуют ли трудности при их проведении в Беларуси? Конечно, да. В республике нет системного гендерного образования и специальности по подготовке специалистов по применению гендерного подхода. Это не способствует осуществлению национальных планов по достижению гендерного равенства и, следовательно, осуществлению государством гендерной политики. Общественное мнение далеко неоднозначно по отношению к теме гендера. Существуют спекуляции на данной проблеме, бытует много заблуждений, применяются манипуляции, которые дискредитируют идею гендерного равенства. Необразованность или низкий уровень понимания этих вопросов приводят к отторжению многими жителями страны самой постановки вопроса. Например, изучение гендерной дискриминации в интернете в 2016–2017 гг. показало, что тема гендера вызывает у многих негативную реакцию и провоцирует агрессивные нападки в социальных сетях [4].

Академическое сообщество недостаточно активно. Ранее известные ученые, занимавшиеся проблемами гендера в Беларуси в конце 1990-х – начале 2000-х гг., уходят с публичного пространства. Сегодня существующая практика развития гендерной тематики внутри академического сообщества является заслугой индивидуальной инициативы небольшого количества людей, которые нередко являются активистами гражданского общества.

Однако для проведения гендерных исследований в республике существует потенциал. Молодое поколение, получающее высшее образование, интересуется вопросами положения женщин и мужчин в обществе и семье, гендерной политикой нашего государства, данными о достижениях в гендерном равенстве в других странах и его преимуществами. Новые исследователи приходят не на

пустое место – есть значительное накопление эмпирических данных и методик разного уровня по гендерной тематике.

На основе проведенного экспертного опроса 2014 г. (более поздние исследования не проводились) отмечены следующие тенденции в гендерном секторе:

1) медленное и противоречивое развитие с определенными достижениями в сфере гендерного равенства и некоторыми потерями;

2) уменьшение количества доноров, финансирующих гендерные проекты;

3) периодически происходящая частичная смена игроков гендерного сектора (одни уходят, другие приходят), некоторое обновление состава игроков, привносящее новые активности и новые методы работы;

4) образование ситуативных альянсов между разными субъектами гендерного сектора при решении конкретных задач (временная совместная проектная социальная и научная деятельность, проведение социальных компаний, лоббирование законов и др.);

5) понимание существующего разрыва между гендерными теоретиками и практической деятель-

ностью, а также необходимости улучшения теоретико-методологической основы деятельности всех субъектов сектора;

б) профессионализация отдельных субъектов гендерного сектора, их «взросление», которое позволяет им становиться экспертами по гендерным вопросам на национальном и международном уровнях, проникать в суть гендерного равенства как создания перспективного и прочного фундамента жизни общества.

По подсчетам *World Economic Forum*, если борьба с гендерным неравенством будет продолжаться такими же темпами, как и в последние десять лет, то человечеству удастся победить дискриминацию по отношению к женщинам только к концу XXI в. Реалистичный взгляд на нынешний гендерный порядок, который существовал многие сотни лет, и на происходящие социальные сдвиги позволяет сделать вывод о том, что быстрых изменений произойти не может. Но вместе с тем гендерные исследования и донесение их результатов до широкой общественности помогут постепенному (и, возможно, более быстрому) изменению сознания людей и формированию новых, более гармоничных отношений между полами.

Библиографические ссылки

1. Кон И. Мужская роль и гендерный порядок [Электронный ресурс] // Вестн. обществ. мнения. 2008. № 2 (94). С. 37–42. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2010/12/13/1214862047/5.pdf> (дата обращения: 15.01.2015).
2. Индекс гендерного разрыва по версии Всемирного экономического форума [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/global-gender-gap-index/info> (дата обращения: 04.02.2018).
3. 8 фактов о неравенстве между мужчинами и женщинами [Электронный ресурс]. URL: <http://apparat.cc/world/global-gender-gap/> (дата обращения: 10.01.2015).
4. Тупиков Г. Е. Гендерная дискриминация в социальных сетях с использованием «языка вражды» (*hate speech*) (Результаты авторского социологического исследования) // Социологические дебюты : альманах. Минск, 2016. С. 168–172.

References

1. Kon I. [Men's role and gender order]. *Vestnik obshchestven. mneniya* [Bull. of public opin.]. 2008. No. 2 (94). P. 37–42. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2010/12/13/1214862047/5.pdf> (date of access: 15.01.2015) (in Russ.).
2. [Gender gap index according to the World Economic Forum]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/global-gender-gap-index/info> (date of access: 15.01.2015) (in Russ.).
3. [8 facts about inequality between men and women]. URL: <http://apparat.cc/world/global-gender-gap/> (date of access: 15.01.2015) (in Russ.).
4. Tupikov G. E. [Gender discrimination in social networks using the «hate speech». (Results of the author's sociological research)]. *Sotsiologicheskie debyuty* [Sociological debuts] : almanac Minsk, 2016. P. 168–172 (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 03.02.2018.
Received by editorial board 03.02.2018.

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ...

IN ORDER TO REMEMBER...

**ПРОФЕССОР ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ СТЕПАНОВ – ФИЛОСОФ,
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, ВОСПИТАТЕЛЬ МОЛОДЕЖИ
(к 115-летию со дня рождения)**

**PROFESSOR VASILY IVANOVICH STEPANOV – PHILOSOPHER,
RESEARCHER, YOUTH EDUCATOR
(on the occasion of the 115th anniversary of his birth)**

Неумолим бег времени, и остается все меньше тех людей, кто лично знал Василия Ивановича Степанова и кого вводил он в мир философии. Автор этих строк имел честь учиться у Василия Ивановича в аспирантуре (1968–1971), затем работать на кафедре, которой руководил В. И. Степанов, быть его заместителем по научной работе.

Василий Иванович родился 13 марта 1903 г. в селе Золотое Камышинского уезда (ныне – Красноармейский район Саратовской области) в крестьянской семье. С юношеских лет он связал свою жизнь с комсомолом, партией большевиков. Восторженно принял Октябрьскую революцию и защищал ее идеалы на фронтах Гражданской войны. В 20 лет он вступил в ряды компартии, в 1929 г. направился на учебу в Академию коммунистического воспитания имени Н. К. Крупской, где получил философское образование, которое продолжил в аспирантуре академии. В 1935 г. В. И. Степанов успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Н. Г. Чернышевский и диалектический материализм».

С 1935 г. В. И. Степанов начал свою педагогическую и научную деятельность в учреждениях высшего образования: в разные годы был заведующим кафедрой философии, деканом исторического факультета и проректором по научной работе Сталинградского педагогического института. С первых дней Великой Отечественной войны В. И. Степанов преподавал в Высшем военном зенитном училище, с 1944 г. в составе действующей армии освобождал Беларусь, Польшу, Германию, участвовал в Берлинской наступательной операции. За боевые заслуги награжден орденом Красной Звезды и боевыми медалями. В послевоенное время служба продолжалась в Группе советских войск в Германии.

В 1947 г. Василий Иванович был демобилизован и начал работать в Белорусском государственном университете, где возглавил кафедру философии, которой руководил до мая 1979 г. С 1947 г. кафедра стала обеспечивать и теоретическую подготовку студентов философского отделения исторического факультета. Профессор В. И. Степанов внес значимый вклад в подготовку философских кадров и развитие философии в Беларуси. Сразу после войны в разрушенном фашистами Минске занятия проходили в неотапливаемом подвале нынешнего географического корпуса. Преподаватели читали лекции, не снимая армейских шинелей. Без уважительных причин занятий никто не пропускал.

Василий Иванович всегда много работал, был прекрасным педагогом и вдумчивым исследователем. Он – автор интересных для своего времени работ по философским воззрениям М. В. Ломоносова, русских революционных демократов (В. Белинского, А. Герцена, Н. Добролюбова, Н. Чернышевского). При его непосредственном участии была подготовлена и опубликована в Москве коллективная монография белорусских философов под названием «О “Философских тетрадах” В. И. Ленина» (1959). Высокую оценку философской общественности страны получила и монография В. И. Степанова «Философские и социологические воззрения В. Г. Белинского» (1959), по материалам которой в 1960 г. он успешно защитил докторскую диссертацию. В 1961 г. Василию Ивановичу было присвоено звание профессора.

С 1962 по 1967 г. профессор В. И. Степанов – проректор по научной работе БГУ. Как руководитель кафедры и проректор университета Василий Иванович всегда много внимания уделял подготовке философских кадров и развитию науки. Он являлся членом Комитета по Ленинским премиям в области науки и техники при Совете Министров СССР (1962–1966), членом редколлегии журналов «Коммунист Белоруссии», «Вестник БГУ. Серия 3, История. Философия. Научный коммунизм. Экономика. Право», членом редакционного совета и научным консультантом 12-томной Белорусской советской энциклопедии, членом ученых советов по защите докторских диссертаций по философии БГУ и Института философии и права Академии наук БССР. Василий Иванович был всегда интересен и востребован как прекрасный лектор общества «Знание», несмотря на большую занятость постоянно выступал среди населения и в трудовых коллективах республики. Эта сторона деятельности В. И. Степанова была отмечена самой высокой наградой Всесоюзного общества «Знание» – памятной медалью имени С. И. Вавилова.

Тесные и плодотворные отношения связывали Василия Ивановича с Институтом философии и права Академии наук БССР. Здесь он осуществлял научное руководство по подготовке аспирантами кандидатских диссертаций. При непосредственном участии В. И. Степанова написаны и изданы совместные труды преподавателей руководимой им кафедры и сотрудников этого института: «Диалектический материализм как методология естественнонаучного познания» (1965), «Социальные изменения рабочего класса Белоруссии» (1965), «Структура советской интеллигенции» (1970) и др. В 1967 г. Василий Иванович был избран членом-корреспондентом Академии наук БССР.

Под руководством В. И. Степанова были написаны и опубликованы крупные монографические тру-

ды сотрудников кафедры философии естественных факультетов БГУ. Среди них особое место занимает работа «Вопросы диалектического материализма» (1976). Высокую оценку советских философов получила работа кафедры В. И. Степанова, подготовленная совместно с философами Иенского университета (ГДР). Василий Иванович был инициатором и одним из авторов книги «Общество против человека: критика антигуманной сущности современного капитализма» (1983). Труд был издан уже после смерти Василия Ивановича.

Профессор В. И. Степанов – автор более 100 научных трудов. Под его руководством подготовлены 4 докторских и более 30 кандидатских диссертаций. Два его ученика – Д. И. Широканов и Е. М. Бабосов – стали академиками НАН Беларуси, а В. С. Стёпин – академиком РАН. Они внесли большой вклад в развитие философии Беларуси и подготовку философских кадров и продолжают свою плодотворную работу. Докторами наук стали и многие сотрудники кафедры философии – Г. А. Левин, Н. И. Жуков, Ю. А. Гусев, А. А. Михайлов, Е. В. Петушкова, П. С. Карако, Л. А. Гуцаленко, М. И. Вишневский и др.

Особенно активными в проведении научных исследований были выпускники философского отделения конца 1960-х – первой половины 1970-х гг.: А. И. Зеленков, Т. И. Адуло, А. М. Байчоров, Т. П. Короткая, С. П. Винокурова, В. К. Лукашевич, Я. С. Яскевич, Л. Ф. Кузнецова и другие стали докторами философских наук, профессорами. Кроме того, А. И. Зеленков, С. П. Винокурова, В. К. Лукашевич, Я. С. Яскевич возглавили философские кафедры в учреждениях высшего образования страны и вносят вклад в подготовку студентов и научных кадров.

Нельзя не отметить и особого отношения Василия Ивановича к философским проблемам естествознания, укреплению союза философии и естествознания. Для развития данных направлений исследований в аспирантуру кафедры были приняты выпускники естественно-научных факультетов (Е. А. Дудко, П. С. Карако, Н. К. Кисель, М. И. Вишневский, Е. И. Янчук). В настоящее время профессор П. С. Карако, доценты Е. А. Дудко, Н. К. Кисель и Е. И. Янчук являются сотрудниками кафедры философии и методологии науки, преемницы кафедры В. И. Степанова. А профессор М. И. Вишневский долгие годы был первым проректором Могилёвского государственного университета, имени А. Кулешова а сейчас является заведующим кафедрой философии этого университета. Василий Иванович дружил с крупными учеными Беларуси (академики М. А. Ельяшевич, П. Ф. Ракицкий и др.). Представители естественных наук часто выступали с докладами на кафедре философии.

За плодотворную научную деятельность и подготовку научных кадров в 1977 г. В. И. Степанову было присвоено звание заслуженного деятеля науки Белорусской ССР. За многолетнюю педагогическую и научную работу он награждался орденами Трудового Красного Знамени и Октябрьской Революции, шестью Почетными грамотами Верховного Совета БССР.

Опытный педагог, исследователь и воспитатель молодежи, профессор Василий Иванович Степанов воплощал в себе лучшие качества ученого и преподавателя. Он обладал глубокими знаниями не только в философии, но и в других областях науки и культуры. Особый интерес проявлял к художественной литературе, внимательно следил за творчеством многих литераторов.

Активно делился со своими слушателями и собеседниками личным пониманием социальных, экономических и культурных процессов страны и мировых проблем. Его трудолюбие, принципиальность, скромность, высокие нравственные черты человека и гражданина – яркий пример служения тому обществу, в котором он жил, которое защищал и упрочению которого способствовал.

Умер Василий Иванович Степанов на 77-м году жизни после тяжелой болезни 22 мая 1979 г. Память о нем как о крупном ученом, чутком, доброжелательном и заботливом воспитателе и патриоте сохраняется в сердцах всех, кто имел честь слушать его лекции, получал советы по проводимым исследованиям и просто общался с ним.

Публикации о профессоре В. И. Степанове

1. Член-корреспондент АН БССР Василь Іванавіч Сцяпанаў (да 75-годдзя з дня нараджэння) // Весці Акад. навук БССР. Сер. грамад. навук. 1978. № 3. С. 133–134.
2. Василий Иванович Степанов (к 75-летию со дня рождения) // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3. Гісторыя. Філасофія. Навуковы камунізм. Эканоміка. Права. 1978. № 3. С. 85–86.
3. Василий Иванович Степанов // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3. Гісторыя. Эканоміка. Права. 1979. № 2. С. 92.
4. Буслэў К. П. У памяць аб сябру // Весці Акад. навук БССР. Сер. грамад. навук. 1979. № 4. С. 127–128.
5. Василий Иванович Степанов // Филос. науки. 1980. № 1. С. 190.
6. Степанов Василий Иванович // Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды. М., 1999. С. 761.

*П. С. Карako*¹

¹*Петр Семенович Карako* – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Petr S. Karako, PhD (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social science, Belarusian State University.

E-mail: kafedra628@gmail.com

ЮБИЛЕИ

JUBILEES

— — — — —

**Анатолий Игнатьевич
ЛЕВКО**

**Anatolii Ignat'evich
Levko**

— — — — —

Исполнилось 70 лет Анатолию Игнатьевичу Левко, доктору социологических наук, профессору, известному белорусскому ученому, главному научному сотруднику Института философии Национальной академии наук Беларуси.

Родился А. И. Левко 15 апреля 1948 г. в д. Островок Копыльского района Минской области. После окончания в 1966 г. Грозовской средней школы работал на предприятиях Минска рабочим. С июня 1967 г. по июнь 1969 г. служил в Вооруженных силах СССР. После демобилизации А. И. Левко стал учеником расточника – координатчика ремонтно-механического цеха Минского авторемонтного завода и поступил на вечернее отделение исторического факультета по специальности «философия» в БГУ имени В. И. Ленина. Уже на третьем курсе, в апреле 1972 г., бывшему фрезеровщику предложили должность инженера по научной организации труда и социологии отдела труда и заработной платы во вновь созданном ПО «Авторемонт», головным предприятием которого стал Минский авторемонтный завод. В 1975 г. начинается разработка плана социального развития Минска группой заводских

социологов под научным руководством профессора Г. П. Давидюка. В ее состав вошел и А. И. Левко, который с ноября того же года был зачислен младшим научным сотрудником сектора прикладной социологии НИО БГУ имени В. И. Ленина. В 1978 г. Анатолий Игнатьевич поступил в аспирантуру по специальности «прикладная социология» (на очную форму обучения), в 1980 г. окончил обучение досрочно, защитив кандидатскую диссертацию на тему «Формирование чувства хозяина социалистического производства в процессе трудовой деятельности промышленных рабочих» (научный руководитель – доктор философских наук, профессор Г. П. Давидюк). Диссертация была рекомендована специализированным советом к изданию и опубликована под названием «Воспитание чувства хозяина социалистического производства» (1984).

С 1980 г. А. И. Левко – научный сотрудник отдела идеологической работы, отдела социологии труда Проблемной научно-исследовательской лаборатории социологических исследований БГУ. В 1988 г. его перевели на должность старшего научного сотрудника для завершения работы над доктор-

ской диссертацией. Защита докторской диссертации на тему «Потребности личности в системе общественного развития» проходила в Институте философии и социологии Литовской ССР в Прибалтийском региональном специализированном совете по защите докторских диссертаций в 1990 г. Однако в связи с распадом СССР и объявлением Литвой своего суверенитета ВАК СССР не подтвердил результаты защиты диссертации.

В ноябре 1990 г., когда был учрежден Белорусский институт образования, А. И. Левко возглавил в нем отдел социологии образования, в котором проводились масштабные социологические исследования проблем жизненного самоопределения старшеклассников общеобразовательных школ, охватившего все регионы Беларуси. В 1992 г. в совете по защите докторских диссертаций при Институте социологии Академии наук Беларуси он успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Социально-культурная сущность образования». В 1985 г. Анатолию Игнатъевичу присвоено ученое звание старшего научного сотрудника, а в 1994 г. – профессора в области социологии культуры, образования и науки.

Профессор А. И. Левко активно работает в сфере подготовки кадров высшей научной квалификации, входит в состав докторского совета по защите диссертаций по философским наукам при Институте философии НАН Беларуси. Целый ряд кандидатских и докторских диссертаций в области философии, социологии и педагогики защищены под его научным руководством.

Профессор А. И. Левко – активно работающий ученый, его исследования чаще носят междисциплинарный характер, в них исследуются актуальные проблемы современности. В настоящее время он является научным руководителем темы

республиканского исследования «Духовно-нравственные и образовательно-воспитательные основы консолидации и развития современного белорусского общества в условиях вызовов и угроз».

Анатолий Игнатъевич – автор монографий и фундаментальных статей, опубликованных в ведущих научных изданиях, по проблемам теории, методологии и истории социологии, социальной философии и педагогики образования, среди них: «Роль образования в системе культуры» (1992), «Социальные проблемы образования: история и современность» (1993), «Социокультурные факторы формирования личности ученика общеобразовательной школы» (1999, в соавторстве), «Проблема ценности в системе образования» (2000, в соавторстве), «Теоретико-методологические проблемы образования: социокультурный анализ» (2003), «Социальная педагогика» (2003), «Социология права» (2006, в соавторстве), «Этико-эстетические основы правовой деятельности» (2008), «Педагогика творчества» (2008). В 2016 г. в издательстве «Palmarium» (Германия) увидела свет монография А. И. Левко «Актуальные вопросы правовой этики» (в соавторстве с П. Г. Мартысюком). К юбилею в издательстве НАН Беларуси «Беларуская навука» подготовлена к печати новая работа профессора А. И. Левко «Философия, наука и образование в эпоху глобализации».

Белорусское общественное объединение «Социологическое общество», Институт философии НАН Беларуси, факультет философии и социальных наук БГУ, редколлегия журнала, друзья и коллеги искренне поздравляют Анатолия Игнатъевича с юбилеем и желают крепкого здоровья, благополучия и новых творческих успехов.

Редколлегия

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

- Рубанов А. В.* Свобода и справедливость в поведении людей: социально-исторический очерк 4
Антонович И. И. Кризис панатлантизма и «ускользающая реальность» 12

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

- Левко А. И.* Знание как фактор консолидации и развития общества 21
Дождикова Р. Н. Обыденное познание и некоторые проблемы когнитивной социализации 30
Щербин В. К. Конструирование новых типов интеграционных пространств и белорусские стратегические инициативы 41

К 200-ЛЕТИЮ К. МАРКСА

- Шавель С. А.* Эвристическая перспектива марксистской социологии: к 200-летию со дня рождения Карла Маркса 47
Смирнов В. Э. Маркс о социальном прогрессе и страхи испуганного общества: марксистский взгляд 63
Михайловский В. С. Маркс и виртуальная реальность: эволюция пространства антикапиталистической борьбы 73

ДИСКУССИЯ

- Титаренко Л. Г.* Современные интеграционные процессы в сфере высшего образования: предпосылки, закономерности, перспективы 82
Шамякина Т. И. Социально-психологические паттерны в массовом сознании постсоветского общества (статья вторая) 91
Новик Е. К. Социально-гуманитарное знание и образование: парадоксы развития 105

КУРС ПО ВЫБОРУ

- Можейко М. А.* О самом греховном: мистический символизм как форма проявления эротизма в средневековой Европе 113

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

- Данилов А. Н., Грищенко Ж. М., Щелкова Т. В.* Студенчество цифровых технологий: смысловые инварианты духовных практик 125
Широканова А. А. Установки в отношении социального обеспечения в Польше и России: результаты Европейского социального исследования 135
Назарова Д. В. Особенности мотивационно-стимулирующего механизма трудовой активности в современной Беларуси 144
Лебедева Е. В. Город как культурно-образовательное пространство 152

В КОНСПЕКТ СОЦИОЛОГА

- Бурова С. Н.* Гендерные исследования в Беларуси: история, социальный контекст, персоны 161

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ...

- Карако П. С.* Профессор Василий Иванович Степанов – философ, исследователь, воспитатель молодежи (к 115-летию со дня рождения) 169

ЮБИЛЕИ

- Анатолий Игнатьевич Левко 172

CONTENTS

ARTICLES AND REPORTS

<i>Rubanau A. V.</i> Freedom and justice in human behavior: socio-historical essay.....	4
<i>Antonovich I. I.</i> Crisis of panatlanticism and «elusive reality»	12

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

<i>Levko A. I.</i> Knowledge as a factor of consolidation and development of society	21
<i>Dozhdikova R. N.</i> Everyday cognition and some problems of cognitive socialization	30
<i>Shcherbin V. K.</i> Designing new types of integration spaces and Belarusian strategic initiatives.....	41

TO THE 200th ANNIVERSARY OF K. MARX

<i>Shavel S. A.</i> Heuristic perspective of marxist sociology: to the 200 th anniversary of Karl Marx birthday	47
<i>Smirnov V. E.</i> Marx about the social progress and fears of a frightened society: Marx's opinion	63
<i>Mikhailouski V. S.</i> Marx and virtual reality: the evolution of the area of anti-capitalist struggle.....	73

DISCUSSION

<i>Titarenko L. G.</i> Modern integration processes in the sphere of higher education: prerequisites, regularities, perspectives.....	82
<i>Shamyakina T. I.</i> Social-psychological patterns in the mass consciousness of the post-Soviet society (second article)	91
<i>Novik E. K.</i> Socio-humanitarian knowledge and education: development paradoxes	105

OPTION COURSE

<i>Mojeiko M. A.</i> About the most sinful: mystical symbolism as a form of manifestation of eroticism in Medieval Europe	113
---	-----

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

<i>Danilov A. N., Grishchenko Z. M., Scholkova T. V.</i> Students of the digital technologies: semantic invariants of the spiritual practices	125
<i>Shirokanova A. A.</i> Attitudes towards the welfare state in Poland and Russia: European Social Survey results.....	135
<i>Nazarova D. V.</i> The features of motivational-stimulating mechanism for labor activity in current Belarus.....	144
<i>Lebedzeva E. V.</i> The city as a cultural and educational space	152

SYNOPSIS OF A SOCIOLOGIST

<i>Burova S. N.</i> Gender research in Belarus: history, social context, persons	161
--	-----

IN ORDER TO REMEMBER...

<i>Karako P. S.</i> Professor Vasily Ivanovich Stepanov – philosopher, researcher, youth educator (on the occasion of the 115 th anniversary of his birth)	169
---	-----

JUBILEES

Anatolii Ignat'evich Levko	172
----------------------------------	-----

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по социологическим, политическим и философским наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. Социология.
№ 1. 2018**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

«Журнал Белорусского государственного
университета. Социология» издается с сентября 1997 г.
До 2017 г. выходил под названием «Социология»
(ISSN 2071-0968).

Редакторы *С. Е. Богуш, О. Л. Диброва, Е. В. Павлова*
Технические редакторы *Т. А. Караневич,*
Ю. А. Тарайковская
Корректор *О. С. Гладкова*

Подписано в печать 04.05.2018.

Тираж 175 экз. Заказ 129.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2018

**Journal
of the Belarusian State University. Sociology.
No. 1. 2018**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

«Journal of the Belarusian State University. Sociology»
published since September 1997.
Until 2017 named «Sotsiologiya»
(ISSN 2071-0968).

Editors *S. J. Bohush, O. L. Dibrova, E. V. Pavlova*
Technical editors *T. A. Karanovich,*
Y. A. Taraikouskaya
Proofreader *O. S. Gladkova*

Signed print 04.05.2018.

Edition 175 copies. Order number 129.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 3 March, 2014.
17 Kal'variiskaya Str., Minsk 220004.

© BSU, 2018